

ISSN 2221-2698

сетевой научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 50
2023**

Архангельск

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50

«Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R (2011); научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: EBSCO Publishing, США (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Журнал включен в перечень авторитетных научных изданий («Белый список»), во 2й квартиль (Q2) в сводном рейтинге журналов RSCI и во 2й квартиль (Q2) в рейтинге журналов RSCI по тематике OECD 507. Social and Economic Geography. Выходит в свет не менее 4 раз в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера издания находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в сети Интернет на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике размещены на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Издание публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 5.2 (08.00.00) Экономические науки; 5.4 (22.00.00) Социологические науки; 5.5 (23.00.00) Политология. Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию статей в издании «Арктика и Север» и их размещение в базах данных, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

“Arctic and North” (also known as “Arktika i Sever”) is registered at Roskomnadzor (Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications) as an online media published in Russian and English: Registration certificate Эл No. ФС77- 78458, issued on the 8th of June 2020; at the system of eLIBRARY, license contract no. 96-04/2011R (2011); Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (2016); and in the catalogs of international databases: EBSCO Publishing, USA (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013), Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013), NSD, Norway (2015), InfoBase Index, India (2015), ERIH PLUS, Norway (2016), MIAR, Spain (2016), OAJI (2017), RSCI based on Web of Science (2018). The journal is included in the List of authoritative scientific publications ("The White List"), in the List of Q2 RSCI Journals, and in the List of Q2 RSCI Journals on the Subject of OECD 507. Social and Economic Geography. The journal is issued not less than 4 times a year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations of submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal publishes the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 5.2 (08.00.00) Economics; 5.4 (22.00.00) Social science; 5.5 (23.00.00) Political science.

No publication fees are charged. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The fact of submitting manuscripts is considered as the assignment of copyright to publish an article in the Arctic and North journal and to place it in databases, which contributes to the promotion of the publication activity of the authors and meets their interests.

We will be glad to see you among the authors of “Arctic and North”!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- БЕЛОВ С.В., СКРИПНИЧЕНКО В.А.** Пространственная организация национальной экономики при освоении месторождений цветных металлов в западной части российской Арктики 5
BELOV S.V., SKRIPNICHENKO V.A. Spatial Organization of the National Economy in the Development of Non-Ferrous Metal Deposits in the Western Part of the Russian Arctic
- КОРЧАК Е.А.** Проблемы и возможности развития моногородов российской Арктики 23
KORCHAK E.A. Challenges and Opportunities for the Development of Single-Industry Towns in the Russian Arctic
- МУСТАФАЕВ А.А., НАЙДЕНОВ Н.Д., НАЙДЕНОВА Т.А.** Ключевые аспекты развития экономического потенциала АПК регионов Севера (на примере Республики Коми) 47
MUSTAFAEV A.A., NAYDENOV N.D., NAYDENOVA T.A. Key Aspects of the Economic Potential Development of the Agro-Industrial Complex of the Northern Regions (Case Study of the Komi Republic)
- ФИЛИМОНОВА И.В., ИВАНОВА М.В., КУЗНЕЦОВА Е.А., КОЗЬМЕНКО А.С.** Оценка эффективности организации новых центров экономического роста в Арктике 66
FILIMONOVA I.V., IVANOVA M.V., KUZNETSOVA E.A., KOZMENKO A.S. Assessment of Effectiveness of New Economic Growth Centers in the Arctic

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

- АКИМОВ Р.Х.** Арктика с китайской спецификой 89
AKIMOV R.Kh. The Arctic with Chinese Characteristics
- БХАГВАТ Д.В.** Морское судоходство в Арктике: вызовы и возможности повышения безопасности должны найти отражение в транспортной политике государства 109
BHAGWAT J.V. Maritime Shipping in the Arctic: Challenges and Opportunities to Improve Safety Must Be Reflected in the State's Transport Policy
- ТЕТЕРИН А.В.** Профилактика и разрешение конституционных конфликтов на территории Арктической зоны Российской Федерации 127
TETERIN A.V. Prevention and Resolution of Constitutional Conflicts in the Arctic Zone of the Russian Federation

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- КУРАТОВА Л.А.** Особенности цифровизации пространства арктических регионов России 154
KURATOVA L.A. Features of Digitalization of the Arctic Regions of Russia
- РОМАШКИНА Ю.В.** Дифференциация северных регионов России по состоянию трудового потенциала 175
ROMASHKINA Yu.V. Differentiation of the Northern Regions of Russia in Terms of Labor Potential
- САБУРОВ А.А., НИКИФОРОВ А.С., МИНЧУК О.В.** Состояние сохранности ненецкого языка в Ненец- 189

ком автономном округе: по материалам социологического исследования

SABUROV A.A., NIKIFOROV A.S., MINCHUK O.V. Preservation of the Nenets Language in the Nenets Autonomous Okrug: Based on Sociological Survey

ТРАПИЦЫН С.Ю., ГРАНИЧИНА О.А., АГАПОВА Е.Н., ЖАРОВА М.В. Здоровье как индикатор качества жизни и субъективного благополучия детей и молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

TRAPITSIN S.Yu., GRANICHINA O.A., AGAPOVA E.N., ZHAROVA M.V. Health as an Indicator of the Quality of Life and Subjective Well-Being of Children and Youth of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation

211

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

ГОЛДИН В.И. Север на страницах энциклопедических изданий о Гражданской войне в России: проблемы интерпретации и репрезентации

GOLDIN V.I. The North on the Pages of Encyclopedic Editions on the Civil War in Russia: Problems of Interpretation and Representation

234

ЛУКИН Ю.Ф. 2022: Российская Арктика во времена перемен

LUKIN Yu.F. 2022: The Russian Arctic in Times of Change

249

ТЕРЕБИХИН Н.М. Земская традиция как особо ценное нематериальное культурное наследие Русского Севера (сакральная география и геософия севернорусского мира)

TEREBIKHIN N.M. Zemstvo Tradition as a Particularly Valuable Intangible Cultural Heritage of the Russian North

272

ФИЛИН П.А. Проект «Устная память Арктики» как аудиовизуальный ресурс по истории изучения и освоения Арктики

FILIN P.A. The Project "Arctic Oral Memory" as an Audiovisual Resource on the History of the Arctic Exploration and Exploitation

286

Редакционный совет журнала «Арктика и Север»

Editorial board of the "Arctic and North" journal

293

Выходные данные

Output data

295

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 5–22.

Научная статья

УДК [553.3/.9:33](985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.5

Пространственная организация национальной экономики при освоении месторождений цветных металлов в западной части российской Арктики

Белов Сергей Валентинович^{1✉}, стажёр

Скрипниченко Владимир Александрович², доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор

¹ Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, 184209, Россия

² Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ belov.sergeiy@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-4439>

² v.skripnichenko@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4108-842X>

Аннотация. В статье проанализированы возможности исследования вопросов о межтерриториальном распределении экономики с учётом морских коммуникаций при освоении твёрдых полезных ископаемых в западном секторе российской Арктики на основе взаимодействия национальных и корпоративных интересов на региональном уровне. В данном регионе располагаются относительно крупные месторождения твёрдых полезных ископаемых. Освоение месторождений цветных металлов с учётом требований рационального природопользования является двигателем развития экономики западных арктических регионов России. Актуальной задачей является научное обоснование благоприятных условий для всестороннего развития морской деятельности, необходимого технологического и кадрового потенциала, получение экономической выгоды от использования отечественного морского потенциала, минерально-сырьевых ресурсов и пространств западной части российской Арктики в интересах обеспечения национальной безопасности, развития экономики, повышения благосостояния граждан Российской Федерации. Информационная база основана на использовании опыта освоения месторождений свинцово-цинковых руд в Арктике. Изучаемая тема согласуется с положениями региональной, отраслевой, а также пространственной экономики. Данная научная база позволяет обосновать пространственную организацию национальной экономики при освоении твёрдых полезных ископаемых в западной части российской Арктики.

Ключевые слова: пространственная организация, национальная экономика, твёрдые полезные ископаемые, морские коммуникации

Благодарности и финансирование

Авторы выражают искреннюю благодарность докторам экономических наук Козьменко С.Ю. и Ивановой М.В. за консультации.

* © Белов С.В., Скрипниченко В.А., 2023

Для цитирования: Белов С.В., Скрипниченко В.А. Пространственная организация национальной экономики при освоении месторождений цветных металлов в западной части российской Арктики // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 5–22. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.5

For citation: Belov S.V., Skripnichenko V.A. Spatial Organization of the National Economy in the Development of Non-Ferrous Metal Deposits in the Western Part of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 5–22. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.5

Spatial Organization of the National Economy in the Development of Non-Ferrous Metal Deposits in the Western Part of the Russian Arctic

Sergey V. Belov¹✉, Intern

Vladimir A. Skripnichenko², Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Geol. and Mineral.), Professor

¹ Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, 184209, Russia

² Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ belov.sergeiy@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-4439>

² v.skripnichenko@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4108-842X>

Abstract. The article analyzes the possibilities of studying the issues of the interterritorial distribution of the economy, taking into account maritime communications in the development of solid minerals in the western sector of the Russian Arctic on the basis of interaction of national and corporate interests at the regional level. Relatively large deposits of solid minerals are located in this region. The development of non-ferrous metal deposits, taking into account the requirements of rational nature management, is the engine of economic development in the western Arctic regions of Russia. An urgent task is the scientific substantiation of favorable conditions for the comprehensive development of marine activities, necessary technological and human potential, economic benefits from the use of domestic marine potential, mineral resources and spaces of the western part of the Russian Arctic in the interests of national security, economic development and improving the welfare of citizens of the Russian Federation. The information framework is based on the experience of developing lead-zinc ore deposits in the Arctic. The topic under study is consistent with the provisions of regional and sectoral economics, as well as spatial economics. This scientific basis makes it possible to substantiate the spatial organization of the national economy in the development of solid minerals in the western part of the Russian Arctic.

Keywords: *spatial organization, national economy, solid minerals, marine communication*

Введение

Актуальность темы исследования подтверждается составляющими теории новой экономической географии при исследовании вопросов о межтерриториальном распределении экономики с учётом морских коммуникаций и развития теоретических основ российской научной школы в вопросе пространственной организации национальной экономики при освоении твёрдых полезных ископаемых в западном секторе российской Арктики. Разработка месторождений цветных металлов в данном регионе имеет важное значение для экономики страны. В западной части российской Арктики открыты, наряду с нефтегазовыми месторождениями, запасы руд цветных металлов, часть из которых добывают, а новые месторождения следует включить в разработку. Геологическое картирование, поиск, оценка, разведка и добыча руд цветных металлов должны сопровождаться их переработкой и транспортировкой контейнеровозами к потребителям преимущественно морским путём. Проблема пространственной организации национальной экономики при освоении твёрдых полезных ископаемых в западной части российской Арктики является актуальной, её решение необходимо для целей освоения минерально-сырьевых ресурсов в хозяйственной деятельности России. Не требующим отлагательства является вопрос модернизации морских транспортных коммуникаций, имеющих стратегическое значение для экономической и национальной безопасности страны. В соответствии с государственной программой развития Арк-

тики¹ и Морской доктриной России², требуется значительная активизация производительных сил в пределах арктических территорий страны, в том числе в части освоения новых месторождений твёрдых полезных ископаемых.

Актуальная задача состоит в научном обосновании благоприятных условий для всестороннего развития морской деятельности, необходимого технологического и кадрового потенциала, получения экономической выгоды от использования отечественного морского потенциала, минерально-сырьевых ресурсов и пространств западной части российской Арктики в интересах обеспечения национальной безопасности, развития экономики, повышения благосостояния граждан Российской Федерации.

Постановка проблемы

Информационная база основана на использовании опыта освоения месторождений свинцово-цинковых руд в Арктике. Изучаемая тема согласуется с положениями региональной и отраслевой экономики, а также пространственной экономики, теорию которой пропагандировали зарубежные [1, Леш А.], [2, Кругман П.] и отечественные [3, Гранберг А.Г.], [4, Минакир П.А.], [5, Татаркин А.И., Литовский В.В.] учёные. Данная научная база позволяет обосновать пространственную организацию национальной экономики при освоении твёрдых полезных ископаемых в западной части российской Арктики. В работе показано влияние роли морских коммуникационных сетей в целях транспортировки руд и концентратов с горнодобывающих предприятий потребителям, а также в комплексной разработке природных ресурсов Арктики в единстве пространственного развития.

Данная научная база позволяет обосновать пространственную организацию национальной экономики при освоении твёрдых полезных ископаемых в западной части российской Арктики.

Методология

Целью исследования является решение поставленной задачи разработки пространственной организации морских коммуникаций для освоения месторождений цветных металлов в западной Арктике. Для достижения цели решаются перечисленные ниже задачи:

- обосновать дополнение теории пространственной и региональной экономики в части освоения месторождений цветных металлов корректировкой интересов региональной и отраслевой экономики в западной части Арктики;
- определить пространственную организацию национальной экономики, пространственное распределение экономических ресурсов западной части Арктической зоны России с учётом отечественного и зарубежного опыта освоения твёрдых полез-

¹ Государственная программа Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации". Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484. URL: <https://base.garant.ru/400534977/> (дата обращения: 20.07.2022).

² Морская доктрина Российской Федерации Утверждена Указом Президента Российской Федерации 31.07.2022 г. № 512. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48215> (дата обращения: 20.07.2022).

ных ископаемых арктического пространства;

- проанализировать региональное экономическое развитие и факторы состояния минерально-сырьевой базы западной Арктики для диагностики сдерживающих факторов эффективного освоения руд цветных металлов и пространственной организации национальной экономики;
- оценить уровень сбалансированности пространственной организации освоения месторождений цветных металлов в западной части Арктической зоны России от ценовой конъюнктуры и спроса на мировых рынках;
- предложить направления модернизации пространственной организации при освоении месторождений твёрдых полезных ископаемых на основе сбалансированности коммуникаций в западной Арктике в целях добычи, переработки и транспортировки минерально-сырьевых ресурсов;
- выявить влияние пространственной организации при освоении месторождений свинцово-цинковых руд в западной части Арктической зоны России в целях оценки роли региона в национальной экономике, его вклада в экономическое развитие страны.

Обсуждение

Пространственная организация национальной экономики и распределение экономических ресурсов как научная и методологическая основа используются при изучении социально-экономических механизмов в Арктике [6, Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э.], [7, Селин В.С., Ларичкин Ф.Д., Цукерман В.А., Горячевская Е.С.]. Также рассматривается региональное экономическое развитие и его факторы, оцениваются проблемы сбалансированности региональных социально-экономических комплексов, включая организацию морской коммуникационной сети, маршруты и акватории Северного морского пути при разработке минерально-сырьевых ресурсов (нефти, газа, твёрдых полезных ископаемых) [8, Иванова М.В., Козьменко А.С.], [9, Козьменко С.Ю.], [10, Кондратьев В.Б.].

Научные проблемы исследования социально-экономического механизма освоения месторождений цветных металлов в Арктике наиболее полно решаются в трудах [11, Додин Д.А., Иванов В.Л.], [12, Додин Д.А., Иванов В.Л., Каминский В.Д.], [13, Михайлов Б.К., Воробьев Ю.Ю., Кимельман С.А.], [14, Скрипниченко В.А.], [15, Череповицын А.Е., Липина С.А., Евсеева О.О.].

Освоение Арктики стратегически включено в систему интересов России, а разработка месторождений цветных металлов является одним из секторов национальной безопасности государства в соответствии с Конституцией РФ и Законом РФ «О недрах». Западная часть Арктической зоны России ограничивается по восточной границе пролива Вилькицкого (меридиан 105°54' в. д.). Изучаемый регион выделяется из территории российской арктической зоны по критерию локализации запасов полезных ископаемых, позволяющей обеспечить

добычу цветных металлов (меди, никеля, цинка и свинца). По указанному критерию следует выделить регион, включающий минерально-сырьевые центры добычи твёрдых полезных ископаемых в рамках опорных зон Западной Арктики. Государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов» содержит термины «приоритетные территории», к которым отнесена российская Арктика. Реализация Программы даст условия для стабильного развития Заполярья, для развития добывающей и обрабатывающей промышленности на приоритетных территориях путём разработки руд цветных металлов. Наиболее перспективными для разработки являются Павловское месторождение свинцово-цинковых руд на архипелаге Новая Земля, а также аналогичные месторождения на острове Вайгач и на Полярном Урале. Перечисленные месторождения располагаются в пределах западного сектора российской Арктики. Транспортировка руд и концентратов цветных металлов осуществляется преимущественно морским путём. В Арктике добывают наряду с углеводородами, апатитовую и баритовую руду, платиноиды и золото, никель, медь и кобальт. Запланировано освоение месторождений цинка и свинца.

Развитие экономики западной части Арктики России на основе отечественного и зарубежного опыта освоения твёрдых полезных ископаемых

Грузовые перевозки по морским арктическим трассам почти полностью представлены грузами, которые необходимо доставлять при добыче полезных ископаемых. Авторами затронуты только вопросы транспортировки медно-никелевых руд, свинцово-цинковых руд, руд редких и благородных металлов. Отечественный и зарубежный опыт пространственной организации при освоении месторождений цветных металлов в западной части российской Арктики показывает, что развитие региона имеет большие перспективы роста (в два раза). Перспективы открытия месторождений цветных металлов имеют место на арктических территориях России, США, Канады и Гренландии ³.

Анализ табл. 1 показывает, что российская арктическая территория располагает самым богатым разнообразием руд цветных металлов по сравнению с зарубежными странами. Наибольший рост добычи цветных металлов в западной части российской Арктики геологи прогнозируют на Кольском полуострове, в Карелии, в Архангельской области, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах.

Пространственная организация национальной экономики в западной части Арктической зоны России предполагает связь рудников, карьеров, шахт с морскими портами и трассами морей Северного Ледовитого океана.

Развитие пространственной организации определяется факторами:

- повышенное внимание к арктическим территориям на международном уровне, включая многочисленные исследовательские проекты;

³ Полезные ископаемые в Арктике. Ознакомление. Издатель: НГУ. Геологическая служба Норвегии. Издательство: Слипнес Коммуникашон АС. 1-ое издание 2016. URL: https://www.ngu.no/sites/default/files/Mineral_Resources_Artic-Russian_screen.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

- сбалансированность арктических социально-экономических комплексов в России и в зарубежной Арктике на основе минерально-сырьевого потенциала;
- оценка роли западной Арктики в национальной экономике, её вклад в экономическое развитие страны на базе новых крупных месторождений цветных металлов;
- мониторинг социально-экономического развития западной части российской Арктики анализ динамики освоения стратегических полезных ископаемых;
- достижение доступа за счёт долгосрочного открытия морских трасс в Арктике в сочетании с широким доступом к контейнеровозам ледового класса и атомным ледоколам.

Подготовка месторождений цветных металлов для разработки, для строительства инфраструктуры, необходимой при добыче и транспортировке руд, является результатом поиска, оценки и разведки запасов месторождений, которые доказывают рентабельность освоения минерально-сырьевых ресурсов в Арктике. Месторождения цветных металлов на территориях с логистическими сложностями должны иметь высокие содержания полезного компонента в руде или иметь крупные запасы, чтобы привлечь значительные инвестиции со стороны отечественных и зарубежных инвесторов.

Таблица 1
Минеральные ресурсы твёрдых полезных ископаемых Арктики [10, Кондратьев В.Б.]⁴

Страна	Ресурсы
Дания (Гренландия)	Золото, молибден, никель, элементы платиновой группы, редкоземельные металлы (тантал, ниобий)
Канада	Алмазы, золото, гипс, железная руда, свинец, уран, цинк
США (Аляска)	Цинк (67 млн т), свинец (67,6 млн т)
Швеция	Железная руда (2413 млн т)
Норвегия	Железная руда (1000 млн т)
Россия	Апатиты, керамическое сырьё, уголь, кобальт, медь, алмазы, золото, гипс, железная руда, молибден, никель, палладий, платина, серебро, драгоценные камни, редкоземельные металлы, олово, титан, цинк. Общая стоимость запасов — 1.5-2 трлн дол.

На рис. 1 показана схема пространственной организации освоения свинцово-цинковых месторождений в западной части Арктической зоны России.

Региональное пространство	Месторождения Новой Земли и Полярного Урала
Приморские территории Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ	Существующая и планируемая инфраструктура (морские коммуникации)
Акватории Баренцево море, Печорское море, Карское море	Пункты отгрузки Рейдовые перевалочные комплексы Баренцева моря Флот Контейнеровозы, сухогрузы, вспомогательные суда, ледоколы Портовые комплексы

⁴ Источник: URL: <https://mining-media.ru/ru/article/newtech/15541-mineralnye-resursy-i-budushchee-arktiki> (дата обращения: 20.07.2022).

Мурманск, Архангельск, Амдерма, строящиеся «Порт на Новой Земле» и «Индиго»

Рис. 1. Схема пространственной организации освоения свинцово-цинковых месторождений в западной части Арктической зоны России.

Предпосылки и сдерживающие факторы эффективного освоения руд цветных металлов и пространственной организации национальной экономики в западной части Арктической зоны России

В последние годы в России произошло восстановление системы стратегического планирования, определены планы пространственного и экономического развития государства, в том числе арктических территорий с месторождениями цветных металлов. Освоение арктических территорий предусмотрено государственными документами, которые определяют усиление развития трасс Северного морского пути как международной морской коммуникации и транзитного коридора в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Северный морской путь имеет огромное значение для прибрежных территорий, имеющих выход к арктическому побережью с протяжённой береговой линией и слабым развитием наземных коммуникаций. Значительна роль связи морских трасс с речными водными путями и железной дорогой для транспортировки руд и рудных концентратов цветных металлов. Проблемы пространственного развития морских коммуникаций для добычи руд цветных металлов состоят в необходимости строительства новых морских портов и реконструкции известных портов, строительства ледостойких контейнеровозов, установки современного навигационного оборудования на трассе Северного морского пути [16, Белов С.В., Скрипниченко В.А.].

Основные проблемы создания арктических морских коммуникаций:

- на морских коммуникациях преобладают отрицательные температуры в течение года, изменяется уровень моря в приливно-отливной зоне, усложняет обстановку наличие морских льдов и айсбергов на трассах; при осуществлении поисковых и разведочных работ, разработки месторождений и транспортировки руд требуется гидрометеорологическое наблюдение за обстановкой в акваториях;
- следует установить мониторинг при транспортировке руд, чтобы избежать утечек нефтепродуктов с транспортных судов, которые могут нанести вред окружающей среде;
- необходимо строительство и обустройство автозимников на прибрежных территориях от горнодобывающих предприятий до портовых комплексов в зимние сезоны;
- рентабельным является использование наземных коммуникаций для перевозки руд железнодорожным транспортом при долгосрочном освоении месторождений, так как строительство железных дорог также занимает большое количество времени.

Следует учитывать экологические риски и риски рентабельности разработки месторождений цветных металлов.

При транспортировке медно-никелевых руд и концентратов ведущую позицию занимают арктические порты, которые осуществляют круглогодичную поддержку навигации по маршруту Мурманск — Дудинка для обеспечения работы группы компаний ПАО «ГМК Норильский Никель». Данные действия стимулируют компании по освоению месторождений цветных металлов вкладывать инвестиции в создание специализированного флота (класса не ниже Arc7) и ледоколы [16]. До 2035 г. в мире в несколько раз запланировано увеличение потребления высокотехнологичных металлов. В Арктике открыты и оценены огромные геологические запасы цветных, редких, редкоземельных и благородных металлов, которые используются в России или могут быть проданы за рубеж. Добыча «батарейных» металлов проводится на арктических месторождениях в Мурманской области, в Красноярском крае и Якутии [16, Белов С.В., Скрипниченко В.А.].

Перспективы освоения месторождений цветных металлов связаны с расстоянием от месторождения до берега Северного ледовитого океана и судоходных рек, что позволяет использовать водный транспорт для доставки грузов. Пространственная организация коммуникаций при добыче цветных металлов является совокупностью водных, наземных и воздушных путей. Для эффективной работы указанных магистралей потребуется строительство новых портовых комплексов, станций и аэропортов в условиях Заполярья.

В Норильском районе Красноярского края десятки лет проводится добыча медно-никелевых руд с попутным извлечением редких элементов и металлов платиновой группы. Транспортные коммуникации включают портовый комплекс Дудинка, морские и речные суда, железнодорожные ветки, аэропорт Алыкель, самолёты и вертолёты. Концентраты руд цветных металлов морским путём контейнеровозами доставляют в порт Мурманск и потребителям в страны Европы, Азии и Америки [16]. ПАО «Норильский никель» относится к крупнейшим в мире производителям никеля, палладия, платины и меди. Компания имеет Заполярный филиал в Красноярском крае, Кольскую горно-металлургическую компанию на Кольском полуострове и активы за рубежом. К Заполярному филиалу относятся шесть рудников (Заполярный, Маяк, Комсомольский, Октябрьский, Скалистый, Таймырский), один карьер Медвежий ручей, три обогатительных фабрики (Норильская, Талнахская, Агломерационная), три металлургических завода (Медный, Никелевый, Надежда), один аффинажный завод (Красноярск), три газовых месторождения (Пелятка, Соленое, Мессояха), одна Хантайская ГЭС. Кольская горно-металлургическая компания объединяет три рудника Центральный, Северный-Глубокий, Каула-Котсельваара, обогатительную фабрику Заполярную, обжиговой цех в Печенге, рафинировочный завод в Мончегорске, плавильный цех в Никеле. Дудинка является крупнейшим портом Сибири, он получил статус международного порта. Порт круглогодично связан морским путем с портом в Мурманске и в Архангельске, а летом функционирует речное сообщение с портом Красноярска и Диксона. Железнодорожное и автомобильное сообщение круглый год налажено между портом Дудинкой и городом Норильском, а также аэропортом Алыкель [17, Тархов С.А.].

На архипелаге Новая Земля в Архангельской области открыто свинцово-цинковое месторождение Павловское. Запасы руды на месторождении защищены в Государственной комиссии по запасам, к настоящему времени утверждён бизнес-план горно-обогатительного комбината. Портовый комплекс запланировано построить в бухте реки Безымянной, впадает в Баренцево море. Транспортировка цинкового и свинцового концентратов предусмотрена морским путём на запад в страны Европы, а также на восток в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В Ямало-Ненецком автономном округе на Полярном Урале известно Саурейское свинцово-цинковое месторождение [18, Контарь Е.С.], месторождение хромитов Рай-Из [19, Марков В.Е., Карелина Е.В., Эмсигаррелл Д.Ш.], золоторудное месторождение Новогоднее-Монто [20, Кузнецов В.И., Прямоносков А.П. Григорьев В.В.]. Перечисленные месторождения находятся в стороне от морского побережья и судоходных рек. Для разработки Саурейского месторождения следует предусмотреть строительство автомобильной трассы к железной дороге. На острове Вайгач в советский период добывали подземным способом свинцово-цинковые руды, месторождения которых законсервированы. В южной части острова Вайгач находится порт Варнек вблизи пролива Югорский шар.

В западной части Арктики перспективными для разработки являются Пижемское россыпное месторождение титана на севере Республики Коми [21, Понарядов А.В.], хромитовые месторождения Полярного Урала, Карелии и Кольского полуострова. За прошедшие 12 лет с 2008 по 2020 гг. в развитии Арктической зоны произошли следующие достижения [22, Журавель В.П.]:

- по Северному морскому пути морские транспортные перевозки существенно увеличились в объёмах с 1,9 млн т в 2006 г. до 26 млн т в 2019 г.;
- причиной роста количества морских перевозок является активное освоение месторождений полезных ископаемых: сжиженного природного газа, нефти, медно-никелевых руд и угля. Незначительный объём морских перевозок приходится на Северный завоз и международные транзитные перевозки;
- строятся новые отечественные суда-ледоколы;
- осуществляется защита природной среды Арктики и ликвидируются экологические последствия хозяйственной деятельности в СССР. После 2012 г. из российской Арктики вывезено более 80 тысяч т опасных отходов. В 2009 г. на Новой Земле начал функционировать национальный парк «Русская Арктика», который посещают туристы и студенты-практиканты;
- развитие Арктической зоны России подразумевает национальную безопасность северных границ страны. В Арктике с 2012 г. построено 475 военных объектов, 9 новых военных баз, реконструировано 16 глубоководных портов и восстановлено 13 аэродромов;

- в 2019 г. на Новой Земле размещены комплексы ЗРК С-400, вдоль арктических границ страны запланировано создание сплошного поля с радиолокационными станциями «Контейнер»;
- в 2035 г. объёмы перевозок по Северному морскому пути должны достигнуть 160 млн т. Развитие морских, речных, наземных и воздушных транспортных коммуникаций, модернизация телекоммуникационной инфраструктуры должны обеспечить высокий уровень благосостояния в Заполярье [16].

Экономическое освоение твёрдых полезных ископаемых зависит от текущих (традиционных) и перспективных (новых) тенденций (табл. 2).

Таблица 2

Тенденции освоения минерально-сырьевых ресурсов арктического региона

Традиционные	Новые
Увеличение себестоимости добычи руд цветных металлов на месторождениях Арктики	Начало разработки новых свинцово-цинковых месторождений Пайхойско-Новоземельского региона
Стагнация спроса традиционных потребителей руд цветных металлов в Европе	Значительный рост спроса на руды цветных металлов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

Происходит увеличение себестоимости добычи руд цветных металлов на арктических месторождениях и спад спроса среди потребителей руд цветных металлов в Европе. Необходимо планирование добычи на новых свинцово-цинковых месторождениях Пайхойско-Новоземельского региона в условиях глобального потепления при значительном росте спроса на руды цветных металлов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Степень зависимости пространственной организации освоения твёрдых полезных ископаемых в западной части Арктической зоны России от ценовой конъюнктуры и спроса

Транспортная удалённость арктических месторождений цветных металлов от потребителей является главным препятствием на пути усиления конкурентных экономических позиций России на рынках цветных металлов в странах Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с увеличением роста спроса на твёрдые полезные ископаемые со стороны стран Азии возросли международные потоки руды и концентратов в Китай, Корею и Японию.

В период с 2000 по 2019 гг. рост перевозимых объёмов составил 109%: с 50,0 млн т до 104,3 млн т. Произошло значительное повышение спроса на сырьё для аккумуляторов, в которых используются цветные и редкие металлы. За период с 2000 по 2018 гг. производство лития, галлия и кобальта увеличилось в несколько раз. Китай занимает первую позицию по импорту цинковой руды, так как строительство инфраструктурных объектов повышает спрос на оцинкованную сталь. Южная Корея является потребителем цинка в больших объёмах с импортом руды в 2019 г. в размере 2,07 млн т, что составило 16,7% мировой доли. В число ведущих импортёров цинкового концентрата входит Япония [23, Растяникова Е.В.].

Свинец необходим при изготовлении аккумуляторов, в приборах радиационной защиты на рентгеновских установках, в системе защиты ядерных реакторов, для контейнеров при перевозке радиоактивных материалов. Российский экспорт свинцового концентрата в Китай в 2019 г. вырос на 30% по сравнению с предыдущим годом, 368 тысяч т было продано в Китай, который является лидером в мире по производству рафинированного свинца, на его долю приходится около 50% выпущенного металла. Нарастает импорт свинцовых руд и концентратов Республика Корея, закупки сырья в 2015–2019 гг. увеличились на 8%. В Японии импорт свинцовой руды немного временно сокращался на 1% в год, опустившись до 132 тысяч т, или 3,9% от размера мирового импорта [23, Растяникова Е.В.].

Система морских транспортных коммуникаций Западной Арктики на сегодня развита слабо. Из девяти портов Западной Арктики возможность захода крупнотоннажных танкеров с дедвейтом от 45 000 т имеется только в Мурманске, Сабетте и Дудинке. Быстроразвивающиеся страны (Китай, Республика Корея, Япония) заинтересованы в импорте руд цветных металлов, которые могут быть добыты на месторождениях российской Арктики и доставлены по Северному морскому пути в страны Азиатско-Тихоокеанского региона [23, Растяникова Е.В.].

Направления модернизации пространственной организации при освоении месторождений твёрдых полезных ископаемых на основе сопряжения коммуникаций в западной части Арктической зоны России

В заполярье страны находятся семнадцать морских портов. Порты подразделяют по значимости на четыре группы. Первую группу составили порты, имеющие железнодорожные коммуникации: Мурманск, Витино, Кандалакша, Онега и Архангельск. Вторая группа представлена портами, которые обслуживают конкретные добывающие компании. Для нефтедобывающей компании «Лукойл» работает порт Варандей, а компанию «Норильский Никель» обслуживает порт Дудинка. Третья группа портов не имеет железнодорожных путей: Мезень, Нарьян-Мар, Амдерма, Сабетта, Диксон, Хатанга, Тикси, Анадырь, Певек, Эгвекинот, Беринговский, Провидения. К четвёртой группе отнесём проектируемый порт на Новой Земле в бухте Безымянной около Павловского свинцово-цинкового месторождения и проектируемый порт Индига на Северном Тимане в Ненецком автономном округе [24, Ботнарюк М.В.].

Строящийся глубоководный морской порт Индига перспективен при условии строительства железной дороги через Ненецкий автономный округ и Республику Коми. Расположение данного порта вблизи многочисленных рудопроявлений цветных металлов на Северном Тимане может дать возможность их доразведки и разработки. В порту запланированы угольный и нефтеналивной терминалы, терминал для сжиженного природного газа, перегрузочный комплекс и специализированные причалы. Строительство железнодорожной ветки Индига — Сосногорск длиной 612 км позволит связать порт с Северной железной дорогой Воркута-Москва. Печорский угольный бассейн отличается значительным потенциалом по

причине выгодного географического расположения и конкурентных преимуществ. Железная дорога от Коноши до Воркуты была построена в начале Великой Отечественной войны в рекордные сроки с использованием труда заключённых ГУЛАГа. По ней непрерывным потоком идут эшелоны с высококачественным воркутинским углём с 40-х гг. прошлого века и до настоящего времени. Проектируемая железная дорога Воркута — Усть-Кара (Усть-Кара — небольшой морской порт на Карском море) имеет значение для разработки месторождений углей Воркутинского, Хальмерьюского, Коротаихинского и Карского угленосных районов.

Строящийся морской порт на Новой Земле связан с проектом освоения Павловского месторождения, подписанным с трёх сторон в 2019 г. правительством Архангельской области и предприятиями Госкорпорации «Росатом» — АРМЗ и АО «Первая горнорудная компания». В Архангельской области будет создано более 800 рабочих мест для набора работников на горнорудное предприятие и портовый комплекс, будет создан дополнительный «фронт работ» для многих предприятий региона. Налоговые поступления в бюджет Архангельской области составят не меньше 1 млрд рублей в год.

Предусмотрен завоз необходимых строительных материалов, горного оборудования, добычных механизмов для строительства горнодобывающего комбината, обогатительной фабрики и портового комплекса, а также запланирован вывоз готовой продукции горно-обогатительного комбината: серебросодержащего свинцового и цинкового концентратов. Необходима доставка вахтовых смен на горно-обогатительный комбинат, предусмотрен завоз материалов для обеспечения деятельности комбината на месторождении, доставка горючего и транспортных средств; запланирован завоз продуктов питания.

Сооружение портового комплекса определяется характером глубин акватории для средств доставки грузов, технологическими требованиями безопасности. Портовый терминал будет сооружён на расстоянии 15–18 км от горно-обогатительного комбината [25, Белов С.В., Скрипниченко В.А.].

Портовый комплекс включает подходной фарватер и акваторию с приборами необходимого навигационного оборудования; предусмотрен причал перегрузочного комплекса концентратов руд; запланирована перевалка разнородных грузов; линии электропередач, система водоподготовки, водовод; автодороги, автомобильный мост через реку Бритвинка. Побережье в районе планируемого портового комплекса является сложным для размещения береговых транспортных коммуникаций. Архипелаг Новая Земля отличается суровыми условиями с продолжительной зимой, ветрами и метелями. Строительство портового комплекса планируется проводить в неосвоенной зоне архипелага. Условия строительства очень сложные, они характеризуются наличием многолетнемёрзлых пород. Следует осторожно относиться к процессам воздействия техники на высокочувствительные поверхности тундры.

Процесс модернизации арктической транспортной системы является сложной технологической задачей, главным при решении которой является рентабельная разработка месторождений и транспортировка руд цветных металлов.

Влияние пространственной организации при освоении месторождений свинцово-цинковых руд на развитие национальной экономики в западной части Арктической зоны России

Павловское свинцово-цинковое месторождение подготовлено к разработке горнодобывающим предприятием АО «Первая горнорудная компания». В 2019 г. начато проектирование горнодобывающего предприятия, добыча свинца и цинка в пределах Арктической зоны России не проводилась.

Саурейское месторождение свинца и цинка находится на Полярном Урале в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа. Разработка месторождения пока не проводится.

Амдерминское свинцово-цинково-флюоритовое месторождение находится на берегу Карского моря на Северном Пай-Хое у поселка Амдерма в пределах Ненецкого автономного округа. С 1932 по 1951 гг. на месторождении добывали флюорит; в настоящее время оно находится на консервации. Руды месторождения представлены флюоритом, сфалеритом, галенитом и пиритом. Содержание цинка в рудах колеблется от 0,33 до 1,11%, содержание свинца — 0,2%. На глубине 100 м концентрация свинца и цинка в руде в сумме возрастает до 1,5%. Свинцово-цинковые ресурсы не определены.

Свинцово-цинковые месторождения открыты на острове Вайгач, где с 1931 по 1934 гг. проводилась добыча руды. Обнаружены рудопроявления свинца и цинка на Северном Тимане. На участках с перечисленными рудопроявлениями требуется проведение дополнительной разведки силами геологоразведочных партий. Указанные рудопроявления будут иметь интерес для промышленности в случае строительства железнодорожных и автомобильных магистралей в проектируемых и реконструируемых портах Индига, Амдерма и Усть-Кара.

Разработка месторождений руд свинца и цинка на арктических территориях является новым направлением для российских добывающих отраслей. Не начата транспортировка грузов и добытой руды с Павловского месторождения на Новой Земле, Саурейского и Амдерминского месторождений на Полярном Урале. Одной из проблем является обеспечение региональной безопасности России в условиях борьбы за контроль над минеральными ресурсами Арктики.

Павловское месторождение расположено на Новой Земле Архангельской области на северо-западе Южного острова архипелага в 16–17 км на восток от устья реки Безымянная в пределах Безымянского полиметаллического минерагенического узла. В 2020 г. проведены геологоразведочные работы для оценки минеральных ресурсов в соответствии с кодексом JORC и инженерных изысканий в рамках технического исследования Pre-Feasibility study. Проведены повторные общественные слушания по вопросу оценки воздействия на окружающую среду. В 2021 г. проект «Павловское» включён в перечень проектов, планируемых к реализации в Арктической зоне России. Получено заключение экологической экспертизы проекта для строительства ГОКа и портового комплекса.

На февраль 2021 г. ресурсы Павловского оценены в 55 млн т при среднем содержании условного цинка 4%, ресурсы металлов: цинка — 2 млн т, свинца — 430 тыс. т, серебра — 30,3 млн унций. Такая оценка минеральных ресурсов подтверждает статус Павловского как крупнейшего в стране месторождения цинка среди новых проектов [17]. Программа бурения обеспечила достаточную степень достоверности оценки минеральных ресурсов в зоне карьера для открытых работ. Проведено геотехническое бурение с ориентированием керна. Оценка ресурсов месторождения Павловское получена на основе оптимизации контура карьера с прогнозной ценой на цинк 3 145 долл США за т, цены на свинец — 2 176 долл США за т и цены на серебро — 30 долл США за унцию. Извлечение цинка запланировано на 90%, извлечение свинца — 53%, извлечение в свинцовый концентрат серебра — 33%. Среднее содержание цинка — 6,32%, свинца — 1,26%, серебра — 42,57 г/т при бортовом содержании условного цинка 2%.

Инвестиционный проект «Павловское» направлен на эффективное освоение свинцово-цинкового месторождения. На базе месторождения будет создано горнодобывающее предприятие для добычи и переработки руд мощностью 3,5 млн т руды в год. Продукция представляет собой два вида концентрата: 1) свинцовый концентрат с содержанием серебра; 2) цинковый концентрат. Годовое производство концентратов в среднем составит: цинкового — 260 тыс. т в год, свинцового с попутным содержанием серебра — 67 тысяч т в год. В 20 км от обогатительной фабрики запланировано строительство причальных сооружений для погрузки контейнеров с концентратами на контейнеровозы. Горнодобывающее предприятие включает в свой состав карьер, обогатительную фабрику, хвостохранилище, электростанцию на сжиженном природном газе мощностью 30 МВт, вахтовый посёлок, складское хозяйство и другие объекты. Разработку месторождения предполагается осуществлять вахтовым методом круглый год. Численность персонала — 436 работников. Продолжительность разработки — до 14 лет.

Дальнейшая стратегия реализации проекта предусматривает осуществление строительных работ на объектах месторождения. Проектно-изыскательские работы включают изыскания и разработку проекта для строительства горно-обогатительного комбината, проведение необходимых согласований и экспертиз проектной документации; разработку рабочей документации для строительства ГОКа. В настоящее время в результате возникновения недружественных отношений России со странами Северной Европы следует рассматривать варианты планирования приоритетных направлений доставки свинцово-цинковых руд Павловского месторождения в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Конкурентоспособность реализации свинцово-цинковых руд может быть достигнута на этих направлениях с применением комбинации вариантов спроса и предложения со стороны потенциальных покупателей.

Выводы

Определена пространственная организация коммуникаций при освоении твёрдых полезных ископаемых минерально-сырьевой базы западной части Арктической зоны России. В Западной Арктике располагаются многочисленные месторождения твёрдых полезных ископаемых. Освоение месторождений цветных металлов с учётом требований рационального природопользования является базой для создания минерально-сырьевых центров. Важной задачей является обоснование необходимых условий для развития водных, наземных и воздушных коммуникаций, технологического и кадрового потенциала, получение экономической выгоды от использования коммуникаций, минерально-сырьевых ресурсов и пространств западной части российской Арктики в интересах обеспечения национальной безопасности, развития экономики, повышения благосостояния граждан Российской Федерации. Информационная база исследования основана на использовании опыта освоения месторождений свинцово-цинковых руд в Арктике.

Список источников

1. Леш А. Географическое размещение хозяйства. Москва, 1959. 216 с.
2. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–136.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. Москва: ИД ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
4. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
5. Татаркин А.И., Литовский В.В. Россия в Арктике: стратегические приоритеты комплексного освоения и инфраструктурной политики // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2014. Т. 17. № 3. С. 573–587.
6. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. «Третья миссия» в стратегиях развития арктических университетов // Арктика и север. 2019. № 34. С. 20–43. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20
7. Селин В.С., Ларичкин Ф.Д., Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Проблемы национальной индустриализации и промышленная политика ресурсно-сырьевых компаний Арктической зоны российской Федерации // Горный журнал. 2016. № 10. С. 25–30. DOI: 10.17580/gzh.2016.10.04
8. Иванова М.В., Козьменко А.С. Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6
9. Козьменко С.Ю. Прогнозирование и регулирование развития территориальных социально-экономических систем в условиях конверсии: диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук: 08.00.05. Санкт-Петербург, 1995. 292 с.
10. Кондратьев В.Б. Минеральные ресурсы и будущее Арктики // Горная промышленность. 2020. № 1. С. 87–96. DOI: 10.30686/1609-9192-2020-1-87-96
11. Додин Д.А., Иванов В.Л. Минерально-сырьевой потенциал российской Арктики и его роль в развитии экономики // Разведка и охрана недр. 2000. № 12. С. 17–23.
12. Додин Д.А., Иванов В.Л., Каминский В.Д. Российская Арктика — крупная минерально-сырьевая база страны: (к 60-летию ВНИИОкеангеология) // Литосфера. 2008. № 4. С. 76–92.
13. Михайлов Б.К., Воробьев Ю.Ю., Кимельман С.А. Значение минерально-сырьевой базы твёрдых полезных ископаемых в экономике России // Минеральные ресурсы России: Экономика и управление. 2008. № 3. С. 18–25.
14. Скрипниченко В.А. Социально-экономический механизм формирования производственных комплексов: На примере алмазного комплекса: диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук. Москва, ВЗФЭИ. 2000. 291 с.
15. Череповицын А.Е., Липина С.А., Евсеева О.О. Инновационный подход к освоению минераль-

- но-сырьевого потенциала Арктической зоны РФ // Записки Горного института. 2018. Т. 232. С. 438–444. DOI: 10.31897/PMI.2018.4.438
16. Белов С.В., Скрипниченко В.А. Проблемы пространственного развития водных и наземных коммуникаций в российской Арктике для добычи руд высокотехнологичных металлов // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6–5 (120). С. 104–108. DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.111
 17. Тархов С.А. Норильский промышленный район // Журнал «География». 2000. № 23. С. 16–23.
 18. Контарь Е.С. Геолого-промышленные типы месторождений, меди, цинка, свинца на Урале (геологические условия размещения, история формирования, перспективы): научная монография / отв. ред. Ручкин Г.В.; Департамент по недропользованию по Уральскому федеральному округу. (Уралнедра). Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2013. 199 с.
 19. Марков В.Е., Карелина Е.В., Эмсигаррелл Д.Ш. Структурная позиция хромитового оруденения на месторождении Центральное (полярный Урал) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Инженерные исследования. 2016. № 3. С. 41–50.
 20. Кузнецов В.И., Прямоносков А.П., Григорьев А.В. Золоторудное месторождение Новогоднее-Монто (Полярный Урал). История изучения // Уральский геологический журнал. 2002. № 6 (30). С. 125–130.
 21. Понарядов А.В. Минералого-технологические особенности ильменит-лейкокситовых руд Пижемского месторождения, средний Тиман // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. 2017. № 1 (265). С. 29–35. DOI: 10.19110/2221-1381-2017-1-29-36
 22. Журавель В.П. Россия в Арктике: итоги 2020 года и перспективы развития // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 89–95. DOI: 10.15211/vestnikieran120218995
 23. Растяникова Е.В. Мировой рынок ресурсов цветной металлургии // Восточная аналитика. 2020. № 3. С. 109–130. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-109-130
 24. Ботнарюк М.В. Анализ состояния и перспективы развития Северного морского пути // Вестник государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. 2013. № 1 (20). С. 186–194.
 25. Белов С.В., Скрипниченко В.А. Отечественный и зарубежный опыт пространственной организации производственных комплексов минерально-сырьевой базы твёрдых полезных ископаемых в Арктике // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6 (120). Ч. 5. С. 100–103. DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.110

References

1. Lesh A. *Geograficheskoe razmeshchenie khozyaystva* [Geographical Location of the Economy]. Moscow, 1959, 216 p. (In Russ.)
2. Krugman P. Prostranstvo: posledniy rubezh [Space: The Final Frontier]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 3, pp. 121–136.
3. Granberg A.G. *Osnovy regional'noy ekonomiki* [Fundamentals of Regional Economy]. Moscow, SU HSE Publ., 2004, 495 p. (In Russ.)
4. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya [Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2010, no. 2, pp. 6–32.
5. Tatarkin A.I., Litovsky V.V. Rossiya v Arktike: strategicheskie priority kompleksnogo osvoeniya i infrastrukturnoy politiki [Russia in Arctic: Strategic Priorities of Integrated Development and Infrastructure Policy]. *Vestnik MGTU* [Vestnik of MSTU], 2014, vol. 17, no. 3, pp. 573–587.
6. Kudryashova E.V., Sorokin S.E. “The third mission” in the Arctic universities’ development strategies. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 20–43. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20
7. Selin V.S., Larichkin F.D., Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Problemy natsional'noy industrializatsii i promyshlennaya politika resursno-syr'evykh kompaniy Arkticheskoy zony rossiyskoy Federatsii [Problems of National Industrialization and Industrial Policy of Resource Companies in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Gornyy zhurnal* [Mining Journal], 2016, no. 10, pp. 25–30. DOI: 10.17580/gzh.2016.10.04

8. Ivanova M.V., Kozmenko A.S. Prostranstvennaya organizatsiya morskikh kommunikatsiy Rossiyskoy Arktiki [Spatial Management of the Shipping Routes in the Russian Arctic]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2021, vol. 14, no. 2, pp. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6
9. Kozmenko S.Yu. *Prognozirovanie i regulirovanie razvitiya territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v usloviyakh konversii: dis. dok. ekon. nauk* [Forecasting and Regulation of the Development of Territorial Socio-Economic Systems in the Context of Conversion: Dr. Econ. Sci. Diss.]. Saint. Petersburg, 1995, 292 p. (In Russ.)
10. Kondratiev V.B. Mineral'nye resursy i budushchee Arktiki [Mineral Resources and Future of the Arctic]. *Gornaya promyshlennost'* [Mining Industry Journal], 2020, no. 1, pp. 87–96. DOI: 10.30686/1609-9192-2020-1-87-96
11. Dodin D.A., Ivanov V.L. Mineral'no-syr'evoy potentsial rossiyskoy Arktiki i ego rol' v razvitii ekonomiki [Mineral Resource Potential of the Russian Arctic and Its Role in the Development of the Economy]. *Razvedka i okhrana nedr* [Prospect and Protection of Mineral Resources], 2000, no. 12, pp. 17–23.
12. Dodin D.A., Ivanov V.L., Kaminsky V.D. Rossiyskaya Arktika — krupnaya mineral'no-syr'evaya baza strany (k 60-letiyu VNIIOkeangeologiya) [Russian Arctic Sector is the Great Mineral-Resources Base of this Country (To the Sixtieth Anniversary of VNIIOkeangeologiya)]. *Litosfera*, 2008, no. 4, pp. 76–92.
13. Mikhaylov B.K., Vorobyev Yu.Yu., Kimelman S.A. Znachenie mineral'no-syr'evoy bazy tverdykh poleznykh iskopaemykh v ekonomike Rossii [The Value of the Mineral Resource Base of Solid Minerals in the Russian Economy]. *Mineral'nye resursy Rossii: Ekonomika i upravlenie* [Mineral Resources of Russia. Economics and Management], 2008, no. 3, pp. 18–25.
14. Skripnichenko V.A. *Sotsial'no-ekonomicheskiy mekhanizm formirovaniya proizvodstvennykh kompleksov: Na primere almaznogo kompleksa: dis. dok. ekon. nauk* [Socio-Economic Mechanism for the Formation of Industrial Complexes: On the Example of the Diamond Complex: Dr. Econ. Sci. Diss.]. Moscow, 2000, 291 p. (In Russ.)
15. Cherepovitsyn A.E., Lipina S.A., Evseeva O.O. Innovatsionnyy podkhod k osvoeniyu mineral'no-syr'evogo potentsiala Arkticheskoy zony RF [Innovative Approach to the Development of Mineral Raw Materials of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Zapiski Gornogo instituta* [Journal of Mining Institute], 2018, vol. 232, pp. 438–444. DOI: 10.31897/PMI.2018.4.438
16. Belov S.V., Skripnichenko V.A. Problemy prostranstvennogo razvitiya vodnykh i nazemnykh kommunikatsiy v rossiyskoy Arktike dlya dobychi rud vysokotekhnologichnykh metallov [Problems of Spatial Development of Aquatic and Terrestrial Communications in the Russian Arctic for High-Tech Metals Extraction]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2022, no. 6–5 (120), pp. 104–108. DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.111
17. Tarkhov S.A. Noril'skiy promyshlennyy rayon [Norilsk Industrial Region]. *Geografiya* [Geography], 2000, no. 23, pp. 16–23.
18. Kontar' E.S. *Geologo-promyshlennyye tipy mestorozhdeniy, medi, tsinka, svintsa na Urale (geologicheskie usloviya razmeshcheniya, istoriya formirovaniya, perspektivy): nauchnaya monografiya* [Geological and Industrial Types of Deposits, Copper, Zinc, Lead in the Urals (Geological Conditions of Location, History of Formation, Prospects)]. Yekaterinburg, USGU Publ., 2013, 199 p. (In Russ.)
19. Markov V.E., Karelin E.V., McGarrell D.Sh. Strukturnaya pozitsiya khromitovogo orudneniya na mestorozhdenii Tsentral'noe (polyarnyy Ural) [Structural Position of Chromite Mineralization at the Deposit Central (Polar Urals)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Inzhenernye issledovaniya* [RUDN Journal of Engineering Research], 2016, no. 3, pp. 41–50.
20. Kuznetsov V.I., Pryamonosov A.P., Grigoryev A.V. Zolotorudnoe mestorozhdenie Novogodnee-Monto (Polyarnyy Ural). Istoriya izucheniya [Gold Deposit Novogodnee-Monto (Polar Urals). History of Study]. *Ural'skiy geologicheskii zhurnal* [Uralian Geological Journal], 2002, no. 6 (30), pp. 125–130.

21. Ponaryadov A.V. Mineralogo-tehnologicheskie osobennosti il'menit-leykoksenovykh rud Pizhenskogo mestorozhdeniya, sredniy Timan [Minerals and Processing Features of Ilmenite-Leucoxene Ores of Pizhenskoe Deposit, Middle Timan]. *Vestnik instituta geologii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN* [Vestnik IG Komi SC UB RAS], 2017, no. 1 (265), pp. 29–35. DOI: 10.19110/2221-1381-2017-1-29-36
22. Zhuravel V.P. Rossiya v Arktike: itogi 2020 goda i perspektivy razvitiya [Russia in the Arctic: The Results of 2020 and Development Prospects]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of IE RAS], 2021, no. 1, pp. 89–95. DOI: 10.15211/vestnikieran120218995
23. Rastyannikova E.V. Mirovoy rynek resursov tsvetnoy metallurgii [Global Non-Ferrous Metallurgy Resources Market]. *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics], 2020, no. 3, pp. 109–130. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-109-130
24. Botnaryuk M.V. Analiz sostoyaniya i perspektivy razvitiya Severnogo morskogo puti [Analysis of the State and Prospects for the Development of the Northern Sea Route]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota imeni admirala S.O. Makarova*, 2013, no. 1 (20), pp. 186–194.
25. Belov S.V., Skripnichenko V.A. Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt prostranstvennoy organizatsii proizvodstvennykh kompleksov mineral'no-syr'evoy bazy tverdykh poleznykh iskopaemykh v Arktike [Domestic and Foreign Experience of Spatial Organization of Mineral Raw Materials Manufacturing Complex Base of Solid Minerals in the Arctic]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2022, no. 6 (120), vol. 5, pp. 100–103. DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.110

*Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 01.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Арктика и Север. 2023. № 50. 23–46.
Научная статья
УДК [338.22+331.522+332.146.2](985)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.23

Проблемы и возможности развития моногородов российской Арктики

Корчак Елена Анатольевна^{1✉}, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

¹ Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, 184209, Россия

¹ elenakorchak@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1032-7184>

Аннотация. Широкий контекст динамики и перспектив развития российской Арктики в рамках достижения стратегических целей развития Арктической зоны РФ обозначает масштабность задач, решение которых состоит в актуализации, во-первых, рисков и возможностей экологизации и социальной ответственности вертикально интегрированных компаний, производственные филиалы которых ведут свою деятельность в Арктике, во-вторых, в поддерживающей роли государства как регулятора условий для развития бизнес-инициатив. Цель исследования составило выявление значимых факторов, оказывающих влияние на динамику социально-экономического развития и определение перспективных направлений развития моногородов российской Арктики. В число методов исследования вошли методы библиографического, сравнительного, экономико-статистического анализа. В результате исследования обоснованы критические факторы, ограничивающие возможности развития моногородов российской Арктики. Первую группу составляет состояние минерально-ресурсной базы, определяющее естественные пределы и цикличность производственной деятельности градообразующих предприятий. Вторая группа — глобальные кризисные явления, продуцирующие зависимость производства градообразующих предприятий от внешней конъюнктуры цен на сырьё и основные статьи экспорта. Третью группу составляют риски исполнения бюджетных обязательств. В совокупности такие факторы ограничивают возможности диверсификации экономики моногородов российской Арктики и развития в них предпринимательской активности. Выявлено, что перспективные возможности развития моногородов российской Арктики ограничены приоритетными направлениями инвестиционной деятельности вертикально интегрированных компаний и несовершенством государственных инструментов поддержки развития. Практическая значимость исследования определяется современной траекторией территориального развития в рамках общемировой стратегии устойчивого развития добывающих отраслей градообразующего характера, учитывающей не только риски, но и возможности.

Ключевые слова: моногород, российская Арктика, инвестиции, бюджет, градообразующее предприятие, безработица, территория опережающего развития, кризис

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00025 «Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических, минерально-сырьевых факторов».

* © Корчак Е.А., 2023

Для цитирования: Корчак Е.А. Проблемы и возможности развития моногородов российской Арктики // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 23–46. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.23

For citation: Korchak E.A. Challenges and Opportunities for the Development of Single-Industry Towns in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 23–46. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.23

Challenges and Opportunities for the Development of Single-Industry Towns in the Russian Arctic

Elena A. Korchak ¹✉, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher

¹ Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, 184209, Russia

¹ elenakorachak@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1032-7184>

Abstract. Broad context of the dynamics and prospects of Russian Arctic development within the framework of achieving its strategic objectives indicates the magnitude of the tasks, the solution of which consists in the actualization of, firstly, the risks and opportunities for environmental and social responsibility of vertically integrated companies, whose production branches conduct their activities in the Arctic, and, secondly, the supportive role of the state as the regulator of conditions for the development of business initiatives. The aims of the study are to identify significant factors that influence the dynamics of socio-economic development and to determine the prospects for the development of single-industry towns in the Russian Arctic. Research methods include bibliographical, comparative, economic and statistical analysis. The study substantiates the critical factors limiting the development opportunities of single-industry towns in the Russian Arctic. The first group is represented by the state of mineral resource base, which determines natural limits and cyclicity of production activities of city-forming enterprises. The second group is the global crisis phenomena, producing the dependence of production of city-forming enterprises on the external conjuncture of prices for raw materials and main export items. The third group includes risks of fulfilment of budgetary obligations. Taken together, these factors limit the opportunities for economic diversification of single-industry towns in the Russian Arctic and the development of entrepreneurial activity there. It has been revealed that the promising opportunities for the development of single-industry towns in the Russian Arctic are limited by the priority areas of investment activities of vertically integrated companies and imperfect state instruments of development support. The practical significance of the study is determined by the current trajectory of territorial development within the framework of the global strategy for sustainable development of extractive industries of a city-forming nature that takes into account not only risks, but also opportunities.

Keywords: *single-industry town, Russian Arctic, investment, budget, city-forming enterprise, unemployment, territory of advanced development, crisis*

Введение

Специфика промышленности в российской Арктике имеет градообразующее значение: большинство городов возводилось рядом с местами освоения минеральных ресурсов, а ресурсодобывающие предприятия для арктических городов стали градообразующими. Исходя из того, что под моногородом понимается территория конкретного муниципального образования (городского округа), где большинство производственных процессов нацелено на извлечение ресурсного сырья, объектами нашего исследования стали гг. Ямало-Ненецкого автономного округа Новый Уренгой, Ноябрьск, Муравленко, Губкинский; Мурманской области — гг. Кировск, Оленегорск, Мончегорск и городской округ Ковдорский район; Республики Коми — г. Воркута; и Красноярского края — г. Норильск.

Сегодня в Ямало-Ненецком АО нефтегазодобыча округа формирует порядка 95% валового регионального продукта с учётом межотраслевых связей [1, Вижина И.А., Золотовская Ю.Б., с. 65] (на НОВАТЭК приходится 17% газодобычи, 15% нефтедобычи, 47% добычи газового конденсата; на дочерние предприятия ГАЗПРОМА — 74%, 61%, 40%

соответственно; на РОСНЕФТЬ — 16% добычи нефти). Дочерними предприятиями ПАО «ГМК «Норильский никель»» (АО «Норильскгазпром», АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания», Заполярный филиал ПАО «ГМК «Норильский никель»») ведётся добыча и транспортировка газа и газового конденсата. Никелерафинировочный центр ПАО «ГМК «Норильский никель»» — АО «Кольская горно-металлургическая компания» (крупнейший производственный комплекс Мурманской области, созданный на базе комбинатов «Североникель» в г. Мончегорске и «Печенганикель» в г. Заполярном). АО «МХК «ЕвроХим»» — ведущий мировой производитель минеральных удобрений: входящее в его состав АО «Ковдорский ГОК» в г. Ковдоре является резидентом Арктической зоны России. ПАО «ФосАгро» — крупнейший в Европе производитель фосфорсодержащих удобрений, в числе предприятий которого Кировский филиал АО «Апатит» в г. Кировске. В состав ПАО «Северсталь» входят АО «Оленегорский горно-обогатительный комбинат» в г. Оленегорске и АО «Воркутауголь» в г. Воркуте. Стабильность работы градообразующих предприятий влияет на устойчивость социально-экономического развития моногородов российской Арктики. В этом аспекте особо актуальна необходимость рассмотрения проблем и возможностей диверсификации экономики моногородов и развития предпринимательской активности, а также выявления структурных преобразований в промышленном производстве регионов российской Арктики на основе экономико-статистического анализа, соотносимых с выявленными возможностями развития моногородов Арктики.

Степень разработанности проблемы

Основными аспектами исследований моногородов российской Арктики являются: система управления развитием таких поселений — применяемые на государственном и муниципальном уровнях инструменты стратегического и программно-целевого управления территориальным развитием [2, Плисецкий Е.Е., Малицкая Е.А., с. 85], государственная поддержка [3, Князева Г.А., с. 103] и проблемы стратегического управления [4, Шумилова Е.Б., Авдеева Е.О., Мхитарян С.А., с. 101]; структурная политика и специфика формирования территориальной инфраструктуры [5, Гладышева И.В., с. 86]; социальные проблемы монопрофильных поселений [6, Рябова Л.А. и др., с. 34–50; 7, Зайцев Д.В., с. 31]; социальная ответственность градообразующих предприятий на территориях присутствия и вовлечение бизнеса в работу по социально-экономическому развитию моногородов [8, Дядик В.В., Калугина А.С., Борзых В.Н., с. 29; 9, Skufina T.P. et al, с. 1027; 10, Самарина В.П., Скуфына Т.П., Савон Д.Ю., с. 22]; специфичность арктических моногородов [11, Пилясов А.Н., Путилова Е.С., с. 10]; управление эффективным освоением минерально-сырьевых ресурсов [12, Жаров В.С., с. 60]; воздействие арктической монопрофильной специфики на экологию и местные сообщества [13, Джозефсон П., с. 125]; локальная идентичность населения [14, Недосека Е.В., Жигунова Г.В., с. 119] и миграционные установки молодёжи [15, Симакова А.В., с. 136]. Оценивая степень разработанности вышеобозначенной проблемы, следует отметить

необходимость критического анализа противоречивости положения градообразующих предприятий, входящих в широкомасштабные вертикально интегрированные компании, и территорий их присутствия (местных сообществ), что, собственно, и определило актуальность проблемы, цель и задачи настоящего исследования. Целью нашего исследования стал анализ динамики социально-экономического развития (с акцентом на кризисные периоды) моногородов российской Арктики с дальнейшим обозначением перспектив развития такого рода поселений. В число задач исследования вошли анализ бюджетных и финансовых аспектов развития моногородов российской Арктики, показателей инфраструктурной обеспеченности и экологической ситуации таких поселений на основе экономико-статистического анализа данных Росстата и официальных данных органов местного самоуправления. Научная новизна исследования обеспечивается выявленными тенденциями развития моногородов российской Арктики, отмеченными условиями развития крупного бизнеса в части экологизации и обеспечения условий для социально-экономического развития территории присутствия. Практическая значимость исследования определяется современной траекторией развития моногородов российской Арктики в рамках стратегии устойчивого развития добывающих отраслей градообразующего характера, и подтверждается значимостью формируемого механизма увеличения инвестиционной активности в Арктической зоне РФ, суть которого состоит не столько в возможности наращивания капитальных вложений, сколько в роли катализатора решения системных проблем экономики моногородов российской Арктики — наращивания новых высокотехнологичных производственных мощностей, развития инфраструктуры и обеспечения социально-экономического роста территорий присутствия.

Экономика моногородов российской Арктики

Особое место в системе расселения Арктической зоны РФ занимают появившиеся в ходе масштабного освоения минерально-сырьевых ресурсов в 30–80-е гг. XX в. моногорода. Основными объектами экономики моногородов являются производственные филиалы нефтегазодобывающего и горнопромышленного профиля вертикально-интегрированных компаний (далее — ВИК).

Специфика моногородов Ямало-Ненецкого АО связана с расположенной на территории региона базой углеводородов: гг. Губкинский, Муравленко, Новый Уренгой и Ноябрьск — это типичные арктические моногорода, экономика которых связана с производственной деятельностью на обширной нефтегазовой площади с дисперсно расположенными углеводородными месторождениями. Так, на добывающие производственные филиалы г. Нового Уренгоя приходится более 50% объёма российского газа [16, Larchenko L.V., Kolesnikov R.A., с. 356], доля топливного сектора экономики города в совокупных налоговых поступлениях составляет более 60% [17, Кабанова И.В., с. 25]. Наибольшая (более 35%) доля оборота предприятий и организаций г. Губкинского

приходится на добычу полезных ископаемых. В целом по Ямало-Ненецкому АО 1 место в рейтинге городов по обороту организаций занимает г. Новый Уренгой (143 464 млн руб. в 2020 г.), 2 место — г. Ноябрьск (77 406 млн руб.); на сферу добычи полезных ископаемых приходится наибольший (более 65%) удельный вес инвестиций в основной капитал организаций¹.

В г. Норильске около 70% городского валового продукта и порядка 87% объёма промышленного производства приходится на Заполярный филиал ПАО «ГМК «Норильский никель»». Промышленное производство — основа развития моногорода: доля сектора в общем объёме отгруженной продукции составляет около 90% (наибольший вклад в общий объём отгруженной продукции вносит градообразующее предприятие). Зависимость социально-экономического развития г. Норильска от градообразующего предприятия проявляется также в инвестиционной сфере².

Добывающая промышленность г. Воркуты представлена градообразующим предприятием АО «Воркутауголь» — крупнейшей угледобывающей компанией РФ, входящей в состав ПАО «Северсталь». Угольная отрасль экономики моногорода создает 80% объёма промышленного производства и практически 60% городского валового продукта.

Градообразующие предприятия г. Кировска — Кировский филиал АО «Апатит», разрабатывающий месторождения апатитнефелиновых руд, и АО «Северо-Западная Фосфорная Компания» (Акрон), разрабатывающее собственное фосфатное месторождение. Экономическую специализацию г. Мончегорска формирует структурное подразделение АО «Кольская ГМК» — комбинат «Североникель» (производственные подразделения ВИК формируют практически треть бюджета Мурманской области и 40% регионального экспорта). Градообразующее предприятие г. Оленегорска — структурное подразделение ПАО «Северсталь» АО «Оленегорский ГОК», разрабатывающее месторождения железистых кварцитов. В Ковдорском районе функционирует структурное подразделение АО «МХК «ЕвроХим» АО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат» — крупнейший производитель апатитового, железорудного и бадделеитового концентратов (годовой объём производства бадделеитового концентрата которого составляет 100% мирового производства, доля в производстве апатитового концентрата — 18%). Доля градообразующего предприятия в общем объёме отгруженных товаров собственного производства составляет 94%³.

Устойчивость социально-экономического развития моногородов российской Арктики зависит от стабильности работы градообразующих предприятий, определяемой, в свою

¹ Итоги социально-экономического развития города Губкинского Ямало-Ненецкого автономного округа за 2021 год. URL: <https://www.gubadm.ru/documents/reports/166088/> (дата обращения: 21.05.2022).

² Итоги социально-экономического развития муниципального образования город Норильск за 2021 год. URL: <http://norilsk-city.ru/docs/22661/33155/index.shtml> (дата обращения: 04.06.2022).

³ Годовые доклады о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности ОМСУ. URL: https://kovadm.ru/social_and_economic_development/годовые-доклады-о-достигнутых-значен/ (дата обращения: 14.09.2022).

очередь, такими факторами, как природно-климатические условия (отражающиеся, например, на себестоимости производства), цикличность производственной деятельности (определяемая возможностями минерально-ресурсной базы), зависимость производства от внешней конъюнктуры цен на сырьё и основные статьи экспорта, глобальные кризисные явления. Так, мировой финансовый кризис 2008 г. спродуцировал снижение спроса и цен на угольную продукцию: снижение цен реализуемого АО «Воркутауголь» и ЗАО «Шахта Воргашорская 2» (вошедшее в состав АО «Воркутауголь» в 2012 г.) угля на 29,5% привело к сокращению выручки предприятий на 3 385 млн руб. (сокращение объёмов реализации угольной продукции составило 9%)⁴; объёмы налоговых поступлений в бюджетную систему снизились на 1,5 млрд руб.; в результате массовых высвобождений численность зарегистрированных в качестве безработных граждан увеличилась в 2008–2009 гг. на 29% (среднесписочная численность АО «Воркутауголь» в 2009 г. снизилась на 19%). В гг. Новый Уренгой и Ноябрьск в 2009–2010 гг. уровень промышленного производства снизился на 40%; объёмы собственных доходов муниципальных бюджетов снизились на 16–18% [18, Колесников Р.А., Сухова Е.А., с. 121]. Снижение (на 49% [19, Кузнецов С.В., Замятина М.Ф., Фесенко Р.С., с. 92]) в 2008–2009 гг. выручки ПАО «ГМК “Норильский никель”» привело к снижению (в 2 раза⁵) объёмов капитальных вложений. Конечным итогом снижения цен на металлы стало сокращение поступлений налоговых платежей, уменьшение доходов бюджетов моногородов. Значительный дефицит местных бюджетов в 2008–2009 гг. образовался в гг. Норильске, Новом Уренгое, Мончегорске, Ковдорском районе (табл. 1).

Таблица 1

Профицит / дефицит бюджетов моногородов российской Арктики, млн руб.⁶

Моногород	2007	2008	2009	2013	2014	2015	2019	2020
Губкинский	52,9	-69,1	44,3	55,6	-105,3	-49,4	1,2	299,3
Новый Уренгой	928,2	-278,5	-593,7	-799,3	-648,7	-171,4	681,8	1026,5
Ноябрьск	103,2	131,4	286,2	-250,1	-90,7	23,0	68,2	86,5
Муравленко	3,6	28,2	25,6	-105,8	-28,4	93,4	7,0	199,2
Воркута	94,1	236,1	216,2	104,5	-343,4	-132,1	-104,3	-50,9
Норильск	1552,6	-977,6	-2011,0	-798,7	1241,3	561,7	1377,2	1113,2
Кировск	61,2	-40,6	27,5	-75,3	-47,2	-12,9	-104,4	-93,6
Мончегорск	389,9	-279,3	-277,8	-88,8	-186,9	-246,9	-2,8	-14,3
Оленегорск	-8,4	-60,6	-74,9	-8,9	-137,7	-151,1	-4,9	22,8
Ковдорский район	-13,8	-7,0	-215,7	-66,5	-35,7	-0,2	5,8	5,7

Самая низкая доля налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов в общем объёме собственных доходов (табл. 2) сложилась в моногородах Муравленко, Губкинском,

⁴ Комплексный инвестиционный план моногорода Воркута на 2010 год и на период до 2020 года. URL: http://xn--80adykng.xn--p1ai/city_council/third_convocation/368/ (дата обращения: 18.05.2021).

⁵ План модернизации моногорода Норильска. URL: http://econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/1730_kompleksnij_investicionnij_plan_modernizacii_monogoroda_norilkska.pdf. (дата обращения: 14.04.2021).

⁶ База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

Ноябрьске; серьёзный рост значений такого показателя в 2009–2020 гг. произошёл в гг. Кировске и Мончегорске.

Таблица 2

Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объёме собственных доходов бюджетов моногородов российской Арктики, млн руб.⁷

Моногород	2009	2013	2014	2015	2019	2020
Губкинский	Н.д.	33,4	35,3	31,7	20,5	17,8
Новый Уренгой	Н.д.	73,9	71,0	75,0	47,4	47,0
Ноябрьск	Н.д.	36,3	49,6	42,8	28,0	24,0
Муравленко	Н.д.	20,8	21,9	24,0	13,6	11,9
Воркута	37,0	48,0	57,0	53,0	42,1	37,8
Норильск	79,0	75,0	72,0	55,0	68,0	85,7
Кировск	43,9	86,0	92,2	88,7	69,0	74,0
Мончегорск	38,7	60,3	86,7	85,4	67,3	62,0
Оленегорск	48,0	65,4	54,4	84,6	48,0	39,9
Ковдорский район	39,8	60,9	68,8	71,8	63,9	38,0

Сегодня в моногородах Ямало-Ненецкого АО продолжается снижение объёмов поступлений налогов на доходы физических лиц от градообразующих предприятий, в частности, в г. Муравленко такая тенденция обусловлена реструктуризацией АО «Газпромнефть-ННГ» (в 2020 г. отчисления НДФЛ по предприятию в местный бюджет снизились по сравнению с 2019 г. на 14%⁸).

Мировые финансовые кризисы негативно отражаются на инвестиционной активности градообразующих предприятий, зависящей от цен на сырьё, от состояния рынков углеводородного сырья. Например, по объёму инвестиций в основной капитал за счёт средств местных бюджетов (табл. 3) в предкризисный 2007 г. лидировали гг. Норильск, Новый Уренгой и Ноябрьск; в 2007–2009 гг. объём инвестиций в основной капитал в г. Новом Уренгое снизился в 33 раза, в г. Норильске — в 6,8 раза, в г. Ноябрьске — в 3 раза.

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал за счёт средств муниципальных бюджетов моногородов российской Арктики, млн руб.⁹

Моногород	2007	2008	2009	2013	2014	2015	2019	2020
Губкинский	221,8	41,5	128,6	116,6	113,7	62,5	792,0	1492,4
Новый Уренгой	745,4	583,8	22,5	333,6	267,4	150,8	230,4	406,8
Ноябрьск	709,2	398,5	239,5	605,4	119,4	804,3	363,3	550,7
Муравленко	215,8	717,8	Н.д.	748,9	584,7	18,4	41,6	99,5
Воркута	8,6	40,7	68,1	122,3	251,3	43,4	26,8	18,7
Норильск	1517,5	702,7	221,8	138,7	384,2	1015,7	643,2	957,4
Кировск	30,1	70,0	66,7	57,8	55,8	47,3	67,6	99,5

⁷ Данные за 2007–2008 гг. отсутствуют. Источник: База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

⁸ Об отчёте Главы города Муравленко о результатах своей деятельности и деятельности Администрации города Муравленко в 2020 году. URL: <https://muravlenko.yanao.ru/documents/reports/> (дата обращения: 11.08.2022).

⁹ База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

Мончегорск	76,5	123,1	254,3	52,6	35,1	106,9	24,0	56,4
Оленегорск	59,3	64,8	84,0	68,6	13,5	13,9	44,4	23,8
Ковдорский район	26,6	44,4	15,3	66,6	94,0	4195,1	5,4	7,9

Неблагоприятная ценовая конъюнктура мировых рынков в 2015 г. сложилась для российских экспортёров: снижение среднегодовых мировых цен на никель относительно 2014 г. составило 29,8%, на медь — 19,8%; темп роста среднегодового курса доллара в 2014–2015 гг. составил 158,9%. Тем не менее, ослабление курса рубля спродуцировало рост выручки ЗФ ПАО «ГМК «Норильский Никель» (в рублях) и позволило улучшить финансово-экономические показатели компании (в 2015 г. рост объёмов металлургического производства и производства готовых изделий составил 16,2%)¹⁰.

В целом динамика инвестиций в основной капитал в моногородах российской Арктики волнообразна, поскольку значительную долю в структуре такого показателя формируют ВИК: лидирующие позиции по объёму инвестиций в основной капитал в российской Арктике занимают (табл. 4) гг. Норильск, Новый Уренгой, Ноябрьск, Кировск, Ковдорский район. Такая ситуация обусловлена различной степенью интенсивности реализации крупных инвестиционных проектов градообразующих предприятий моногородов российской Арктики.

Таблица 4

Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями (без субъектов малого предпринимательства), находящимися на территории моногородов российской Арктики, млн руб.¹¹

Моногород	2009	2013	2014	2015	2019	2020
Губкинский	1991,5	2232,0	3297,4	2579,4	5097,2	5752,1
Новый Уренгой	17477,3	61313,5	62780,4	100047,3	42292,8	37589,4
Ноябрьск	8838,4	11000,6	6280,1	7944,7	21416,6	30608,0
Муравленко	1067,4	4017,9	1438,0	2563,4	1656,0	1276,7
Воркута	2641,8	42749,5	22275,8	21703,6	7105,9	9060,8
Норильск	16911,5	43053,9	44757,5	74394,3	57877,3	89079,2
Кировск	4868,8	17343,6	12674,6	13906,9	17682,6	20605,4
Мончегорск	1092,5	1699,2	2929,9	6804,5	9511,3	8124,3
Оленегорск	520,7	1911,2	2117,4	1357,1	3562,2	2062,9
Ковдорский район	854,7	4897,7	4200,1	4195,1	9363,0	14426,9

Основная часть инвестиций г. Норильска — инвестиции в развитие и модернизацию промышленного производства и экологическую безопасность. В г. Новом Уренгое в инвестициях в основной капитал доля ТЭК составляет 79%. В г. Кировске величину и динамику инвестиций в основной капитал определяют Кировский филиал «АО Апатит» и АО «СЗФК»: в 2020 г. совокупный объём инвестиций градообразующих предприятий составил

¹⁰ Итоги социально-экономического развития муниципального образования город Норильск за 2015 год. URL: http://norilsk-city.ru/files/22661/33155/itogi_ser_zh_2015_god.docx (дата обращения: 07.08.2022).

¹¹ Данные за 2007–2008 гг. отсутствуют. Источник: База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

79,4% от общей суммы инвестиций в основной капитал¹². В инвестициях Ковдорского района 98% — это собственные средства ОАО «МХК «ЕвроХим» и АО «Ковдорский ГОК». 90% инвестиций в г. Оленегорске приходится на АО «Алкон».

Глобальные кризисные явления и зависимость производственной деятельности градообразующих предприятий от внешней конъюнктуры цен на сырьё и основные статьи экспорта оказывают негативное влияние (табл. 5) на ситуацию на рынках труда моногородов российской Арктики [20, Котов А.В., с. 49].

Таблица 5
Уровень регистрируемой безработицы в моногородах российской Арктики, %, 2010–2020 гг.¹³

Моногород	2007	2008	2009	2013	2014	2015	2019	2020	2021
Губкинский	1,2	0,7	1,2	0,5	0,4	0,6	0,4	1,0	0,4
Новый Уренгой	1,9	Н.д.	1,9	0,4	0,4	0,6	0,3	1,9	0,3
Ноябрьск	1,8	2,4	1,9	0,3	0,5	1,1	0,7	3,3	1,3
Муравленко	Н.д.	3,7	2,6	0,9	0,9	1,1	0,7	1,9	0,9
Воркута	2,9	2,6	3,4	1,0	1,0	1,3	1,5	1,8	1,2
Норильск	2,4	1,4	1,8	0,9	0,9	0,8	0,6	1,7	1,4
Кировск	5,1	3,7	4,8	2,4	3,1	4,4	2,4	2,6	1,7
Мончегорск	5,4	3,5	5,1	2,1	2,2	2,7	2,2	2,5	1,7
Оленегорск	2,7	2,8	4,3	1,4	1,6	1,9	1,7	2,3	1,9
Ковдорский район	5,3	4,1	5,7	3,5	3,3	3,9	2,3	2,8	1,8

В частности, в 2008–2009 гг. уровень регистрируемой безработицы в г. Губкинском увеличился на 71%, в г. Оленегорске — на 53%, в г. Мончегорске — на 46%; в 2014–2015 гг. уровень регистрируемой безработицы в г. Ноябрьске увеличился на 120%, в г. Кировске — на 42%. Для предотвращения критической ситуации с безработицей в кризисные периоды региональными органами исполнительной власти реализовывались дополнительные меры, направленные на снижение социальной напряжённости на территориальных рынках труда, в т. ч. опережающее профессиональное обучение находящихся под угрозой увольнения работников градообразующих предприятий, организация общественных работ и временного трудоустройства, развитие предпринимательских инициатив. Своевременная реализация таких мер позволяла сдерживать рост регистрируемой безработицы и в конечном итоге выводить значения такого показателя на предкризисные уровни.

Негативным образом на ситуацию с безработицей в моногородах российской Арктики повлияло распространение коронавирусной инфекции COVID-19: в связи с введением

¹² Прогноз социально-экономического развития муниципального образования город Кировск с подведомственной территорией на 2021 год и плановый период 2022–2023 годов. URL: https://kirovsk.ru/administraciya/structure/oer/prognoz_ser/. (дата обращения: 21.05.2021).

¹³ Источники: Интерактивный портал службы занятости населения Мурманской области. URL: <https://murmansk-zan.ru>; Интерактивный портал службы занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://rabota.yanao.ru>; Интерактивный портал службы занятости населения Республики Коми. URL: <https://komitrud.rkomi.ru>; Интерактивный портал агентства труда и занятости населения Красноярского края. URL: <https://trud.krskstate.ru> (дата обращения: 12.06.2022); Муниципальные образования Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2011. 194 с.; Статистические и социально-экономические показатели. URL: <https://www.norilsk-city.ru/docs/22661/33169/index.shtml> (дата обращения: 05.06.2022).

ограничительных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, и правил поведения, обязательных для исполнения населением и предприятиями в связи с угрозой распространения COVID-19, динамика безработицы ухудшилась. Во всех рассматриваемых моногородах произошёл значительный рост уровня регистрируемой безработицы (пики роста пришлись на май, июнь 2020 г.). Тем не менее, в условиях пандемии ситуация на рынках труда в моногородах российской Арктики в 2020 г. оставалась контролируемой¹⁴ за счёт реализации мероприятий по созданию временных рабочих мест, в 2021 г. моногорода по уровню регистрируемой безработицы вышли на допандемийный уровень (табл. 5).

Инфраструктурная обеспеченность моногородов российской Арктики

Современное состояние большинства объектов инфраструктуры моногородов российской Арктики не позволяет создавать условия для устойчивого территориального социально-экономического развития, в т. ч. комфортной жизнедеятельности. Важнейший фактор обеспечения стабильности работы градообразующих предприятий и, соответственно, устойчивого социально-экономического развития моногородов российской Арктики — инфраструктурная обеспеченность [21, Новокшенова Е.Н., с. 144], включая транспортную доступность и жилищно-коммунальное хозяйство. Так, типичная для российской Арктики нехватка транспортных путей сообщения сужает выбор выгодных способов транспортировки грузов: ограниченность и низкое качество объектов транспортной инфраструктуры фактически купируют наращивание производственных объёмов из-за колоссальных транспортных издержек [5, Гладышева И.В., с. 81]. Протяжённость автомобильных дорог арктических регионов России составляет 0,6% в общей протяжённости автодорожной сети Арктической зоны РФ (твёрдое покрытие имеют лишь 79,5%); более половины автомобильных дорог общего пользования не отвечает нормативам технико-эксплуатационного состояния [22, Серова Н.А., Серова В.А., с. 51]. По данным Росстата¹⁵, в г. Кировске доля протяжённости автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих соответствующим нормативам, составляет 43% в общей протяжённости таких дорог, в г. Оленегорске — 54,3%, в г. Мончегорске — 78,6%; в г. Воркуте — 63,1%; в г. Норильске — 30,1%; в г. Новом Уренгое — 0,6%, в г. Муравленко — 11%, в г. Губкинском — 22,6%, в г. Ноябрьске — 44,4%.

Острейшая проблема моногородов российской Арктики — проблема обеспечения современными объектами жилищно-коммунальной инфраструктуры. О некомфортности городского пространства свидетельствуют наличие ветхого и аварийного жилья, низкий уровень социального и инженерного обустройства, высокий износ муниципальных систем

¹⁴ Краткий анализ ситуации на рынке труда за 2020 год. URL: <https://murman-zan.ru/News/Detail/7203e3c8-aff0-47bf-8091-27873302e5ff> (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁵ База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

водоснабжения, высокая доля неэффективного теплоснабжения с малыми нагрузками и удалённой доставкой топлива. Так, в связи с закрытием шахт на территории г. Воркуты доля пустующего жилья составила 40% от общего количества муниципального жилого фонда; при этом ежегодные расходы по оплате за отопление и содержание пустующего жилищного фонда составляют 580 млн руб. Износ инженерной инфраструктуры (Усинского водовода Воркуты) составляет 95%¹⁶. В г. Норильске физический износ жилья составляет 50%, на особом контроле (по состоянию несущих конструкций и грунта) находится 33% жилых домов¹⁷. В г. Губкинском 43% жилищного фонда находится в аварийном состоянии.

Угрозу эпидемиологической безопасности составляет текущее состояние в условиях вечной мерзлоты теплоснабжающих, водопроводных и канализационных систем [23, Куценко С.Ю. и др., с. 10]. В г. Губкинском лишь 10% улично-дорожной сети обеспечено ливневой канализацией; более 30% общей протяжённости магистральных коллекторов г. Норильска находятся в ветхом или аварийном состоянии¹⁸. В 2009–2020 гг. протяжённость тепловых сетей, нуждающихся в замене, в г. Кировске увеличилась в 8,2 раза (табл. 6), в г. Губкинском — в 6 раз, в г. Новом Уренгое — в 3 раза, в г. Оленегорске — в 1,7 раза. Протяжённость нуждающейся в замене уличной водопроводной сети в г. Воркуте увеличилась в 4 раза, в г. Норильске — в 2,3 раза; нуждающейся в замене уличной канализационной сети: в г. Норильске — в 6,4 раза, в г. Новом Уренгое — в 4,7 раза.

Таблица 6

Основные показатели инфраструктурной обеспеченности
моногородов российской Арктики, 2009 г., 2020 г.¹⁹

Моногород		Протяжённость тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, нуждающихся в замене, км	Уличная водопроводная сеть, нуждающаяся в замене, км	Одиночное протяжение уличной канализационной сети, нуждающейся в замене, км	Число семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года, ед.
Губкинский	2009	2,3	0,5	0,5	418
	2020	14,3	3,4	0,6	604
Новый Уренгой	2009	29,0	2,6	1,0	1153
	2020	97,0	1,1	4,7	1350
Ноябрьск	2009	148,0	36,3	Н.д.	1627
	2020	153,9	7,0	11,1	2478
Муравленко	2009	58,4	27,5	10,5	561
	2020	46,2	42,8	7,5	361
Воркута	2009	142,5	6,0	20,0	909

¹⁶ План дальнейшего развития монопрофильных муниципальных образований — городских округов Воркута и Инта. URL: https://econom.rkomi.ru/uploads/documents/proekt_plana_razvitiya_vorkuti_i_inti_pdf_2020-02-07_02-24-03.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

¹⁷ Власти Красноярского края: износ жилья в Норильске приближается к 50%. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4530638>. (дата обращения: 14.05.2021).

¹⁸ Норильску нужна новая программа социально-экономического развития, убеждены в Совете Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/120774/>. (дата обращения: 14.05.2021).

¹⁹ Данные за 2007–2008 гг. отсутствуют. Источник: База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

	2020	35,2	24,3	14,8	173
Норильск	2009	40,2	11,2	6,5	Н.д.
	2020	46,7	26,3	41,7	245
Кировск	2009	2,0	0,3	0,07	61
	2020	16,4	0,01	0,6	80
Мончегорск	2009	54,0	9,4	0,2	512
	2020	46,2	21,1	6,8	204
Оленегорск	2009	9,7	5,4	Н.д.	54
	2020	17,0	3,7	0,8	39
Ковдорский район	2009	20,9	4,8	0,9	74
	2020	22,0	0,8	1,5	42

В г. Мончегорске износ до 100% имеют 72% водопроводных сетей (высок процент износа водопроводных вводов на жилые здания, объекты отраслей образования и здравоохранения); актуальна проблема бесперебойного обеспечения потребителей тепловой энергией (система теплоснабжения характеризуется высокой степенью износа основных фондов, большими потерями энергии и воды). Схема электроснабжения моногорода изначально была построена без учёта перспективного развития и имеет низкую степень надёжности (мощности трансформаторных подстанций и пропускные способности сетей 1938–1965 гг. постройки рассчитаны только под необорудованный электроплитами жилой фонд)²⁰.

Экологическая ситуация в моногородах российской Арктики

Другая проблема социально-экономического развития моногородов российской Арктики связана с экологической угрозой здоровью населения, необходимостью ликвидации накопленного экологического ущерба и экологическими ограничениями в развитии производственной деятельности. Значительное влияние на экосистемы механическими нарушениями растительности, почв, многолетнемёрзлых грунтов, выбросами в атмосферу токсичных соединений оказывает горнорудная промышленность. Происходит загрязнение поверхностных вод: основными накопителями загрязнителей являются малые озера (на территориях вблизи шахт водоёмы отличаются высокими значениями показателей общей минерализации, содержанием органических веществ)²¹. Так, анализ особенностей накопления тяжёлых металлов в рыбах малых озёр на территории Мурманской области [24, Терентьев П.М. и др., с. 52] показывает отрицательные последствия аэротехногенного загрязнения водоёмов АО «Кольской ГМК» (природные популяции рыб подвержены токсическому влиянию тяжёлых металлов), связанные с опасностью снижения биологического разнообразия ихтиофау-

²⁰ О внесении изменений в Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Мончегорск Мурманской области, утвержденный постановлением администрации города Мончегорска от 14.12.2010 № 1221. URL: https://monchegorsk.gov-murman.ru/gorod/munitsipalnye-uchrezhdeniya-goroda/mku-uer-goroda-monchegorska/sotsialno-ekonomicheskoe-planirovanie-i-statistika/post_1599-_29.12.2018.pdf (дата обращения: 14.09.2021).

²¹ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Воркута» на период до 2020 года. URL: <http://воркута.рф/upload/iblock/a0b/strategia-2020.pdf> (дата обращения: 17.08.2022).

ны. Значительные сезонные колебания содержания никеля в воде вызваны тем, что, концентрируясь в снежном покрове в течение длительного зимнего периода, полиметаллическая пыль с началом снеготаяния в повышенных количествах попадает в водоёмы г. Мончегорска; в результате пылегазовых выбросов и сбросов со сточными водами комбината «Североникель» загрязняющие вещества попадают в озеро Монче (объект I категории хозяйственно-питьевого водопользования) и озеро Имандра (объект II категории культурно-бытового водопользования) [25, Девяткин П.Н., с. 396].

Проблемный вопрос в области охраны окружающей среды — обращение с отходами: практически все виды производственной деятельности в условиях тундры и лесотундры продуцируют образование не способных к самовосстановлению обширных площадей²².

До 25% формирующих здоровье человека факторов приходится на экологические, при этом их вклад в формирование нарушений здоровья населения становится более весомым, когда речь идёт о проживающем в экстремальных природных условиях населении моногородов российской Арктики [26, Клюкина Э.С., с. 91]. Мурманская область — один из основных очагов экологической напряжённости российской Арктики: кризисная экологическая ситуация не только в моногородах, но и на сопряжённых территориях (агломерациях) продуцирует высокие показатели по 95 классам экологозависимых заболеваний (болезни органов дыхания, кожи и подкожной клетчатки, врождённые аномалии, злокачественные новообразования, заболевания крови и кроветворных органов) [26, Клюкина Э.С., с. 94–95]. Среди загрязняющих атмосферу веществ — оксид азота, формальдегид, фенол, свинец, никель, диоксид серы, бензол, бензапирен, фториды, неорганическая пыль и т. п. [27, Ковшов А.А. и др., с. 218–219]. Наибольший объём загрязняющих выбросов в атмосферу приходится на Печенгский район (АО «Кольская ГМК») [28, Мартынова А.А., Пряничников С.В., с. 300]. Промышленная специализация Апатитско-Кировской агломерации (КФ АО «Апатит») продуцирует распространённость болезней систем кровообращения (здесь уровень заболеваемости по такому классу причин в 1,6 раза выше, чем в средней полосе), болезней костно-мышечной системы и болезней мочеполовой системы (в 2,6 раза), болезней глаз и придаточного аппарата (в 2,7 раза) [29, Петров В.Н., Терещенко П.С., Мегорский В.В., с. 90]. В г. Мончегорске (АО «Кольская ГМК») уровень смертности мужского населения от болезней системы кровообращения на 35% превышает средний по области и в 1,5 раза выше среднероссийского уровня [30, Тихонова Г.И., Брылева М.С., Горчакова Т.Ю., с. 773].

Перспективы социально-экономического развития моногородов российской Арктики

Градообразующие предприятия и, соответственно, моногорода российской Арктики проходят определённые стадии жизненного цикла, поэтому необходима непрерывная

²² План дальнейшего развития монопрофильных муниципальных образований — городских округов Воркута и Инта. URL: https://econom.rkomi.ru/uploads/documents/proekt_plana_razvitiya_vorkuti_i_inti_pdf_2020-02-07_02-24-03.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

актуализация факторов роста для начала новых стадий развития: социально-экономическая устойчивость территориального развития зависит от её возможностей реагировать на внешние изменения и своевременно адаптироваться к ним [31, Крюкова О.Г., Аксенова Е.В., с. 85].

Критическим фактором в устойчивой деятельности градообразующих предприятий является истощение ресурсной базы: устойчивое социально-экономическое развитие моногородов российской Арктики зависит от стабильности работы таких предприятий, определяемой мощностями по добыче минерального сырья на уровне экономической эффективности, достигаемой посредством реализации соответствующих инвестиционных проектов. В частности, до 2018 г. развитие АО «Оленегорский ГОК» было бесперспективным, в силу чего с 2021 г. планировалось постепенное свертывание производств и закрытие предприятия в 2026 г. Сегодня реализуется долгосрочная стратегия развития «Олкона» до 2045 г., предусматривающая разработку и ввод в действие Печегубского месторождения, строительство нового подземного рудника и создание соответствующей инфраструктуры (приоритетными направлениями стали поддержание природно-сырьевой базы с перспективой отработки запасов до 2038 г., а также обновление парка оборудования горно-транспортного и фабричного комплексов). Другой пример — АО «Ковдорский ГОК», резидент Арктической зоны РФ с инвестиционным проектом по расширению собственных мощностей (предполагаемый объём инвестиций — 24,5 млрд руб.; проект позволит нарастить мощности предприятия с 14,5 млн т до 19,5 млн т руды в год и создать почти 500 рабочих мест). Инвестиционные проекты КФ АО «Апатит» также включают расширение производственных мощностей — строительство подземного рудника на месторождении «Плато Рассвумчорр» и развитие Коашвинского и Ньюркапхского карьеров. В составе добывающих активов инвестиционных проектов ПАО «ГМК «Норильский никель» в г. Норильске — рудники Скалистый, Комсомольский, Маяк, Таймырский, Октябрьский; в составе перерабатывающих проектов — модернизация Талнахской обогатительной фабрики²³.

Градообразующие предприятия — ключевые объекты экономик моногородов российской Арктики: моноотраслевой характер экономик таких городов сформировал слабую развитость местных рынков и узкий перечень хозяйствующих субъектов. Такая ситуация продуцирует необходимость поиска поставщиков, подрядчиков, сервисных производств, готовых работать на площадках градообразующих предприятий. Один из инструментов выхода из сложившейся ситуации — установление особого правового режима осуществления предпринимательской и др. деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций и обеспечения тем самым устойчивого социально-экономического развития градообразующих предприятий и моногородов (ТОСЭР, ТОР). Так, в 2017 г. на территории г. Кировска для привлечения на рынок новых предприятий альтернативных промышленных и сервисных производств была создана территория

²³ Добывающие активы. URL: <https://ar2020.nornickel.ru/strategic-report/key-investment-projects/mining> (дата обращения: 17.08.2022).

опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [32, Социально-экономическое развитие ..., с. 59–60]. Сегодня в ТОСЭР г. Кировска входят 6 резидентов: ремонтный центр для машин и оборудования, используемого КФ АО «Апатит», АО «СЗФК» и АО «Олкон»; ремонтно-сервисные центры по техобслуживанию автотранспортных средств и оборудования для обогащательных фабрик Мурманской области; пункт производства компонентов эмульсионных взрывчатых веществ; цех для ремонта дробильно-сортировочного оборудования градообразующих предприятий. Общий объем инвестиций составляет 114,5 млн руб., число новых рабочих мест — 187²⁴. В числе преференций и льгот ТОСЭР — сниженные ставки страховых взносов (7,6%), налога на прибыль (5% первые 5 лет, 12% следующие 5 лет), налога на имущество (0% первые 5 лет, 1,1% последующие 5 лет), земельного налога (0%)²⁵. По предварительным данным²⁶, объем инвестиций в основной капитал резидентов ТОСЭР в 2021 г. составил 15 млн руб., количество созданных рабочих мест — 24 ед. В 2020 г. на территории Мурманской области была создана ТОР «Столица Арктики» — арктическая территория опережающего социально-экономического развития, в число административных преференций которой вошли возможность применения процедуры свободной таможенной зоны на участках резидентов, предоставление земельных участков по льготным ставкам аренды и возможное привлечение иностранной рабочей силы без квот. В числе налоговых преференций — пониженные ставки социальных страховых взносов (7,6% на 10 лет), налога на имущество (0% первые 5 лет), налога на прибыль (5% первые 5 лет, 12% последующие 5 лет), налога на землю (0% на 3 года) и понижающие коэффициенты налога на добычу полезных ископаемых (0 — 0–2 года, 0,4 — 4–6 лет, 0,6 — 6–8 лет, 0,8 — 8–10 лет)²⁷. На территории Ковдорского района действуют 2 резидента ТОР «Столица Арктики» — АО «Ковдорский ГОК» и ООО «Флогопит» (проект по возрождению переработки слюды); г. Оленегорска — АО «Оленегорский ГОК», проект комплексной мойки автомобилей и шиномонтажа и проект строительства Центра обработки данных; г. Мончегорска — 3 проекта в сфере услуг, по 1 проекту в сферах транспорта и логистики, горной промышленности и туризма; г. Кировска — 9 проектов в сфере туризма, 2 — в сфере услуг, 1 — в горной промышленности, 1 — в сфере недвижимости и девелопмента.

Тем не менее, реализация такого инструмента, как особый правовой режим осуществления предпринимательской и др. деятельности, сопряжена с рисками. Во-первых, это продуцирующая проблемы с логистикой, расширением рынков сбыта и сложности с

²⁴ Резиденты ТОСЭР «Кировск». URL: https://kirovsk.ru/business/investoru/rezidenty_tosehr_kirovsk_i_azrf/rezidenty_tosehr_kirovsk/ (дата обращения: 07.09.2022).

²⁵ ТОСЭР «Кировск». URL: <https://invest.nashsever51.ru/pages/toser-kirovsk> (дата обращения: 07.09.2022).

²⁶ Прогноз социально-экономического развития муниципального образования муниципальный округ город Кировск с подведомственной территорией Мурманской области на 2022 год и плановый период 2023–2024 годов. URL: https://kirovsk.ru/files/npa/adm/2021/1107/pril_post.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

²⁷ ТОР «Столица Арктики». URL: <https://invest.nashsever51.ru/pages/reestr-rezidentov-arkticheskoy-zony-rf> (дата обращения: 07.09.2022).

экспортом анклавность территорий моногородов²⁸. Во-вторых, это выпадающие от предоставления преференций и налоговых льгот налоговые доходы. Так²⁹, в Мурманской области по данным за 2017 г. на 1 резидента ТОСЭР, заявившего льготы, объём выпадающих налоговых доходов составил 1,7 млн руб., в 2018 г. — 13,2 млн руб.

Критические риски для моногородов российской Арктики — это исполнение бюджетных обязательств (за счёт возможного снижения уровня трудовых доходов, сокращения численности работников градообразующих предприятий и, соответственно, снижения доходов по НДФЛ в местные бюджеты). Поэтому перспективы социально-экономического развития моногородов российской Арктики связаны с усилением акцентов взаимодействия моногородов с градообразующими предприятиями на социальную направленность недропользования. Сегодня есть успешные примеры такого взаимодействия. Один из них³⁰ — социально-экономическое партнёрство ПАО «ФосАгро» с Правительством Мурманской области, финансовый объём которого в 2020–2022 гг. составил 4 млрд руб. (из них ПАО «ФосАгро» — 2,65 млрд руб.). В число проектов такого партнёрства вошли монтаж системы искусственного оснежения одного из склонов горнолыжного курорта «Большой Вудъявр» и строительство панорамного ресторанного комплекса «Плато». На 2022–2024 гг. объём финансирования социально-экономического партнёрства Мурманской области с ПАО «ФосАгро» составит 15 млрд руб. В рамках партнёрства предусмотрено совершенствование инфраструктуры Апатитско-Кировской центральной городской больницы (закупка и установка специальной техники, кислородной станции и другого медицинского оборудования), финансирование реабилитационного лечения населения гг. Кировска и Апатитов в корпоративном санатории, финансирование капитального ремонта здания лечебного корпуса больницы; капитальный ремонт и оснащение кабинетов профессионального обучения в подшефных филиалах Мурманского арктического государственного университета и в школах гг. Кировска и Апатитов, включённых в проект «ФосАгро-школа»; развитие спортивно-туристического кластера в гг. Кировске и Апатитах; реконструкция автомобильной дороги Апатиты-Кировск и совершенствование инфраструктуры аэропорта «Хибины»; реновация внешнего облика г. Кировска. За 16 лет реализации такого партнёрства в г. Кировске были возведены ледовый дворец, новое здание спортивной школы олимпийского резерва по горнолыжному спорту, в г. Апатитах —

²⁸ Итоги комплексного исследования малого и среднего бизнеса в Норильске представили на круглом столе в МФЦ. URL: <https://arnorilsk.ru/news/itogi-kompleksnogo-issledovaniya-malogo-i-srednego-biznesa-v-norilске-predstavili-na-kruglom-stole-v-mfts/> (дата обращения: 14.07.2022).

²⁹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d22/d22daa028b1854b51b99c9d2927c2e06.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

³⁰ ФосАгро и Правительство Мурманской области в ходе ПМЭФ-2022 заключили Соглашение о социально-экономическом партнёрстве до 2024 года. URL: <http://www.phosagro.ru/press/company/fosagro-i-pravetelstvo-murmanskoy-oblasti-v-khode-pmef-2022-zaklyuchili-o-sotsialno-ekon/council.gov.ru/events/news/120774/> (дата обращения: 16.06.2022).

физкультурно-оздоровительный комплекс и хоккейный корт одной из местных спортивных школ. В рамках соглашения между Правительством Мурманской области и АО «Ковдорский ГОК» (АО «МХК «ЕвроХим») в течение 2022–2025 гг. намечена реализация мероприятий по развитию медицины (строительство инфекционного отделения больницы и ремонт квартир для прибывающих врачей), образования (создание образовательно-производственного центра на базе Ковдорского политехнического колледжа и центра дополнительного образования на базе средней школы), культуры (ремонт зданий), физической культуры и спорта, туризма, а также по благоустройству территорий. Объем инвестиций в развитие г. Ковдора до 2027 г. составит около 1 млрд руб. Соглашением о взаимодействии и сотрудничестве в целях реализации комплексных мер социально-экономического развития г. Норильска на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. предусмотрены реновация жилфонда моногорода, модернизация ЖКХ, его инженерной и коммунальной инфраструктуры, ликвидация аварийного и ветхого жилья и реконструкция многоэтажных жилых домов, строительство гидротехнического сооружения на р. Норильской, материально-техническая модернизация учреждений культуры и здравоохранения, образования, спорта. Общий объем финансирования соглашения — 120,1 млрд руб., 68% которого — это средства ПАО «ГМК Норильский никель», 20% — федерального бюджета³¹. На территории Ямало-Ненецкого АО реализуются 8 генеральных соглашений о сотрудничестве Правительства региона и ПАО «Газпром», ПАО «НОВАТЭК», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром нефть», ПАО «НК «Роснефть», в рамках которых ВИК участвуют в строительстве и ремонте объектов социально-культурного назначения, спортивных сооружений, жилых домов³².

На наш взгляд, основная проблема социально-экономического развития моногородов российской Арктики — это реализация грамотной социально-экономической политики, разрабатываемой не столько на корпоративном и региональном уровнях, сколько при участии органов местного самоуправления и местного населения. Пример тому — комплексные инвестиционные планы модернизации моногородов (КИП), анализ опыта применения которых показал низкую степень эффективности их реализации [33, Оборин М.С., с. 115]: большинство установленных в КИПах показателей носили формальный и неинформативный характер и не отражали реальную картину в решении проблем безработицы и диверсификации экономик. В частности, при подсчете созданных рабочих мест включались временные рабочие места, при подсчете привлеченных инвестиций включались инвестиции, осуществленные до принятия КИПов нарастающим итогом³³. Более

³¹ Мероприятия комплексного плана социально-экономического развития города Норильска. URL: <https://www.norilsk-city.ru/100694/index.shtml> (дата обращения: 16.05.2022).

³² Социальное партнёрство: практики Ямала. URL: <http://regcomment.ru/analytics/sotsialnoe-partnerstvo-praktiki-ymala-2/> (дата обращения: 17.09.2022).

³³ «О результатах совместного контрольного мероприятия «Проверка результативности поддержки моногородов на территории Кировской области в рамках реализации приоритетной программы «Комплексное развитие

того, оказание содействия модернизации моногородов не стало задачей ВИК, производственные подразделения которых работают на территориях арктических моногородов³⁴. Анализ реализации государственной приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», в т. ч. опыта реализации особых правовых режимов (ТОР), также свидетельствует о низкой степени их эффективности. Так, по данным Счётной палаты РФ, сегодня фактически отсутствует взаимосвязь источников финансирования с мероприятиями, заложенными в такой программе, не в полной мере обеспечена синхронизация реализации инвестиционных проектов и строительства объектов инфраструктуры, существует дефицит специалистов для вновь создаваемых производств, а также занимающихся проектами модернизации управленцев. Итогом такой ситуации является дефицит отвечающих банковским стандартам инвестирования проектов, длительные процедуры формирования технической и разрешительной документации и пр.³⁵

Заключение

В результате анализа динамики социально-экономического развития моногородов российской Арктики нами обоснованы критические факторы (проблемы), ограничивающие возможности их территориального развития за счёт негативного влияния на бюджетную обеспеченность и инвестиционную активность.

Первую группу таких факторов составляют возможности минерально-ресурсной базы, определяющие естественные пределы и цикличность производственной деятельности градообразующих предприятий.

Вторую группу критических факторов образуют глобальные кризисные явления, продуцирующие зависимость производства градообразующих предприятий от внешней конъюнктуры цен на сырьё и основные статьи экспорта.

Третью группу критических факторов составляют риски исполнения бюджетных обязательств моногородов российской Арктики. Во-первых, изъятие производственными активами вертикально-интегрированных компаний минерально-сырьевых ресурсов происходит без фактической отдачи процента извлекаемой прибыли в муниципальные бюджеты. Во-вторых, уровень устойчивости деятельности градообразующих предприятий влияет на уровень социальной напряжённости на рынках труда, продуцируя критические риски в части исполнения бюджетных обязательств за счёт возможного сокращения численности работников градообразующих предприятий, последующего снижения уровня трудовых доходов, и, соответственно, снижения доходов по НДФЛ в местные бюджеты. В-

моногородов» в 2016-2017 годах» (с контрольно-счетным органом субъекта Российской Федерации). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/700/700ca4572b11e125ebce9867eba67971.pdf> (дата обращения: 17.09.2022).

³⁴ Аналитический доклад по вопросам управления развитием моногородов. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/a_monogoroda_iue_2011.pdf (дата обращения: 17.09.2022).

³⁵ Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг и оценка хода реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/1a5/1a5fb021746e6c823bc8457f6e200a0c.pdf> (дата обращения: 17.09.2022).

третьих, возможности развития моногородов российской Арктики зависят от политики вертикально интегрированных групп, их интересов в реализации социально-экономического партнёрства на территориях моногородов.

В совокупности такие факторы ограничивают возможности диверсификации экономики моногородов российской Арктики и развития в них предпринимательской активности, о чём, в частности, свидетельствует современное состояние большинства объектов инфраструктуры (нехватка транспортных путей сообщения, наличие ветхого и аварийного жилья, низкий уровень социального и инженерного обустройства). Несомненно, перспективные возможности развития моногородов российской Арктики связаны с успешной реализацией инвестиционных проектов градообразующих предприятий, а также созданием благоприятных условий для привлечения инвестиций посредством установления особых правовых режимов осуществления предпринимательской и иных видов деятельности. Тем не менее, анализ инвестиционных проектов градообразующих предприятий показывает, что сегодня приоритетные направления инвестиционной деятельности связаны с поддержанием природно-сырьевой базы с перспективой отработки запасов и расширением собственных мощностей производственных активов вертикально-интегрированных компаний, а выводы об эффективности установления особых правовых режимов хозяйствования преждевременны.

Список источников

1. Вижина И.А., Золотовская Ю.Б. Анализ проектов и социальных эффектов стратегии развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2030 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 64–72.
2. Плисецкий Е.Е., Малицкая Е.А. Специфика государственного и муниципального управления развитием монопрофильных муниципальных образований в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.85
3. Князева Г.А. Интеграционная модель стратегического управления северными моногородами на принципах устойчивого развития // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 103–110. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-103-110
4. Шумилова Е.Б., Авдеева Е.О., Мхитарян С.А. Арктические моногорода: вызовы нового времени (на примере Воркуты) // Идеи и новации. 2021. Т. 9. № 4. С. 95–103. DOI: 10.48023/2411-7943_2021_9_4_95
5. Гладышева И.В. Структурная политика для развития экономики моногородов Арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.76
6. Рябова Л.А., Дидык В.В., Корчак Е.А., Башмакова Е.П., Емельянова Е.Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 34–50.
7. Зайцев Д.В. Социальные проблемы монопрофильных муниципальных образований Арктической зоны на примере г. Мончегорск // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 28–34. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-28-34

8. Дядик В.В., Калугина А.С., Борzych В.Н. Корпоративная социальная ответственность градообразующего бизнеса моногородов российской Арктики анализ практик и мотивов (на примере моногородов Мурманской области) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 1 (68). С. 29–41. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-29-41
9. Skufina T., Bazhutova E., Samarina V., Serova N. Corporate Social Responsibility as a Reserve for the Growth of Entrepreneurial Activity in the Russian Arctic // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. 7 (6). 1024–1031. DOI: 10.18510/hssr.2019.76151
10. Самарина В.П., Скуфына Т.П., Савон Д.Ю. Комплексная оценка устойчивого развития горно-металлургических холдингов: проблемы и механизмы их разрешения // Уголь. 2021. № 7 (1144). С. 20–24. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-7-20-24
11. Пилясов А.Н., Путилова Е.С. Оспаривая очевидное: арктические города // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 9–32. DOI: 10.17323/usp5120209-32
12. Жаров В.С. Теоретико-методологические основы управления эффективным освоением минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 1 (63). С. 59–68. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.1.2019.63.59-68
13. Джозефсон П. Горное дело и металлургия в Арктике: советские моногорода // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 125–135
14. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118
15. Симакowa А.В. Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // Социальная политика и социология. 2019. № 2 (131). С. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144
16. Larchenko L.V., Kolesnikov R.A. The Development of the Russian Oil and Gas Industry in Terms of Sanctions and Falling Oil Price // Intern. J. Energy Economics and Policy. 2017. No. 7 (2). Pp. 352–359.
17. Кабанова И.В. Социально-экономическое развитие РФ (на примере города Новый Уренгой) // Вестник московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2015. № 4 (15). С. 25–31.
18. Колесников Р.А., Сухова Е.А. Современное социально-экономическое состояние городов Ямало-Ненецкого автономного округа и пути их инновационного развития // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 117–125. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.117
19. Кузнецов С.В., Замятина М.Ф., Фесенко Р.С. Риски внешней среды в развитии моногородов Арктической зоны РФ // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5 (134). С. 90–95.
20. Котов А.В. «Полярный Рур»: структурная политика в моногородах Российской Арктики // ЭКО. 2017. № 7. С. 34–52.
21. Новокшонова Е.Н. Анализ инвестиционного климата моногорода (на примере муниципального образования городской округ «Воркута» Республики Коми) // Вестник Евразийской академии административных наук. 2011. № 3 (16). С. 142–154.
22. Серова Н.А., Серова В.А. Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 42–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42
23. Куценко С.Ю., Павленко В.И., Платэ А.Н., Лексин А.Б. Особенности состояния жилищно-бытовых условий населения Арктической зоны Российской Федерации как одного из важнейших факторов устойчивого развития макрорегиона // Вестник Евразийской науки. 2020. № 1. С. 1–17.
24. Терентьев П.М., Зубова Е.М., Кашулин Н.А., Королева И.М. Особенности накопления тяжелых металлов в рыбах малых озер зеленого пояса Фенноскандии (на примере Мурманской области) // Труды Карельского научного центра РАН. 2019. № 5. С. 39–55. DOI: 10.17076/eco1083

25. Девяткин П.Н. Природные водные ресурсы района г. Мончегорск в условиях функционирования ОАО «Кольская горно-металлургическая компания» // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2008. Т. 11. № 3. С. 393–397.
26. Ключкина Э.С. Экологические угрозы здоровью населения промышленных территорий арктического региона // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 2–13. С. 91–103. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.91-103
27. Ковшов А.А., Новикова Ю.А., Федоров В.Н., Тихонова Н.А. Оценка рисков нарушений здоровья, связанных с качеством питьевой воды, в городских округах арктической зоны Российской Федерации // Вестник уральской медицинской академической науки. 2019. Т. 16. № 2. С. 215–222. DOI: 10.22138/2500-0918-2019-16-2-215-222
28. Мартынова А.А., Пряничников С.В. Территориальные аспекты заболеваемости детского населения в Мурманской области // ИНТЕРКАРТО. ИНТЕРГИС. 2021. Т. 27. № 4. С. 292–306. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-292-306
29. Петров В.Н., Терещенко П.С., Мегорский В.В. Изучение влияния минерального состава питьевой воды на уровень заболеваемости населения в Апатитско-Кировском районе Мурманской области // Морская медицина. 2017. Т. 3. № 3. С. 86–93. DOI: 10.22328/2413-5747-2017-3-3-86-93
30. Тихонова Г.И., Брылева М.С., Горчакова Т.Ю. Особенности смертности мужского населения моногорода, являющегося промышленным центром цветной металлургии // Медицина труда и промышленная экология. 2019. № 59 (9). С. 772–773. DOI: 10.31089/1026-9428-2019-59-9-772-773
31. Крюкова О.Г., Арсенова Е.В. Влияние мирового финансового кризиса на экономику моногородов // Эффективное антикризисное управление. 2010. № 1 (60). С. 80–87.
32. Социально-экономическое развитие северо-арктических территорий России: монография / коллектив авторов; под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Е.Е. Емельяновой. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2019. 119 с. DOI: 10.25702/KSC.978.5.91137.408.2
33. Оборин М.С. Механизмы стимулирования инновационного развития моногородов арктических территорий // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 105–119. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-105-119

References

1. Vzhina I.A., Zolotovskaya Yu.B. Analiz proektov i sotsial'nykh effektiv strategii razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga do 2030 goda [Analysis of Projects and Social Effects Strategy of the Development of the Yamal-Nenets Autonomous District up to 2030]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 64–72.
2. Pliseckij E.E., Malitskaya E.A. The Features of State and Municipal Management of the Development of Single-Industry Settlements in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 26, pp. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.85
3. Knyazeva G.A. Integratsionnaya model' strategicheskogo upravleniya severnymi monogorodami na printsipakh ustoichivogo razvitiya [Integration Model of Strategic Management of Northern Monotowns Based on the Principles of Sustainable Development]. *Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 2018, no. 1, pp. 103–110. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-103-110
4. Shumilova E.B., Avdeeva E.O., Mkhitarian S.A. Arkticheskie monogoroda: vyzovy novogo vremeni (na primere Vorkuty) [Arctic Single-Industry Towns: Challenges of a New Time (On the Example of Vorkuta)]. *Idei i novatsii* [Ideas and Innovations], 2021, vol. 9, no. 4, pp. 95–103. DOI: 10.48023/2411-7943_2021_9_4_95
5. Gladysheva I.V. Structural Policy for Economic Development of Single-Industry Cities of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 26, pp. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.76
6. Ryabova L.A., Didyk V.V., Korchak E.A., Bashmakova E.P., Emelyanova E.E. Arkticheskie monogoroda Rossiyskoy Federatsii: sotsial'nye problemy, puti ikh resheniya i rol' resursnykh korporatsiy [Arctic

- Monocities of the Russian Federation: Social Problems, Ways to Solve Them and the Role of Resource Corporations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2013, no. 3, pp. 34–50.
7. Zajcev D.V. Sotsial'nye problemy monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy Arkticheskoy zony na primere g. Monchegorsk [Social Problems of Arctic Single-Industry Towns: Monchegorsk Case Study]. *Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 2018, no. 3, pp. 28–34. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-28-34
 8. Dyadik V.V., Kalugina A.S., Borzykh V.N. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' gradoobrazuyushchego biznesa monogorodov rossiyskoy Arktiki: analiz praktik i motivov (na primere monogorodov Murmanskoy oblasti) [Corporate Social Responsibility of City-Forming Companies in Company Towns of Russian Arctic: Practices and Motives Analysis (On the Murmansk Region Company Towns Example)]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Development Prospects], 2022, no. 1 (68), pp. 29–41. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-29-41
 9. Skufina T., Bazhutova E., Samarina V., Serova N. Corporate Social Responsibility as a Reserve for the Growth of Entrepreneurial Activity in the Russian Arctic. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 2019, no. 7 (6), pp. 1024–1031. DOI: 10.18510/hssr.2019.76151
 10. Samarina V.P., Skufina T.P., Savon D.Yu. Kompleksnaya otsenka ustoychivogo razvitiya gorno-metallurgicheskikh kholdingov: problemy i mekhanizmy ikh razresheniya [Comprehensive Assessment of Sustainable Development of Mining and Metallurgical Holdings: Problems and Mechanisms of their Resolution]. *Ugol'*, 2021, no. 7 (1144), pp. 20–24. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-7-20-24
 11. Pilyasov A.N., Putilova E.S. Osparivaya ochevidnoe: arkticheskie goroda [Challenging the Obvious: Arctic Cities]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2020, vol. 5, no. 1, pp. 9–32. DOI: 10.17323/usp5120209-32
 12. Zharov V.S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy upravleniya effektivnym osvoeniem mineral'no-syr'evykh i toplivno-energeticheskikh resursov Arktiki [Theoretical-Methodological Bases of Management of the Effective Development of Mineral-Raw and Fuel and Energy Resources in the Arctic]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2019, no. 1 (63), pp. 59–68. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.1.2019.63.59-68
 13. Josephson P. Gornoe delo i metallurgiya v Arktike: sovetskie monogoroda [Mining and Metallurgy in the Arctic: The Soviet Company Towns]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 2 (43), pp. 125–135
 14. Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (the Case of the Murmansk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118
 15. Simakova A.V. Migratsionnye namereniya molodezhi (post)promyshlennykh monogorodov Arkticheskoy zony Rossii: ostat'sya ili uekhat'? [Youth Migratory Intentions at (Post) Extractive Arctic Mono-Industrial Cities: Live or Leave?]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2019, no. 2 (131), pp. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144
 16. Larchenko L.V., Kolesnikov R.A. The Development of the Russian Oil and Gas Industry in Terms of Sanctions and Falling Oil Price. *Intern. J. Energy Economics and Policy*, 2017, no. 7 (2), pp. 352–359.
 17. Kabanova I.V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie RF (na primere goroda Novyy Urengoy) [Socio-Economic Development of the City of Novy Urengoy]. *Vestnik moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management], 2015, no. 4 (15), pp. 25–31.
 18. Kolesnikov R.A., Suhova E.A. The Current Social and Economic Condition of the Cities of the Yamalo-Nenets Autonomous District and Their Innovative Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 26, pp. 117–125. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.117
 19. Kuznetsov S.V., Zamyatina M.F., Fesenko R.S. Riski vneshney sredy v razvitii monogorodov Arkticheskoy zony RF [External Risks of Russian Arctic Zone Monotowns' Development]. *Uchenye*

- zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2013, no. 5 (134), pp. 90–95.
20. Kotov A.V. «Polyarnyy Rur»: strukturnaya politika v monogorodakh Rossiyskoy Arktiki ["Polar Ruhr": Structural Policy in Monotowns of the Russian Arctic]. *EKO* [ECO], 2017, no. 7, pp. 34–52.
 21. Novokshonova E.N. Analiz investitsionnogo klimata monogoroda (na primere munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskoy okrug «Vorkuta» Respubliki Komi) [Investment Climate Analysis of Monotowns (After the Example of the Municipal Entity of the Urban District "Vorkuta" of Komi Republic)]. *Vestnik Evraziyskoy akademii administrativnykh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2011, no. 3 (16), pp. 142–154.
 22. Serova N.A., Serova V.A. Critical Tendencies of the Transport Infrastructure Development in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 42–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42
 23. Kutsenko S.Yu., Pavlenko V.I., Plate' A.N., Lexin A.B. Osobennosti sostoyaniya zhilishchno-bytovykh usloviy naseleniya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii kak odnogo iz vazhneyshikh faktorov ustoychivogo razvitiya makroregiona [Features of Housing and Living Conditions of the Population of the Arctic Zone of the Russian Federation as One of the Most Important Factors of Sustainable Development]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2020, no. 1, pp. 1–17.
 24. Terentjev P.M., Zubova E.M., Kashulin N.A., Koroleva I.M. Osobennosti nakopleniya tyazhelykh metallov v rybkakh malykh ozer zelenogo poyasa Fennoskandii (na primere Murmanskoy oblasti) [Patterns of Heavy Metals Accumulation in Fish in Lakes of the Fennoscandian Green Belt (In the Murmansk Region)]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences], 2019, no. 5, pp. 39–55. DOI: 10.17076/eco1083
 25. Devyatkin P.N. Prirodnye vodnye resursy rayona g. Monchegorsk v usloviyakh funktsionirovaniya OAO «Kol'skaya gorno-metallurgicheskaya kompaniya» [Natural Water Resources near Mochegorsk and the Open Joint-Stock Company "Kola GMK"]. *Vestnik MGTU* [Vestnik of MSTU], 2008, vol. 11, no. 3, pp. 393–397.
 26. Klyukina E.S. Ekologicheskie ugrozy zdorov'yu naseleniya promyshlennykh territoriy arkticheskogo regiona [Environmental Threats for the Health of the Population in the Arctic Region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Science Centre], 2018, vol. 9, no. 2–13, pp. 91–103. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.91-103
 27. Kovshov A.A., Novikova Yu.A., Fedorov V.N., Tikhonova N.A. Otsenka riskov narusheniy zdorov'ya, svyazannykh s kachestvom pit'evoy vody, v gorodskikh okrugakh arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Diseases Risk Assessment Associated with the Quality of Drinking Water in the Urban Districts of Russian Arctic]. *Vestnik ural'skoy meditsinskoy akademicheskoy nauki* [Journal of Ural Medical Academic Science], 2019, vol. 16, no. 2, pp. 215–222. DOI: 10.22138/2500-0918-2019-16-2-215-222
 28. Martynova A.A., Pryanichnikov S.V. Territorial'nye aspekty zabolevaemosti detskogo naseleniya v Murmanskoy oblasti [Territorial Aspects of Incidence of Child Population of the Murmansk Region]. *InterCarto. InterGIS*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 292–306. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-292-306
 29. Petrov V.N., Tereshchenko P.S., Megorskiy V.V. Izuchenie vliyaniya mineral'nogo sostava pit'evoy vody na uroven' zabolevaemosti naseleniya v Apatitsko-Kirovskom rayone Murmanskoy oblasti [The Study of the Influence of the Mineral State of Drinking Water on the Incidence of the Population in the Apatity-Kirovsk Region of the Murmansk Region]. *Morskaya meditsina* [Marine Medicine], 2017, vol. 3, no. 3, pp. 86–93. DOI: 10.22328/2413-5747-2017-3-3-86-93
 30. Tikhonova G.I., Bryleva M.S., Gorchakova T.Yu. Osobennosti smertnosti muzhskogo naseleniya monogoroda, yavlyayushchegosya promyshlennym tsentrom tsvetnoy metallurgii [Features of Mortality of the Male Population of the Monotown, Which Is the Industrial Center of Non-Ferrous Metallurgy]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya* [Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology], 2019, no. 59 (9), pp. 772–773. DOI: 10.31089/1026-9428-2019-59-9-772-773

31. Kryukova O.G., Arsenova E.V. Vliyanie mirovogo finansovogo krizisa na ekonomiku monogorodov [Global Financial Crisis Impact on Single-Industry Towns Economy]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie* [Effective Anti-Crisis Management], 2010, no. 1 (60), pp. 80–87.
32. Skufina T.P., Emelyanova E.E., eds. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie severo-arkticheskikh territoriy Rossii: monografiya* [Socio-Economic Development of the North Arctic Territories of Russia]. Apatity, FRC KSC RAS Publ., 2019, 119 p. (In Russ.) DOI: 10.25702/KSC.978.5.91137.408.2
33. Oborin M.S. Mekhanizmy stimulirovaniya innovatsionnogo razvitiya monogorodov arkticheskikh territoriy [Mechanisms for Stimulating Innovative Development of Single-Industry Towns in Arctic Territories]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [E-Journal Public Administration], 2022, no. 91, pp. 105–119. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-105-119

*Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022;
принята к публикации 27.10.2022.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 47–65.
Научная статья
УДК: 338.436.33(470.1/.2)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.47

Ключевые аспекты развития экономического потенциала АПК регионов Севера (на примере Республики Коми)

Мустафаев Азиз Агасалимович¹, кандидат экономических наук
Найденов Николай Дмитриевич^{2✉}, доктор экономических наук
Найденова Татьяна Анатольевна³, кандидат экономических наук

¹ Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Россия

² Российский университет кооперации, ул. Веры Волошиной, 12/30, Мытищи, 141014, Россия

³ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, пр. Октябрьский, 55, Сыктывкар, 167001, Россия

¹ mustafaev@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0108-400X>

² ND.Naidenov@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5159-6014>

³ Naydenovata@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

Аннотация. Основным исследовательским вопросом статьи является определение путей, способов, направлений и методов формирования полноценного экономического потенциала (производственного и потребительского) АПК северных регионов. Задачами исследования являются выявление содержания экономического потенциала, динамики накопления производственных мощностей и определение тенденций и перспектив проведения социально-экономических, экологических, инфраструктурных, демографических и рыночных преобразований в сфере АПК северных регионов. В качестве основной предпосылки исследования выбран принцип проведения систематического анализа о состоянии, составе и структуре АПК регионов Севера. Наиболее достоверным методом, выявляющим направления перспективного развития АПК регионов Севера, является ретроспективный анализ состояния их технико-экономических и иных показателей. Учитывая взаимосвязанные и взаимообусловленные свойства экономического потенциала, предложено осуществить развитие производственного и потребительского потенциалов АПК регионов Севера в едином контексте соответствующих экономических отношений и стратегии развития. Акцент должен быть сделан на постоянном обновлении элементов экономического потенциала АПК Северных регионов. Важную роль в преумножении экономического потенциала АПК Северных регионов должно сыграть формирование регулярной государственной финансово-экономической, правовой и иной поддержки АПК регионов Севера. Долгосрочная стратегическая линия развития АПК регионов Севера должна определяться не только уровнем производства и реализацией товарной продукции, но и объединением множества государственных и негосударственных программных мер в ясную и скоординированную действенную систему стратегических мероприятий. Рекомендуется осуществлять регулярную трансформацию элементов структур АПК Северных регионов из пассивного состояния в активного носителя интеллектуального капитала основных фондов и инвестиций.

Ключевые слова: аграрно-промышленный комплекс, экономический потенциал, производственный потенциал, потребительский потенциал, материальная ценность, структурные элементы, интеллектуальный капитал, ресурсы, принципы, регионы Севера

* © Мустафаев А.А., Найденов Н.Д., Найденова Т.А., 2023

Для цитирования: Мустафаев А.А., Найденов Н.Д., Найденова Т.А. Ключевые аспекты развития экономического потенциала АПК регионов Севера (на примере Республики Коми) // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 47–65. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.47

For citation: Mustafaev A.A., Naydenov N.D., Naydenova T.A. Key Aspects of the Economic Potential Development of the Agro-Industrial Complex of the Northern Regions (Case Study of the Komi Republic). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 47–65. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.47

Key Aspects of the Economic Potential Development of the Agro-Industrial Complex of the Northern Regions (Case Study of the Komi Republic)

Aziz A. Mustafaev¹, Cand. Sci. (Econ.)

Nikolay D. Naydenov^{2✉}, Dr. Sci. (Econ.)

Tatyana A. Naydenova³, Cand. Sci. (Econ.)

¹ Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Centre, Ural Branch RAS, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, 167982, Russia

² Russian University of Cooperation, ul. Very Voloshinoy, 12/30, Mytishchi, 141014, Russia

³ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, pr. Oktyabrsky, 55, Syktyvkar, 167001, Russia

¹ mustafaev@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0108-400X>

² ND.Naidenov@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5159-6014>

³ Naydenovata@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

Abstract. The article presents a scientific approach to the actual problem of the formation of a full-fledged economic potential (industrial and consumer) of the agro-industrial complex of the northern regions. The key premise of the study is that the content of the economic potential makes it possible to identify not only the dynamics of the accumulation of production capacities, but also to determine the trends and prospects for socio-economic, environmental, infrastructural, demographic and market transformations. The principle of conducting a systematic analysis of the state, composition and structure of the agro-industrial complex of the regions of the North of potential was chosen as the main prerequisite for the study. The most reliable method that reveals the directions of the prospective development of the agro-industrial complex of the regions of the North is a retrospective analysis of the state of their technical, economic and other indicators. Given the interrelated and interdependent properties of the economic potential, it is proposed to develop the production and consumer potentials of the agro-industrial complex of the regions of the North in a single context of relevant economic relations and development strategies. Emphasis should be placed on the constant renewal of the elements of the economic potential of the agro-industrial complex of the Northern regions. An important role in increasing the economic potential of the agro-industrial complex of the Northern regions should be played by the formation of regular state financial, economic, legal and other support for the agro-industrial complex of the regions of the North. The long-term strategic line for the development of the agro-industrial complex of the regions of the North should be determined not only by the level of production and sales of marketable products, but also by the combination of state and non-state program measures into a clear and coordinated effective system of strategic measures. It is recommended to regularly transform the elemental structures of the agro-industrial complex of the Northern regions from a passive state into an active carrier of intellectual capital, fixed assets and investments.

Keywords: *agro-industrial complex, economic potential, production potential, consumer potential, material value, structural elements, intellectual capital, resource, principle, regions of the North*

Введение

В перечень регионов Севера в рамках данного исследования мы включаем районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера, перечисленные в Постановлении Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР».

Экономический потенциал АПК — это совокупность капитальных ресурсов и человеческого капитала, которые позволяют выпускать конкурентоспособную продукцию и оказы-

вать услуги в требуемом объёме для развития производства и потребления продукции АПК. С точки зрения сущностной характеристики экономический потенциал АПК может рассматриваться как система, элементами которой выступают его отрасли и инфраструктура, образующие единую целостность. С другой стороны, экономический потенциал — главный фактор обеспечения устойчивости функционирования АПК в целом. Экономический потенциал АПК также включает природно-климатические условия, влияние воздействия на окружающую среду, внутренние побудительные мотивы развития производства, потребления, распределения и обмена продукцией.

Экономический потенциал АПК включает в себя рыночный и производственный потенциалы. Последний представляет собой реальный объём и качество выпускаемой продукции, достигнутые при наличии и полномасштабном использовании имеющихся капитальных, трудовых, земельных и иных ресурсов.

Важным фактором становления экономического потенциала АПК является динамика доходов. Оценка экономического потенциала АПК должна исходить из возможностей получения будущих доходов, которые по большей части являются следствием вложения инвестиционных ресурсов.

Исходя из существующих принципов хозяйствования, сложных природно-климатических и экономических условий функционирования, а также применяемых методов и механизмов интеграционного поведения, можно сказать, что в процессе достижения устойчивого развития АПК регионов Севера его отрасли и подотрасли функционируют в особых природно-климатических и экономических условиях, что позволяет объединить их в специфической экономической зоне, которой можно присвоить определённый юридический статус, предполагающий постоянную государственную поддержку. Это говорит о необходимости формирования новой формы и новых методов финансирования и функционирования АПК регионов Севера. По существу, речь идёт об особой форме хозяйствования, которая обеспечит надёжное и всестороннее развитие АПК регионов Севера с оказанием регулярной государственной финансово-экономической, правовой и иной поддержки.

Основной акцент исследования сделан на развитии производственного и потребительского потенциалов АПК регионов Севера в едином контексте в рамках соответствующих экономических отношений. Это даст возможность ускорить процессы перевода их из пассивных состояний в высокотехнологичную индустриально-интеллектуальную основу с прогрессивными методами управления. Исследованием определено, что более достоверный анализ экономического потенциала даёт ясное представление о целостности его элементных структур, о состоянии их операционных активов.

Если судить по общеэкономической деятельности, то заметим, что наиболее достоверным методом, выявляющим направления перспективного развития АПК регионов Севера, является ретроспективный анализ состояния их технико-экономических и иных показателей. Данный метод позволяет не только выявить содержательные характеристики экономи-

ческого потенциала АПК регионов Севера, но и оценить происходящие изменения в отдельно взятых отраслях, подотраслях, а также видах деятельности. В этой связи настоящее исследование приобретает актуальное значение. Потребность в такого рода исследованиях постоянно растёт.

Цель исследования состоит в определении путей, способов, направлений и методов формирования полноценного экономического потенциала (производственного и потребительского) АПК северных регионов, формировании полноценного экономического потенциала АПК регионов Севера, улучшении их количественных и качественных параметров структурного состава. Формирование полноценного экономического потенциала АПК северных регионов позволит коренным образом изменить характер работы звеньев АПК регионов Севера, обеспечить их эффективность в долгосрочной перспективе. Реальные конкретные технико-экономические и иные показатели, а также текущие результаты производства, распределения, потребления и обмена дают убедительные аргументы о необходимости достижения долгосрочного и устойчивого развития АПК регионов Севера путём формирования полноценного экономического потенциала.

Задачи исследования заключаются в определении реальных тенденций в содержании экономического потенциала, источников расширения масштабов и обновления экономического потенциала АПК регионов Севера, обеспечении системного развития его основных элементов и необходимых условий их взаимообусловленного развития, разработке и внедрении прогрессивных принципов регулирования пропорциональности АПК северных регионов. В статье раскрываются теоретико-методологические и практические основы эффективного хозяйствования АПК регионов севера, формы и методы перевода их из существующего состояния в состояние, адекватное интенсивно-инвестиционному пути развития. С точки зрения содержательной характеристики, экономический потенциал АПК представляет собой совокупность социально-экономических объектов и отношений, которая отражает не только степени накопления производственных мощностей, но и уровень сбалансированности основных параметров производственного и потребительского потенциалов, потенциальные изменения инфраструктурного и демографического облика АПК, нагрузку на окружающую среду.

Обзор литературы

Исследования экономического потенциала АПК регионов Севера занимают заметное место в экономической литературе.

В научной литературе, посвящённой исследованию экономического потенциала АПК северных регионов, подтверждено, что, с точки зрения классического подхода, экономический потенциал — это основное исходное составляющее устойчивого развития АПК. Данный потенциал является движущей силой развития не только производства, но и рынка продовольствия. На основе экономического потенциала решаются ключевые задачи развития АПК

регионов Севера. Состояние экономического потенциала в разных регионах обуславливает их дифференциацию по степени эффективности производства продукции АПК. Уровень экономического потенциала ярко характеризует экономическую мощь сфер и предприятий АПК, а динамика — степень эффективности воспроизводства. Это говорит о необходимости широкомасштабных и разнообразных форм развития экономического потенциала АПК регионов Севера, которые охватывают и его целостное движение, и пропорциональность основных технологических циклов (ОТЦ) — «финансы — наука — производство — рынок».

Вместе с тем в литературе подтверждено, что социально-экономические и иные преобразования АПК плохо поддаются техническим и статическим оценкам. Поэтому исследование экономического потенциала АПК северных регионов требует разносторонних методов научного анализа.

В научной литературе ключевыми аспектами исследований являются выявление содержания экономического потенциала, определение динамики накопления производственных мощностей, прогнозирование тенденций и рекомендуемый выбор организационных усилий в процессе социально-экономических, экологических, инфраструктурных, демографических, рыночных и иных преобразований.

Эпштейн Д., Хокман Г. рассматривают взаимосвязь ресурсного потенциала и эффективности сельхозпредприятий [1].

Гаджиев Ю.А., Стыров А.А., Мустафаев А.А. и др. анализируют инвестиционно-инновационную систему АПК северных регионов, проблемы и перспективы её совершенствования [2].

Горбунов А.А. отмечает, что особое значение в исследованиях АПК регионов Севера придается не только изучению и достижению полноценности экономического потенциала АПК регионов Севера, но также улучшению взаимообусловленных характеристик его основных производственных и потребительских элементов [3, с. 82].

Магомедов Р.М., Халимбеков Х.З. под производственным потенциалом АПК понимают совокупность производственных ресурсов, измеренных в количественных и качественных показателях, в единстве с их отдачей при условии наилучшего использования в данных природно-климатических условиях и при заданных тенденциях развития технологий [4]. Для характеристики экономического потенциала авторы наряду с категорией производственного капитала используют категорию «потребительский потенциал» (перспективный уровень потребления продукции АПК. По их мнению, единство производственного и потребительского потенциалов обуславливает категорию экономического потенциала.

Серова Е.В., Гражданинова М.П., Карлова Н.А. анализируют рынок покупок ресурсов как фактор использования экономического потенциала АПК [5, с. 105].

Витун С.Е., А.В. Рысенко, подчёркивают, что, как правило, основой повышения уровня экономического потенциала АПК регионов Севера являются надёжные внутренние и внеш-

ние источники финансирования — достаточные для регулярного инвестирования его сфер и предприятий [6, с. 69].

Каган А.Х. посвящает своё исследование раскрытию сущности экономического потенциала. Автор считает, что экономический потенциал выражает наивысшие количественные и качественные возможности системы, функционирующей при определённом уровне развития науки, техники, технологий [7].

Важные теоретические и методологические аспекты взаимосвязи экономического потенциала и эффективности производства раскрыты в статьях Свободина В.А. [8].

Херат Дж. показывает, что доходы населения положительно коррелируют с развитием сельского хозяйства, что обуславливает укрепление экономического потенциала сельского хозяйства в процессе ускорения экономического роста [9].

Киселева Н.Н., Папушоя М.С. уточняют категориальное содержание ресурсного потенциала сельского хозяйства и его структуру с учетом инновационной составляющей [10].

Найденов Н.Д., Мустафаев А.А., Найденова Т.А. анализируют экономический потенциал развития сельского хозяйства в пенитенциарных учреждениях Арктики [11].

Анищенко А.Н. оценивает производственный потенциал субъектов Европейского Севера в области сельского хозяйства и аргументирует, что субъекты Европейского Севера обладают значительным потенциалом развития сельского хозяйства [12].

Таким образом, мы видим, что в России и за рубежом широко обсуждаются вопросы наращивания экономического потенциала сельского хозяйства и АПК. Авторы единодушны в том, что экономический потенциал АПК регионов Севера перспективен для инвестиционных вложений. Однако на практике экономический потенциал АПК северных регионов недооценивается, а специфика экономического потенциала в условиях регионов Севера изучена недостаточно. Важно углубить понимание специфики экономического потенциала АПК регионов Севера и найти формы и методы усиления его положительного влияния на экономический рост регионов Севера.

Материалы исследования

Рассмотрим динамику движения инвестиций в основной капитал и основные производственные фонды сельского хозяйства регионов Крайнего Севера (табл. 1).

Таблица 1

Динамика инвестиций в основной капитал и основные производственные фонды сельского хозяйства в регионах Крайнего Севера России, в тыс. руб.¹

Регионы крайнего се- вера	Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства (в среднем), тыс. руб.			Изменение инвестиций в процен- тах к предыдущему периоду		
	2010– 2013	2014– 2017	2018– 2020	2010– 2013	2014– 2017	2018– 2020
Архангель-	1876069,	543817,3	1169780,	100	28,5	215,1

¹ Источник: материалы, предоставленные по официальному запросу Федеральной службой государственной статистики России, расчёты авторов.

ская область	0		0			
Республика Коми	647174,3	764191,0	1004223,0	100	15,4	131,4
Республика Карелия	283521,3	296831,0	346725,2	100	104,6	122,2
Мурманская область	219407,6	259007,6	229456,5	100	118,0	88,5
Ханты-Мансийский АО	81165,3	73546,6	63297,0	100	90,6	77,9
Ямало-Ненецкий АО	238623,6	329045,6	200632,0	100	137,8	84,0
Ненецкий АО	111165,3	99426,3	197258,7	100	89,4	198,0
Республика Саха (Якутия)	447526,0	257005,6	313521,5	100	57,4	121,9
Магаданская область	28016,0	41857,3	18765,0	100	149,4	44,8
Камчатский край	194777,6	289621,0	241933,0	100	148,6	124,4
Чукотский АО	228110,0	120175,0	59209,0	100	53,1	49,2
Сахалинская область	379542,6	1154068,6	4854736,5	100	304,0	420,6
Среднее				100	108,5	139,8
Медиана					97,6	122,5
Дисперсия					9637,8	5324,6

Анализ данных, показанных в табл. 1, указывает на то, что процесс инвестирования сельского хозяйства регионов Крайнего Севера носит нестабильный и неравномерный характер. Особенно это характерно для Архангельской, Мурманской и Магаданской областей, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Чукотского и Ненецкого автономных округов. Нестабильность в инвестиционной сфере АПК создаёт благоприятную атмосферу для появления деинвестиционной тенденции ведения сельскохозяйственного производства АПК регионов Севера. Кроме того, сама по себе нестабильность инвестиционных процессов является выражением диспропорциональности. Нестабильность в инвестиционной сфере обуславливает усиление процессов диспропорциональности в технологической структуре капитала и видовой структуре основных производственных фондов. В конечном счете, нестабильность в инвестиционной сфере ведёт к уменьшению производственного и потребительского потенциалов в сфере АПК в целом по регионам Арктики (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика основных производственных фондов сельского хозяйства в основных регионах Крайнего Севера России, в тыс. руб.²

Регионы крайнего севера	Основные производственные фонды сельского хозяйства (в среднем), тыс. руб.			Изменение основных производственных фондов сельского хозяйства в процентах к предыдущему периоду		
	2010–2013	2010–2013	2014–2017	2010–2013	2014–2017	2018–2020

² Источник: материалы, предоставленные по официальному запросу Федеральной службой государственной статистики России, расчёты авторов.

Архангельская область	8680042,0	4010761,6	5338016,7	100	46,2	13,3
Республика Коми	4423036,3	5889853,3	8969080,7	100	133,0	152,2
Республика Карелия	2644679,6	3223455,3	2913692,7	100	121	180,7
Мурманская область	1729071,3	1933268,6	1899883,0	100	111,8	98,2
Ханты-Мансийский АО	1365131,0	1503373,0	727837,5	100	110,1	48,4
Ямало-Ненецкий АО	1427401,0	1964953,0	1900025,7	100	137,6	96,6
Ненецкий АО	648679,6	694404,0	1233297,5	100	107	177,6
Республика Саха (Якутия)	4244420,3	4738432,6	8066495,2	100	111,6	170,2
Магаданская область	181942,3	526357,0	379017,7	100	289,2	72,0
Камчатский край	1342830,3	1656873,0	1682135,2	100	123	101,5
Чукотский АО	1049496,3	709467,6	954222,0	100	67,6	134,4
Сахалинская область	2310404,0	4455993,0	11364818,2	100	192,8	255,0
Среднее				100	129,2	119,9
Медиана					116,4	101,5
Дисперсия					3499,1	4135,2

Как показывает табл. 2, абсолютное уменьшение объёмов капитальных вложений в АПК регионов Севера замедлило процессы модернизации и реконструкции основных производственных фондов.

Снижение темпов инновационной деятельности увеличило объёмы используемой старой техники, оборудования и привело к несоответствию производственной потребности. Разрушилась прямая зависимость между динамикой роста инвестиционных ресурсов и темпами роста производства. Появились проблемы не только деструктивного размещения производственных мощностей, но и диспропорции в агропромышленных сферах. В конечном счёте диспропорции в агропромышленных сферах приводят к неэффективности использования капитальных ценностей, ухудшению состояния обрабатываемых земель, а также к деструктивной расстановке работников.

По нашим наблюдениям и оценкам, в основных регионах Севера наблюдается рост затрат и цен на новую технику, что обуславливает рост объёмов ремонтных работ. Отсюда возникает явление фиктивного имущества. Оно выражается в увеличении текущих расходов (прежде всего, ремонтных работ) и расходов на обслуживание имеющегося устаревшего оборудования (машин и механизмов) при сохранении или даже уменьшении производственных мощностей.

Вышеизложенные данные позволяют сделать вывод о том, что для более полного использования экономического потенциала АПК регионов Севера необходимо формирование полноценного инвестиционного цикла, включающего в себя широкое использование инно-

ваний. Инвестиционный цикл представляет собой замкнутую цепь последовательно связанных между собой звеньев деятельности АПК.

Заметим, что рост стоимости основных производственных фондов определяющим образом формируется за счёт двух источников: 1) увеличение размера инвестиций в сельском хозяйстве до объёма, способного улучшить количественные и качественные характеристики применяемых основных производственных фондов; 2) проведение периодической переоценки основных производственных фондов, способных «искусственно» повысить их стоимость и укрепить уставный фонд сельскохозяйственных предприятий. Вопреки всем обстоятельствам, особое значение имеет прогнозирование роста инвестиций и формирование основных производственных фондов конкретных предприятий. Хотя «...в отличие от исторических и альтернативных расчетов, прогнозный расчёт не содержит благоразумных значений экзогенных переменных» [13, с. 135].

В отличие от роста новых инвестиций и фондов, переоценка старой стоимости фондов (приравнивание их старой стоимости к действующей рыночной стоимости) не является естественным источником изменения физической характеристики основных фондов, которые состоят в количественных и качественных параметрах операционных активов. Таким образом, переоценка стоимости фондов ухудшает перспективы повышения уровня использования экономического потенциала АПК. «Чем меньше уровень конкуренции на рынке, тем больше проблем с эффективностью деятельности предприятий» [14, с. 350].

Известно, что формирование производственного потенциала АПК исходит из эффективности инвестиций. Однако при низком уровне эффективности хозяйственной деятельности субъектов АПК регионов Севера, осуществляемой в суровых природно-климатических условиях, неприменим в полной мере постулат эффективности инвестиций, не ниже средней по России. Необходим учёт конкретных сложившихся финансово-экономических обстоятельств и приведение соответствия между эффективностью инвестиций и параметров ожидаемой отдачи.

Главная задача в использовании экономического потенциала АПК Северных регионов состоит в эффективной реализации производственной функции ресурсов и технологий. Учитывая лучшие функциональные характеристики АПК Республики Коми, рассмотрим некоторые основные показатели развития его производственного потенциала (табл. 3).

Таблица 3

Динамика основных показателей, характеризующих уровень производственного потенциала сельского хозяйства АПК Республики Коми за 2010–2020 гг.³

Показатели	В среднем		
	2010–2013гг.	2014–2017гг.	2018–2020гг.
Объём произведенной продукции, млн. руб. Сельское хозяйство, всего:	7243,1	10041,6	10749,1
из них: растениеводство	2134,8	2826,8	2737,2

³ Источник: Материалы, предоставленные по официальному запросу Федеральной службы государственной статистики России, расчёты авторов.

животноводство	5108,3	7214,8	8811,8
Индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах), в % к предыдущему году	97,8	100,3	101,8
Индекс инвестиций в основной капитал сельского хозяйства, в % к предыдущему году	102,3	118,0	131,4
Индекс наличия основных фондов сельского хозяйства, в % к предыдущему году	114,8	133,1	152,2
Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств: сельскохозяйственные организации, ед.	67	70	71
Хозяйства населения, ед.	28	26	24
Крестьянские (фермерские) хозяйства, ед.	5	4	5
Доля прибыльных организаций, ед.	54	56	65
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн. руб.	394,9	514,7	402,0
Уровень рентабельности проданных товаров (работ, услуг), %	2,7	2,3	-3,7

Как показывает табл. 3, за 2010–2020 гг. экономический потенциал АПК Республики Коми по показателю рентабельности показал негативную тенденцию в своём развитии. Причиной этой тенденции выступает низкая конкурентоспособность продукции АПК Республики Коми на региональном рынке. Процессы формирования производственного потенциала АПК Республики Коми сдерживаются завозом продукции из более южных регионов. Однако это не исключает поиск эффективных сегментов товарных сельскохозяйственных рынков конкурентоспособных местных товаропроизводителей и платёжеспособных покупателей.

В силу низкой производительности труда объёмы производства у большинства предприятий АПК регионов Севера невелики. Поэтому субъекты АПК регионов Севера не в состоянии приобретать высокопроизводительные машины и оборудование, предназначенные для использования при производстве в больших масштабах. Многие аграрные предприятия АПК регионов Севера не в состоянии применить эффективные методы финансирования и функционирования — рационализировать оборот ресурсов и применить эффективные механизмы хозяйственной деятельности. Эффективность использования экономического потенциала АПК регионов Севера зависит от оборудования и техники, адаптированных к условиям маломасштабного производства [15, с. 64].

В сельскохозяйственных организациях АПК регионов Севера, по нашим наблюдениям, и оценкам, срок эксплуатации (прежде всего средний возраст и средний срок службы) техники и оборудования значительно превышают нормативные сроки службы, вследствие чего, происходит активная деградация сельскохозяйственных машинно-тракторных парков.

Поэтому часть производственных мощностей, которая фактически не используется в составе экономического потенциала из-за роста ремонтных расходов, сдерживает эффек-

тивное использование производственного потенциала. Неиспользованные производственные мощности не могут быть резервными, и они не являются следствием временных конъюнктурных изменений спроса.

В составе производственного потенциала АПК регионов Севера есть имущество, которое морально или физически устарело, не соответствует природно-климатическим условиям. Это имущество мешает получению ожидаемой нормы дохода, и от него следует избавляться.

В регионах Севера земельные участки, пригодные для сельскохозяйственного использования зачастую забрасываются. Однако развитие локальных рынков сбыта продукции в местах добычи полезных ископаемых и их транспортировки позволяют расширять площади используемых земельных участков.

В регионах Севера площадь распаханых сельскохозяйственных угодий незначительна относительно общей площади. Исходя из этого следует особо отметить, что экономический эффект сельскохозяйственного землепользования в регионах Севера в значительной степени состоит не столько в росте доходов и оптимизации операционных расходов, сколько в показателях, характеризующих улучшение использования земельных участков и связанных с ними объектов недвижимости [16, с. 80].

Актуальными задачами в процессе использования потенциала земель в АПК регионов Севера является ведение мониторинга земель с организацией современных геоинформационных технологий, составление земельного кадастра и правовое оформление земель. В этих направлениях работа только начинается.

Особое место в экономическом потенциале АПК регионов Севера занимает формирование трудового потенциала. Анализ показывает, что за последние 10 лет абсолютная численность сельского населения в регионах Севера снизилась. Происходит оттока сельского населения в близлежащие города, посёлки и иного характера населённые пункты.

Основными причинами являются: 1) активное сокращение сельскохозяйственного производства; 2) низкая оплата труда сельскохозяйственных работников. По нашим расчётам, средняя начисленная заработная плата в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве регионов Севера составляет чуть более 60% средней зарплаты по экономике РФ. Низкая оплата труда выталкивает из села активное трудоспособное население и молодёжь, которая старается получить не связанные с сельским хозяйством специальности [17, с. 151].

Главная задача в части улучшения использования трудового потенциала состоит в переводе трудовых ресурсов из состояния негативного отношения к труду в АПК в активных носителей интеллектуального капитала АПК Северных регионов.

Даже на первый взгляд видно, что в силу объективных и субъективных причин темпы развития экономического потенциала АПК регионов Севера, как между отдельными регионами, так и между различными сферами и предприятиями внутри АПК далеко не одинаковы, особенно сильно различаются они по выпуску продукции сельского хозяйства. Вместе с

тем наблюдаются и определённые закономерности. Во всех регионах Севера имеет место высокий прирост сельскохозяйственной продукции наблюдается в животноводстве, что тесно связано с более благоприятными условиями ведения этой отрасли сельского хозяйства, с ростом инвестиций и увеличением объёма дотаций в этом сегменте. Значительное уменьшение производства растениеводческой продукции связано не только с неблагоприятными природно-климатическими условиями, но и с сокращением обрабатываемых земельных угодий, а также с уменьшением вложений в них. Институциональная структура производства сельского хозяйства в части растениеводческой продукции в регионах Севера такова, что значительный удельный вес по их производству занимают крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения. Например, по нашим расчётам, в 2016 г. крестьянско-фермерские хозяйства производили 5% всего объёма картофеля, хозяйственные организации — 7%, а хозяйства населения — 88%. Аналогичная ситуация наблюдается и в производстве овощей. В 2015 г. крестьянско-фермерские хозяйства производили 3% всего объёма картофеля, хозяйственные организации — 21%, а хозяйства населения — 88%.

Поэтому имеют место дисбалансы в экономическом потенциале АПК Северных регионов, в частности между животноводством и растениеводством в целом. Слабое развитие растениеводства тормозит процессы формирования кормовой базы в животноводстве, сдерживает всевозможные варианты развития экономического потенциала. Важно более чётко соблюдать сбалансированные цепочки взаимообусловленности связей растениеводства и животноводства в рамках экономического потенциала АПК Северных регионов.

Важным фактором производства физического объёма выпускаемой товарной продукции является потребительский потенциал регионов Севера. Исходя из взаимосвязанности и взаимообусловленности производственных и потребительских потенциалов, отметим, что основная задача обеспечения их эффективности состоит в эффективном регулировании соотношений между капиталом, выпуском и потреблением в каждом конкретном субрегиональном продовольственном рынке.

Особого внимания в более полном использовании экономического потенциала АПК Северных регионов требует обеспечение пропорционального развития производственных, социальных и рыночных инфраструктур, включая информационные технологии и инфраструктуру социологических и маркетинговых исследований. При отсутствии современных информационных технологий в составе экономического потенциала регионов Севера невозможно отвечать запросам и ожиданиям потребителей, повысить качество оказываемых услуг населению в сфере АПК [18, с. 148].

Потребительский потенциал охватывает не только экономические и социальные отношения у потребителей и действующих потребительских организаций, но и множество стейкхолдерских связей, выражающихся в тесных отношениях производителей, поставщиков, потребителей, партнеров, клиентов, государства, общественных организаций. Отношения заинтересованных физических и юридических лиц в сфере потребления продовольствия

формирует своеобразную взаимозависимую систему стейкхолдеров как в сферах производства, так и в сферах потребления. Проблемы реализации продукции предъявляют повышенные требования к подразделениям, занимающимся сбытом и материально-техническим снабжением, и к подразделениям производства [19, с. 534].

Повышение доли региональных производителей в соответствующем потребительском потенциале, на наш взгляд, требует государственной поддержки. Государству целесообразно разрабатывать и проводить курс политики аграрного протекционизма с целью защиты региональных товаропроизводителей от недобросовестной инорегиональной конкуренции, (поставки товаров по демпинговым ценам или низкого качества).

Важным направлением для более полного использования потенциала АПК Северных регионов является ускорение торгового оборота продовольствия на региональных рынках Севера за счёт местного производства. Здесь важную роль может организация программно-целевой закупки необходимых продовольственных товаров, работ и услуг локального значения для государственных и муниципальных нужд. Это позволило бы своевременно удовлетворять потребности учреждений и организаций в локальные агропродовольственных товарах [20, с. 70].

За 2010–2020 гг. значительно вырос оборот торговли почти во всех регионах Севера, в большей степени он увеличивался за счёт ввозимых товаров. Наши расчёты показывают, что за указанный период в среднем по регионам Севера оборот розничной торговли (в фактически действующих ценах) увеличился почти в семь раз, а на душу населения — всего в 5,3 раза. За данный период в среднем индекс физического объёма оборота розничной торговли (в % к предыдущему году) составлял 112,1%. По нашим расчётам на основе данных Госкомстата, соотношение самой высокой и самой низкой обеспеченности продуктами питания на душу населения (в кг за год) в регионах Крайнего Севера и приравненных к ним районах составляло: по мясу и мясопродуктам — 87:43, молоку и молокопродуктам — 374:153, картофелю 230: 83, рыбе и рыбопродуктам — 29:10. Следовательно, колебание в потреблении данной продукции составляло соответственно — 2,0; 2,4; 2,8 и 2,9 раз.

Наши расчёты показывают, что за анализируемый период потребление продуктов питания населением в регионах Севера не соответствовало научно обоснованным нормам питания. Если для Севера научно обоснованная норма потребления мяса и мясопродуктов на душу населения составляет 90 кг, то в среднем за эти годы в регионах Севера она равнялась к 59,7 кг, что почти на 34% меньше. Аналогичные показатели по молоку и молокопродуктам составили соответственно — 425 и 230 кг, по яйцам — 320 и 256 штук, по картофелю — 120 и 89 кг, по овощам и бахчевым культурам — 105 и 79 кг, по рыбе и рыбопродуктам — 40 и 15 кг.

По нашим данным, в среднем за 2011–2020 гг. в регионах Севера процентное соотношение между производимой и ввозимой продукцией в общих ресурсах по картофелю, включая импорт, составило 58,3:6,1; овощам и продовольственным бахчевым культурам — 23,1:67,3; мясу и мясопродуктам — 24,2:68,7; молоку и молокопродуктам — 26,4:64,8; яйцу и

яйцепродуктам соответственно — 71,3:38,1. Аналогичное соотношение между производственным и личным потреблением в используемых совокупных ресурсах составило — 18,1:39,4; 2,4:89,1; 0,2:95,7; 2,9:91,0 и 5,2:98,7.

В качестве примера существенно значимых различий в потреблении продуктов питания по субрегионам регионов Севера обратимся к Республике Коми. Рассмотрим структуру продовольственных ресурсов по территориям поступления в Республике Коми (табл. 4).

Таблица 4

Структура продовольственных ресурсов по территориям поступления в Республике Коми, в процентах к итогу⁴

Показатели	2005–2008 гг.	2009–2012 гг.	2013–2016 гг.	2017–2020 гг.
Картофель: Запасы на начало года	39	34	42	31
Производство	47	44	41	42
Ввоз, включая импорт	14	22	17	27
Итого ресурсов	100	100	100	100
Овощи и бахчевые культуры: Запасы на начало года	14	16	11	17
Производство	24	28	31	22
Ввоз, включая импорт	62	56	58	61
Итого ресурсов	100	100	100	100
Мясо и мясопродукты: Запасы на начало года	7	5	4	6
Производство	21	19	20	26
Ввоз, включая импорт	72	76	76	68
Итого ресурсов	100	100	100	100
Молоко и молокопродукты: Запасы на начало года	4	6	5	7
Производство	32	27	28	29
Ввоз, включая импорт	64	67	67	64
Итого ресурсов	100	100	100	100

Как показывает табл. 4, за 2005–2020 гг. в Республике Коми доля собственного производства в продовольственных ресурсах в целом снижается.

По нашим расчётам на основе данных Госкомстата Республики Коми, за период 2005–2020 гг. динамика производства картофеля и овощей на душу населения в Республике Коми оставалась на низком уровне. Наблюдалось увеличение поступлений из других регионов не только картофеля и овощей, но и колбасных изделий, цельномолочной продукции, молочных консервов.

За последние двадцать лет наблюдается сближение фактических и нормативных показателей в Республике Коми, однако различия в потреблении основных продуктов питания на душу населения между субрегионами Республики Коми остаются значительными. Например, соотношение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций и величины прожиточного минимума в процентах в среднем по Республике Коми составляли

⁴ Источник: Материалы, предоставленные по официальному запросу Федеральной службой государственной статистики России, расчёты авторов.

в 2019 г. 399%, в Вуктыле 492%, в Усть-Куломском районе 256% (данные Госкомстата Республики Коми). Указанные различия объясняются не только дифференциацией доходов населения в субрегионах Республики Коми, но и недостаточно развитой сетью рыночных инфраструктур, организацией и управлением торговыми сетями

Выводы

Резюмируя, отметим, что степень функциональной полезности экономического потенциала АПК определяется количественными и качественными параметрами накопленных производственных мощностей и потребительских возможностей, способностью региональных товаропроизводителей выпускать конкурентоспособную продукцию (работы, услуги) для удовлетворения потребительского спроса.

1. В регионах Севера снижаются поставки всех видов сельскохозяйственной техники, растёт степень изношенности основных производственных фондов, капитальные вложения в сельское хозяйство не стабильны.

2. Степень использования экономического потенциала регионов Севера снижается вследствие нестабильности пропорций и инвестиций в АПК регионов Севера.

3. Авторы статьи считают, что для более полного использования экономического потенциала АПК регионов Севера основной акцент должен быть сделан на формировании инфраструктуры регионального рынка продовольствия.

4. В первую очередь необходимо улучшить пропорциональность между производством сельскохозяйственной продукции, переработкой сырья и элементами торговой инфраструктуры.

5. Важно формировать доверительные психологические установки в отношениях между региональными сельскохозяйственными товаропроизводителями, переработчиками сырья, торговлей и потребителями, что будет способствовать не только удовлетворению взаимных интересов, но и обеспечивать ликвидацию дисбалансов в источниках поступлений продовольственных товаров на региональные рынки.

6. Степень функциональной полезности экономического потенциала АПК определяется количественными и качественными параметрами накопленных производственных мощностей и потребительских возможностей, однако в этом немаловажную роль играет сохранение и накопление способностей, навыков и навыков региональных товаропроизводителей выпускать конкурентоспособную продукцию (работы, услуги) для удовлетворения потребительского спроса.

7. Отсутствие маркетинговых служб на предприятиях АПК регионов Севера сдерживает повышение уровня использования их экономического потенциала. Этот недостаток в работе их экономических служб необходимо устранить.

8. Целесообразно объединить регионы Севера в особую экономическую зону, в которой предприятиям АПК будет оказываться всесторонняя государственно финансово-

экономическая, правовая и иная поддержка, методы которой должны быть приведены в ясную и скоординированную систему.

Список источников

1. Эпштейн Д., Хокман Г. Взаимосвязь ресурсного потенциала и эффективности сельхозпредприятий // АПК: Экономика и управление. 2008. № 1. С. 57–61.
2. Гаджиев Ю.А., Стыров А.А., Мустафаев А.А. и др. Инвестиционно-инновационная система АПК северных регионов и проблемы и перспективы: проблемы и перспективы. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2017. 301 с.
3. Горбунов А.А. Основные направления и проблемы стратегического анализа развития региона как сложной социо-эколого-экономической системы // В кн.: Стратегический анализ социально-экономического развития региона: принципы, основные направления, проблемы / Под ред. Гневко В.А., Рохчина В.Е. Санкт-Петербург: ИМЕ, 2004. 285 с.
4. Магомедов Р.М., Халимбеков Х.З. Сущность категории производственный потенциал в системе аграрной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 12 (62). С. 29–35.
5. Серова Е.В., Гражданинова М.П., Карлова Н.А. и др. Эффективность использования покупных ресурсов в производстве различных продуктов / В кн.: Рынок покупных ресурсов в Российском сельском хозяйстве. Москва: Институт экономики переходного периода, 2003. 195 с.
6. Витун С.Е., Рысенко А.В. Особенности и проблемы инвестиционных вложений в развитие регионов Республики Беларусь / Материалы VII Международной научно-практической конференции «Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе». Сыктывкар, 2013. Т. I. 328 с.
7. Каган А.Х. Производственный потенциал колхозов и совхозов: проблемы оценки использования // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 9. С. 44–49.
8. Свободин В.А. Вопросы определения и эффективности производственного потенциала АПК // АПК: Экономика, управление. 1991. № 3. С. 23–34.
9. Herath Bandara S., Hill D. Harnessing Agricultural Potentials for Economic Growth in North Carolina // Journal of Agricultural Research. 2013. Vol. 2. No. 2. Pp. 142–148. DOI: 10.5539/sar.v2n2p142
10. Киселева Н.Н., Папушоя М.С. Ресурсный потенциал сельского хозяйства и специфика его формирования в России // Terra Economicus. 2008. № 3–2. С. 169–173.
11. Найденов Н.Д., Мустафаев А.А., Найденова Т.А. Развитие сельского хозяйства в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации в Арктике // Современные технологии управления. 2022. № 2 (98). 9809.
12. Анищенко А.Н. Потенциал сельского хозяйства Европейского Севера России и проблемы его реализации в рамках стратегии развития Арктической зоны РФ // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 121–139. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.8
13. Клоппер А. Искусство экономического моделирования. Москва: Москва Пресс, 2012. 642 с.
14. Ястребова Я. Эволюция продовольственной цепочки. Эффективность конкуренции в агропромышленном комплексе России // В кн.: Агропродовольственный сектор России: на пути к рынку / Под ред. П. Верхайма, Е. Серовой, К. Фроберга, Й. фон Брауна. Москва: ИЭПП, Т. VIII, 2001. 549 с.
15. Солодовников С.Ю. Оценка динамики экономического потенциала // В кн.: Перспективы социально-экономического развития субрегионов Европы с точки зрения глобальных геостратегических тенденций: Республика Беларусь и Республика Коми Российской Федерации. Москва: Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики», Сыктывкарский филиал, 2012. 383 с.
16. Рассказова А.А., Жданова Р.В. Эффективность сельскохозяйственного землепользования // В кн.: Тенденции развития экономики и менеджмента. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции № 4. Казань, 2017. 237 с.

17. Скульская Л.В., Широкова Т.К. Сельский туризм и народные промыслы как дополнительные источники дохода сельского населения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2011. Т. 9. С. 151–165.
18. Абдуллина Р.З., Галимзянов И.В. Развитие информационных технологий многофункциональных центров Республики Башкортостан / В кн.: Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, 14 октября — 14 ноября 2016 г. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. 499 с.
19. Гизатуллин Х.Н. Прогнозирование сбыта продукции промышленного предприятия. В кн.: Прогнозирование социально-экономического развития региона / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, С.Ю. Глазьева. Екатеринбург: ИЭ, 2011. 1103 с.
20. Терентьева О.Н. Актуальные вопросы организации закупок для государственных и муниципальных нужд / В кн.: О некоторых вопросах и проблемах экономики и менеджмента. Сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции 11 ноября 2016 г. Выпуск III. Красноярск: ИЦРОН, 2016. 264 с.

References

1. Epstein D., Hockman G. Vzaimosvyaz' resursnogo potentsiala i effektivnosti sel'khozpredpriyatiy [Relationship between Resource Potential and Efficiency of Agricultural Enterprises]. *APK: Ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics, Management], 2008, no. 1, pp. 57–61.
2. Gadzhiev Yu.A., Styrov A.A., Mustafaev A.A. et al. *Investitsionno-innovatsionnaya sistema severnykh regionov: problemy i perspektivy* [Investment and Innovation System of the Northern Regions: Problems and Prospects]. Syktyvkar, KSC UB RAS Publ., 2017, 301 p. (In Russ.)
3. Gorbunov A.A. Osnovnye napravleniya i problemy strategicheskogo analiza razvitiya regiona kak slozhnoy sotsio-ekologo-ekonomicheskoy sistemy [The Main Directions and Problems of the Strategic Analysis of the Development of the Region as a Complex Socio-Ecological and Economic System]. In: *Strategicheskii analiz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: printsipy, osnovnye napravleniya, problemy* [Strategic Analysis of the Socio-Economic Development of the Region: Principles, Main Directions, Problems]. Saint Petersburg, IME Publ., 2004, 285 p. (In Russ.)
4. Magomedov R.M., Khalimbekov H.Z. Sushchnost' kategorii proizvodstvennyy potentsial v sisteme agrarnoy ekonomiki [The Essence of the Category of Productive Capacity the System of Agrarian Economy]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Transformation of the Economy], 2015, no. 12 (62), pp. 29–35.
5. Serova E.V., Grazhdaninova M.P., Karlova N.A. et al. Effektivnost' ispol'zovaniya pokupnykh resursov v proizvodstve razlichnykh produktov [Efficiency of Using Purchased Resources in the Production of Various Products]. In: *Rynok pokupnykh resursov v Rossiyskom sel'skom khozyaystve* [Market of Purchased Resources in Russian Agriculture]. Moscow, Institut ekonomiki perekhodnogo perioda Publ., 2003, 195 p. (In Russ.)
6. Vitun S.E., Rysenko A.V. Osobennosti i problemy investitsionnykh vlozheniy v razvitie regionov Respubliki Belarus' [Features and Problems of Investments in the Development of the Regions of the Republic of Belarus]. *Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy razvitiya ekonomiki i sfery servisa v regione»* [Proc. 7th Intern. Sci. and Pract. Conf. "Problems of the Development of the Economy and the Service Sector in the Region"]. Syktyvkar, 2013, vol. I, 328 p.
7. Kagan A.Kh. Proizvodstvennyy potentsial kolkhozov i sovkhozov: problemy otsenki ispol'zovaniya [Production Potential of Collective and State Farms: Problems of Assessment of Use]. *Vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki* [Bulletin of Agricultural Science], 1988, no. 9, pp. 44–49.
8. Svobodin V.A. Voprosy opredeleniya i effektivnosti proizvodstvennogo potentsiala APK [Issues of Determination and Efficiency of the Production Potential of the Agro-Industrial Complex]. *APK: Ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics, Management], 1991, no. 3, pp. 23–34.
9. Herath Bandara S., Hill D. Harnessing Agricultural Potentials for Economic Growth in North Carolina. *Journal of Agricultural Research*, 2013, vol. 2, no. 2, pp. 142–148. DOI: 10.5539/sar.v2n2p142

10. Kiseleva N.N., Papushoya M.S. Resursnyy potentsial sel'skogo khozyaystva i spetsifika ego formirovaniya v Rossii [The Resource Potential of Agriculture and the Specifics of its Formation in Russia]. *Terra Economicus*, 2008, no. 3–2, pp. 169–173.
11. Naydenov N.D., Mustafayev A.A., Naydenova T.A. Razvitie sel'skogo khozyaystva v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii v Arktike [Development of Agriculture in Penitentiary Institutions of the Russian Federation in Arctic Zone]. *Sovremennye tekhnologii upravleniya* [Modern Management Technology], 2022, no. 2 (98), 9809.
12. Anishchenko A.N. Potentsial sel'skogo khozyaystva Evropeyskogo Severa Rossii: problemy ego realizatsii v ramkakh strategii razvitiya Arkticheskoy zony RF [The Potential of Agriculture in the European North of Russia and Problems of its Implementation in the Framework of the Strategy of the Russia's Arctic Zone]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2019, no. 1 (99), pp. 121–139. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.8
13. Klopner A. *Iskusstvo ekonomicheskogo modelirovaniya* [Art of Economic Modeling]. Moscow, Moskva Press Publ., 2012, 642 p. (In Russ.)
14. Yastrebova Ya. Evolyutsiya prodovol'stvennoy tsepochki. Effektivnost' konkurentsii v agropromyshlennom komplekse Rossii [Evolution of the Food Chain. The Effectiveness of Competition in the Agro-Industrial Complex of Russia]. In: *Agroprodovol'stvennoy sektor Rossii: na puti k rynku* [Agro-Food Sector of Russia: on the Way to the Market]. Ed. by P. Wehrheim, E. Serova, K. Froberg, J. von Braun. Moscow, IEP Publ., vol. VIII, 2001, 549 p. (In Russ.)
15. Solodovnikov S.Yu. Otsenka dinamiki ekonomicheskogo potentsiala [Assessment of the Dynamics of Economic Potential]. In: *Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya subregionov Evropy s tochki zreniya global'nykh geostrategicheskikh tendentsiy: Respublika Belarus' i Respublika Komi Rossiyskoy Federatsii* [Prospects for the Socio-Economic Development of European Subregions from the Point of View of Global Geostrategic Trends: the Republic of Belarus and the Komi Republic of the Russian Federation]. Moscow, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Saint Petersburg State University of Service and Economics, Syktyvkar branch, 2012, 383 p. (In Russ.)
16. Rasskazova A.A., Zhdanova R.V. Effektivnost' sel'skokhozyaystvennogo zemlepol'zovaniya [Efficiency of Agricultural Land Use]. In: *Tendentsii razvitiya ekonomiki i menedzhmenta. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii № 4* [Trends in the Development of Economics and Management. Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference No. 4]. Kazan, 2017, 237 p. (In Russ.)
17. Skulskaya L.V., Shirokova T.K. Sel'skiy turizm i narodnye promysly kak dopolnitel'nye istochniki dokhoda sel'skogo naseleniya [Agricultural Tourism and Folk Homecrafts as a Supplementary Sources of Rural Population Income]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Articles - Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 9, pp. 151–165.
18. Abdullina R.Z., Galimzyanov I.V. Razvitie informatsionnoy tekhnologiy mnogofunktsional'nykh tsentrov Respubliki Bashkortostan [Development of Information Technologies of Multifunctional Centers of the Republic of Bashkortostan]. In: *Problemy funktsionirovaniya i razvitiya territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii* [Problems of Functioning and Development of Territorial Socio-Economic Systems: Proc. 10th Intern. Sci. and Pract. Internet Conf.]. Ufa, ISER USC RAS, 2016, 499 p. (In Russ.)
19. Gizatullin H.N. Prognozirovaniye sbyta produktsii promyshlennogo predpriyatiya [Forecasting Sales of Products of an Industrial Enterprise]. In: *Prognozirovaniye sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Forecasting the Socio-Economic Development of the Region]. Ed. by V.A. Chereshev, A.I. Tatarkin, S.Yu. Glazyev. Yekaterinburg, IE UB RAS Publ., 2011, 1103 p. (In Russ.)
20. Terenteva O.N. Aktual'nye voprosy organizatsii zakupok dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Topical Issues of Organizing Procurement for State and Municipal Needs]. In: *O nekotorykh voprosakh i problemakh ekonomiki i menedzhmenta. Sbornik nauchnykh trudov po itogam nauchno-prakticheskoy konferentsii 11 noyabrya 2016 g. Vypusk III* [On Some Issues and Problems of Economics and Management. Proc. of Scientific Papers Based on the Results of the Sci. and Pract. Conf. November 11, 2016, Issue III]. Krasnoyarsk, ICDES Publ., 2016, 264 p. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022;
принята к публикации 14.10.2022.*

*Вклад авторов: Мустафаев А.А. — концепция исследования, развитие методологии, научное руководство, написание исходного текста, итоговые выводы;
Найденов Н.Д. — участие в разработке концепции исследования, доработка текста;
Найденова Т.А. — доработка текста.*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 66–88.
Научная статья
УДК 332.1(985)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.66

Оценка эффективности организации новых центров экономического роста в Арктике

Филимонова Ирина Викторовна¹, доктор экономических наук, профессор
Иванова Медя Владимировна^{2✉}, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник
Кузнецова Екатерина Андреевна³, кандидат экономических наук, научный сотрудник
Козьменко Арина Сергеевна⁴, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник

^{1,3} Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН — научный институт Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия

^{2,4} Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, 184209, Россия

¹ filimonovalV@ipgg.sbras.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4447-6425>

² mv.ivanova@ksc.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6091-8804>

³ ekaterina.zemnuhova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5290-2186>

⁴ kozmenko_arriva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3623-308X>

Аннотация. В современных условиях экономической нестабильности всё большую актуальность приобретает проблема освоения регионального пространства Арктической зоны, Восточной Сибири и Дальнего Востока — регионов, где сконцентрированы основные запасы углеводородов и других полезных ископаемых, в то время, когда комплексное освоение минерально-сырьевой базы на принципах рационального природопользования является драйвером развития экономики регионов России. Организация минерально-сырьевых центров с учётом освоения энергетических ресурсов и развития транспортной инфраструктуры регионов определяет эффективное развитие пространственной экономики. Целью исследования стала оценка эффективности организации Минерально-сырьевых центров для достижения национального приоритета эффективного использования природных и экономических ресурсов. Достижение поставленной цели потребовало решения взаимосвязанных задач, а именно: изучения отечественного опыта пространственной организации регионального хозяйства; анализа нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование отдельных отраслей в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с целью дальнейшего социально-экономического развития неосвоенных регионов, а также анализа данных о современном состоянии запасов энергоносителей в Арктике. В результате исследование организации минерально-сырьевых центров свидетельствует о том, что их эффективность связана с взаимодействием национальных и корпоративных интересов и развитием системы коммуникаций; взаимосвязь всех составляющих позволяет оценить мультипликативный эффект от организации минерально-сырьевых центров на экономику региона и страны в целом, что и определяет новизну работы.

Ключевые слова: минерально-сырьевой центр, Арктическая зона, социально-экономическое развитие, мультипликативный эффект

* © Филимонова И.В., Иванова М.В., Кузнецова Е.А., Козьменко А.С., 2023

Для цитирования: Филимонова И.В., Иванова М.В., Кузнецова Е.А., Козьменко А.С. Оценка эффективности организации новых центров экономического роста в Арктике // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 66–88. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.66

For citation: Filimonova I.V., Ivanova M.V., Kuznetsova E.A., Kozmenko A.S. Assessment of Effectiveness of New Economic Growth Centers in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 66–88. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.66

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № НШ-1280.2022.2, базового проекта ИНГГ СО РАН FWZZ-2022-0013 и на основе государственного задания по теме НИР «Стратегическое планирование развития Арктики в новых геоэкономических и политических условиях» (123012500051-8).

Assessment of Effectiveness of New Economic Growth Centers in the Arctic

Irina V. Filimonova¹, Dr. Sci. (Econ.), Professor

Medea V. Ivanova^{2✉}, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Chief Researcher

Ekaterina A. Kuznetsova³, Cand. Sci. (Econ.), Researcher

Arina S. Kozmenko⁴, Cand. Sci. (Econ.), Research Assistant

^{1,3} Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS — Scientific Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, pr. Akademika Koptugy, 3, Novosibirsk, 630090, Russia

^{2,4} Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, 184209, Russia

¹ filimonovaIV@ipgg.sbras.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4447-6425>

² mv.ivanova@ksc.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6091-8804>

³ ekaterina.zemnuhova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5290-2186>

⁴ kozmenko_arriva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3623-308X>

Abstract. In the current conditions of economic instability, the problem of regional space development in the Arctic zone, Eastern Siberia and the Far East, the regions where the main hydrocarbon and other mineral reserves are concentrated, is becoming more and more relevant. The main reserves of hydrocarbons and other minerals are concentrated in these regions. The integrated development of the mineral resource base on the principles of rational nature management, including the stages of exploration, production, processing, transportation, is the driver of the Russian regional economy development. The organization of raw materials centers (RMC) with regard to the development of energy resources and regional transport infrastructure, determines the effective development of the spatial economy. The aim of the study is to develop an integrated approach to the spatial development of the region by forming an RMC for achieving the national priority of efficient use of natural and economic resources. The achievement of the goal requires the solution of interrelated tasks, namely, the study of domestic experience in the spatial organization of regional economy; the analysis of the regulatory framework governing the functioning of specific industries in the Arctic zone, Eastern Siberia and the Far East in order to further socio-economic development of undeveloped regions, as well as the analysis of data on the current state of energy reserves in the Arctic. As a result, the study of the RMC organization indicates that their effectiveness is associated with the interaction of national and corporate interests and the development of a communication system. The interrelation of all components allows us to assess the multiplicative effect of the RMC organization on the economy of the region and the country as a whole, which determines the novelty of the work.

Keywords: raw materials center, Arctic Zone, socio-economic development, multiplicative effect

Введение

Вопросы о выборе эффективных направлений и механизмов стимулирования освоения регионов России являются одними из наиболее дискуссионных в научном и профессиональном сообществах. В последнее время всё большую значимость приобретает пространственная организация слаборазвитых регионов Арктической зоны, Восточной Сибири и Дальнего Востока для достижения и повышения их социально-экономического уровня развития, этот факт в сочетании с наличием масштабной сырьевой базой является существенной

предпосылкой к организации на данных территориях новых минерально-сырьевых центров (МСЦ).

В настоящий момент на государственном уровне принят ряд нормативно-правовых документов, регулирующих функционирование отдельных отраслей в Арктической зоне России, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с целью дальнейшего социально-экономического развития неосвоенных регионов. Так, в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. обозначены основные цели и задачи, направленные на пространственное развитие регионов России. Фундаментальной задачей определяется сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий. Решение данной задачи заключается во введении в понятийный аппарат новых форм организации регионального хозяйства. К таким формам относятся минерально-сырьевые и агропромышленные центры, обозначенные в Стратегии как перспективные центры экономического роста.

В Энергетической стратегии РФ до 2035 г. также содержится определение МСЦ наряду с нефтегазохимическими комплексами, направленными на оптимизацию пространственного размещения энергетической инфраструктуры в отдельных регионах нашей страны. Термин МСЦ впервые был введен в 2010 г. в Стратегии развития геологической отрасли на период до 2030 г., где трактовался как совокупность разрабатываемых и планируемых к освоению месторождений и перспективных площадей, связанных общей существующей и планируемой инфраструктурой и имеющих единый пункт отгрузки добываемого сырья или продуктов его обогащения в федеральную или региональную транспортную систему. Обособление МСЦ рассматривается с точки зрения объекта совместного управления как на региональном, так и на федеральном уровнях, что в свою очередь позволяет объединять национальные и региональные задачи, направленные на социально-экономическое развитие регионов с учётом инфраструктурной составляющей.

Данный подход к государственному управлению развитием и освоением углеводородных ресурсов с учётом обеспечивающей инфраструктуры получил развитие в других документах федерального и регионального значения: программе Социально-экономического развития Арктической зоны РФ, Стратегии развития минерально-сырьевой базы РФ до 2035 г., Основах государственной политики РФ в Арктике до 2035 г., Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., постановлении Правительства РФ о создании территории опережающего социально-экономического развития «Столица Арктики», Стратегиях социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа и пр.

Согласно Транспортной Стратегии РФ до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г., предлагается так называемая «Единая опорная сеть», объединяющая в себе важнейшие объекты транспортной инфраструктуры и обеспечивающая функциональное единство транспортной системы и пространственное развитие МСЦ и производственных зон, которые яв-

ляются факторами, влияющими на распределение спроса на перевозки и его перераспределение по видам транспорта. В этом же документе МСЦ рассматриваются как виды макрорегиональных производственных кластеров, в состав которых входят «точки зарождения грузопотоков», то есть текущие и будущие центры генерации спроса на услуги грузоперевозок.

С целью реализации задачи развития «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», согласно Единому плану по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., предполагается развитие социальной инфраструктуры населённых пунктов, в которых расположены органы, выполняющие функции в области обеспечения национальной безопасности и функции базы для развития МСЦ, реализации экономических и инфраструктурных проектов в Арктике.

Таким образом, обзор нормативно-правовых документов позволяет сделать вывод о принципиальной необходимости развития сырьевых регионов с помощью дальнейшего прироста запасов углеводородов, рационального недропользования, формирования новых транспортных коммуникаций для поставки сырья на премиальные рынки. В связи с этим необходима разработка комплексного подхода к пространственному развитию региона путём формирования МСЦ с учётом возможного мультипликативного эффекта и сочетания национальных и корпоративных интересов является актуальной задачей.

Обзор литературы

Тема организации и развития новых МСЦ актуализирована не только в государственных стратегиях и программах, но и в работах современных учёных — экономистов и географов, которые исследуют проблемные зоны данного направления. Пространственная организация заключается в рассмотрении экономики страны с точки зрения мультирегионального единства, которое подразумевает взаимодействие социальной и политической составляющих и распространение этой связи на региональном и международном уровнях. Особый вклад в развитие данной идеи внесли Гранберг А.Г. [1, с. 58], Артоболевский С.С. [2, с. 102], Минакир П.А. [3, с. 7–10], Татаркин А.И. [4, с. 10–15].

Минерально-сырьевой центр является примером пространственной организации экономики арктического региона, когда процесс формирования опирается на региональную систему коммуникаций, усиливая географическую и экономическую связь арктического пространства и морских коммуникаций, в частности Северного морского пути [5, с. 96].

Необходимо отметить, что опыт пространственной организации МСЦ арктических и приарктических стран идентичен, особенно в части ограничивающих факторов, а именно:

- суровые природно-климатические условия;
- наличие инфраструктуры, необходимой для проведения всех этапов освоения и производства сырья.

Зарубежные исследователи [6; 7,] рассматривают перспективные месторождения в Норвегии в Баренцевом море и необходимость создания инфраструктуры, рассматривают

необходимость развития инфраструктуры [8], например, железной дороги в Финляндии для перевозки минералов, рыбных продуктов, древесины, а также природных ресурсов Баренцева моря.

В Швеции, как отмечают специалисты [9], наблюдается не только стремление обеспечить разведку и добычу ресурсов в регионе, но и создавать условия для развития инновационных разработок и их дальнейшей коммерциализации, это позволит выпускать продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Экстремальные природные условия препятствуют успешному проведению геологоразведочных работ в Гренландии (Дания), несмотря на большой ресурсный потенциал региона [10].

Большинство зарубежных исследователей считает, что МСЦ напрямую связаны с конъюнктурой мирового рынка ресурсов, ценами на углеводороды, из-за чего наблюдается неравномерное развитие региона [11; 6].

Отечественные исследователи [12, с. 24] рассматривают МСЦ как некоторое территориальное образование, имеющее предпосылки к формированию «грузопотоков товарной продукции минерально-сырьевого профиля». «Основные предпосылки для формирования МСЦ заключаются в «технологических центрах добычи», которые включают комплекс, объединяющий ряд месторождений минерально-сырьевого профиля, инфраструктуру для отгрузки товарной продукции и объекты разработки углеводородного сырья, имеющие общую технологическую составляющую» [13, с. 30–31]. Таким образом, подобные центры добычи являются составляющим элементом МСЦ.

Направления развития МСЦ и возникающие эффекты национального значения, которые проявляют себя при реализации таких проектов, представлены в работе [14, с. 30]. Вопрос о целесообразности и проблемы включения МСЦ России в систему территориального планирования и управления рассмотрены в публикациях [15, с. 389]. Также серьезное внимание уделяется роли минерально-сырьевых центров в обеспечении экологической безопасности [16, с. 276].

Отечественные исследования сопоставляют определения «минерально-сырьевого центра» и «промышленных кластеров с территориально-производственными комплексами». Однако само понятие комплекса относится к советскому периоду и наибольшее распространение такая форма территориальной организации хозяйственной деятельности получила в послевоенное время. Территориально-производственные комплексы использовались в основном для описания схем размещения и способов организации производств в регионах нового хозяйственного освоения. В начале 70-х гг. к новым территориально-производственным комплексам относились народно-хозяйственный комплекс Севера Западной Сибири и система Ангара-Енисейских комплексов, Тимано-Печорский и Южно-Якутский комплексы, а также промышленные узлы и некоторые агропромышленные комплексы [2].

С момента перехода на рыночную экономику в России стали появляться новые направления региональной политики. Стали выделять и формировать так называемые реги-

ональные кластеры, включая те регионы, где в СССР создавались программно-целевые территориально-производственные комплексы, промышленные и транспортные узлы. Таким образом, территориально-производственные комплексы, региональные кластеры и новые МСЦ содержат в себе черты разных технологических этапов развития экономики России [2; 1]. В результате в современной России сформировались следующие формы организации хозяйственной деятельности (табл. 1)

Таблица 1

Формы территориальной организации хозяйственной деятельности¹

Форма организации хозяйства	Определение	Примеры форм
Промышленный узел	Сочетание промышленных предприятий, одного или нескольких населённых пунктов вместе с общими объектами производственной и социальной инфраструктуры, размещённых на компактной территории.	Ангарский, Нижнекамский, Назаровский, Саратовский и др.
Территориально-производственный комплекс	Сочетание различных технологически связанных производств с общими объектами производственной и социальной инфраструктуры.	Братско-Усть-Илимский, Западно-Сибирский, Канско-Ачинский, Оренбургский, Тимано-Печорский, Южно-Таджикский и пр.
Кластер	Сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных объектов недропользования (предприятий), интегрированных с деятельностью смежных отраслей (чаще всего транспортной, обрабатывающей и научно-образовательной). Эволюционный этап организации социально-экономического пространства с выделением нового объекта управления и концентрации государственной поддержки.	Западно-Сибирский нефтетехнологический кластер, Нефтехимический кластер Томской области, Нефтехимический территориальный кластер Республики Башкортостан, Кластер нефтепереработки и нефтехимии Омской области и др.
Агломерация	территориальное образование, интегрирующее промышленные и транспортные узлы, системы коммуникаций, города и населённые пункты.	Московская, Санкт-Петербургская, Самарско-Тольяттинская, Екатеринбургская, Ростовская и пр.
Геостратегическая территория	Территория в границах одного или нескольких субъектов РФ, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности	Республика Крым, Севастополь, Калининградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия - Алания, Чеченская Республика,

¹ Источник: составлено авторами.

	РФ, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности.	Ставропольский край, Республика Бурятия, Республика (Саха) Якутия, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Магаданская область, Сахалинская область, Субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону
Минерально-сырьевой центр	Территория и (или) акватория одного или нескольких муниципальных образований, в пределах которых расположена совокупность разрабатываемых и планируемых к освоению месторождений и перспективных площадей, связанных общей существующей и планируемой инфраструктурой и имеющих единый пункт отгрузки добываемого сырья или продуктов его обогащения в федеральную транспортную систему или региональную транспортную систему.	Карело-Кольский, Архангельский, Воркутинский, Норильско-Туроханский, Таймырский, Томтор-Эбеляхский, Центрально-Чукотский, Билибинский, Баимский, Купольный, Валунистый, Беринговский
Опорные зоны	Части арктической территории, на которой реализуются взаимосвязанные проекты, направленные на комплексное развитие макрорегиона.	Кольская, Архангельская, Ненецкая, Воркутинская, Ямало-Ненецкая, Таймыро-Туроханская, Северо-Якутская, Чукотская

Поскольку МСЦ связаны с нефтегазовой отраслью, то можно рассмотреть данное определение как объект планирования для проведения геологоразведочных работ и дальнейшего развития на его базе системы коммуникаций. Это в перспективе может привести к социально-экономическому развитию региона в целом. Необходимо подробнее рассмотреть термин МСЦ и его значение в пространственной экономике.

Если говорить про Арктическую зону России, то, согласно программе Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2025 г., производится формирование комплексных проектов по развитию арктических регионов, в том числе 8 опорных зон, каждая из которых является региональным проектом и включает в себя совокупность отраслей. Такие понятия как опорные зоны и МСЦ необходимо рассматривать в комплексе, так как они содержат в себе характеристики близких по содержанию объектов, но находятся на разных стадиях изученности [17, Земнухова]. Организация МСЦ именно Арктической зоны России в перспективе может являться предпосылкой для формирования в дальнейшем обозначенных опорных зон из-за одинаковой территориальной принадлежности и инфраструктурной связанности.

Материалы и методы исследования

Теоретические построения базируются на общенаучном подходе, отражающем результаты экспертной оценки отечественных и зарубежных учёных и специалистов в области пространственной экономики и организации минерально-сырьевых центров в арктических условиях.

При выполнении исследования используется совокупность методов, в том числе общеметодологические положения, системный и экономический анализы, экономико-математическое прогнозирование, экономическая оценка эффективности инвестиционного проекта к пространственной организации арктического МСЦ на основе формирования системы коммуникаций, обеспечивающей комплексное освоение и диверсификацию направлений поставок энергетических ресурсов в условиях геополитической нестабильности.

Механизмы и источники возникновения мультипликативного эффекта при организации минерально-сырьевых центров

С целью формирования и развития новых МСЦ, необходимы значительные инвестиции в подобные проекты, источниками финансирования могут выступать собственные средства недропользователей или других производственных организаций. Одним из важных направлений при организации МСЦ является привлечение поддержки со стороны государства в связи с национальной значимостью некоторых проектов наряду с интересами недропользователей.

Формирование новых МСЦ является одной из стратегических задач для государства и с точки зрения освоения слаборазвитых территорий, строительства инженерной и социальной инфраструктуры. В то же время для получения наибольших эффектов от организации новых МСЦ необходима согласованность интересов государства и компаний, которые несут соответствующие издержки. При бюджетном финансировании основная задача государства — удовлетворение потребностей населения, поэтому важным является вопрос возможности того или иного проекта обеспечить множество косвенных социальных, экономических эффектов. Необходимо отметить, что согласованность между сторонами, осуществляющими инвестирование, связана с итоговыми результатами оценки инвестиционных проектов с позиции интересов каждого участника, а также с учётом косвенных эффектов, сопряжённых с другими отраслями экономики.

Оценка эффективности инвестиционных проектов связана с определёнными сложностями проведения количественного анализа:

- внешних эффектов: проблема проведения количественной оценки внешних эффектов заключается в соблюдении детального представления результатов проекта через качественные показатели;
- косвенных эффектов, то есть выгод и затрат экономических субъектов, которые не являются непосредственными участниками проекта.

В то же время учёт внешних и косвенных эффектов необходим, так как от этого зависит принятие решения о целесообразности реализации инвестиционного проекта. В процессе оценки экономической эффективности инвестиционных проектов, после получения коммерческой эффективности, производится оценка бюджетной эффективности, а также отраслевой, региональной или народнохозяйственной эффективности.

Национальная и региональная эффективность подразумевают учёт социально-экономических последствий выполнения проекта как в виде прямых выгод и затрат, так и косвенных экологических, социальных и других внешнеэкономических эффектов. Если говорить про региональный эффект, то в данном случае учитываются эффекты от реализации проекта в пределах конкретного региона, поступающие из внешней среды.

Анализ способов оценки мультипликативных эффектов (табл. 2) необходим для выбора метода оценки инвестиционных проектов, в том числе по организации новых МСЦ.

Таблица 2

Теоретико-методический анализ оценки мультипликативных эффектов от реализации национальных проектов²

Наименование теории	Научный вклад в развитие	Основные характеристики
Мультипликатор как инструмент экономического роста	Р.Ф. Кан, Дж. М. Кейнс, М.Ю. Ксенофонов, А.А. Широ, Д.А. Ползиков, А.А. Янговский, О.А. Доничев, И.В. Тожокин и др.	Характеризуется большим разнообразием мультипликаторов; Основная методология: • Экономико-математические модели, характеризующие межотраслевые производственные взаимосвязи в стране (МОБ, модель «затраты-выпуск»); • Мультирегиональные модели общего равновесия (CGE модели); • Эконометрические модели (регрессионно-корреляционный анализ)
Мультипликатор как инструмент принятия управленческих решений	А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова, В.П. Осипов, В.А. Судаков, В.А. Шакиров, П.С. Панкратьев, Т.А. Luciana, B. Roy, P. Vincke, E. Beinatz, P. Nijkamp, J.S. Dodgson, M. Spackman и др.	Используется при принятии управленческих решений при наличии количественных и качественных критериев; Методы: • многокритериальный анализ (МКА, MCDM); • метод аналитической иерархии
Оценка общественной эффективности инвестиционных проектов	Ю.А. Петрова, Д.С. Алексанов, Е.А. Яшкова, В.Н. Лившиц, П.Л. Виленский, А.В. Бровкин, М.Е. Разумовская, А.Б. Коган и др.	Учитывает в основном косвенные эффекты от реализации проекта для государства, смежных отраслей и населения; соответствует классической теории оценки эффективности инвестиционных проектов; Основной метод: • Модель денежных потоков (дисконтированных)

² Источник: составлено авторами.

Оценка социальной эффективности инвестиционных проектов	А.В. Ноговицына, О.М. Фокина, Л.Н. Чудинова, Е.И. Семенова, С.Н. Наумов, А.Г. Тюриков и др.	Подсистема теории общественной эффективности инвестиционных проектов; Методики: <ul style="list-style-type: none"> • Value for Money, • Social WelfareFunctional, • Cost-effectivenessanalysis
Оценка территориальных эффектов (territorial impact assessment)	E. Medeiros, M. Golobic, N. Marot, T.B. Fischer, O. Sykes, T. Gore, M. Golobič, W. Zonneveld, B. Waterhoutидр.	Относится к общему направлению оценки эффектов (impactassessment, IA) и является расширением (комбинацией) подходов IA; <ul style="list-style-type: none"> • позволяет оценить экономические, социальные, экологические, культурные и др. последствия (с учётом целевых показателей развития); • включает методы вышеперечисленных теорий и широкий набор других методов в сфере прогнозирования и оценки структурных взаимодействий.

При проведении исследования использованы методы прогнозирования добычи углеводородов на месторождениях МСЦ, оценки эффективности инвестиций пространственной организации МСЦ, что позволило количественно и качественно оценить эффекты от реализации новых арктических МСЦ на национальном и корпоративном уровне. Полученные оценки будут отражать общественный, социальный и территориальный эффекты, а также способствовать принятию решений об инвестировании и пространственном развитии территории, что интегрирует в единую систему ранее разработанные теоретико-методические подходы к оценке мультипликативных эффектов от реализации национальных проектов.

Реализация проектов углеводородного профиля в Арктической зоне позволяет уточнить значение освоения энергетических ресурсов как фактора оживления деловой активности и инвестиционной привлекательности региональной экономики, а также как средства возрождения системы населённых мест за счёт преодоления пагубных последствий депопуляции; это в совокупности обеспечивает единство пространственного развития и территориальную целостность России. Данный эффект достигается за счёт формирования большого числа инфраструктурных единиц на арктических МСЦ. За счёт возникновения цепочки мультипликативных эффектов инфраструктурой нефтегазового сектора создаётся и поддерживается значительное количество рабочих мест [5].

Результаты и обсуждение

В рамках данного исследования оценка качественных и количественных эффектов проводилась на примере двух МСЦ Арктической зоны России — Енисейского МСЦ и Кольского МСЦ.

Енисейский минерально-сырьевой центр

Территориальные границы Енисейского МСЦ определены исходя из наличия масштабной сырьевой базы и якорного недропользователя — ПАО «НК «Роснефть».

Перспективный центр характеризуется взаимосвязью локализации крупнейших месторождений стратегического вида сырья и наличием потенциально пригодных для использования морских портов, имеющих выход к Северному Ледовитому и Тихому океанам [17, Земнухова] (рис. 1).

Енисейский МСЦ расположен в рамках Енисей-Хатангской и Пур-Тазовской НГО, что соответствует Воркутинской и Таймыро-Туруханской опорным зонам.

Суммарные извлекаемые запасы нефти Енисейского МСЦ, согласно данным ИНГГ СО РАН, составляют 2,43 млн т, природного газа — 517 млрд м³. Ресурсы нефти оцениваются в 1,94 млн т, природного газа — 359 млрд м³ [11, с. 32; 18, с. 2].

Среди основных месторождений Енисей-Хатангской НГО, входящих в Енисейский МСЦ, особое место по сырьевой базе занимают Пайяхское месторождение (1 341 т УУВ), которое в 2013 г. перешло в ведение АО «Независимая нефтегазовая компания», а в декабре 2020 г. — ПАО «НК «Роснефть», а также близлежащее Западно-Иркинское месторождение (511 т УУВ), открытое компанией в 2020 г. [19, Проворная И.В., Филимонова И.В., Комарова А.В., Земнухова Е.А., с. 11–12].

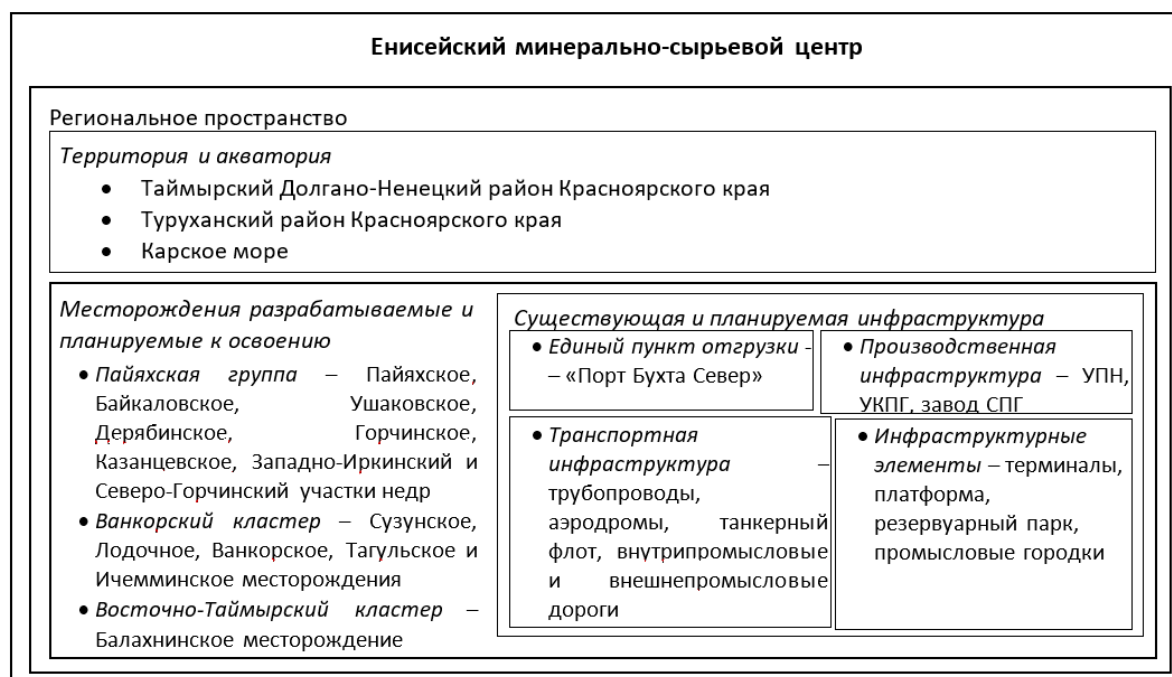

Рис. 1. Пространственная структура Енисейского МСЦ ³.

В качестве основного маршрута реализации сырья с месторождений Енисейского МСЦ рассматривается вариант создания нового направления экспорта нефти через СМП с выходом на рынки стран атлантического и тихоокеанского направлений. Реализация нефти за счёт поставок требует наличия функционирующих магистральных нефтепроводов, кото-

³ Источник: составлено авторами.

рые связывают месторождения Ванкорского кластера, Пайяхскую группу и Восточно-Таймырский кластер месторождений. Для реализации потребуется строительство нефтеналивного терминала, к которому по магистральному нефтепроводу будет доставляться нефть. Включение Ванкорского кластера в систему нефтепроводов в перспективе даст возможность использовать высококачественную нефть для поставок по системе ВСТО [19].

Кольский минерально-сырьевой центр

С целью стратегического планирования с позиций пространственной экономики в Западной Арктике целесообразно организовать Кольский МСЦ на базе единого пункта отгрузки нефти в федеральную транспортную систему. Единый пункт отгрузки расположен в акватории Кольского залива (рис. 2).

Кольский минерально-сырьевой центр

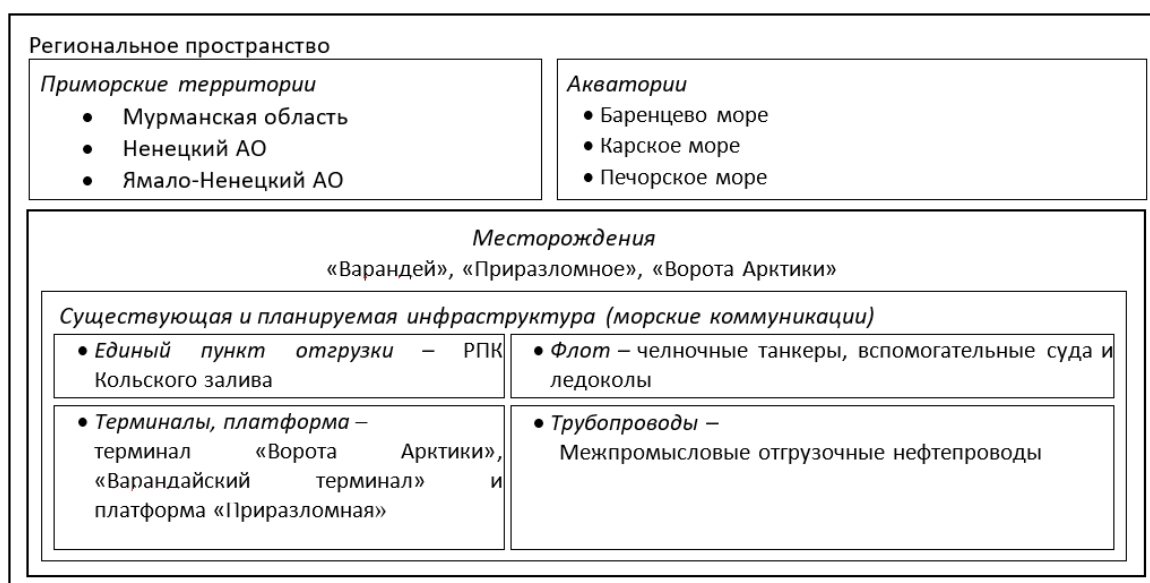

Рис. 2. Пространственная структура Кольского МСЦ ⁴.

Терминал предназначен для отгрузки нефти, которая добывается на нефтяных месторождениях Тимано-Печорской НГП, наиболее крупные из которых — Р. Требса (Варкнавтское) и А. Титова. Месторождения находятся к северо-востоку от Нарьян-Мара на расстоянии 220 км (Р. Требса) и 238 км (А. Титова) в зоне особо охраняемых природных территорий окружного значения. На 31 декабря 2015 г. доказанные запасы нефти составили порядка 31 млн т. Пиковая нагрузка в 4,8 млн т достигнута в 2020 г. [20].

В проект входят Варандейское НГМ и Торавейское НМ (лицензия ООО «Нарьянмар-нефтегаз»), которые находятся в 15 км к северу от месторождения Р. Требса в районе посёлка Варандей и соединены нефтепроводами с Варандейским терминалом. Вблизи вахтового посёлка Варандей расположены Медыньское, Тобойское и Мядсейское нефтяные месторождения.

Рассматривается вариант формирования морских коммуникаций. Основой арктической системы коммуникаций является СМП. Морские коммуникации прокладываются по

⁴ Источник: составлено авторами.

традиционной (южной) трассе в полосе 70° – 78° СШ, ограниченной с севера параллелями пролива Вилькицкого (78° СШ) и мыса Карлсена (77° СШ) архипелага Новая Земля, а также в средних (78° – 82° СШ) и высоких (82° – 85° СШ) широтах по северной (выше параллели мыса Арктический (81° СШ) архипелага Северная Земля) и полюсной (выше параллели о-ва Рудольфа (82° СШ) архипелага Земля Франца–Иосифа) трассам. Протяжённость маршрута от бухты Проведения до порта Мурманск по трём трассам различается незначительно, в пределах не более 50 миль. Основной с позиций пространственной организации региональной экономики является южная трасса, которая объединяет ближнюю морскую зону с арктическим побережьем и водами великих сибирских и крупных арктических рек [21].

Влияние экономической деятельности арктических МСЦ на динамику регионального развития

В работе используется комплекс методов, включающий системный анализ, геолого-экономическое моделирование и прогнозирование, оценку инвестиционной привлекательности организации МСЦ. Авторами разработана методика для комплексной оценки эффектов освоения арктических территорий (табл. 3).

Таблица 3
Методика комплексной оценки эффектов от освоения арктических территорий⁵

Исследуемые объекты: Енисейский МСЦ Кольский МСЦ		
№	Методический блок	Основные характеристики
I.	Алгоритм прогнозирования добычи энергетических ресурсов на месторождениях МСЦ для диверсификации направлений поставок углеводородов на премиальные рынки.	Алгоритм прогнозирования включает: 1. Формирование прогноза запасов нефти и газа на разрабатываемых месторождениях ($Q^d(t)$). 2. Прогноз добычи нефти и газа на разведанных месторождениях ($Q^s(t)$) и прогнозируемых к открытию ($Q^f(t)$). 3. Формирование итогового прогноза добычи нефти и газа на МСЦ ($Q^*(t)$). Уровень добычи нефти и газа на МСЦ будет определяться: $Q^*(t) = Q^d(t) + Q^s(t) + Q^f(t)$. (1)
Исследуемые объекты: Енисейский МСЦ		
II.	Оценка инвестиционной привлекательности пространственной организации МСЦ, включая прогноз стоимости создания системы коммуникаций и элементов инфраструктуры	Методика оценки инвестиционной эффективности применялась в соответствии с Методическими указаниями по оценке эффективности инвестиционных проектов (утверждены приказом Минэкономразвития России, Минфина России и Госстроя России от 21 июня 1999 г. № ВК 477). Прогноз капитальных вложений детализирован на группы инвестиций в геологоразведку, бурение скважин, обустройство месторождений, создание транспортной и перерабатывающей инфраструктуры, рассчитан с использованием

⁵ Источник: составлено авторами.

		укрупнённых нормативов.
Исследуемые объекты: Кольский МСЦ		
III.	Построение широтной модели пространственного развития арктического МСЦ	Обоснование выбора принципов многослойного рационального планирования регионального хозяйства, заключающейся в сочетании производственных, образовательных, инфраструктурных элементов, дополненных фактором обороноспособности, энергетической и экономической безопасности
Исследуемые объекты: Енисейский МСЦ Кольский МСЦ		
IV.	Обоснование качественных и количественных эффектов пространственной организации МСЦ на разных уровнях	

Прогноз добычи нефти основан на информации об объёме и структуре сырьевой базы по категориям запасов и ресурсов. В качестве метода использовано имитационное моделирование, позволяющее приблизить полученные авторами кривые добычи к реальным данным в ретроспективе и тем самым повысить точность прогноза. Для прогноза добычи нефти на разрабатываемых месторождениях важным показателем является степень выработанности и проектный уровень добычи, заложенный в документах о разработке. Для прогноза добычи нефти на разведываемых и прогнозируемых к открытию месторождениях более информативным является показатель степени разведанности, свидетельствующий об уровне готовности месторождения и времени ввода в эксплуатацию.

Построение кривой добычи для МСЦ в целом производится с учётом динамики добычи нефти на каждом месторождении и года ввода в разработку ещё не открытых месторождений.

Енисейский минерально-сырьевой центр

Развитие Енисейского МСЦ сопряжено с осуществлением масштабных капитальных вложений. Инвестиции включают проведение геологоразведочных работ, последующую разработку и освоение МСЦ, формирование производственной и транспортной инфраструктур. Авторами сгенерирована модель для проведения оценки экономической эффективности пространственной организации Енисейского МСЦ, включая взаимосвязь элементов: геологоразведочные работы (ГРР), бурение скважин, обустройство промысла, проведение системы коммуникации, эксплуатационные затраты, налоговые отчисления, финансово-экономический результат. На основе расчёта всех производственных и финансово-экономических показателей получена динамика и структура их количественной оценки [22].

Структуру выручки составляют доходы от реализации нефти — за счёт экспорта нефти через СМП в страны АТР и Европы, а также доходы от реализации природного газа в виде СПГ (сжиженного природного газа).

Если рассматривать структуру расходов, то существенная доля отводится на капитальные вложения, связанные с проведением коммуникаций. Данный раздел является основой для обеспечения реализации как нефти, так и СПГ, так как предполагает строительство,

прежде всего, трубопроводов, морского порта, завода СПГ, резервуарных парков, промысловых городков, новых электростанций, покупку танкеров, газозовов и прочего оборудования.

Для соединения месторождений Восточно-Таймырского кластера с Пайяхской группой и Ванкорским кластером, который, в свою очередь, будет соединяться с новым нефтеналивным терминалом, а также для подключения месторождений всех групп к системе ВСТО (через нефтепровод «Ванкор-Пурпе») необходимо строительство внутрипромысловых (7 000 км) и магистральных (800 км) нефтепроводов. Расходы на строительство нефтепроводов составляют 46% от расходов на проведение коммуникаций [23].

В структуре расходов на строительство портовой инфраструктуры учитываются: морской порт — 172 млрд руб., 2 аэродрома общей стоимостью 300 млн руб., 1 вертодром и 13 вертолётных площадок стоимостью 18 млн руб.

Для строительства завода СПГ мощностью переработки 48 млрд м³ в год (максимальный уровень добычи газа) необходимы вложения, соответствующие 3 247 млрд руб., данный показатель составляет 48% в структуре расходов вложений в проведение коммуникаций. Показатель рассчитан исходя из параметров строительства завода «Ямал СПГ» — мощность 21,6 млн т в год, стоимость 26,9 млрд долл. и Якутского СПГ — мощность 12 млн т в год, стоимость — 10 млрд долл. [22].

Структура капитальных вложений в систему коммуникаций включает: 3,5 тыс. км электросетевого хозяйства, 2 тыс. МВт электрогенерации, 15 промысловых городков (200 человек), внутрипромысловые и внешнепромысловые дороги общей протяжённостью 4,5 тыс. км, а также три резервуарных парка общей стоимостью 34 млрд руб.

Комплексная оценка геологоразведочных работ в рамках Енисейского МСЦ включает проведение сейсморазведочных работ 2D, 3D и бурение поисково-оценочных и разведочных скважин. Геологоразведочные работы на разрабатываемых (Ванкорский кластер) и разведываемых (Пайяхская группа, Восточно-Таймырский кластер) месторождениях в структуре капитальных вложений в пространственную организацию Енисейского МСЦ составляют 185 и 864 млрд руб., или 18 и 82 % соответственно в структуре затрат на ГРП [23].

Затраты на обустройство промысла рассчитываются на основе отраслевых нормативов, учитываются средние показатели на скважину, куст и 1 км линейных объектов обустройства. Затраты на проведение природоохранных работ рассчитываются как 1,5% от общей суммы капитальных вложений на проведение буровых работ и обустройство промысла [24].

Таким образом, были получены основные экономические показатели организации Енисейского МСЦ (табл. 4).

Таблица 4

Итоговые финансово-экономические показатели организации Енисейского МСЦ
за период до 2050 г.⁶

Показатель	МСЦ
Добыча нефти, млн т	2631
Проектный уровень добычи нефти, млн т/год	115
Добыча газа, млрд м ³	1 109
Проектный уровень добычи газа, млрд м ³ /год	48
Выручка, млрд руб.	110 775
Капитальные вложения, млрд руб.	15 615
ГРП	1049
Бурение скважин	4164
Обустройство промысла	3674
Проведение коммуникаций	6727
Эксплуатационные затраты, млрд руб.	71 574
Налоги, млрд руб.	50 841
Прибыль до налога на прибыль	23 062
Налог на прибыль	4612
Чистая прибыль, млрд руб.	18 449
CF, млрд руб.	18 449
NPV, млрд руб.	-3142
IRR, %	6,5 %
Индекс рентабельности, ед.	0,7
Срок окупаемости без учёта дисконтирования	17
Срок окупаемости с учётом дисконтирования 10 %	30

Проект оказывает высокий мультипликативный эффект на смежные отрасли и пространственное развитие территории севера Красноярского края. Созданная система коммуникаций при организации МСЦ предполагает участие смежных с недропользователями компаний в сфере энергетики и транспорта, вовлечение широкого круга специалистов разной квалификации. Поэтому авторами систематизированы эти эффекты с детализацией на национальном и корпоративном уровнях, некоторые представлены в количественном выражении (табл. 4), в связи с отсутствием информации часть эффектов представлена качественно (табл. 5).

Таблица 5

Перечень основных показателей мультипликативного эффекта от пространственной организации Енисейского МСЦ⁷

Национальный уровень	Корпоративный уровень
<ul style="list-style-type: none"> – Рост налоговых поступлений в федеральный бюджет (НДПИ, экспортная пошлина); – Увеличение государственных доходов (дивиденды от государственного участия, международные резервы, ФНБ); – Рост макроэкономических показателей (ВВП); – Обеспечение национальной безопасно- 	<ul style="list-style-type: none"> – Рост капитализации компании; – Привлечение иностранных инвесторов; – Государственно-частное партнёрство; – Рост основных средств; – Возможные налоговые льготы; – Развитие компании за счёт горизонтальной и вертикальной интеграции производственных процессов и активов; – Лидирующая позиция поставщика нефти и

⁶ Источник: составлено авторами.

⁷ Источник: составлено авторами.

сти Арктического региона и страны в целом; – Территориальная целостность, защита государственных границ; – Торговая загрузка Северного морского пути; – Рост доходов населения и др.	газа на внутреннем и внешнем рынках; – Выход на перспективный рынок сжиженного природного газа (СПГ); – Рост производительности труда и др.
---	---

Для схожих нефтегазовых проектов эффект на национальном уровне может проявляться в поступлениях нефтегазовых доходов (НДПИ, экспортная пошлина) в федеральный бюджет, что рассчитывается при инвестиционном проектировании. Наряду с основными источниками доходов федерального бюджета поступления от добычи углеводородов являются значимой составляющей торгового баланса, а также основой международных резервов и фондов [17].

Источником дивидендов является часть прибыли от реализации проекта, величина этого показателя может быть рассчитана с учётом дивидендной политики компании-недропользователя.

Одним из главных мультипликативных эффектов на национальном уровне является увеличение численности населения и обеспечение роста качества жизни в регионах с низкими социальными и демографическими показателями. В России имеется подобный опыт развития нефтегазовой промышленности путём формирования МСЦ Западно-Сибирского НГК (на примере ХМАО). Данный масштабный проект был финансово поддержан со стороны государства и в результате привёл к увеличению уровня численности населения, образованию новых городов, посёлков, предприятий, созданию транспортной системы, интегрированной в международные транспортные потоки. Рост численности населения был обеспечен за счёт политики, проводимой государством, ориентированной на обеспечение приживаемости населения на этой территории [23].

Пространственная организация МСЦ предполагает взаимодействие национальных и корпоративных интересов в части реализации таких масштабных проектов, поскольку без инструментов государственной поддержки (государственно-частное партнёрство, льготные кредиты, субсидирование части затрат, целевое кредитование, льготы по аренде земельных участков, привлечение иностранных инвестиций, льготное налогообложение прибыли при кредитовании и др.) данный проект не будет являться выгодным для недропользователя.

Кольский минерально-сырьевой центр

Для пространственной организации Кольского МСЦ рассматривается разработка нефтяных запасов двух открытых нефтяных месторождений континентального шельфа Печорского моря в зоне экономической деятельности Кольского МСЦ — это месторождения Медыньское-море и Варандей-море.

Максимальная добыча первого (5,5 млн т) достижима в 2024–2025 гг. со снижением до 3,2 млн т (2035 г.) и менее 1,0 млн т в 2050 г. Максимум добычи второго месторождения (2,2 млн т.) может быть достигнут к 2030–2032 гг. со снижением до 1,1 млн т (2035 г.) и практически до нуля в 2050 г. [5].

Таким образом, на временном лаге актуальных горизонтов планирования суммарная добыча шельфовых месторождений транзитной зоны Печорского моря и доля использования морских коммуникаций СМП будет поддерживаться на уровне 2021 г. в 5,5–6,0 млн т.

В сфере модернизации морских коммуникаций предстоит комплектация обслуживающего флота (ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного) до уровня, потребного для обеспечения безопасного круглогодичного мореплавания в акватории арктических морей и на трассах СМП. Структура морских коммуникаций органично дополняется требующей реконструкции системой базирования и терминалов, а также созданием (модернизацией, строительством) сети морских портов по направлению южной трассы СМП и пунктов материально-технического обеспечения на островах и землях.

В регионах Арктики, Сибири и Дальнего Востока расположены различные виды энергоресурсов, но большинство этих регионов характеризуется существенным дефицитом кадров и наличия компетенций в руководстве региональной экономикой, но, самое главное, — неоднородностью социально-экономического развития и депопуляция, как следствием этой неоднородности [5].

В основу пространственного развития современной России следует интегрировать принципы многослойного рационального планирования регионального хозяйства. Таким образом, осуществляется переход от точечной (очаговой) модели пространственного развития к полосной (широтной). В качестве одной из составляющих многослойной широтной сети рассматривается региональное пространство, обеспечивающее функционирование доминирующего вида деятельности, а также инфраструктуру и иные обеспечивающие производства (рис. 3).

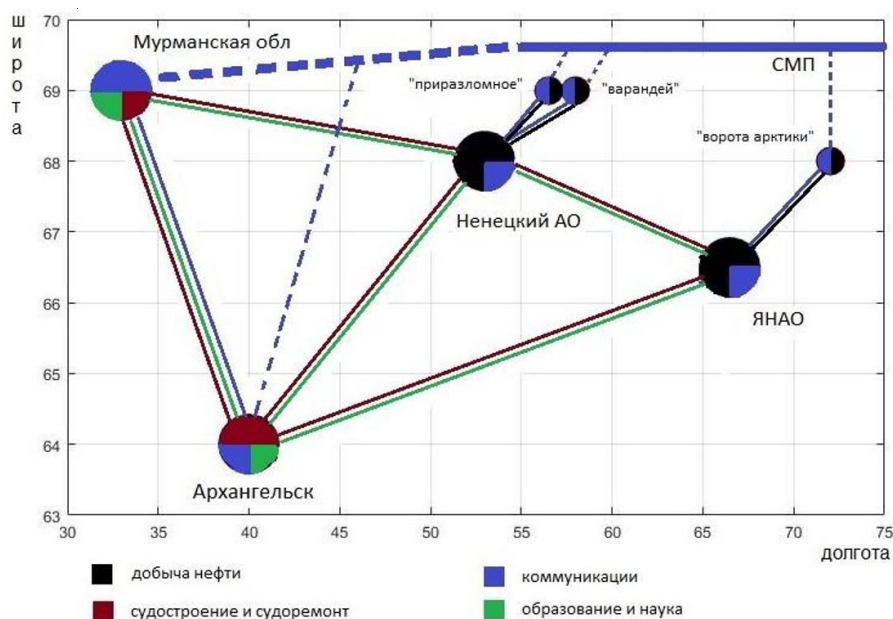

Рис. 3. Схема перехода к многослойной маркерной пространственной организации Кольского МСЦ ⁸.

⁸ Источник: составлено авторами.

Каждый слой характеризуется маркерными видами деятельности и представляет собой мобилизационную составляющую пространственного развития России, способную обеспечить полноценное функционирование этих видов деятельности, а также производственной и социальной инфраструктуры геостратегического пространства.

Регионализация для России — это средство послойной «сборки» неоднородных пространств. При планировании пространственного развития следует перейти от принципа концентрации и укрупнения (формирования крупных агломераций и концентрации основной массы ресурсов в этих агломерациях) к упорядочению и распределению ресурсов и компетенций по всей территории России [5].

Заключение

Инструменты государственного стимулирования развития МСЦ определяются прежде всего эффектами, которые нефтегазовые проекты оказывают на национальном уровне, а также результатами деятельности компаний-операторов этих проектов, чья деятельность имеет технологический и социально-экономический характер для развития территорий и государственную значимость решаемых задач.

В настоящий момент, несмотря на значительное количество нормативно-правовых документов государственного уровня, ни агломерации, ни минерально-сырьевые центры не являются полноценными объектами стратегического планирования, не имеют специализированных органов управления.

Анализ опыта отечественных исследований по данной теме позволяет сделать вывод о том, что основные проблемы обозначаются с точки зрения экономико-географических и производственно-технологических составляющих при организации минерально-сырьевых центров. Когда недостаточно освещён вопрос выявления направлений некоторых институциональных и нормативно-методических проблем, возникающих в ходе реализации национальной политики формирования и развития центров экономического роста на базе минерально-сырьевых центров, согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, на период до 2025 г.

Для эффективного развития центров экономического роста любого типа необходимо наличие системы стратегического планирования и управления ими. Комплекс мероприятий по организации и дальнейшему функционированию минерально-сырьевых центров как центров регионального развития субъектов России требует дальнейшей проработки по мере накопления и обобщения лучших практик в регионах России и за рубежом. Кроме того, необходимо учитывать предыдущий опыт нашей страны по формированию и управлению территориально-производственными комплексами, транспортными и промышленными узлами в Сибири и на Дальнем Востоке.

Список источников

1. Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион. Экономика и социология. 2004. № 1. С. 57–81.
2. Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 2. С. 101–112.
3. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32. DOI: 10.14530/se.2010.2.006-032
4. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1
5. Иванова М.В., Козьменко А.С. Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6
6. Chen A., Lantz T.C., Hermosilla T., Wulder M.A. Biophysical controls of increased tundra productivity in the western Canadian Arctic // Remote Sensing of Environment. 2021. Vol. 258 (2): 112358. DOI: 10.1016/j.rse.2021.112358
7. Doel R.E., Wråkberg U., Zeller S. Science, Environment, and the New Arctic // Journal of Historical Geography. 2014. No. 44. Pp. 2–14. DOI: 10.1016/j.jhg.2013.12.003
8. Nong D., Countryman A.M., Warziniack T. Potential impacts of expanded Arctic Alaska energy resource extraction on US energy sectors // Energy Policy. 2018. Vol. 119. Pp. 57–584. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.003
9. Malinauskaite L., Cook D., Davidsdóttir B., Ögmundardóttir H., Roman J. Ecosystem services in the Arctic: a thematic review // Ecosystem Services. 2019. Vol. 36. Pp. 512–525. DOI: 10.1016/j.ecoser.2019.100898
10. Wassmann P., Carmack E.C., Bluhm B.A., Duarte C.M., Berge J., Brown K., Grebmeier J.M., Holding J., Kosobokova K., Kwok R., Matrai P., Agusti S., Babin M., Bhatt U., Eicken H., Polyakov I., Rysgaard S., Huntington H.P. Towards a unifying pan-arctic perspective: A conceptual modelling toolkit // Progress in Oceanography. 2020. Vol. 189. Pp. 329–342. DOI: 10.1016/j.pocean.2020.102455
11. Tabata Sh., Otsuka N., Goto M., Takahashi M. Economy, society and governance in the Arctic: Overview of ArCS research project in the field of humanities and social sciences (2015–2020) // Polar Science. 2020. Vol. 27 (1): 100600. DOI: 10.1016/j.polar.2020.100600
12. Донской С.Е., Григорьев М.Н. Подходы к выделению минерально-сырьевых центров нефти и управлению развитием их ресурсной базы // Геология нефти и газа. 2010. № 5. С. 24–28.
13. Бурштейн Л.М., Грекова Л.С. Локально-статистический метод количественного прогноза перспектив нефтегазоносности (на примере горизонта Ю₁ западной Сибири) // Геология нефти и газа. 2016. № 4. С. 30–38.
14. Липина С.А., Череповицын А.Е., Бочарова Л.К. Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 29–39. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.29
15. Рождественская И.А., Ростанец В.Г. Минерально-сырьевые центры как новые объекты управления и стратегического планирования на макрорегиональном уровне // Вестник РАЕН. 2021. Т. 21. № 2. С. 83–87. DOI: 10.52531/1682-1696-2021-21-2-83-87
16. Палкин И.И., Редькина Т.М., Окрушко В.Я. Комплексный подход к реализации мер по стратегическому развитию территории на основе оценки основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года // Экономика и предпринимательство. 2020. № 3. С. 275–277. DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.055
17. Земнухова Е.А. Пространственная организация арктических минерально-сырьевых центров: диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Апатиты, 2022. 152 с.
18. Филимонова И.В., Проворная И.В., Комарова А.В., Земнухова Е.А. Устойчивые тенденции изменения региональной структуры добычи нефти в России // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2019. Т. 14. № 3. С. 1–16. DOI: 10.17353/2070-5379/33_2019

19. Проворная И.В., Филимонова И.В., Комарова А.В., Земнухова Е.А. Закономерности развития нефтегазовых ресурсных регионов России с учётом транспортной обеспеченности (окончание) // Экологический вестник России. 2020. № 2. С. 20–24.
20. Конторович В.А., Ершов С.В. Нефтегазовый резерв Западной Сибири // Наука из первых рук. 2010. № 3. С. 26–29.
21. Веретенников Н.П. Формирование и развитие логистической инфраструктуры в регионах Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 1 (63). С. 89–98. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.1.2019.63.89-98
22. Земнухова Е.А. Проблемы и перспективы формирования минерально-сырьевых центров в Арктической зоне России // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3 (128). С. 443–448.
23. Конторович А.Э., Краснов О.С., Лившиц В.Р. Алгоритм перспективного планирования геологоразведочных работ на основе имитационного моделирования процесса выявления месторождений нефти и газа: сборник научных трудов // Методы перспективного планирования геологоразведочных работ на нефть и газ. 1989. № 1. С. 16–27.
24. Филимонова И.В., Земнухова Е.А. Пространственная организация системы коммуникаций арктического минерально-сырьевого центра // Экономические науки. 2021. № 200. С. 131–138. DOI: 10.14451/1.200.131

References

1. Granberg A.G. Regional'naya ekonomika i regional'naya nauka v Rossii: desyat' let spustya [Regional Economy and Regional Science in Russia: Ten Years Later]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya*, 2004, no. 1, pp. 57–81.
2. Artobolevskii S.S., Baklanov P.Y., Treivish A.I. Prostranstvo i razvitie Rossii: polimasshtabnyy analiz [Russia's Space and Development: A Multiscale Analysis]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 79, no 2, pp. 101–112.
3. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya [Spatial Economics: Evolution of Approaches and Methodology]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2010, no. 2, pp. 6–32. DOI: 10.14530/se.2010.2.006-032
4. Tatarkin A.I. Regional'naya napravlennost' ekonomicheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii kak instituta prostranstvennogo obustroystva territoriy [Regional Targeting of the Economic Policy of the Russian Federation as an Institution of Regional Spatial Development]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2016, vol. 12, no. 1, pp. 9–27. DOI: 10.17059/2016-1-1
5. Ivanova M.V., Koz'menko A.S. Spatial Management of the Shipping Routes in the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6
6. Chen A., Lantz T.C., Hermosilla T., Wulder M.A. Biophysical Controls of Increased Tundra Productivity in the Western Canadian Arctic. *Remote Sensing of Environment*, 2021, vol. 258 (2): 112358. DOI: 10.1016/j.rse.2021.112358
7. Doel R.E., Wråkberg U., Zeller S. Science, Environment, and the New Arctic. *Journal of Historical Geography*, 2014, no. 44, pp. 2–14. DOI: 10.1016/j.jhg.2013.12.003
8. Nong D., Countryman A.M., Warziniack T. Potential Impacts of Expanded Arctic Alaska Energy Resource Extraction on US Energy Sectors. *Energy Policy*, 2018, vol. 119, pp. 57–584. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.003
9. Malinauskaite L., Cook D., Davidsdóttir B., Ögmundardóttir H., Roman J. Ecosystem Services in the Arctic: A Thematic Review. *Ecosystem Services*, 2019, vol. 36, pp. 512–525. DOI: 10.1016/j.ecoser.2019.100898
10. Wassmann P., Carmack E.C., Bluhm B.A., Duarte C.M., Berge J., Brown K., Grebmeier J.M., Holding J., Kosobokova K., Kwok R., Matrai P., Agusti S., Babin M., Bhatt U., Eicken H., Polyakov I., Rysgaard S., Huntington H.P. Towards a Unifying Pan-Arctic Perspective: A Conceptual Modelling Toolkit. *Progress in Oceanography*, 2020, vol. 189, pp. 329–342. DOI: 10.1016/j.pocean.2020.102455
11. Tabata Sh., Otsuka N., Goto M., Takahashi M. Economy, society and governance in the Arctic: Overview of ArCS research project in the field of humanities and social sciences (2015–2020). *Polar Science*, 2020, vol. 27 (1): 100600. DOI: 10.1016/j.polar.2020.100600

12. Donskoi S.E., Grigoriev M.N. Podkhody k vydeleniyu mineral'no-syr'evykh tsentrov nefti i upravleniyu razvitiem ikh resursnoy bazy [Approaches to Distinguishing Mineral-Raw Material Centres of Oil and Their Resource Base Development Management]. *Geologiya nefti i gaza* [Russian Oil and Gas Geology], 2010, no. 5, pp. 24–28.
13. Burshtein L.M., Grekova L.S. Lokal'no-statisticheskii metod kolichestvennogo prognoza perspektiv neftegazonosnosti (na primere gorizonta Yu₁ zapadnoy Sibiri) [Statistical Method for Quantitative Oil-Gas Prospects Prediction (At the Example of J₁ Horizon in the Western Siberia)]. *Geologiya nefti i gaza* [Russian Oil and Gas Geology], 2016, no. 4, pp. 30–38.
14. Lipina S.A., Cherepovitsyn A.E., Bocharova L.K. The Preconditions for the Formation of Mineral and Raw Materials Centers in the Support Zones of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 29–39. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.29
15. Rozhdestvenskaya I.A., Rostanets V.G. Mineral'no-syr'evye tsentry kak novye ob"ekty upravleniya i strategicheskogo planirovaniya na makroregional'nom urovne [Mineral Resource Centers as New Objects of Management and Strategic Planning at the Macro-Regional Level]. *Vestnik RAEN* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], 2021, vol. 21, no. 2, pp. 83–87. DOI: 10.52531/1682-1696-2021-21-2-83-87
16. Palkin I.I., Redkina T.M., Okrushko V.Ya. Kompleksnyy podkhod k realizatsii mer po strategicheskomu razvitiyu territorii na osnove otsenki osnov gosudarstvennoy politiki RF v Arktike na period do 2035 goda [A Comprehensive Approach to the Implementation of Measures for the Strategic Development of the Territory Based on the Assessment of the Russian Federation's State Policy in the Arctic for the Period up to 2035]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2020, no. 3, pp. 275–277. DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.055
17. Zemnukhova E.A. *Prostranstvennaya organizatsiya arkticheskikh mineral'no-syr'evykh tsentrov: dis. kand. ekon. nauk* [Spatial Organization of the Arctic Mineral Resource Centers: Cand. Econ. Sci. Diss.]. Apatity, 2022, 152 p. (In Russ.)
18. Filimonova I.V., Provornaya I.V., Komarova A.V., Zemnukhova E.A. Ustoychivye tendentsii izmeneniya regional'noy struktury dobychi nefti v Rossii [Sustainable Trends in Changing the Regional Structure of Oil Production in Russia]. *Neftegazovaya geologiya. Teoriya i praktika* [Petroleum Geology. Theoretical and Applied Studies], 2019, vol. 14, no. 3, pp. 1–16. DOI: 10.17353/2070-5379/33_2019
19. Provornaya I.V., Filimonova I.V., Komarova A.V., Zemnukhova E.A. Zakonomernosti razvitiya neftegazovykh resursnykh regionov Rossii s uchetom transportnoy obespechennosti (okonchanie) [Patterns of Development of Oil and Gas Resource Regions of Russia Taking into Account Transport Security (Ending)]. *Ekologicheskii vestnik Rossii* [Ecological Bulletin of Russia], 2020, no. 2, pp. 20–24.
20. Kontorovich V.A., Ershov S.V. Neftegazovyy rezerv Zapadnoy Sibiri [Oil and Gas Reserves of West Siberia]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], 2010, no. 3, pp. 26–29.
21. Veretennikov N.P. Formirovanie i razvitie logisticheskoy infrastruktury v regionakh Arktiki [Formation and Development of Logistics Infrastructure in the Arctic Regions]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2019, no. 1 (63), pp. 89–98. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.1.2019.63.89-98
22. Zemnukhova E.A. Problemy i perspektivy formirovaniya mineral'no-syr'evykh tsentrov v Arkticheskoy zone Rossii [Problems and Prospects for the Formation of Mineral Resource Centers in the Arctic Zone of Russia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2021, no. 3 (128), pp. 443–448.
23. Kontorovich A.E., Krasnov O.S., Livshits V.R. Algoritm perspektivnogo planirovaniya geologorazvedochnykh rabot na osnove imitatsionnogo modelirovaniya protsessa vyavleniya mestorozhdeniy nefti i gaza: sbornik nauchnykh trudov [Algorithm for Prospective Planning of Exploration Works Based on Simulation Modeling of the Process of Identifying Oil and Gas Fields: A Collection of Scientific Papers]. *Metody perspektivnogo planirovaniya geologorazvedochnykh rabot na neft' i gaz* [Methods of Prospective Planning of Geological Exploration for Oil and Gas], 1989, no. 1, pp. 16–27.
24. Filimonova I.V., Zemnukhova E.A. Prostranstvennaya organizatsiya sistemy kommunikatsiy arkticheskogo mineral'no-syr'evogo tsentra [Spatial Organization of the Communication System of the Arctic Mineral Resource Center]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2021, no. 200, pp. 131–138. DOI: 10.14451/1.200.131

*Статья поступила в редакцию 23.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022;
принята к публикации 12.09.2022.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 89–108.

Научная статья

УДК 327(470)(510)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.89

Арктика с китайской спецификой

Акимов Рамир Халиханович^{1✉}, лаборант-исследователь

¹ Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, Москва, Россия

¹ galievr Amir@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0116-9994>

Аннотация. С каждым годом Арктика превращается во всё более сложный геополитический и геоэкономический эпицентр взаимодействия и одновременно противостояния арктических и неарктических акторов международных отношений. В частности, Китай уже «приложил свои руки» к Арктическому региону, будучи неарктическим государством. Используя дипломатический язык, КНР на протяжении относительно короткого времени смогла не только провести ряд научных исследований как официальный наблюдатель при Арктическом совете, но и нарастить экономические связи с арктическими странами. Цель нашего исследования — выявить институциональные особенности формирующейся китайской арктической идентичности. Основными методологическими рамками исследования выступают анализ регионов через призму мега- и мезо-ареалов (Осаму Иеда) и концепция комплексов региональной безопасности (Б. Бузана и О. Вэвера). Также автор активно исследует основной стратегический документ КНР (Белая книга по Арктике), Конвенцию ООН по морскому праву, ряд соответствующих международных, национальных конвенции и соглашений, нормативно-правовые акты, международные доклады, отчёты и материалы СМИ. Основным результатом исследования автор статьи считает выявление институциональных особенностей китайской арктической идентичности. Также в статье даётся прогноз дальнейшему геостратегическому курсу Китая в направлении Арктического региона.

Ключевые слова: Арктика, Китай, Россия, международные отношения, геополитика, Ледяной Шёлковый путь, международное сотрудничество, Северный морской путь, арктическая политика

The Arctic with Chinese Characteristics

Ramir Kh. Akimov^{1✉}, researcher

¹ Moscow State Linguistic University, ul. Ostozhenka, 38, Moscow, 119034, Russia

¹ galievr Amir@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0116-9994>

Abstract. Year by year, the Arctic is becoming an increasingly complex geopolitical and geoeconomic epicenter of interaction and simultaneous confrontation between Arctic and non-Arctic actors in international relations. In particular, China has already “put its hands” (插手) to the Arctic region, being a non-Arctic state. Using diplomatic language, the PRC was able not only to conduct a number of scientific studies as an official observer at the Arctic Council, but also to build up economic ties with the Arctic countries over a relatively short period of time. The purpose of our study is to identify the institutional features of China’s emerging Arctic identity. The main methodological framework of the study is the analysis of regions through the prism of mega- and meso-areas (Osamu Ieda) and the concept of regional security complexes

* © Акимов Р.Х., 2023

Для цитирования: Акимов Р.Х. Арктика с китайской спецификой // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 89–108. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.89

For citation: Akimov R.Kh. The Arctic with Chinese Characteristics. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 89–108. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.89

(B. Buzana and O. Vever). The author is also actively researching the main strategic document of the PRC (the White Paper on the Arctic), the UN Convention on the Law of the Sea, a number of relevant international, national conventions and agreements, regulatory legal acts, international reports, statements and media materials. The author considers the identification of institutional features of the Chinese Arctic identity to be the main result of the study. The article also forecasts China's further geostrategic course towards the Arctic region.

Keywords: *Arctic, China, Russia, international relations, geopolitics, Ice Silk Road, international cooperation, Northern Sea Route, Arctic policy*

*«Арктика принадлежит всем людям во всём мире,
поскольку ни одна нация не обладает суверенитетом над ней».*

Инь Чжо, китайский контр-адмирал ¹

Введение

Арктика — один из самых интересных регионов, превратившийся из эпицентра природно-климатических проблем в геополитическое пространство с высоким градусом переговоров и дискуссий. Выгодные транзитные морские пути из Азии в Европу, богатый природно-ресурсный комплекс, выгодное стратегическое значение региона и огромное «поле» для научных исследований — всё это, как оказалось, может сулить именно таяние арктических льдов. Сотрудничество, к которому призывало мировое и научное сообщество, всё чаще стало заменяться категорией геополитической конкуренции, и ритм этому в последнее время начал задавать именно Китай.

Между тем Россия рассматривает Китай исключительно сотрудником на Крайнем Севере. Возможно, на данный момент стратегическое сотрудничество выгодно для обеих стран, так как сложившаяся международная обстановка требует определённых дипломатических манёвров и усиления партнёрских отношений в противовес блоковой коалиции в составе Арктического совета. В данной статье автор через призму новых методологических рамок намерен исследовать формирующуюся китайскую арктическую идентичность и выявить проблемы и перспективы от китайского присутствия в Арктике.

В зарубежной теоретической литературе написано немало научных работ, посвящённых анализу стратегической деятельности Китая в Арктике. Так, Сюй Чжэньвэй и Сюй Юань-юань в своей работе, используя теорию и дилемму заключённого, уделяют внимание проблеме имеющихся международно-правовых проблем между США, Канадой и РФ по арктическим вопросам и предлагают ряд конструктивных действий, которые позволили бы Китаю приобрести выгодное стратегическое преимущество в борьбе за арктические права [1]. Чэн Баочжи представляет собственное видение решения основных противоречий в Арктике для Китая [2]. Мэй Хун и Ван Цзэнчжэнь обосновывают стремление Китая к Арктике [3]. Лю Хуэйжун и Ян Фань в своей работе углубляются в причины «фрагментации международного права» по Арктике, выделяют противоречия в международных и национальных нормативных актах по данному региону и предлагают своё видение того, как решить ряд арктических

¹ Chang G. China's Arctic Play. Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2010/03/chinas-arctic-play/> (дата обращения: 01.06.2022).

проблем [4]. Другие китайские учёные исследовали онтологию мотивов Китая в стремлении сохранить китайский флаг на Арктическом фронте [5; 6; 7; 8], а также обосновали, в чём заключается стратегическая особенность и важность для Китая морских путей в северных широтах [9, Xiao Y.; 10, Liu N.; 11, Sun K.; 12, Li Z., Tian Y.; 13, Guo P., Guan Y.]. Марк Лантейн исследовал эволюцию стратегий Китая в направлении Крайнего Севера, а также определил предпосылки для анализа текущего состояния и будущего развития арктической политики Китая [14; 15; 16]. Джоэлсен посвятил свою работу исследованию взаимодействия Китая с Арктическим советом [17]. Теме Китай — Арктика было посвящено немало и российских работ. Так, Ерохин В. в соавторстве с Гао Тяньмин и Чжан Сюйхуа исследовал критические моменты в реализации китайской парадигмы в Арктике и ряда иных инвестиционных проектов². Леонов С.Н. исследует основные причины активизации деятельности КНР в Арктике, а также определяет ряд проблем для РФ, которые потенциально могут возникнуть при ослаблении позиций в Северном морском пути [18]. Однако, несмотря на многочисленные достоинства имеющихся научных работ на данную тематику, в них не были в достаточной мере отражены новейшие процессы. Более того, в нашей статье предлагается посмотреть на деятельность Поднебесной в Арктике с точки зрения новых методологических рамок.

Методология

В основе исследования нами будет использована концепция мега- и мезо-ареалов, представленная Осаму Иеда³. По нашему мнению, этот концепт может быть плодотворным для анализа пространственных единиц, рождённых геополитическими потрясениями конца XX столетия.

Данная методология пересматривает нынешнее региональное деление, основанное на национально-государственных границах, с нового ракурса — мега-ареала — и его составных частей — мезо-ареалов. Новое страновое видение позволяет лучше понять онтологическую основу изменений институциональной идентичности регионов мира. Такая концептуальная рамка значительным образом расширяет угол политэкономического аналитического обзора, позволяет по-новому оценивать грядущие тенденции на мировой арене и, бесспорно, имеет эвристический потенциал.

Мезо-ареал представляет составную часть мега-ареала, который находится в балансирующем состоянии между присущей мега-ареалу центростремительной силой (политико-экономические институты, модели поведения, экосистемы и др.) и внешними факторами. Дисбаланс, в свою очередь, связан не только с ослаблением центростремительных сил внутри мега-ареала, но и может быть вызван столкновением с внешними глобализационными

² Erokhin V., Gao T., Zhang X. Arctic Blue Economic Corridor: China's Role in the Development of a New Connectivity Paradigm in the North, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328758312_Arctic_Blue_Economic_Corridor_China%27s_Role_in_the_Development_of_a_New_Connectivity_Paradigm_in_the_North (дата обращения: 01.06.2022).

³ Osamu I. Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia: Focused on Eastern Europe, 2004. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/pdf01/ieda040302.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

последствиями в виде торгово-экономической интеграции регионов, культурного влияния извне и т. д. Иными словами, последствия глобализации могут стать причиной фрагментации мега-ареала вместе с мезо-ареалами, соединив новой региональной границей мезо-ареалы в составе другого мега-ареала. В этом контексте отметим, что мезо-ареал может иметь доступ к двум мега-ареалам: мега-ареалу входа и мега-ареалу выхода.

Важно также, что мезо-ареал — это «взаимодействие внешних факторов, институциональной идентичности и самоидентификации самого мезо-ареала»⁴. Динамика всех трёх составляющих определяет тип движения мезо-ареала: эволюционный, обратный, трансформационный и переходный. Согласно Осаму Иеда, чем больше мезо-ареал уязвим перед внешними импульсами, тем выше риск того, что произойдёт его трансформация и переход в новый мега-регион; а если мезо-ареал отяготить институционализацией, то по итогу ареал окажется в «режиме обратной реакции»^{5,6}. Если говорить про самоидентификацию мезо-ареала, то примечательным является то, что высокий показатель самоидентификации ареала мезо-уровня может спровоцировать трансформацию в обоих ареалах мега-уровня (входа и выхода)⁷.

В контексте нашего исследования Арктика представляет собой мезо-ареал, находящийся в окружении мега-ареалов: к примеру, Магомедов А.К.⁸ говорит о «постсоветской Северной Евразии» как о комплексном мега-ареале, а Велло Петтаи, например, определяет как мега-ареалы КНР, РФ и США⁹. Арктический мезо-ареал может быть «очерчен контурами» странового политэкономического влияния, выражающимися в сосредоточении бизнес-структур, огромных инвестиций, научно-исследовательском интересе и др. со стороны вышеприведённой группы стран. Однако автор исследования ставит перед собой одну из задач — определить динамику движения Арктики как мезо-ареала (на примере вышеприведённой конструкции).

Следующей концепцией для анализа регионального измерения мировой политики является комплекс региональной безопасности Б. Бузана и О. Вэвера¹⁰. Основой данной концепции является теория секьюритизации. Данная теория представляет собой исследование, посвящённое изучению интерсубъективного восприятия каких-либо процессов или даже субъектов, которые представляют «угрозу референтному объекту», в связи с чем кон-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Pettai V. The study of Meso- and Mega-Area dynamics: methodological and empirical considerations. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no7_ses/chapter03.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

⁷ Там же.

⁸ Магомедов А.К. Энергетические мезо-регионы Северной Евразии: меняющаяся роль Каспийского бассейна и Восточной Сибири на рубеже 20-21 столетий. URL: <http://lib.ulstu.ru/venec/disk/2017/321.pdf> (дата обращения: 23.07.2022).

⁹ Pettai V. The study of Meso- and Mega-Area dynamics: methodological and empirical considerations. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no7_ses/chapter03.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

¹⁰ Buzan B., Wæver O. Security — A New Framework For Analysis. URL: https://www.academia.edu/39047709/Buzan_Waever_and_De_Wilde_1998_Security_A_New_Framework_For_Analysis (дата обращения: 01.07.2022).

струируется необходимость в отражении данной угрозы. В качестве объекта может быть представлено не только само государство, но и экосистемы, религиозно-догматические направления, права человека и т. д. В частности, данная концепция позволяет понять, как и почему была секьюритизирована та или иная субъективная проблема.

Секьюритизация проблемы

Политизировать (секьюритизировать) проблему до масштаба экзистенциальной угрозы Китаю удалось достаточно успешно. С одной стороны, действительно, как заявляет Китай, природно-климатическая проблема реальна и с ней приходится считаться всему мировому сообществу. В частности, Китай заявляет, что вследствие глобального потепления происходит таяние арктических ледников, что в свою очередь становится причиной повышения уровня вод Мирового океана. А ведь большинство провинций и городских округов с крупными финансово-экономическими центрами расположены именно в восточно-прибрежной части материкового Китая. Более того, арктические климатические изменения посредством воздушных потоков влияют на состояние климата в самом Китае, отсюда становится понятным, откуда такие опасения у КНР.

Стоит отметить, что Арктический регион вызвал академический интерес у китайского научного сообщества ещё в 1988 г.: именно тогда начали издаваться научные статьи, журналы по теме полярных исследований и затем был открыт Институт полярных исследований Китая (1989 г.)¹¹. Несмотря на это, КНР усилила свою арктическую повестку лишь «после 2012 г., инвестируя в инфраструктуру и активы Арктики более \$90 миллиардов»¹². Собственно, беспокойств среди неарктических стран больше всех выражает именно Китай. Последующее включение Арктического региона в программу «Ледяного Шёлкового пути», а затем и публикация «Политики Китая в Арктике», 2018 г. (далее *Белая книга*) — это не только секьюритизация природно-климатической проблемы. Это целенаправленный, стратегический подход Китая к выходу в северные широты, то есть к региону, который только на первый взгляд не имеет к нему географической принадлежности.

Так, лингвистические уловки Китая по оправданию своих устремлений в арктическом направлении имеют всё же и географические основания: Китай считает вполне обоснованным причислять себя к «приарктической стране», раз его северо-восточная часть доходит до 50° северной широты¹³. Встречается также мнение, что, раз в КНР проживает четверть миро-

¹¹ Alexeeva O., Lasserre F. China and the Arctic. URL: https://www.researchgate.net/profile/P-Lackenbauer-2/publication/352165129_China%27s_Arctic_Engagement_Following_the_Polar_Silk_Road_to_Greenland_and_Russia/links/60bc3599299bf10dff9c7e80/Chinas-Arctic-Engagement-Following-the-Polar-Silk-Road-to-Greenland-and-Russia.pdf?origin=publication_detail (дата обращения: 01.06.2022).

¹² Morello C. Pompeo warns of the dangers of Russian and Chinese activities in the Arctic. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/pompeo-warns-of-dangers-of-russian-and-chinese-activities-in-the-arctic/2019/05/06/e2e99690-7001-11e9-9eb4-0828f5389013_story.html (дата обращения: 01.06.2022).

¹³ Von Seidler C. China Dips Toes in Arctic Waters. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/growing-chinese-interest-in-the-arctic-worries-international-community-a-879654.html> (дата обращения: 01.06.2022).

вого населения, то и принадлежать Китаю должна также четверть запасов углеводородного потенциала Арктики [19, Dong Y., Chen Y., Li Sh., pp. 17–22; 20, Jia Y., pp. 6–10; 21, Liu H., Liu X., pp. 1–5; 4, Liu H., Yang F., pp. 1–5; 3, Mei H., Wang Z., pp. 23–27]. А стремительное вхождение Китая в состав наблюдателей при Арктическом совете эмоционально обосновывается и историческим опытом: ведь Арктический совет представляет собой союз 8 приарктических государств, что для Китая исторически перекликается с XIX–XX вв. — также союзом 8 государств и одновременно периодом империалистических издевательств над некогда замкнутой, но самодостаточной Китайской империей¹⁴.

Постепенность — одно из достоинств китайской геополитики

Стоит также обратить внимание и на тот факт, что Китай, помимо секьюритизации проблем, достаточно успешен в продвижении своих традиционно-культурных ценностей по всему миру. Базовые геополитические, культурные и даже экономические концепции порой черпаются из древнейших философско-религиозных канонических текстов. Мудрость предков не забывается, а идёт на «пользу современности»¹⁵.

Как мы уже ранее говорили, исторический опыт Китая не позволил Арктике стать новым символом «союза восьми», а напротив — превратил её в индикатор включения Китая в решительную борьбу за свои права в данном регионе. Однако эту «решительную борьбу» можно охарактеризовать как плановую и последовательную стратегию, соответствующую китайской концепции «постепенности» или методу проб и ошибок. Чаше «постепенность» в китайской литературе коррелирует с понятием «реформы», но в контексте Арктики «постепенность» внесла свой значительный вклад. Так, начиная от признания суверенных прав арктических стран и заканчивая включением Китая в состав наблюдательного совета, Поднебесная шла в Арктику постепенно. Целенаправленные и стратегически выверенные шаги в Арктику были весьма последовательными. С этим тяжело не согласиться. Принцип Дэн Сяопина — «скрывать свою мощь и ждать благоприятного момента» — здесь неуместен, как и стремление к мировой гегемонии¹⁶. При этом терять свои позиции как глобальный геополитический актор Китай просто не может — сильная экономика не позволяет «скрывать свою мощь». Тогда получается, что Китай вынужден «прикладывать свои руки» к делам Арктики. Однако каким образом это удаётся сделать и с какой целью?

Арктика — это регион Китая?

Китай — это мега-ареал с высоким уровнем ВВП, сильным влиянием «мягкой силы» и актор с высоким уровнем военной мощи. Геополитические интересы КНР распространяются

¹⁴ Guo P., quoted in Xie Kaihua “The Future Influence of the Polar Regions on China Will Be Great: A Visit with Arctic Issues Expert Guo Peiqing of Ocean University of China”. URL: express.cetin.net.cn (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁵ Отсылка к китайскому чэньюю: «Ставить древнее на службу современному» (古为今用).

¹⁶ Xi Jinping: Speech at the China International Friendship Conference and the 60th Anniversary of the founding of the Chinese People's Association for Friendship with Foreign Countries. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-05/15/c_1110712488.htm (дата обращения: 01.06.2022).

далеко за границы её демаркационных линий. Как самой густонаселённой стране в мире, Китаю требуется не только новые рынки сбыта и интеграционные связи, но и диверсификация источников энергии. Всё это может обеспечить ему Арктика.

Во-первых, Китаю необходимо поддерживать энергобаланс. Согласно прогнозам, в КНР энергопотребление будет лишь набирать обороты, как и импорт углеводородов [22, Shan B., Xu M., Zhu F., Zhang C.; 23, Liu J., Chen W., Liu D.]. Более того, Китаю необходимо достичь поставленных им целей к 2049 г., а для этого Поднебесная будет лишь укреплять свою энергетическую безопасность¹⁷, проводя поиск новых источников энергоресурсов. Также Китаю, помимо черного золота и голубого топлива, нужны «стратегические» ресурсы в виде полезных ископаемых¹⁸. Арктика является как раз тем регионом, который богат углеводородами и полезными ископаемыми.

Во-вторых, Китай зависим от поставок углеводородов посредством морских перевозок. Большая часть энергоресурсов в Китай переправляется через Малаккский пролив, который, хоть и имеет важное экономическое значение для Китая, всё же потенциально конфликтогенен¹⁹. Следовательно, Китай понимает необходимость поиска альтернативных морских маршрутов по поставкам энергоносителей. Арктический регион представляет собой данный альтернативный вариант морского маршрута.

В-третьих, согласно Ли Син и Расмус Йедссо Бертельсен, высокие показатели состояния экономики, политическая стабильность и сохранение территориальной целостности Китая — основные задачи китайского руководства по обеспечению «легитимности их власти»²⁰. Учёные, продолжая данную мысль, постулируют, что (раз Китай не имеет суверенных прав на Арктический регион) проникновение в Крайний Север должно было быть обеспечено необходимостью научных исследований, так как изменение климата напрямую влияет не только на климат самой страны, но и «на сельское хозяйство и продовольственную безопасность», а, следовательно, и на социально-экономическую и политическую стабильность в Китае²¹. В данном контексте научно-исследовательская деятельность Китая по направлению природно-климатических изменений в Арктическом регионе служит «оправданным» способом секьюритизировать проблему и тем самым приблизиться к Арктике.

¹⁷ Kuhn R.L. Xi Jinping's Chinese Dream. New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2013/06/05/opinion/global/xi-jinpings-chinese-dream.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 10.07.2022).

¹⁸ Andersson P., Kalvig P., Gad U.P. Chinese companies in Arctic mining are gaming the master plan. URL: <https://www.diis.dk/en/research/chinese-companies-in-arctic-mining-are-gaming-the-master-plan> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁹ Seyedi S. Стратегическое значение Малаккского пролива в Юго-Восточной Азии. URL: https://www.ankasam.org/author/seyedmohammad_seyedi_asl/?lang=ru (дата обращения: 10.07.2022).

²⁰ Li X., Bertelsen R.G. The Drivers of Chinese Arctic Interests: Political Stability and Energy and Transportation Security. URL: https://www.researchgate.net/profile/P-Lackenbauer-2/publication/352165129_China%27s_Arctic_Engagement_Following_the_Polar_Silk_Road_to_Greenland_and_Russia/links/60bc3599299bf10dff9c7e80/Chinas-Arctic-Engagement-Following-the-Polar-Silk-Road-to-Greenland-and-Russia.pdf?origin=publication_detail (дата обращения: 03.07.2022).

²¹ Там же.

Действительно, для Китая изменение климата в Арктике — скорее экономическая возможность, чем экологический кризис. Вопрос экологической безопасности мало может волновать страну, которая является одним из мировых лидеров по показателям выбросов углекислого газа и также является крупным источником чёрного углерода²². А ведь именно нивелирование данных показателей определило бы успех в дальнейшей работе по спасению Арктического региона. Однако, если по вопросам с парниковыми газами присутствует некий международно-правовой механизм воздействия на Китай, то проблема сокращения выбросов сажи остаётся неразрешённой. Вопросы парникового эффекта регулируются Парижским соглашением до 2030 г.²³. При этом существует и Арктическая стратегия КНР [14; 15; 16, Lanteigne M.]. Парижское соглашение призывает к сокращению парниковых газов все страны мира, а стратегия Китая не предусматривает дополнительных мер по нивелированию показателей парниковых газов, так как Китай не считает своё воздействие на Арктику обширным и губительным²⁴. В таком случае вполне обоснованным является мнение, что проблема природно-климатического характера Арктики — это удачная секьюритизация, ведь Китай инвестирует большие средства в регион, провоцирующий природные проблемы, но при этом сам (хоть и отчасти) провоцирует эти проблемы в данном регионе.

Таким образом, как мы ещё раз видим, цели «выхода» Китая в Арктический регион понятны: секьюритизация проблемы природно-климатической составляющей приблизила Китай к обоснованию своей заинтересованности и необходимости участия в циркумполярном сотрудничестве. Однако каким образом Китай реализовывал свои действия, чтобы приблизиться к Арктике?

Во-первых, посредством международно-политических инструментов. Китай признал проблемы в Арктическом регионе в целом региональными, но стремительно пытался расширить их международную составляющую. В частности, Китаю удалось секьюритизировать данный аспект через призму природно-ресурсного потенциала Арктики и её морских путей.

В относительно недавней опубликованной Белой книге Китай заявляет о себе как о «стране, близкой к Арктике»²⁵ (в русскоязычной литературе чаще встречается перевод «приарктическая страна»). Китай позиционирует себя как страну, которая имеет легитимные

²² Yamineva Y. China in the Arctic: climate agenda as a space for multilateral cooperation amidst great power competition. URL: https://www.researchgate.net/publication/351746375_China_in_the_Arctic_Climate_agenda_as_a_space_for_multilateral_cooperation_amidst_great_power_competition (дата обращения: 07.06.2022).

²³ Парижское соглашение. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

²⁴ Yamineva Y. China in the Arctic: climate agenda as a space for multilateral cooperation amidst great power competition. URL: https://www.researchgate.net/publication/351746375_China_in_the_Arctic_Climate_agenda_as_a_space_for_multilateral_cooperation_amidst_great_power_competition (дата обращения: 10.07.2022).

²⁵ China's Arctic policy (In Chinese). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (дата обращения: 01.06.2022).

права в Арктическом регионе, так как Арктика входит в пространство — «сообщество судьбы»²⁶. Соответственно, Арктика — это общее глобальное пространство. Уважение законных прав на проведение разного рода научно-исследовательских и иных практик должно соблюдаться не только арктическими государствами друг перед другом, но и в отношении такой страны, как Китай [4, Liu H., Yang F.].

Китай понимает, что Арктика — это в большей степени океан, а соответственно, вопросы в международно-правовом поле должны разрешаться посредством Конвенции ООН по морскому праву. Проблемой представляется то, что данная Конвенция сама и представляет собой камень преткновения, так как в ней заложены «изъёмы», которые позволяют территориальным странам по-своему (в соответствии со своими национальными правами и интересами) интерпретировать статьи документа. В этом контексте, интересным представляются слова Ли Чжэньфу, который считает, что: «Китай должен на национальном уровне полагаться на реальные сильные стороны в формулировании международного права, научных исследованиях и юрисдикции над ресурсами и морскими путями и сделать все возможное в Арктике, чтобы его собственный голос был услышан, и укрепить своё право высказываться. Только те, кто станет владельцами ресурсов, смогут получить их законную ценность» [5; 24, Li Z.]. Автор утверждает, что арктические страны до сих пор борются за выработку устойчивых международных механизмов, которые помогли бы разрешить коллизию арктических проблем на международном уровне, однако для КНР будет выгодно не занимать пассивную позицию наблюдателя, а наоборот — активно принимать участие в данных вопросах. В противном случае стратегическая полезность данного региона ускользнёт из рук Поднебесной и лишит её «законных прав и интересов»²⁷.

Сюй Чжэньвэй и Сюй Юаньюань в своей работе заявляют, что три арктические страны — США, РФ и Канада — не используют возможности кооперативно подойти к разрешению проблем Арктического региона [1]. Авторы сравнивают подходы данных стран со сценой, когда одна сторона приводит свои аргументы, а другая — опровергает и приводит свои: «как вы закончите петь, я поднимусь на сцену». В таком контексте авторы считают, что необходимо принимать многостороннюю национальную стратегию по арктическим морским проходам.

Причём Китай подчёркивает, что с его стороны гарантируются и никоим образом не оспариваются права на Арктику прилегающих территориальных стран. Именно с такой риторикой Поднебесная подступилась к Арктическому совету [17, Joelsen N.]. За относительно небольшой срок Китаю удалось сформировать свою «арктическую идентичность» [14; 15; 16, Lantaigne M.] и войти в состав наблюдателей при Арктическом совете (2013 г.), убедив основную состав совета в своей «законной» заинтересованности. Законные права на «присутствие» в Арктическом совете Китай подкрепляет присоединением к международным согла-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

шениям и организациям. Так, Пекин поддержал положения Конвенции ООН по морскому праву²⁸, присоединился к Договору об островах Шпицберген²⁹, Соглашению о предотвращении нерегулируемого промысла в Открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана³⁰, а также к Полярному кодексу³¹. Последнее является для Китая одним из важнейших документов, так как его статьи недвусмысленно постулируют глобалистское видение Арктического региона, что идёт на руку официальным заявлениям китайского правительства в отношении Арктической повестки. Более того, Китай является активным деятелем в таких организациях, как Международная морская организация, Международный арктический научный комитет; Китай одним из первых организовал Неделю Арктического научного саммита Конференции высокого уровня по вопросам Арктики (2005 г.). В этом контексте актуальным представляется напоминание китайского истеблишмента всему мировому сообществу, что Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН, а соответственно, и вопросы в Арктическом регионе — это такая же прерогатива для КНР, деятельность которой представляет собой важную миссию, направленную «на обеспечение мира и безопасности» в данном регионе³².

Такой большой послужной список для Китая — хороший инструмент для усиления международно-политических позиций по арктической повестке. Для Китая членство в разного рода объединениях и организациях — это не самоцель, это скорее соблюдение правил в международных отношениях и некая дань трендам. В данном контексте уместным будет привести теорию гегемонистской стабильности Киндлбергера Ч.П., согласно которой гегемон, как мировой актор, «способствует и реализует создание общего блага, благодаря соблюдению общих правил» [25, Kindleberger С.Р.].

Во-вторых, посредством экономического влияния. Не секрет, что одна из причин появления Китая среди наблюдателей Арктического совета была продиктовано необходимостью поиска выгодных инвесторов^{33, 34}. Тем более, официальное признание за Китаем статуса наблюдателя примерно совпадает со стартом Инициативы «Пояса и пути» — масштабным глобальным инвестиционным проектом по развитию инфраструктурных, нефтегазовых, про-

²⁸ Конвенция ООН по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

²⁹ Договор о Шпицбергене от 9.02.1920 г. URL: <https://base.garant.ru/2540212/> (дата обращения: 10.07.2022).

³⁰ Соглашению о предотвращении нерегулируемого промысла в Открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035> (дата обращения: 10.07.2022).

³¹ Полярный кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420376046> (дата обращения: 10.07.2022).

³² China's Arctic policy (In Chinese). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (дата обращения: 10.07.2022).

³³ Чаленко А. Дания теряет Гренландию? Экономика Китая играет в противовес милитаристским амбициям США. URL: <https://goarctic.ru/politics/daniya-teryaet-grenlandiyu-ekonomika-kitaya-igraet-v-protivoves-militaristskim-ambitsiyam-ssha/> (дата обращения: 12.07.2022).

³⁴ Erokhin V., Gao T., Zhang X. Arctic Blue Economic Corridor: China's Role in the Development of a New Connectivity Paradigm in the North, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328758312_Arctic_Blue_Economic_Corridor_China%27s_Role_in_the_Development_of_a_New_Connectivity_Paradigm_in_the_North (дата обращения: 01.07.2022).

мышленных и иных составляющих на территории других стран. Инициатива направлена на расширение экономических возможностей Китая и преследует цель перенаправить внутренние избыточные мощности и капитал страны на развитие региональной инфраструктуры на территории стран-партнёров. Китайский проект не представляет собой безвозмездную финансовую помощь. Напротив, его давно окрестили китайским «планом Маршалла». Формат данного Плана соответствует идее развития диалога и сотрудничества по линии «Юг — Юг», а также «вдохновлён принципами открытости, инклюзивности и общего выигрыша»³⁵.

Однако на практике ситуация может выглядеть слегка иначе. Так, в одной из статей журнала *The Economist* была озвучена мысль, что за Инициативой кроются не только «вторичные мотивации», но и конечной целью данного мега-проекта является трансформация Евразийского региона в торгово-экономическую среду, конкурентоспособную зонам американского влияния: «от размещения валютных резервов до создания новых рынков»³⁶. В статье декларируется, что Китай посредством расширения «Пояса и пути» усиливает свои позиции в разных регионах, в том числе и в Южно-Китайском море, и в Центральной Азии, и так далее. Небезосновательны будут опасения, что такой «конструкт» будет успешно продолжен и реализован на Крайнем Севере, тем более этот «конструкт» уже получил своё название — «Ледяной Шёлковый путь». Более того, если учесть, что «Всемирный банк, исходя из политических соображений, кредитует (дружественные США) страны»³⁷, то почему коллективным Западом деятельность «Пояса и пути» по одобрению кредитов лояльным китайской политике странам (хоть и с некоторыми отличиями по применению) воспринимается как нечто «небезопасное»³⁸?

Инициатива «Пояса и пути» имеет два разнородных аспекта для анализа. Первый аспект — это то, что сама по себе Инициатива — новая платформа успешного взаимодействия с Китаем в целях реализации масштабных инфраструктурных, производственных и нефтегазовых проектов. Северное направление не является исключением. Китай весьма успешно наращивает свою зону экономического влияния в Арктическом регионе. Это может выражаться не только в создании инфраструктурного капитала, но и в приобретении контрольных пакетов акций крупных компаний в странах Арктики. Так, китайская корпорация CNOOC Ltd. приобрела канадскую компанию Nexen Inc.³⁹. Леоне Аглуккак, экс-министр здравоохранения Канады, лидер Нунавут-Инуит и экс-председатель Арктического совета, говорила, что

³⁵ Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/bbd/Outlines%20of%20Global%20Transformations_5_2017-Denisov.pdf?ysclid=l5zh1v86s410693633 (дата обращения: 23.07.2022).

³⁶ What is China's belt and road initiative? URL: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2017/05/14/what-is-chinas-belt-and-road-initiative> (дата обращения: 10.07.2022).

³⁷ Devonshire-Ellis C. China's Overseas Sovereign Debt Financing Is Built On Sound Financial Principles & Debt Repackaging Strategies. URL: <https://www.ft.com/content/f78ebff8-a4d9-419c-9a76-dcf6cddb3ad9https://www.ft.com/content/f78ebff8-a4d9-419c-9a76-dcf6cddb3ad9> (дата обращения: 10.07.2022).

³⁸ Там же.

³⁹ Власть США одобрили сделку по покупке Nexen китайской Cnooc. URL: <https://globalstocks.ru/vlasti-ssha-odobrili-sdelku-po-ropupke-nexen-kitayskoj-snooc/> (дата обращения: 19.07.2022).

«выгоды (от китайских проектов в Арктике) слишком велики, чтобы их упускать»⁴⁰. Китай в канадской части Арктики заинтересован в добыче полезных ископаемых — так, около 19 млрд долларов США было инвестировано Китаем в данное направление⁴¹. Более того, «китайская компания Jilin Jien Nickel Industry Co., Ltd. обладает Canadian Royalty Inc., канадская горнодобывающая компания; также китайская компания Jinduicheng Molybdenum Group Co., Ltd. (JDC) приобрела компанию Yukon Zinc за 113 млн долларов США; Yunnan Metallurgical Group Co., Ltd, китайская компания, инвестировала 100 млн долларов США в создание совместного предприятия по добыче цинка и свинца 50/50 с Selwyn Resources в 2010 г., а затем инвестировала дополнительные 50 млн долларов США в 2013 г., чтобы взять на себя полный контроль над проектом на Юконе»⁴².

КНР также успешно проводит свою политику и в нефтегазовом секторе. По обработке и сбыту редкоземельных металлов и добыче урана Австралия (Greenland Minerals) передала «ведущую роль» Китаю (Shenghe Resources Ltd.)⁴³. Shenghe Resources Ltd. также совместно с Ironbark (Австралия) добывает цинк и т. д.⁴⁴ В этом же ряду и Исландия, а также Шпицберген, где Китай приобрел определённые права согласно Договору 1920 г.⁴⁵

Китай действительно вкладывает огромные средства в Арктический регион. Так, согласно CNA Analysis, в период 2005–2017 гг. «совокупные китайские инвестиции в арктические страны составили более \$1,4 триллионов», из которых большая часть была инвестирована в «горнодобывающие, инфраструктурные и энергетические проекты»⁴⁶. По сообщениям ТАСС, китайская корпорация CNPC будет ежегодно импортировать 3 млн т СПГ⁴⁷. В области нефтегазового сектора Китай также активно инвестирует огромные средства. К примеру, вкладывает их в разработку «нефтяного месторождения Пайяха, стоимость которого составляет более 5 миллиардов долларов США, и двух крупных арктических портов»⁴⁸. Необходимо также сказать, что для Китая Арктика представляется выгодным регионом в сфере развития собственного судоходства, а также в области развития добычи полезных ископаемых с

⁴⁰ Oddleifson E., Alton T., Romaniuk S.N. China in the Canadian Arctic: Context, Issues, and Considerations for 2021 and Beyond. URL: https://www.ualberta.ca/china-institute/research/analysis-briefs/2021/arctic_analysis_brief.html (дата обращения: 10.07.2022).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Дания теряет Гренландию? Экономика Китая играет в противовес милитаристским амбициям США. URL: <https://goarctic.ru/politics/daniya-teryet-grenlandiyu-ekonomika-kitaya-igraet-v-protivoves-militaristskim-ambitsiyam-ssha/> (дата обращения: 17.07.2022).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Договор о Шпицбергене от 9.02.1920 г. URL: <https://base.garant.ru/2540212/> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴⁶ Rosen M.E., Thuringer C.B. Unconstrained Foreign Direct Investment: An Emerging Challenge to Arctic Security. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/cop-2017-u-015944-1rev.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

⁴⁷ НОВАТЭК подписал контракт с китайской CNPC на поставку 3 млн тонн СПГ в год URL: https://tass.ru/ekonomika/1198575?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.07.2022).

⁴⁸ China's 'Arctic Silk Road' projects. URL: <https://chinadialogueocean.net/en/climate/12569-chinas-arctic-silk-road-projects/> (дата обращения: 10.07.2022).

целью укрепления своей энергетической составляющей и усиления экономических возможностей⁴⁹.

Такая политика Поднебесной позволит ей укрепить свою собственную институциональную идентичность в данном регионе. А это, в свою очередь, приводит к увеличению центростремительных сил, которые образуют уникальный мезо-ареал (согласно Осаму Иеда). Иными словами, вышеприведённые примеры демонстрируют расширяющееся экономическое взаимодействие Китая с арктическими странами в рамках проектной деятельности, которая, по мнению Китая, не может содержать «деструктивные» императивы для региональных стран, так как Инициатива пронизана идеями развития диалога и сотрудничества⁵⁰. Однако всё больше стран начинают сомневаться в этом.

Таким образом, вторым аспектом для анализа в данном случае может выступать тезис о том, что «Ледяной Шёлковый путь» — это инструмент по усилению геэкономического влияния Китая и укреплению его статуса гегемона. Такой тезис активно продвигается коллективным Западом, в частности США, что неудивительно в контексте активного геополитического соперничества США и КНР. Как заявил Майк Помпео, ныне бывший госсекретарь США, китайские компании реализуют директивы ЦК КПК или, иными словами, используют «скоординированный» стратегический подход в (Арктическом) регионе⁵¹. Такой подход, безусловно, провоцирует тщательные «проверки безопасности инвестиций в различные инфраструктурные объекты», что в конечном счёте может привести к воспрепятствованию реализации различных проектов⁵². Совсем неудивительно, что европейские страны создали специальный Комитет по иностранным инвестициям (Committee on Foreign Investment in the EU, CFIEU), главной целью которого является «скрининг инвестиций третьих стран в стратегические отрасли европейских государств»⁵³. Причинами этому могут стать, прежде всего, опасения в области национальной безопасности. Так, например, строительство китайцами аэропортов в Гренландии или покупка морской базы на её территории были заблокированы США^{54, 55}. На первый взгляд, данный пример иллюстрирует противостояние КНР и США. Безуслов-

⁴⁹ China's Arctic policy (In Chinese). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (дата обращения: 10.07.2022).

⁵⁰ Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/bbd/Outlines%20of%20Global%20Transformations_5_2017-Denisov.pdf?ysclid=I5zh1v86s410693633 (дата обращения: 10.07.2022).

⁵¹ Andersson P., Kalvig P., Gad U.P. Chinese companies in Arctic mining are gaming the master plan. URL: <https://www.diis.dk/en/research/chinese-companies-in-arctic-mining-are-gaming-the-master-plan> (дата обращения: 18.07.2022).

⁵² Там же.

⁵³ Пояс, путь, проекты и проблемы. URL: https://atomicexpert.com/silkway_belt_and_path (дата обращения: 12.07.2022).

⁵⁴ Челенко А. Дания теряет Гренландию? Экономика Китая играет в противовес милитаристским амбициям США. URL: <https://goarctic.ru/politics/daniya-teryaet-grenlandiyu-ekonomika-kitaya-igraet-v-protivoves-militaristskim-ambitsiyam-ssha/> (дата обращения: 10.07.2022).

⁵⁵ Мамчиц Р. Китай и США борются за Гренландию. URL: https://news.rambler.ru/other/41625648/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copy-link (дата обращения: 18.07.2022).

но, в реальности причины отказа, возможно, были куда глубже: большинство партий Гренландии сами были против китайского присутствия (хотя инвестиции Китая являются прибыльные и имеют долгосрочную перспективу в отличие от Дании и США)⁵⁶. Практически аналогичен кейс и с Finnpulp⁵⁷ (примечательно, что китайская компания Hengan International обладает 36,5% акций Finnpulp). Однако китайскими аналитиками озвучивается иная мысль. Так, выход США из ДРСМД и попытки приобрести Гренландию (при президенте Дональде Трампе) носят антикитайский характер действий: Арктика, руками США, не только превращается в стратегический фронт по противодействию деятельности Китая (и РФ), но и начинает рассматриваться как «часть более широкой стратегии США по усилению ядерного сдерживания (КНР и РФ), которая может предусматривать установку сети противоракетной обороны»⁵⁸.

Возможно, опасения арктических стран в отношении «Ледяного Шёлкового пути» вполне обоснованны, ведь, как уже отмечалось ранее, Китай активно и инвестирует в «арктический капитал», и покупает контрольные пакеты акций крупных компаний. Такое внедрение Китая в Арктику может создать платформу для лоббирования китайских интересов, а также правовой прецедент на вполне легитимное обоснование ведения военной компании по защите своего капитала в случае военного положения или войны с иным государством. Иными словами, проникновение Китая на Крайний Север имеет «двойную цель» — секьюритизированные научными исследованиями, а на деле, согласно докладу Министерства обороны США Конгрессу «Военные события и события в области безопасности, связанные с Китайской Народной Республикой, 2019 год», и служит предлогом для появления военной инфраструктуры Китая (примечательно, что к такому же мнению пришла и Дания)⁵⁹.

Касаясь взаимодействия с Россией, КНР выгодно только сотрудничество, а не соперничество. Это связано с тем, что, как мы уже ранее заявляли, на повестке «арктических» вопросов стоят, прежде всего, международно-политические проблемы, в частности вопросы геологической принадлежности суверенным территориям, расширения арктических шельфов и ряд других вопросов. Камнем преткновения выступает также проблема, связанная с тем, что существенный природно-ресурсный потенциал расположен в исключительных экономических зонах [26, Комиссина И.Н.], что при разрешении международно-правовых споров значительным образом сокращает возможности Китая претендовать на энергоресурсы Арктики, так как лимитируется зона международных арктических вод. Конечно, Китаю выгодно изъятие Северного морского пути из национальной юрисдикции РФ и разрешение на

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Finnpulp отказалась от строительства целлюлозного завода в Финляндии. URL: <https://lesprominform.ru/news.html?id=17378> (дата обращения: 23.07.2022).

⁵⁸ China's strategic interest in the Arctic goes beyond economics. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/05/11/chinas-strategic-interest-in-the-arctic-goes-beyond-economics/> (дата обращения: 10.07.2022).

⁵⁹ Там же.

свободное мореплавание. И ведь проблема данного морского пути заключается ещё и в том, что Северный морской путь пролегает через большое количество международных проливов. Собственно, и остальных проблем немало. Так, до сих пор не только отсутствует предельно ясный международно-правовой режим арктических морских пространств, но и нет признанной всеми акторами Крайнего Севера концепции делимитации арктических пространств. Именно использование отсутствия единой общепризнанной концепции спровоцировало Китай на выдвижение своей концепции — концепции инклюзивности прав на Арктику (или интернационализации). В таком контексте, неудивительно, что Китай стремительно начал заявлять о себе как о новом нормотворце и инициаторе пересмотра существующих положений нормативных актов по Арктике.

Необходимо также отметить, что сотрудничество КНР и РФ в Арктике выгодно обеим странам, так как хотя потенциально у России есть все шансы на реализацию своих прав на подводную часть Северного морского пути, из-за порядка рассмотрения Комиссией вопросов по разрешению правовых споров по арктическим территориям⁶⁰ в ближайшие десятилетия вопрос по Севморпути вряд ли будет разрешён [27, Мороз Е.Н.]. А ведь Северный морской путь выступает наиболее выгодной транспортной артерией по поставке грузов в Европу (в отличие от Суэцкого пролива), так как Северо-Западный проход и Трансполярный морской путь представляются весьма затратными в плане прохождения, навигации и потенциальных спасательных операций [18, Леонов С.Н.]. Стоит также иметь в виду, что интерес у КНР в Северном морском пути заключается в следующем: в налаживании доставки газа, природных ископаемых, а также в накоплении и закреплении опыта навигации, обкатке экипажей (которые потом пересядут на новые китайские ледоколы) и проведении транспортной разведки тех путей, которые составляют альтернативу российскому Северному Морскому пути. Возможно, не стоит игнорировать тот факт, что Китай интересуется политэкономический доступ к регионам, которые обладают богатыми природными запасами и которые сухопутно отрезаны от РФ.

Однако, несмотря на вышеперечисленное, отношения Китая и России в Арктическом регионе стоит рассматривать в контексте стратегического сотрудничества, особенно это актуально сегодня. Вызвано это тем, что очередной санкционный пакет против РФ затронул логистическую составляющую танкеров по перевозкам российской нефти⁶¹. И возможно, в такой ситуации Китай как раз сможет стать альтернативой Европы для России в будущем, хотя КНР уже сегодня успешно реализует своё арктическое сотрудничество с РФ. Это выражается присутствием Китая в крупном российском проекте «Ямал СПГ» (где в руках китайских

⁶⁰ Submissions, through the Secretary-General of the United Nations, to the Commission on the Limits of the Continental Shelf, pursuant to article 76, paragraph 8, of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982. URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/commission_submissions.htm (дата обращения: 10.07.2022).

⁶¹ Ивановский Д. Европа уходит, Китай приходит — зарубежные СМИ об Арктике. URL: <https://goarctic.ru/politics/evropa-ukhodit-kitay-prikhodit-zarubezhnye-smi-ob-arktike/> (дата обращения: 23.07.2022).

CNPC и «Фонда Шёлкового пути» почти треть проекта)⁶². Также именно Китай производил нефтеналивной танкер «Борис Соколов»⁶³. Китай принимал участие в совместной работе с РФ в области строительства порта в Архангельске [28, Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.].

В последнее время Крайний Север действительно превращается в театр военных действий⁶⁴. На момент написания данной статьи Финляндия и Швеция проходят стадию вступления в НАТО и, таким образом, число государств-участниц НАТО в Арктическом совете увеличится на две страны, что в конечном счёте создаст на Арктическом фронте прочную анти-российскую коалицию. Как отметил президент РФ В.В. Путин в беседе с финским коллегой: «отказ от традиционной политики военного нейтралитета был бы ошибочным»⁶⁵. Кремль заявляет, что, хотя вступление Финляндии и Швеции не несёт «экзистенциальной угрозы» для РФ⁶⁶, размещение военной инфраструктуры альянса создаст триггер для «зеркального ответа» со стороны РФ⁶⁷.

В действительности коллективный Запад рассматривает «Китай и Россию как угрозу мировому порядку»⁶⁸. Если говорить про Арктическое пространство, то Россия, будучи страной с колоссальным военно-стратегическим потенциалом, действительно, может вызвать серьёзные опасения у семи стран-членов НАТО (в составе Арктического совета). Касаясь в военно-стратегическом аспекте в Арктике, есть несколько мнений. Так, Ли Чжэньфу заявил, что полное разрешение всех арктических проблем «будет иметь прямое отношение к мировой безопасности» [5; 24, Li Z.]. Вероятность военного разрешения арктических вопросов была также представлена в одном из военных обозрений в КНР [29, Li D.]. Следовательно, нельзя исключать разрешение арктических проблем и с помощью военной составляющей⁶⁹. Любопытным остаётся другое: а могут ли РФ и КНР пойти на военную конфронтацию друг с другом на Арктическом фронте?

До недавних пор циркулировало мнение, что такие опасения не являются опрометчивыми. Так, Мэй Хун и Ван Цзэнчжэнь заявили, что Россия будет защищать свои интересы от КНР, нарастив свой военный потенциал [3]. В РФ в свою очередь была аналогичная позиция

⁶² «Ямал СПГ» // Ведомости. 2015. 17 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2015/12/17/621420-fond-shelkovogo-putiyamal-spg> (дата обращения: 10.07.2022).

⁶³ Пояс, путь, проекты и проблемы. URL: https://atomicexpert.com/silkway_belt_and_path (дата обращения: 10.07.2022).

⁶⁴ Арктика превращается в театр военных действий, заявили в МИД. URL: <https://ria.ru/20220522/arktika-1789986809.html> (дата обращения: 13.07.2022).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Арктика превращается в театр военных действий, заявили в МИД. URL: <https://ria.ru/20220522/arktika-1789986809.html> (дата обращения: 12.07.2022).

Медведев счел, что Швеция и Финляндия в составе НАТО не угрожают России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2022/62ba38149a79475ce97dfc7b> (дата обращения: 10.07.2022).

⁶⁷ Путин пообещал «зеркальный ответ» на вступление Швеции и Финляндии в НАТО. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/06/29/71449883/> (дата обращения: 19.07.2022).

⁶⁸ Блинкен назвал Россию и Китай угрозой существующему миропорядку. URL: <https://kommersant.ru/turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5458511> (дата обращения: 10.07.2022).

⁶⁹ Hinshaw D., Page J. How the Pentagon Countered China's Designs on Greenland. Wall Street Journal, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/how-the-pentagon-countered-chinas-designs-on-greenland-11549812296> (дата обращения: 04.07.2022).

о том, что Россия и «пяди не уступит» Китаю⁷⁰. Несмотря на представленные заявления, слабо представляется военная конфронтация между РФ и КНР в Арктике, так как этому не сопутствуют никакие веские основания, даже если, гипотетически, камнем преткновения был бы Северный морской путь. Более того, некоторыми учёными представляется нецелесообразным сосредоточение китайской военной инфраструктуры в Арктике⁷¹.

Для Китая выгодным и приемлемым будет оставаться наращивание экономических связей с арктическими странами в противовес военно-стратегической мобилизации. Этому соответствует не только нарратив Белой книги, стратегического видения китайской партии по инициативе «Пояса и пути», но и логика поведения «азиатского дракона» на мировой арене. Безусловно, речь не идёт о том, что Китай перестанет наращивать свою военную мощь или откажется вовсе от милитаризированных риторик (как позывает кейс с Тайванем). Однако пекинский консенсус с амбициозным целеполаганием создаёт принципиально новые политэкономические стимулы, которые провоцируют на формирование новой парадигмальной структуры мироустройства.

Иными словами, постепенное наращивание Китаем экономических связей в Арктическом регионе принесёт ему не только больше экономических дивидендов, но и, возможно, укрепит формирование китайского мега-ареала. Мы не можем исключать, что в перспективе Китай и Арктический регион будут налаживать свои институциональные связи посредством торгово-экономических, нефтегазовых, инфраструктурных и иных проектов, что происходит и на сегодняшний день. Таким образом, Арктический регион, будучи мезо-ареалом, становится уязвим перед внешним импульсом (в лице КНР), что в конечном счёте превратит Арктический мезо-ареал в китайский мега-ареал, что и соответствует переходному типу по модели Осаму Иеды⁷². И речь не будет идти о нарушении суверенных прав или территориальной целостности арктических стран. Китай — мирный актор международных отношений: соблюдая Устав ООН, он будет стремительно наращивать своё геополитическое влияние — и в такой борьбе нельзя сказать, что кто-то проиграет, ведь тогда это не будет соответствовать заявленным китайским принципам равноправности, «общего выигрыша» или диалога «Юг — Юг». Напротив, ожидается, что все присоединенные к китайским инициативам страны получат экономические дивиденды от партнёрства с КНР и тем самым войдут в «зонтик» китайского мега-ареала.

Список источников

⁷⁰ Faulconbridge G. Russian Navy Boss Warns of China's Race for Arctic. Reuters Africa, 2010. URL: af.reuters.com/ (дата обращения: 10.07.2022).

⁷¹ Alexeeva O., Lasserre F. China and the Arctic. URL: https://www.researchgate.net/profile/P-Lackenbauer-2/publication/352165129_China%27s_Arctic_Engagement_Following_the_Polar_Silk_Road_to_Greenland_and_Russia/links/60bc3599299bf10dff9c7e80/Chinas-Arctic-Engagement-Following-the-Polar-Silk-Road-to-Greenland-and-Russia.pdf?origin=publication_detail (дата обращения: 01.07.2022).

⁷² Osamu I. Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia: Focused on Eastern Europe, 2004. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/pdf01/ieda040302.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

1. Xu Z., Xu Y. Beiji xiaorong beihou di Mei Jia E boyi [The American Canadian-Russian Chess Match behind the Scenes of the Melting Arctic] // Guoji Guanxi Xueyuan xuebao [Journal of the University of International Relations]. 2010. Pp. 17–22.
2. Cheng B. Dangqian Beiji zhili de sanda maodun ji Zhongguo yingdui [The Three Major Contradictions in Current Arctic Governance and China's Response] // Dangdai Shijie [Contemporary World]. 2012. No. 12. Pp. 71–73.
3. Mei H., Wang Z. Beiji haiyu falü diwei zhengduan ji qi jie jue [The Dispute over the Legal Status of Arctic Territorial Waters and Its Solution] // Zhongguo Haiyang Daxue xuebao [Journal of the Ocean University of China]. 2010. No. 1. Pp. 25–26.
4. Liu H., Yang F. Guojifa shijiao xia di Beiji huanjing falü wenti yanjiu [Research on the Issue of Arctic Environmental Law from the Point of View of International Law] // Zhongguo Haiyang Daxue xuebao [Journal of the Ocean University of China]. 2009. No. 3. Pp. 1–5.
5. Li Z. Beiji hangxian di Zhongguo zhanlue fenxi [A Chinese Strategic Analysis on the Arctic Route] // Zhongguo ruanxue [China Soft Science]. 2009. No. 1. Pp. 1–7.
6. Hong N. China's Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges. Institute for China-America Studies, 2018. 36 p.
7. Gao T. Going North: China's Role in the Arctic Blue Economic Corridor // Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic. 2019. Pp. 133–161.
8. Zhang X. Regional Aspects of the Arctic Ice Silk Road: Case of Heilongjiang Province, China // Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic. 2019. Pp. 370–394.
9. Xiao Y. Game Theory of the National Interest in the Arctic Navigation: China Position and Policy // Peace and Development. 2012. No. 3. pp. 42–47.
10. Liu N. China's Emerging Arctic Policy: What Are the Implications for Arctic Governance? // Jindal Global Law Review. 2017. No. 8 (1). Pp. 55–68.
11. Sun K. Beyond the Dragon and the Panda: Understanding China's Engagement in the Arctic // Asia Policy. 2014. 18. Pp. 46–51.
12. Li Z., Tian Y. Research on Arctic Route Issue Basin Based on KJ Method // World Regional Studies. 2009. No. 18 (3). Pp. 97–102.
13. Guo P., Guan Q. An Analysis of Political and Legal Problems of the Northern Sea Route // Journal of the Ocean University of China (Social Sciences). 2009. No. 4. Pp. 1–5.
14. Lanteigne M. Fire Over Water: China's Strategic Engagement of Somalia and the Gulf of Aden Crisis // Pacific Review. 2013. No. 26 (3). Pp. 289–312. DOI: 10.1080/09512748.2012.759265
15. Lanteigne M. China's Emerging Arctic Strategies: Economics and Institutions. Reykjavik: University of Iceland, 2014. 44 p.
16. Lanteigne M. Walking the Walk: Science Diplomacy and Identity Building in Asia-Arctic Relations // Jindal Global Law Review. 2017. No. 8 (1). Pp. 87–101. DOI: 10.1007/s41020-017-0043-1
17. Joelsen N. China's Engagement with the Arctic Council — Seeking Natural Resources and International Status. Aalborg: Aalborg University, 2016. 39 p.
18. Леонов С.Н. Взаимодействие России и Китая в Арктике // Российско-китайские исследования. 2019. № 3. С. 7–16. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).7-16
19. Dong Y., Chen Y., Li S. Beiji huanjing zhili zhong de ruanfa yinsu: Yi Beiji huanjing baohu zhanlue wei li [Soft Law Factors in Administering the Arctic Environment: The Arctic Environmental Protection Strategy as an Example] // Zhongguo Haiyang Daxue xuebao [Journal of the Ocean University of China]. 2010. No. 1. Pp. 17–22.
20. Jia Y. Beiji diqu lingtu zhuquan he haiyang quanyi zhengduan tanxi [A Preliminary Analysis of Territorial Sovereignty in the Arctic Region and the Causes of Disputed Maritime Rights and Interests] // Zhongguo Haiyang Daxue xuebao [Journal of the Ocean University of China]. 2010. No. 1. Pp. 6–10.
21. Liu H., Liu X. Historical Analysis of the Territorial Waters of Arctic Archipelagoes // Journal of the Ocean University of China. 2010. No. 2. Pp. 1–5.
22. Shan B., Xu M., Zhu F., Zhang C. China's Energy Demand Analysis in 2030 // Energy Procedia. 2012. No. 14. Pp. 1292–1298.

23. Liu J., Chen W., Liu D. Scenario analysis of China's future energy demand based on TIMES model system // *Energy Procedia*. 2011. No. 5. Pp. 1803–1808.
24. Li Z. Zhongguo Beiji hangxian zhanlue di SWOT dongtai fenxi [Dynamic SWOT Analysis of China's Arctic Route Strategy] // *Shanghai Haishi Daxue xuebao* [Journal of Shanghai Maritime University]. 2009. Vol. 30. No. 4. Pp. 40–45.
25. Kindleberger C.R. Hierarchy versus inertial cooperation // *International Organization*. 1986. Vol. 40. Iss. 4. Pp. 841–847.
26. Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 1 (28). С. 54–73.
27. Мороз Е.Н. Правовые проблемы и перспективы делимитации континентального шельфа в Арктике // *Международное право*. 2021. № 2. С. 37–48. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.2.34800
28. Морозов Ю.В., Клименко А.Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «Арктической гонке» // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2015. № 20. С. 173–191.
29. Li D. Duoguo jiyu Beiji "Da Dangao" [Many Countries Covet the Arctic's "Big Cake"] // *Dangdai haijun* [Modern Navy]. 2011. Pp. 12–15.

References

1. Xu Z., Xu Y. Beiji xiaorong beihou di Mei Jia E boyi [The American Canadian-Russian Chess Match behind the Scenes of the Melting Arctic]. *Guoji Guanxi Xueyuan xuebao* [Journal of the University of International Relations], 2010, pp. 17–22.
2. Cheng B. Dangqian Beiji zhili de sanda maodun ji Zhongguo yingdui [The Three Major Contradictions in Current Arctic Governance and China's Response]. *Dangdai Shijie* [Contemporary World], 2012, no. 12, pp. 71–73.
3. Mei H., Wang Z. Beiji haiyu falü diwei zhengduan ji qi jie jue [The Dispute over the Legal Status of Arctic Territorial Waters and Its Solution]. *Zhongguo Haiyang Daxue xuebao* [Journal of the Ocean University of China], 2010, no. 1, pp. 25–26.
4. Liu H., Yang F. Guojifa shijiao xia di Beiji huanjing falü wenti yanjiu [Research on the Issue of Arctic Environmental Law from the Point of View of International Law]. *Zhongguo Haiyang Daxue xuebao* [Journal of the Ocean University of China], 2009, no. 3, pp. 1–5.
5. Li Z. Beiji hangxian di Zhongguo zhanlue fenxi [A Chinese Strategic Analysis on the Arctic Route]. *Zhongguo ruankexue* [China Soft Science], 2009, no. 1, pp. 1–7.
6. Hong N. *China's Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges*. Institute for China-America Studies, 2018, 36 p.
7. Gao T. Going North: China's Role in the Arctic Blue Economic Corridor. *Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic*, 2019, pp. 133–161.
8. Zhang X. Regional Aspects of the Arctic Ice Silk Road: Case of Heilongjiang Province, China. *Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic*, 2019, pp. 370–394.
9. Xiao Y. Game Theory of the National Interest in the Arctic Navigation: China Position and Policy. *Peace and Development*, 2012, no. 3, pp. 42–47.
10. Liu N. China's Emerging Arctic Policy: What Are the Implications for Arctic Governance? *Jindal Global Law Review*, 2017, No. 8 (1), pp. 55–68.
11. Sun K. Beyond the Dragon and the Panda: Understanding China's Engagement in the Arctic. *Asia Policy*, 2014, no. 18, pp. 46–51.
12. Li Z., Tian Y. Research on Arctic Route Issue Basin Based on KJ Method. *World Regional Studies*, 2009, no. 18 (3), pp. 97–102.
13. Guo P., Guan Q. An Analysis of Political and Legal Problems of the Northern Sea Route. *Journal of the Ocean University of China (Social Sciences)*, 2009, no. 4, pp. 1–5.
14. Lanteigne M. Fire over Water: China's Strategic Engagement of Somalia and the Gulf of Aden Crisis. *Pacific Review*, 2013, no. 26 (3), pp. 289–312. DOI: 10.1080/09512748.2012.759265

15. Lanteigne M. *China's Emerging Arctic Strategies: Economics and Institutions*. Reykjavik, University of Iceland, 2014, 44 p.
16. Lanteigne M. Walking the Walk: Science Diplomacy and Identity Building in Asia-Arctic Relations. *Jindal Global Law Review*, 2017, no. 8 (1), pp. 87–101. DOI: 10.1007/s41020-017-0043-1
17. Joelsen N. *China's Engagement with the Arctic Council — Seeking Natural Resources and International Status*. Aalborg, Aalborg University, 2016, 39 p.
18. Leonov S.N. Vzaimodeystvie Rossii i Kitaya v Arktike [Cooperation of Russia and China in the Arctic]. *Rossiysko-kitayskie issledovaniya* [Russian and Chinese Studies], 2019, no. 3, pp. 7–16. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).7-16
19. Dong Y., Chen Y., Li S. Beiji huanjing zhili zhong de ruanfa yinsu: Yi Beiji huanjing baohu zhanlue wei li [Soft Law Factors in Administering the Arctic Environment: The Arctic Environmental Protection Strategy as an Example]. *Zhongguo Haiyang Daxue xuebao* [Journal of the Ocean University of China], 2010, no. 1, pp. 17–22.
20. Jia Y. Beiji diqu lingtu zhuquan he haiyang quanyi zhengduan tanxi [A Preliminary Analysis of Territorial Sovereignty in the Arctic Region and the Causes of Disputed Maritime Rights and Interests]. *Zhongguo Haiyang Daxue xuebao* [Journal of the Ocean University of China], 2010, no. 1, pp. 6–10.
21. Liu H., Liu X. Historical Analysis of the Territorial Waters of Arctic Archipelagoes. *Journal of the Ocean University of China*, 2010, no. 2, pp. 1–5.
22. Shan B., Xu M., Zhu F., Zhang C. China's Energy Demand Analysis in 2030. *Energy Procedia*, 2012, no. 14, pp. 1292–1298.
23. Liu J., Chen W., Liu D. Scenario analysis of China's future energy demand based on TIMES model system. *Energy Procedia*, 2011, no. 5, pp. 1803–1808.
24. Li Z. Zhongguo Beiji hangxian zhanlue di SWOT dongtai fenxi [Dynamic SWOT Analysis of China's Arctic Route Strategy]. *Shanghai Haishi Daxue xuebao* [Journal of Shanghai Maritime University], 2009, vol. 30, no. 4, pp. 40–45.
25. Kindleberger C.R. Hierarchy versus inertial cooperation. *International Organization*, 1986, vol. 40, iss. 4, pp. 841–847.
26. Komissina I.N. Arkticheskiy vektor vneshney politiki Kitaya [The Arctic Vector of China's Foreign Policy]. *Problemy natsional'noy strategii* [National Strategy Issues], 2015, no. 1 (28), pp. 54–73.
27. Moroz E.N. Pravovye problemy i perspektivy delimitatsii kontinental'nogo shel'fa v Arktike [Legal Issues and Prospects for Delimitation of Continental Shelf in the Arctic]. *Mezhdunarodnoe parvo* [International Law], 2021, no. 2, pp. 37–48. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.2.34800
28. Morozov Yu.V., Klimenko A.F. Kitay i drugie gosudarstva Severo-Vostochnoy Azii v «Arkticheskoy gonke» [Countries of North-Eastasia in the "Arctic Race"]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2015, no. 20, pp. 173–191.
29. Li D. Duoguo jiyu Beiji "Da Dangao" [Many Countries Covet the Arctic's "Big Cake"]. *Dangdai haijun* [Modern Navy], 2011, pp. 12–15.

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022;
принята к публикации 07.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 109–126.

Научная статья

УДК 656.61(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.109

Морское судоходство в Арктике: вызовы и возможности повышения безопасности должны найти отражение в транспортной политике государства

Бхагват Джавахар Вишну¹ ✉, PhD, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ jawahar.bhagwat@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Аннотация. Открытие арктических морских путей порождает множество возможностей, связанных с таянием льдов. Международная морская организация ввела Полярный кодекс судоходства и подготовки моряков. Были проанализированы действия регулирующих органов в связи с инцидентами на Северном морском пути и ростом числа жертв на судах в Арктическом регионе, в том числе целесообразность существующих правил. По мнению автора, несовершенство механизма надзора указывает на необходимость для Арктического руководства, особенно российского, изучить достаточность принятых мер, включающих реализацию Полярного кодекса, связанную с ним инфраструктуру для безопасного судоходства в Арктике и текущее состояние поисково-спасательных работ. В работе обсуждаются проблемы внедрения Полярного кодекса и необходимость создания независимых органов морского регулирования и обмена информацией, связанной с анализом инцидентов. Практическая значимость статьи заключается в её использовании политиками и исследователями, занимающимися вопросами транспортной политики и безопасности арктического судоходства, а также для академического использования в университетах.

Ключевые слова: транспортная политика, Арктическое судоходство, Северный морской путь, безопасность на море, поиск и спасение, Полярный кодекс

Maritime Shipping in the Arctic: Challenges and Opportunities to Improve Safety Must Be Reflected in the State's Transport Policy

Jawahar V. Bhagwat¹ ✉, PhD, Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ jawahar.bhagwat@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Abstract. The opening of the Arctic Sea routes ushers in many opportunities due to the melting of the Arctic Sea ice. The International Maritime Organization has introduced the Polar Code for shipping and training of seafarers. Follow up by regulatory authorities of incidents along with the Northern Sea Route and increasing ship casualties in the Arctic region have been analyzed, including the adequacy of existing regulations. The author's opinion is that the inadequate oversight mechanism brings out a need for governments of the Arctic, especially in Russia, to examine the adequacy of measures undertaken, including regulation to implement the Polar code, associated infrastructure in the Arctic for safe navigation and the current state of search and rescue. The challenges in implementing the Polar Code and the necessity for independent

* © Бхагват Д.В., 2023

Для цитирования: Бхагват Д.В. Морское судоходство в Арктике: вызовы и возможности повышения безопасности должны найти отражение в транспортной политике государства // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 109–126. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.109

For citation: Bhagwat J.V. Maritime Shipping in the Arctic: Challenges and Opportunities to Improve Safety Must Be Reflected in the State's Transport Policy. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 109–126. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.109

maritime regulatory authorities and greater sharing of information relating to the analysis of incidents are discussed. The practical significance of the article is in its use by policy makers and researchers working on transport policy and safety of Arctic navigation, and also for academic use at universities.

Keywords: *transport policy, Arctic shipping, Northern Sea Route, maritime safety, search and rescue, Polar Code*

Введение

Открытие арктических морских путей порождает множество возможностей, связанных с таянием льдов. Международная морская организация (ММО) ввела Полярный кодекс (ПК) судоходства и подготовки моряков. Правительства большинства арктических стран инициировали меры по внедрению ПК. Северный морской путь (СМП), ключевой участок Северо-восточного прохода между северо-западной Европой и северо-восточной Азией, находится в центре внимания международного сообщества, хотя интерес к Северо-Западному проходу также возрос. Количество рейсов в арктических водах увеличивается, и число аварий судов неуклонно растёт. Рабочая группа по защите арктической морской среды (Protection of the Arctic Marine Environment (PAME) Working Group) отметила в своём отчёте, что судоходная активность в Арктике увеличилась на 25% в 2013–2019 гг.

Туризм в Арктике также вырос. Арктика — хрупкая среда, и любая авария будет иметь серьёзные последствия. Межправительственная группа экспертов Организации Объединённых Наций по изменению климата (United Nations Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC)) отметила, что *«увеличение объёмов перевозок и туризма имеет социально-экономические и политические последствия для мировой торговли, северных стран и экономик, связанных с традиционными судоходными коридорами; оно также усугубит специфические региональные риски для морских экосистем и прибрежных сообществ, если дальнейшие действия по разработке и надлежащему осуществлению правил не будут соответствовать увеличению объёмов перевозок (высокая степень достоверности)»*. Государственная транспортная политика несёт ответственность за обеспечение безопасности процесса перевозки и задействованного в нём оборудования (транспортных средств и инфраструктуры) [1, Горбунов А.А., с. 2–49]. В данной статье будет проанализирована степень приемлемости Полярного кодекса для решения задач по обеспечению безопасности судоходства в Арктике, учитывая ограничения поисково-спасательных средств. В работе высказываются предположения о том, какие уроки могут быть извлечены арктическими государствами, особенно Россией, при формировании транспортной политики и регулировании, исходя из опыта последнего десятилетия повышенной активности.

Исследования арктического судоходства в основном касались СМП для трансарктического транзита между Тихим океаном и Атлантикой. СМП является потенциальным морским торговым маршрутом между портами северо-западной Европы и северо-восточной Азии из-за более короткого расстояния транспортировки (на 30–50% меньше) и меньшего времени плавания (14–20 дней) по сравнению с Суэцким маршрутом при условии одинаковой скорости. За последнее десятилетие было проведено несколько исследований по оценке судоход-

ства по СМП и соответствующей инфраструктуры: за период 2011–2013 гг. [2, Мое А., с. 784–802]; за 2013 г. [3, Humpert M., с. 1–20], [4, Marchenko N., с. 1–10]); анализ транзитных тенденций как для СМП, так и для Канадского Северо-Западного прохода за 2007–2012 гг. [5, Lasserre F., Alexeeva O., с. 180–192]; анализ транзитных данных по СМП [6, Zhang, Y., Meng, Q., & Zhang, L., с. 53–60]; анализ судоходства по СМП за 2011–2020 гг. [7, Gunnarsson B., Мое А., с. 4–30], общее влияние арктического судоходства [8, Chircop A., с. 1–319], [9, Lasserre F., Faury, O. с. 1–250], обзор нормативно-правовой базы и инфраструктуры поисково-спасательных операций [10, Christodoulou A., с. 1–9]. Эти исследования показывают, что арктическое транзитное судоходство выросло незначительно, прежде всего, по СМП. Большая часть нынешних перевозок ориентирована на пункты назначения, которые связаны с центрами добычи природных ресурсов.

Во многих исследованиях анализируются вопросы, касающиеся реализации Полярного кодекса и государственного портового контроля арктическими странами: регулирование торгового мореплавания [11, Molenaar E. J., с. 225–257]; [12, Molenaar E. J., с. 272–298]; статья 234 ЮНКЛОС и ПК [13, Thoren A., с. 1–71]; анализ ПК с правовой точки зрения [14, Вылегжанин А.Н., с. 43–60]; реализация ПК [15, Grant G.S., с. 190–205, 16, Zagorski A., с. 292–305]; Международный кодекс для работы в полярных водах и правовые последствия [17, Jensen Ø., с. 60–82]; критическая оценка ПК с российской точки зрения¹, роль ПК в арктическом морском управлении [18, Hindley R., с. 182–192]; усиление портового контроля в арктических водах [19, Bai J., Wang C., с. 1–21]; сотрудничество в области портового контроля в Арктике [20, Тодоров А.А., с. 160–176]; недостатки ПК с российской точки зрения [21, Todorov A., с. 322–333]; внедрение ПК на СМП [22, Todorov A., с. 30–42] и обсуждение реализации ПК и требований конвенции STCW по подготовке кадров для ледового плавания в полярных водах [23, Engtro E., с. 160–176].

Упомянутые выше исследования также подчёркивают слабость инфраструктуры и недостаточность средств ПСО. Теоретические исследования Полярного кодекса указывают на определённые ограничения целевых стандартов, а некоторые оговорки демонстрируют необходимость усиления контроля работы судов под «удобными флагами». В данном исследовании предпринята попытка проанализировать этот вопрос на примере двух тематических исследований и предложить дальнейшие действия.

В разделе 2 статьи представлены источники данных и методология. В разделе 3 рассматривается арктическое судоходство, в разделе 4 — последующий анализ двух аварий и вопрос о том, насколько адекватен механизм надзора за анализом инцидентов в России и Норвегии. Раздел 5 даёт обзор текущего состояния поисково-спасательных служб, а в разделе 6 анализируется вопрос «удобных флагов». Наконец, в разделе 7 представлены рекомендации по повышению безопасности арктического судоходства.

¹ Медников В.А. Полярный кодекс. Попытка критического осмысления. 13 октября, 2016. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/6_Mednikov.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

Методология исследования

В статье представлены источники данных, методология, анализ двух аварий и обзор механизма распространения опыта, полученного в России и Норвегии, состояние поисково-спасательных работ и рекомендации по повышению безопасности арктического судоходства. В исследовании были использованы результаты исследования Гуннарсона и Мо о десятилетиях международных перевозок по СМП, оценка арктического судоходства Рабочей группой РАМЕ, официальная статистика транзита 2013–2019 гг. и информация об авариях, доступная на сайте Администрации Северного морского пути (NSRA). Кроме того, информация о характеристиках судов и судоходных компаниях/операторах была найдена на сайте marinatraffic.com. Интернет-источники использовались для проверки характеристик различных видов судоходной деятельности, особенно аварий, поскольку в этой области было проведено мало исследований.

Значимость исследования заключается в анализе рисков, связанных с судоходством в Арктике, нормативно-правовой базы Полярного кодекса и участвовавших аварий в Арктике. Это подчеркивает необходимость более тесного сотрудничества между арктическими и неарктическими государствами. Статья призвана привлечь внимание к проблемам и предложить меры по повышению безопасности арктического судоходства. Методологическую основу исследования составляют анализ и синтез, описание и обоснование, диалектический подход, системный и сравнительный анализ. Системный анализ арктического судоходства актуален ввиду связи между системой или политическим выбором, сделанным ИМО и арктическими правительствами, и арктической окружающей средой. Сравнительный анализ был использован для сопоставления подходов к инцидентам со стороны норвежских и российских властей. Диалектический подход является наиболее актуальным, так как помогает изучить проблему арктического судоходства с разных точек зрения, а затем прийти к предложенному решению.

Судоходство в арктических водах

Судоходство в арктических водах медленно и неуклонно растёт, в первую очередь по СМП. Коммерческий потенциал, вероятно, будет наибольшим для стран Северо-Восточной Азии, а именно Японии, Южной Кореи и Китая, поскольку их товары могут стать потенциально дешевле других производственных центров в Юго-Восточной Азии и Индии, если их транспортировка будет осуществляться по Северо-Восточному проходу, параллельному северной границе России, или Северному морскому пути. Большинство грузоперевозок по СМП связано с поставками природных ресурсов из Арктики или поставкой оборудования и грузов на объекты добычи ресурсов. В период 2016–2019 гг. был осуществлён 51 международный транзит. Большая часть грузов была отправлена из Азии (28 рейсов или 60%) и из Китая (19 рейсов) [7, Gunnarsson B., Мое А., с. 4–30]. Северо-западный проход через канадские арктические острова потенциально может применяться для торговли между Северо-

Восточной Америкой и Северо-Восточной Азией (к северу от Шанхая). Однако этот маршрут менее привлекателен с коммерческой точки зрения, так как прямой маршрут более подвержен ледовым заторам, а обходной маршрут сдерживается ограничениями по осадке. Он в основном используется научно-исследовательскими судами и круизными лайнерами ². Существует также возможность прокладки третьего маршрута через Северный полюс, который получил название Полярного Шёлкового пути, поскольку его исследованием занимается в первую очередь Китай.

Судовые аварии в арктических водах — распространение и механизм регулирования.
Аварии судов в арктических водах

Количество аварий судов в арктических водах представлено в табл. 1 и варьируется в пределах 40–70 за период с 2010 по 2020 гг. ³. Анализ таблицы показывает, что общее число инцидентов демонстрировало тенденцию к росту до 2017 г., снижение в 2018 и 2019 гг. и снова рост в 2020 г. из-за включения инцидентов, связанных с COVID-19, в категорию «Разное». Однако после этого наблюдается тенденция к снижению. Можно отметить, что точность этой таблицы зависит от точности отчётности различных стран. Следовательно, эта тенденция к снижению, хотя и даёт повод для оптимизма, также может быть обусловлена отсутствием сообщений о случаях, о которых говорилось выше. Если в арктических странах нет обязательной отчётности и единых стандартов, такая таблица будет лишь общим показателем аварий судов. Тем не менее, таблица указывает на необходимость постоянного контроля, учитывая суровые арктические условия и ограниченный радиус действия поисково-спасательных средств [8, Chircop A., с. 229–232].

Таблица 1
Аварии судов — воды Полярного круга, 2010–2020 гг. (суда 100 брутто-тонн и более)⁴

Тип аварии	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Повреждение/отказ оборудования	16	12	13	20	27	44	32	46	23	14	18
Крушение/посадка на мель	9	9	8	10	14	6	11	9	8	6	8
Пожар/взрыв	6	6	2	4	2	4	1	3	6	1	8
Столкновение	10	4	4	2	0	3	2	4	2	3	6
Удар (например, о стену гавани)	4	1	3	6	4	5	1	1	0	0	1
Потопление (т.е. затопленное или погруженное в воду судно)	0	3	1	1	2	0	1	0	1	0	2
Повреждения кор-	2	2	1	2	1	1	2	2	1	1	0

² Rourke, R. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress, US Congressional Record Service. March 24, 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41153.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).

³ Allianz Global Corporate & Specialty. Safety and Shipping Review 2021. URL: <https://www.agcs.allianz.com/content/dam/onemarketing/agcs/agcs/reports/AGCS-Safety-Shipping-Review-2021.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴ Allianz Global Corporate & Specialty. Safety and Shipping Review 2015-2021. Munich: Allianz Global Corporate & Specialty. 2021. URL: <https://www.agcs.allianz.com/content/dam/onemarketing/agcs/agcs/reports/AGCS-Safety-Shipping-Review-2021.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).

пуга (пробоины, трещины и т.д.)											
Трудовой спор	0	3	1	1	2	0	1	0	0	8	0
Разное	4	2	6	5	5	6	4	6	0	8	15
Итого	50	39	38	50	55	69	55	71	44	41	58

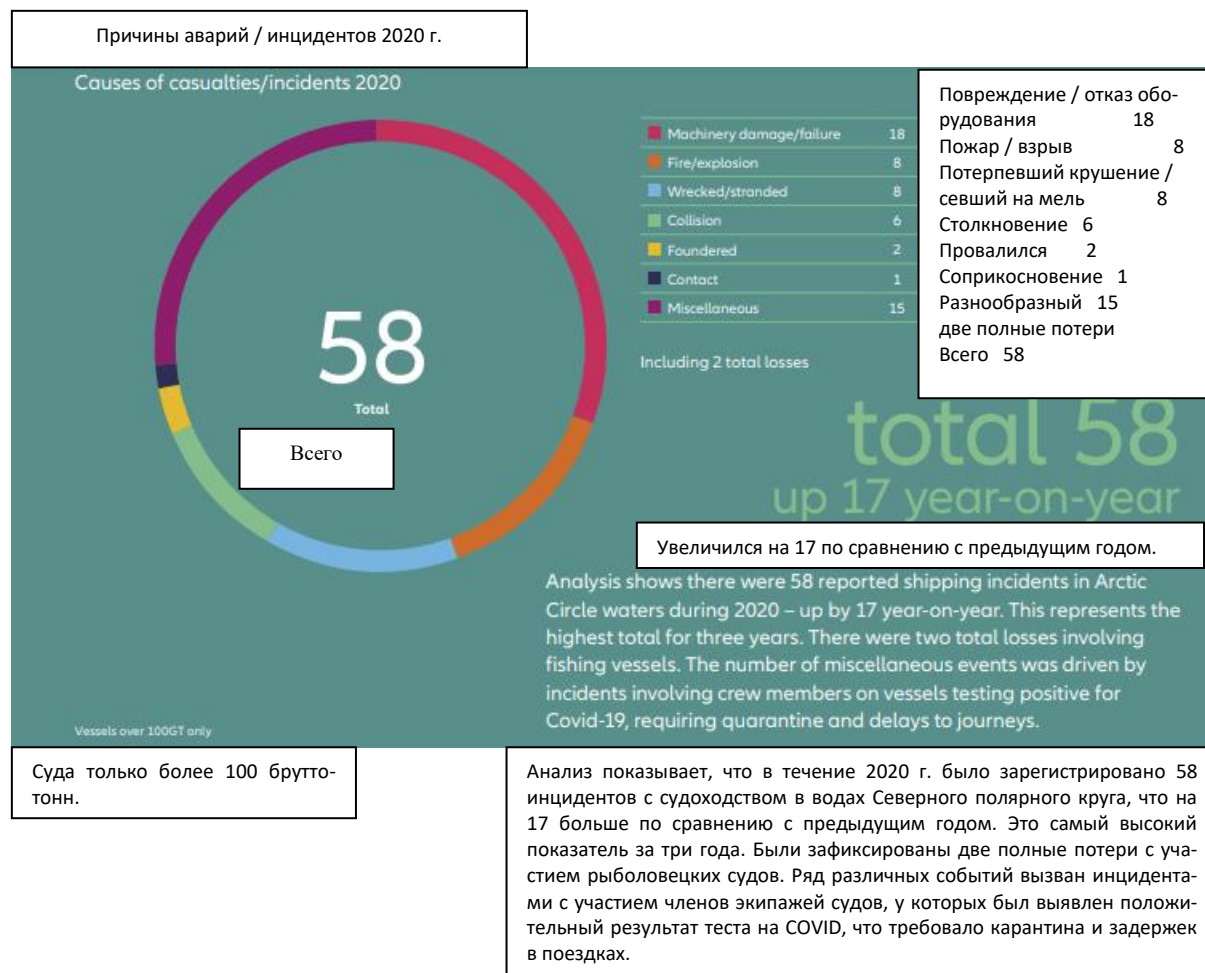

Рис. 1. Аварии судов — воды Полярного круга, 2020 (суда 100 брутто-тонн и более)⁵.

Арктический туризм и связанные с ним опасности

В отчёте о состоянии арктического судоходства говорится, что в 2019 г. в районе арктического Полярного круга проследовало 73 круизных лайнера по сравнению с 65 в 2018 г. в связи с общим ростом арктического туризма. Однако эксперты отмечают уязвимость круизных лайнеров, перевозящих большое количество гражданских пассажиров, которые могут столкнуться с проблемами и нуждаться в помощи⁶.

Два инцидента в 2018 и 2019 гг., связанные с увеличением количества круизных судов в Арктике, заслуживают внимания. 24 августа 2018 г. пассажирское судно под российским

⁵ Allianz Global Corporate & Specialty. Safety and Shipping Review 2021. Munich: Allianz Global Corporate & Specialty. URL: <https://www.agcs.allianz.com/content/dam/onemarketing/agcs/agcs/reports/AGCS-Safety-Shipping-Review-2021.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).

⁶ Fountain H. With More Ships in the Arctic, Fears of Disaster Rise. New York Times, July 23, 2017; George J. Exercise Held to Prepare for Arctic Cruise Ship Mishap. Nunatsiaq News, April 15, 2019; Potter K. Passenger Vessels and the Canadian Arctic: A Risky Combination? Maritime Executive, June 9, 2021.

флагом со 162 пассажирами на борту село на мель в Северо-Западном проходе Канады⁷. В марте 2019 г. у круизного лайнера Viking Sky, на борту которого находились 1 373 человека, отказал двигатель во время перехода из Тромсё в Ставангер в Норвегии. Судно отправилось в плавание, несмотря на предупреждение о непогоде. Судно, которому едва удалось избежать посадки на мель, осталось без электричества и двигательной установки, и было вынуждено прибегнуть к помощи спасательных вертолётов для эвакуации пассажиров, поскольку морские условия не позволяли использовать спасательные шлюпки или буксиры⁸.

Инцидент с отказом двигателя на круизном судне в 2019 г. демонстрирует, как подобные события могут быстро превратиться в крупную катастрофу, особенно в отдалённых водах, таких как Арктика, где, как ожидается, будет работать всё большее количество подобных судов. Будут проанализированы два происшествия, поскольку они подчёркивают проблемы, отражённые выше.

Анализ действий, предпринятых в связи с инцидентом 1 — Viking Sky

Судну было два года, на борту находились 915 пассажиров и 415 членов экипажа⁹. Viking Sky отплыл из Тромсё 21 марта 2019 г. и должен был прибыть в Тилбери, Эссекс, несмотря на судоходный прогноз о беспокойном море и штормовой погоде. Аварийное предупреждение было объявлено в 14:00 23 марта, после того как судно потеряло ходовую часть, оно начало дрейфовать на сушу, примерно в 200 милях к югу от региона, где соблюдение норм Полярного кодекса, опубликованных ИМО, является обязательным. 479 пассажиров были эвакуированы вертолётом в Мольде группами по 15–20 человек к 10:30 24 марта 2019 г.¹⁰ Через три года после инцидента на веб-сайтах Норвежской морской администрации и Совета по расследованию несчастных случаев (AIBN) (рис. 2), связанных с прежним веб-сайтом, не удалось найти никакой информации об извлечённом опыте и анализе происшествий¹¹. По закону AIBN уполномочен анализировать все инциденты, в том числе близкие к аварийным. Согласно сайту Норвежского управления по расследованию проблем безопасности (рис. 3), инцидент все ещё расследуется¹².

⁷ Humpert M. A Cruise Ship Runs Aground in Canada's Arctic Waters; The Akademik Ioffe's Sister Ship Was Nearby, and Together with Canadian Coast guard Ships, Was Able to Rescue All Passengers. ArcticToday, August 28, 2018. URL: <https://www.arctictoday.com/cruise-ship-runs-aground-canadas-arctic-waters/> (дата обращения: 31.07.2022).

⁸ Allianz Global Corporate & Specialty. Safety and Shipping Review 2020. Munich: Allianz Global Corporate & Specialty. URL: <https://www.agcs.allianz.com/content/dam/onemarketing/agcs/agcs/reports/AGCS-Safety-Shipping-Review-2020.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).

⁹ Calder S. Viking Sky: Why Things Went Wrong, What Happened and What's Next. Independent, 24 March 2019. URL: <https://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/viking-sky-what-happened-storm-norway-emergency-evacuation-coast-a8837371.html>. (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ The Norwegian Maritime Administration. The Accident Information Board. URL: <https://www.sdir.no/en/shipping/accidents-and-safety/investigation-of-accidents/>. (дата обращения: 31.07.2022).

¹² The Norwegian Safety Investigation Authority. Current Investigations. URL: <https://havarikommisjonen.no/Marine/Current-investigations> (дата обращения: 31.07.2022).

Расследование несчастных случаев
Норвежское морское управление
Полиция
Комиссия по расследованию несчастных случаев
ИМО — Извлечённые уроки
Предупреждения о безопасности
Международный форум по расследованию морских аварий (MAIIF).

Investigation of accidents

The Norwegian Maritime Authority

The Police

The Accident Investigation Board Norway (AIBN)

IMO – lessons learned

Safety alerts

Marine Accident Investigators' International Forum (MAIIF)

The Accident Investigation Board Norway (AIBN)

PUBLISHED: 10/04/2012

The AIBN is a public committee of inquiry whose purpose it is to investigate accidents and incidents within the transportation sector.

The AIBN is an investigating authority in accordance with chapter 18 of the Norwegian Maritime Code. The objective of AIBN is to determine the course of events and causes of an accident, give an account of circumstances significant to the avoidance of accidents and improving the safety of life at sea, and to submit and publish a report with any recommendations upon the conclusion of the investigation.

It is not the task of AIBN to apportion civil or criminal blame and liability.

[Link to AIBN, Shipping Department \(Norwegian site\)](#)

[Link to reports published by the AIBN, Shipping Department](#)

Комиссия по расследованию аварий Норвегия (AIBN). AIBN — это общественный комитет по расследованию, целью которого является расследование несчастных случаев и инцидентов в транспортном секторе. AIBN является следственным органом в соответствии с главой 18 Норвежского морского кодекса. Цель AIBN — определение хода событий и причины аварии, представление отчёта об обстоятельствах, имеющих значение для предотвращения аварий и повышения безопасности человеческой жизни на море, а также представление и публикация отчёта с любыми рекомендациями по завершении расследования. В задачу AIBN не входит распределение гражданской или уголовной вины и ответственности.

Рис. 2. Скриншот веб-сайта Совета по расследованию несчастных случаев, Норвегия¹³.

¹³ The Accident Investigation Board-Norway, 2022. URL: <https://www.sdir.no/en/shipping/accidents-and-safety/investigation-of-accidents/the-accident-investigation-board-norway-aibn/> (дата обращения: 31.07.2022).

The screenshot shows the website of the Norwegian Safety Investigation Authority. The header includes the logo and navigation links: Home, About us, Aviation, Rail, Road, Marine, and Defence. Below the header, there are tabs for 'Уведомления' (Notifications), 'Опубликованные отчёты' (Published reports), and 'Текущие расследования' (Current investigations). The 'Current investigations' tab is selected, displaying a table of ongoing investigations.

Accident category #†	Ship name #†	Occurrence date #†	Location #†
Personal Injury	Titran	06.03.2022	East of Stigen in Lurey municipality
Foundering	Bjugnford	21.01.2022	Approximately 11 nm north of Halsingen
Foundering	Falk	09.01.2022	Slettnes, Gamvik, Finnmark, Norway
Personal Injury	Multi Viaion	01.01.2022	Outside the island Freya
Personal Injury	Fugleybuen	18.04.2021	Approx. 50 n miles northwest of Tromsø
Technical failure	Brim	11.03.2021	Outer Oslofjord
Misc. accidents	Stavanger Bilas	05.11.2020	At anchor off Yeosu, South-Korea
Personal Injury	Leander	22.06.2020	Outside Hamningberg, Båtsfjord, Troms and Finnmark
Foundering	Serbrja	08.05.2020	Breivikfjorden, Troms and Finnmark county
Technical failure	Viking Sky	23.03.2019	Hustadvika, Fræna municipality, Møre og Romsdal
Personal Injury	Höegh London	24.02.2019	Mediterranean Sea, international waters south of Sicily

Телесные повреждения Лунай	Титран	06.03.2022	К востоку от муниципалитета Стиганин-
Проваливающийся Хелайнгара	Бьюгнфьорд	21.01.2022	Приблизительно в 11 милях к северу от
Проваливающийся	Шкурка	09.01.2022	Суктрес, Гамвик Финнмарк, Норвегия
Телесные повреждения	Multi Viaion	01.01.2022	За пределами острова Фройя
Телесные повреждения Тромаса	Фугиойбуэн	18.04.2021	Приблизительно в 50 милях к северу от
Техническая ошибка	Край	11.03.2021	Внешний Оалофьорд
Разное, несчастный случай	Ставангер Билан	05.11.2020	На якоре в Яау, Бутль-кана
Телесные повреждения Финнмарка	Леандер	22.06.2020	Из Хамнингберга, Ботаффорда, Тромса и
Проваливающийся	Сербрия	08.05.2020	Брейвиефьордан, Тромс и графство Фин-
Техническое падение Ромадал	Вилдинг Биси	23.03.2019	Уатадвика, Фраема муниципалити, Мара ог
Телесные повреждения	Хог Лондон	24.02.2019	Средиземное море, международная аква-
тория к югу от Сисити			

Рис. 3. Скриншот веб-сайта Норвежского управления по расследованию проблем безопасности¹⁴.

¹⁴ Norwegian Safety Investigation Authority, 2022 URL: <https://www.sdir.no/en/shipping/accidents-and-safety/investigation-of-accidents/the-accident-investigation-board-norway-aibn/>; <https://havarikommisjonen.no/Marine/Current-investigations> (дата обращения: 31.07.2022).

Анализ действий, предпринятых в связи с инцидентом 1 – Борис Вилькицкий

В апреле 2018 г. танкер-газовоз «Борис Вилькицкий» (управляемое кипрской компанией Dynagas, судно под удобным флагом) зашёл в акваторию СМП, нарушив правила судоходства по СМП, когда повреждение одного из трёх двигателей снизило его ледовые возможности с Arc 7 до Arc 4. Газовоз «Борис Вилькицкий» зашёл в Сабетту. Другие нарушения, отмеченные властями, включали отсутствие достаточного ледового опыта у капитана и его команды и отсутствие точных ледовых карт. Ему было разрешено покинуть страну по требованию федерального правительства¹⁵. На сайте Администрации Северного морского пути нет информации о действиях, предпринятых в отношении компании, заключившей договор с судном, а также владельца или капитана судна¹⁶. После инцидента с Борисом Вилькицким в апреле 2018 г. на сайте администрации Северного морского пути до сих пор нет информации (рис. 4) о предпринятых мерах, а также о других инцидентах, о которых сообщалось в российских СМИ¹⁷. Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор) публикует на своём сайте типичные нарушения, но нет ни анализа инцидентов, ни отчётов о принятых мерах, касающихся конкретно СМП^{18, 19}. В 2021 г. широко освещался случай, когда 20 судов застряли во льдах на СМП²⁰. Этот инцидент не упоминается на обоих сайтах. Как сообщается, в ответ на этот инцидент, в основном объясняемый неожиданным ухудшением погоды, Росатом получил больше полномочий для контроля судоходства по СМП, в то время как прежняя организация, Главсевморпуть (1932–1965 гг.), была восстановлена, хотя и в новой форме в рамках Росатома²¹. Отметим, что аналогичная авария произошла в 1983 г. [24, Bhagwat J., с. 72–73]. Тем не менее, по-видимому, кампания по повышению культуры безопасности и понимания рисков в качестве последующих действий после этих инцидентов не проводится.

¹⁵ Humpert M. Economic interests may trump shipping safety as Russia seeks to reduce ice class requirements, 12 November 2018. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/economic-interests-may-trump-shipping-safety-russia-seeks-reduce-ice-class-requirements> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁶ Администрация Северного Морского Пути, 2022 URL: http://www.nsra.ru/ru/archive_non_compliant_vessels_2018.html (дата обращения: 11.07.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ространснадзор. Профилактика нарушений 2018–2020 годы, 2022. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/deyatelnost/38> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁹ Ространснадзор. Профилактика нарушений 2021 год, 2022. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/deyatelnost/37> (дата обращения: 31.07.2022).

²⁰ Экология России. Росатом: До Нового года все суда будут освобождены из ледового плена, 24 ноября 2021. URL: <https://ecologyofrussia.ru/rosatom-do-novogo-goda-vse-suda-budut-osvobozhdeny-iz-ledovogo-plena/> (дата обращения: 31.07.2022).

²¹ Правительство России. Оперативное совещание с вице-премьерами, 1 августа 2022. URL: <http://government.ru/news/46150/#pp1310> (дата обращения: 01.08.2022).

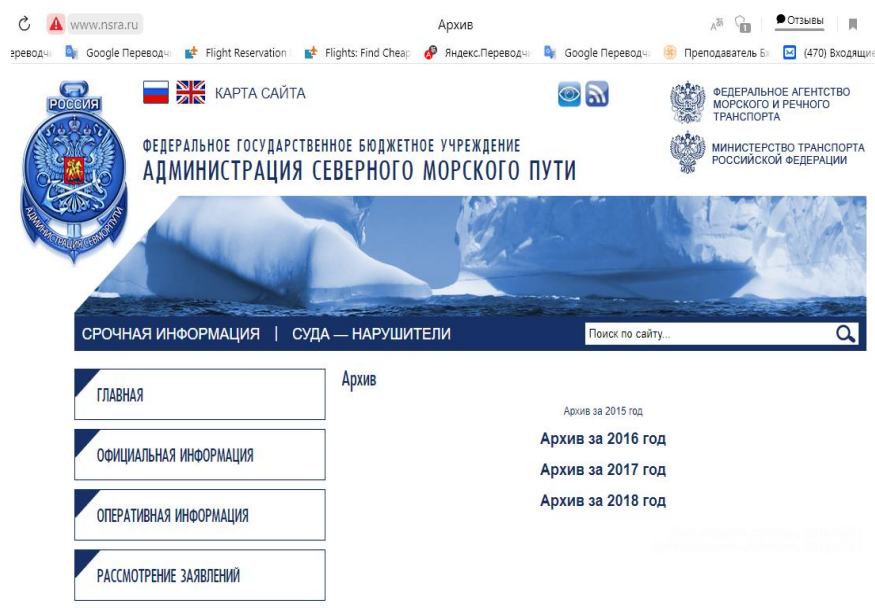

Рис. 4. Скриншот сайта Администрации Северного морского пути²².

Роль арктических морских регулирующих органов

Анализ двух вышеуказанных аварий показывает, что морские власти как в Норвегии, так и в России не уделяли должного внимания анализу происшествий и опасных ситуаций. В Норвегии существует установленная процедура, но в данном случае её реализация не была своевременной. Это тревожная тенденция, наблюдаемая в обеих странах, и её необходимо пресекать. Это также может привести к тому, что судовладельцы и капитаны не будут сообщать о происшествиях и несчастных случаях. Исследование различных нормативных механизмов отчётности и анализа подобных происшествий, распространённых в разных странах, показывает, что британский закон в этом отношении может быть полезен в качестве руководства для всех арктических и неарктических государств, заинтересованных в освоении Арктики.

В соответствии с Правилами торгового судоходства Соединённого Королевства (Великобритания) (Accident Reporting and Investigation) 2012 г., «единственной целью расследования аварии должно быть предотвращение будущих аварий путём установления их причин и обстоятельств. Целью расследования не является установление ответственности или распределение вины, за исключением случаев, когда это необходимо»²³. Все отчёты доступны на веб-сайте, включая инциденты с участием гражданских и военно-морских судов. Мы считаем, что данный регламент и веб-сайт с компиляцией отчётов могут стать моделью, которой должны следовать все страны Арктического совета, как по форме, так и по существу.

²² Northern Sea Route Administration, 2022.op.cit.

²³ United Kingdom Government. The Merchant Shipping (Accident and Reporting Investigation) Regulations 2012. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2012/1743/regulation/14/made> (дата обращения: 31.07.2022).

Поисково-спасательные работы — ахиллсова пята арктического судоходства

Вышеупомянутые инциденты подчёркивают важность поисково-спасательных средств (ПСР) и необходимость взаимного сотрудничества. Существует соглашение, подписанное в 2011 г., разграничивающее зоны ответственности (рис. 5) поисково-спасательных работ²⁴. Однако стоит отметить, что в статье 12 соглашения отмечается, что их реализация зависит от наличия ресурсов.

Рис. 5. Зоны ответственности арктических ПСР в соглашении²⁵.

Шесть лет спустя, в 2017 г., пограничная служба Финляндии совместно с Арктическим форумом береговой охраны провела опрос, в ходе которого были выявлены основные проблемы поисково-спасательных операций в Арктике. К ним относятся большие расстояния, суровые погодные условия, ледовые и климатические условия, плохая сеть связи, отсутствие инфраструктуры и отсутствие средств ПСР на севере. Использование беспилотных летательных аппаратов для различных целей, включая ледовый мониторинг, навигацию, геофизические и метеорологические исследования, находится в стадии формирования в российской Арктике. В последние десятилетия ресурсы готовности к чрезвычайным ситуациям в Арктике были значительно усилены за счёт добавления арктическими государствами имеющихся судов и вертолётов²⁶. Однако в случае возникновения крупных инцидентов время реагирования все ещё может быть длительным, а возможности ограничены [25, Marchenko N., с. 107–114]. Кроме того, выше 70 градусов северной широты связь ненадёжна. Периодически проводятся командно-штабные учения, однако они не заменяют регулярные боевые учения, на которых проверяются реальные возможности в реальных погодных и морских условиях. По-

²⁴ Arctic Council. Agreement on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic, 2009. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/531> (дата обращения: 31.07.2022).

²⁵ US State department. Arctic SAR agreement. URL: <https://www.state.gov/key-topics-office-of-ocean-and-polar-affairs/arctic/> (дата обращения: 31 июля 2022). Arctic Council. (2011). Agreement on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic, 2009. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/531> (дата обращения: 31.07.2022).

²⁶ Leblanc P. Arctic SAR is improving. URL: <https://vanguardcanada.com/arctic-sar-is-improving/> (дата обращения: 31.07.2022).

зитивным шагом стали первые в истории международные поисково-спасательные учения за Полярным кругом, состоявшиеся в декабре 2021 г. В ходе учений проверялась способность группы людей выжить в течение 24 часов в условиях сильного мороза²⁷. Однако никакой мобилизации средств ПСР не произошло.

Удобные флаги

Между тем, существует особый риск того, что недостатки Полярного кодекса в Арктическом регионе могут быть усугублены удобными флагами (УФ). Согласно наиболее широко распространённым критериям определения удобных флагов, одной из основных их особенностей является то, что государства «удобных флагов» не имеют полномочий устанавливать внутренние или международные правила. Они также не заинтересованы в осуществлении контроля над судоходными компаниями [26, Shaughnessy T., Tobin E., с. 1–31]. Таким образом, у судов, зарегистрированных под удобными флагами, показатели безопасности относительно хуже, чем у судов, не подпадающих под удобный флаг [26, с. 1–31]. По оценкам, средняя доля рейсов удобных флагов по СМП за 2017–2019 гг. составила 7–8% (47 из общего числа 664 рейсов по СМП в 2017 г., 46 из 792 в 2018 г., 55 из 799 в 2019 г.) [21, Todorov A., с. 322–333]. Аналогичные проценты указаны для 2020 и 2021 гг. (77 из 1014 в 2020 г., 80 из 1235 в 2021 г.) с меньшим процентом до 01 декабря 2022 г. (53 из общего числа 1 104 рейсов), возможно, в связи с текущим геополитическим кризисом (рис. 6)²⁸. Настоящее исследование показывает, что суда под удобными флагами присутствуют в Арктике и их средняя доля среди всех иностранных судов, за исключением 2022 г., составляет около 50%. Борис Вилькицкий — судно, зарегистрированное под удобным флагом (Кипр). Один из исследователей отметил, что некоторые из удобных флагов уполномочили Российский судоходный регистр проводить освидетельствования своих судов на соответствие Полярному кодексу [21, Todorov A., с. 322–333]. Это действительно шаг вперёд. Однако масштабы инспекции неизвестны, поскольку никаких подробностей на сайте найти не удаётся²⁹.

²⁷ Safety4Sea. World's first international rescue exercise in a Polar zone takes place. URL: <https://safety4sea.com/worlds-first-international-rescue-exercise-in-a-polar-zone-takes-place/> (дата обращения: 31.07.2022).

²⁸ Northern Sea Route Administration. Permissions for navigation in the water area of the NSR. December 01, 2022. URL: http://www.nsra.ru/en/rassmotrenie_zayavleniy/razresheniya.html. (дата обращения: 01.12.2022).

²⁹ Russian Maritime Register of Shipping. 2021. Issues First Polar Certificate. URL: <https://rs-class.org/en/news/general/rs-issues-the-first-polar-ship-certificate/> (дата обращения: 31.07.2022).

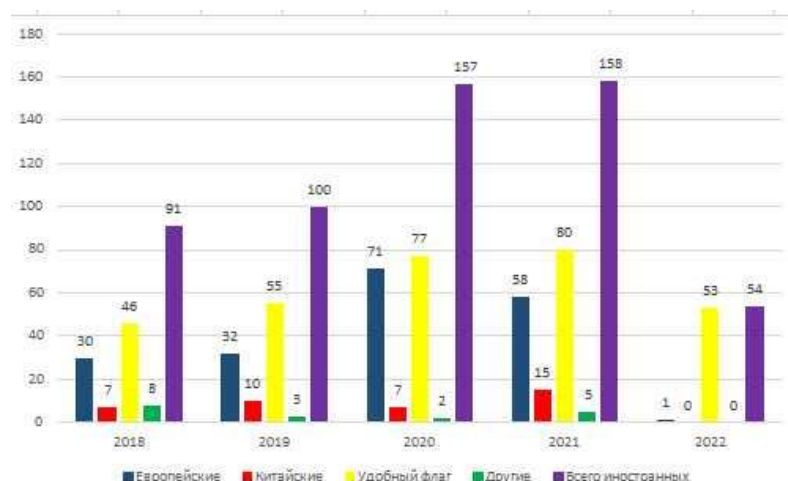

Рис. 6. Иностранные суда на СМП: разрешения, выданные Администрацией Северного морского пути / Главсевморпуть за 2018–2022 гг.³⁰

Режим инспекции СМП

Большинство арктических государств придерживается режима инспекции, основанного на документации. Так, например, согласно российскому национальному законодательству, полномочия ранее существовавшей Администрации СМП, сейчас — Главсевморпути³¹, ограничиваются проверкой документов. Решения о выдаче / ограничении / отмене разрешения на вход в СМП не требуют обязательного досмотра судна³². Помимо проверки документации, представляемой судовладельцем, Администрация СМП зависит от управлений портов и докладывает о нарушениях морским администрациям государств флага [16, Zagorski A., с. 292–305]. С 2016 г. на Федеральную службу безопасности России (ФСБ) возложено расследование случаев нарушения правил судоходства в акватории СМП³³. Однако, по мнению российского исследователя А. Тодорова, объем полномочий ФСБ остаётся неоднозначным, в том числе в отношении задержания несоответствующих судов на СМП и других правоприменительных мероприятий [21, Todorov A., с. 326].

Обсуждение

Исследование показывает, какие уроки могут извлечь арктические государства из опыта повышенной активности последнего десятилетия. В исследовании подчёркивается слабый механизм анализа инцидентов и принятия мер; слаборазвитая инфраструктура и не-

³⁰ Northern Sea Route Administration. Permissions for navigation in the water area of the NSR. December 01, 2022. URL: http://www.nsr.ru/en/rassmotrenie_zayavleniy/razresheniya.html. (дата обращения: 01.12.2022).

³¹ Главсевморпуть будет управлять судоходством на этом направлении. URL: <https://www.kamgov.ru/news/glavsevmorput-budet-upravlat-sudohodstvom-na-etom-napravlenii-53500> (дата обращения: 01.12.2022).

³² Northern Sea Route Administration. Application for admission. December 01, 2022. URL: <https://nsr.rosatom.ru/en/consideration-of-applications/application-for-admission-and-enclosure-to-application-to-navigate-in-the-northern-sea-route-area/> (дата обращения: 31.07.2022).

³³ Rules of Navigation on the Water Area of the Northern Sea Route, approved by the Ministry of Transport of Russia, September, 18, 2020. URL: http://www.nsr.ru/files/fileslist/137-en5894-2020-11-19_rules.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

эффективность средств ПСР. Полярный кодекс стал значительным шагом на пути к безопасности судоходства в полярных водах, особенно в Арктике. Однако его реализация зависит от арктических государств, и в целевых стандартах есть недостатки. Исследование указывает на необходимость более тесного сотрудничества между арктическими государствами и возможность усиления контроля эксплуатации судов под удобными флагами.

Принимая во внимание изложенное, сформулируем основные рекомендации для дальнейшего развития арктического судоходства. Во-первых, Арктическому совету необходимо инициировать всестороннюю обновлённую оценку судоходства. Во-вторых, транспортная политика как арктических, так и неарктических государств, заинтересованных в судоходстве в этих водах, должна включать политику повышения безопасности судоходства в Арктике, в частности, путём внедрения неоспоримой культуры безопасности. Россия должна стать движущей силой такой политики. Российскому правительству необходимо внести свой вклад в достижение безопасного арктического судоходства и трансформацию СМП в конкурентоспособный на международном уровне судоходный транспортный коридор, даже если это означает необходимость пожертвовать краткосрочными и коммерческими интересами, проводить политику ограничения прохода судов под удобными флагами. В-третьих, арктические правительства могли бы основываться на британском законодательстве о распространении анализа инцидентов, влияющих на безопасность. Они должны быть опубликованы и распространены среди экипажей торговых судов, политиков и должностных лиц, ответственных за безопасное функционирование арктического судоходства. Правительства всех стран могут обеспечить наличие независимых организаций, сертифицирующих Полярный кодекс и проводящих анализ инцидентов. Аналогично могло бы быть создано независимое Агентство по периодической (ежегодной) сертификации моряков, аттестованных в соответствии с Полярным кодексом. Наконец, государственная транспортная политика всех арктических государств должна включать политику сотрудничества с другими государствами Арктического совета для усиления навигационного обеспечения, связи и поисково-спасательных операций.

Заключение

Независимые регулирующие органы необходимы всем арктическим государствам для обеспечения соблюдения общих правил безопасности. Последующий анализ происшествий указывает на необходимость включения в транспортную политику государств аспектов безопасности и отражения требований адекватного механизма надзора, учитывающего культуру безопасности и понимание рисков. Государства Арктического совета могли бы договориться о запрете плавания судов под удобными флагами в арктических водах, учитывая хрупкость окружающей среды. Внедрение государственного портового контроля в Арктике могло бы стать способом укрепления сотрудничества между арктическими государствами и обеспечения соответствия требованиям со стороны неарктических государств, заинтересо-

ванных в использовании арктических вод. Оценка арктического судоходства должна стать регулярной частью деятельности Арктического совета. Также существует потребность в анализе и принятии последующих мер в отношении судоходных происшествий в Арктике, чтобы предотвратить их повторение в будущем, для чего правительства арктических стран могут рассмотреть возможность принятия мер регулирования. Предполагается, что более значительные совместные усилия во всех этих областях, включая поисково-спасательные работы, могли бы повысить безопасность судоходства и усилить защиту окружающей среды.

Список источников

1. Горбунов А.А. Транспортная политика государства: теория, история, практика: учебное пособие / Под ред. А.А. Горбунова, П.С. Селезнева. Москва: Проспект, 2020. 424 с.
2. Moe A. The Northern Sea Route: Smooth Sailing Ahead? // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38. No. 6. Pp. 784–802. DOI: 10.1080/09700161.2014.952940
3. Humpert M. Briefing Note — Arctic Shipping: An Analysis of the 2013 Northern Sea Route Season. In: *Arctic Yearbook 2014*. Akureyri, Iceland, Northern Research Forum, 2014. 590 p.
4. Marchenko N. Northern Sea Route: Modern State and Challenges. In: *Proceedings of the ASME 33rd International Conference on Ocean, Offshore and Arctic Engineering (OMAE2014)*. San Francisco, 2014. Pp. 1–10.
5. Lasserre F., Alexeeva O. Analysis of Maritime Transit Trends in the Arctic Passages. In: *International Law and Politics of the Arctic Ocean*. Netherlands, Leiden, Brill Academic, 2015. Pp. 180–192.
6. Zhang Y., Meng Q., Zhang L. Is the Northern Sea Route Attractive to Shipping Companies? Some Insights from Recent Ship Traffic Data // *Marine Policy*. 2016. Vol. 73. Pp. 53–60. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.07.030
7. Gunnarsson B., Moe A. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges // *Arctic Review on Law and Politics*. 2021. No. 12. Pp. 4–30. DOI: 10.23865/arctic.v12.2614
8. Chircop A., Goerlandt F., Aporta C., Pelot, R. (eds.). *Governance of Arctic Shipping: Rethinking Risk, Human Impacts and Regulation*. Switzerland, Springer Polar Sciences, 2020. 319 p.
9. Lasserre F., Faury O. (eds.). *Arctic Shipping: Climate Change, Commercial Traffic and Port Development*. London, Routledge, 2021. 250 p. DOI: 10.4324/9781351037464
10. Christodoulou A., Dimitrios D., Raneri P., Sheehan R. An Overview of the Legal Search and Rescue Framework and Related Infrastructure along the Arctic Northeast Passage // *Marine Policy*. 2022. Vol. 138. Pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.marpol.2022.104985
11. Molenaar E.J. Port State Jurisdiction: Toward Comprehensive, Mandatory and Global Coverage // *Ocean Development & International Law*. 2007. Vol. 38. Iss. 1–2. Pp. 225–257. DOI: 10.1080/00908320601071520
12. Molenaar E.J. Options for Regional Regulation of Merchant Shipping outside IMO, with Particular Reference to the Arctic Region // *Ocean Development & International Law*. 2014. Vol. 45. No. 3. Pp. 272–298. DOI: 10.1080/00908320.2014.929474
13. Thorén A. Article 234 UNCLOS and the Polar Code — The Interaction Between Regulations on Different Levels in the Arctic Region: master thesis. University of Oslo, 2014. 71 p.
14. Вылегжанин А.Н., Иванов Г.Г., Дудыкина И.П. Полярный кодекс (оценки и комментарии в зарубежных правовых источниках) // *Московский журнал международного права*. 2015. № (4). С. 43–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-4-43-60
15. Grant G.S. Implementation of the Polar Code. In: *The Arctic in World Affairs: A North Pacific Dialogue on the Arctic in the Wider World*. 2015 North Pacific Arctic Conference Proceedings. Korea Maritime Institute, Busan; Honolulu, East-West Center, 2015. Pp. 190–205.
16. Zagorski A. Implementation of the Polar Code. In: *The Arctic in World Affairs: A North Pacific Dialogue on the Arctic in the Wider World*. 2015 North Pacific Arctic Conference Proceedings. Korea Maritime Institute, Busan; Honolulu, East-West Center, 2015. Pp. 292–305.

17. Jensen Ø. The International Code for Ships Operating in Polar Waters: Finalization, Adoption and Law of the Sea Implications // *Arctic Review on Law and Politics*. 2016. No. 7 (1). Pp. 60–82. DOI: 10.17585/arctic.v7.236
18. Hindley R. The Role of the Polar Code in Arctic Maritime Governance. In: *The Arctic in World Affairs: A North Pacific Dialogue on the Arctic in the Wider World*. 2015 North Pacific Arctic Conference Proceedings. Korea Maritime Institute, Busan; Honolulu, East-West Center, 2019. Pp. 182–192.
19. Bai J., Wang C. Enhancing Port State Control in Polar Waters // *Ocean Development & International Law*. 2019. No. 50 (4). Pp. 1–21. DOI: 10.1080/00908320.2019.1644776
20. Тодоров А.А. Сотрудничество в области портового контроля в Арктике как инструмент реализации Полярного кодекса. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (5). С. 160–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-160-176
21. Todorov A. Coping with Deficiencies in the Polar Code: A Russian Perspective // *The Polar Journal*. 2020. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 322–333. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1799615
22. Todorov A. Russia's Implementation of the Polar Code on the Northern Sea Route // *The Polar Journal*. 2021. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 30–42. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911044
23. Engtrø E. A Discussion on the Implementation of the Polar Code and the STCW Convention's Training Requirements for Ice Navigation in Polar Waters // *Journal of Transportation Security*. 2022. Vol. 15 (1). Pp. 41–67. DOI: 10.1007/s12198-021-00241-7
24. Bhagwat J. The State Transport Policy for Development of the NSR in the USSR and the Russian Federation in the 20th Century // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2022. No. 47. Pp. 76–99. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.76
25. Marchenko N., Andreassen N., Borch O.J., Kuznetsova S., Ingimundarson V., Jakobsen U. Arctic Shipping and Risks: Emergency Categories and Response Capacities // *International Journal on Marine Navigation and Safety of Sea Transportation*. 2018. No. 12 (1). Pp. 107–114. DOI: 10.12716/1001.12.01.12
26. Shaughnessy T., Tobin E. Flags of Inconvenience: Freedom and Insecurity on the High Seas // *Journal of International Law & Policy*. 2006–2007. Vol. 5. Pp. 1–31.

References

1. Gorbunov A. A. *Transportnaya politika gosudarstva: teoriya, istoriya, praktika* [Transport Policy of the State: Theory, History, Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2020, 424 p. (In Russ.)
2. Moe A. The Northern Sea Route: Smooth Sailing Ahead? *Strategic Analysis*, 2014, vol. 38, no. 6, pp. 784–802. DOI: 10.1080/09700161.2014.952940
3. Humpert M. Briefing Note — Arctic Shipping: An Analysis of the 2013 Northern Sea Route Season. In: *Arctic Yearbook 2014*. Akureyri, Iceland, Northern Research Forum, 2014, 590 p.
4. Marchenko N. Northern Sea Route: Modern State and Challenges. In: *Proceedings of the ASME 33rd International Conference on Ocean, Offshore and Arctic Engineering (OMAE2014)*. San Francisco, 2014, pp. 1–10.
5. Lasserre F., Alexeeva O. Analysis of Maritime Transit Trends in the Arctic Passages. In: *International Law and Politics of the Arctic Ocean*. Netherlands, Leiden, Brill Academic, 2015, pp. 180–192.
6. Zhang Y., Meng Q., Zhang L. Is the Northern Sea Route Attractive to Shipping Companies? Some Insights from Recent Ship Traffic Data. *Marine Policy*, 2016, vol. 73, pp. 53–60. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.07.030
7. Gunnarsson B., Moe A. Ten Years of International Shipping on the Northern Sea Route: Trends and Challenges. *Arctic Review on Law and Politics*, 2021, no. 12, pp. 4–30. DOI: 10.23865/arctic.v12.2614
8. Chircop A., Goerlandt F., Aporta C., Pelot R., eds. *Governance of Arctic Shipping: Rethinking Risk, Human Impacts and Regulation*. Switzerland, Springer Polar Sciences, 2020, 319 p.
9. Lasserre F., Faury O., eds. *Arctic Shipping: Climate Change, Commercial Traffic and Port Development*. London, Routledge, 2021, 250 p. DOI: 10.4324/9781351037464
10. Christodoulou A., Dimitrios D., Raneri P., Sheehan R. An Overview of the Legal Search and Rescue Framework and Related Infrastructure along the Arctic Northeast Passage. *Marine Policy*, 2022, vol. 138, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.marpol.2022.104985.

11. Molenaar E.J. Port State Jurisdiction: Toward Comprehensive, Mandatory and Global Coverage. *Ocean Development & International Law*, 2007, vol. 38, iss. 1–2, pp. 225–257. DOI: 10.1080/00908320601071520
12. Molenaar E.J. Options for Regional Regulation of Merchant Shipping outside IMO, with Particular Reference to the Arctic Region. *Ocean Development & International Law*, 2014, vol. 45, no. 3, pp. 272–298. DOI: 10.1080/00908320.2014.929474
13. Thorén A. *Article 234 UNCLOS and the Polar Code — The Interaction Between Regulations on Different Levels in the Arctic Region*: master thesis. University of Oslo, 2014, 71 p.
14. Vylegzhanin A.N., Ivanov G.G., Dudikina I.P. Polyarnyy kodeks (otsenki i kommentarii v zarubezhnykh pravovykh istochnikakh) [The Polar Code (Comments in Foreign Legal Sources)]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2015, no. 4, pp. 43–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-4-43-60
15. Grant G.S. Implementation of the Polar Code. In: *The Arctic in World Affairs: A North Pacific Dialogue on the Arctic in the Wider World. 2015 North Pacific Arctic Conference Proceedings*. Korea Maritime Institute, Busan; Honolulu, East-West Center, 2015, pp. 190–205.
16. Zagorski A. Implementation of the Polar Code. In: *The Arctic in World Affairs: A North Pacific Dialogue on the Arctic in the Wider World. 2015 North Pacific Arctic Conference Proceedings*. Korea Maritime Institute, Busan; Honolulu, East-West Center, 2015, pp. 292–305.
17. Jensen Ø. The International Code for Ships Operating in Polar Waters: Finalization, Adoption and Law of the Sea Implications. *Arctic Review on Law and Politics*, 2016, no. 7 (1), pp. 60–82. DOI: 10.17585/arctic.v7.236
18. Hindley R. The Role of the Polar Code in Arctic Maritime Governance. In: *The Arctic in World Affairs: A North Pacific Dialogue on the Arctic in the Wider World. 2015 North Pacific Arctic Conference Proceedings*. Korea Maritime Institute, Busan; Honolulu, East-West Center, 2019, pp. 182–192.
19. Bai J., Wang C. Enhancing Port State Control in Polar Waters. *Ocean Development & International Law*, 2019, no. 50 (4), pp. 1–21. DOI: 10.1080/00908320.2019.1644776
20. Todorov A.A. Sotrudnichestvo v oblasti portovogo kontrolya v Arktike kak instrument realizatsii Polyarnogo kodeksa [Arctic Port State Control as a Tool of Enforcement of the Polar Code]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, no. 12 (5), pp. 160–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-160-176
21. Todorov A. Coping with Deficiencies in the Polar Code: A Russian Perspective. *The Polar Journal*, 2020, vol. 10, iss. 2, pp. 322–333. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1799615.
22. Todorov A. Russia's Implementation of the Polar Code on the Northern Sea Route. *The Polar Journal*, 2021, vol. 11, iss. 1, pp. 30–42. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911044
23. Engtrø E. A Discussion on the Implementation of the Polar Code and the STCW Convention's Training Requirements for Ice Navigation in Polar Waters. *Journal of Transportation Security*, 2022, vol. 15 (1), pp. 41–67. DOI: 10.1007/s12198-021-00241-7
24. Bhagwat J. The State Transport Policy for Development of the NSR in the USSR and the Russian Federation in the 20th Century. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 76–99. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.76
25. Marchenko N., Andreassen N., Borch O.J., Kuznetsova S., Ingimundarson V., Jakobsen U. Arctic Shipping and Risks: Emergency Categories and Response Capacities. *International Journal on Marine Navigation and Safety of Sea Transportation*, 2018, no. 12 (1), pp. 107–114. DOI: 10.12716/1001.12.01.12
26. Shaughnessy T., Tobin E. Flags of Inconvenience: Freedom and Insecurity on the High Seas. *Journal of International Law & Policy*, 2006–2007, vol. 5, pp. 1–31.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022;
принята к публикации 17.01.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 127–153.
Научная статья
УДК 342.5(985)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.127

Профилактика и разрешение конституционных конфликтов на территории Арктической зоны Российской Федерации

Тетерин Александр Викторович^{1✉}, кандидат юридических наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ alexander.teterin@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9773-9949>

Аннотация. Стабильное развитие и обеспечение безопасности Арктической зоны России возможны лишь при условии установления основных параметров конфликтности, эффективного разрешения и профилактики конфликтов. Целью данного исследования является определение основных параметров правовой модели профилактики и разрешения конфликтов, в том числе разработка методологических основ и исследование терминологического поля. Основными методами исследования служат правовое моделирование и специальные методы исследования конфликта, выработанные общей, юридической и конституционной конфликтологией. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что стабильный мир и гражданское согласие являются результатом процессов управления, профилактики и разрешения конфликтов. Роль права проявляется в том, что оно не просто разрешает конфликт, но и выполняет интегративную, примирительную и стимулирующую функцию. Отдельное внимание в силу масштабности и публичного характера возможных последствий должно уделяться профилактике и разрешению конституционных конфликтов, что предопределяет повышение роли конституционного права в обеспечении мира на территории Арктической зоны. Результаты исследования свидетельствуют о наличии пяти взаимосвязанных уровней, на каждом из которых должна осуществляться структурная и непосредственная профилактика конфликта. Разрешение конфликта также является комплексным процессом, способы и механизмы разрешения нуждаются в дополнении и адаптации с учётом особенностей конфликтности на территории Арктической зоны. Автор демонстрирует взаимосвязь процессов социально-экономического развития и обеспечения мира и гражданского согласия, представляет рекомендации по совершенствованию существующей модели.

Ключевые слова: профилактика конфликта, разрешение конфликта, Арктическая зона, конституционный конфликт, стабильный мир, правовая модель, культура мира

Prevention and Resolution of Constitutional Conflicts in the Arctic Zone of the Russian Federation

Aleksandr V. Teterin^{1✉}, Cand. Sci. (Law), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ alexander.teterin@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9773-9949>

Abstract. Stable development and security of the Arctic zone of Russia demand effective resolution and prevention of conflicts. The purpose of this study is to determine the main parameters of the legal model

* © Тетерин А.В., 2023

Для цитирования: Тетерин А.В. Профилактика и разрешение конституционных конфликтов на территории Арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 127–153. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.127

For citation: Teterin A.V. Prevention and Resolution of Constitutional Conflicts in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 127–153. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.127

for the prevention and resolution of conflicts, including the development of methodological foundations and the elaboration of the terminological field. The main research methods are legal modeling and special methods of conflict research conducted by general, legal and constitutional conflictology. The main conclusions of the study are that stable peace and civil harmony are the result of the processes of managing, preventing and resolving conflicts. The role of law is manifested in the fact that it not only resolves the conflict, but also performs an integrative, conciliatory and stimulating function. Due to the scale and public nature of the possible consequences, special attention should be paid to the prevention and resolution of constitutional conflicts, which predetermines the increasing role of constitutional law in ensuring peace in the Arctic zone. The results of the research indicate the presence of five interrelated levels, structural and direct conflict prevention should be carried out at every level. Conflict resolution is also a complex process, the methods and mechanisms of resolution need to be supplemented and adapted, taking into account the peculiarities of conflict in the Arctic zone. The author demonstrates the interrelation between the processes of socio-economic development and ensuring peace and civil harmony, presents recommendations for improving the existing legal model.

Keywords: *conflict prevention, conflict resolution, Arctic zone, constitutional conflict, stable peace, legal model, culture of peace*

Введение

Арктическая зона России имеет ключевое значение для обеспечения национальной безопасности. При этом национальная безопасность должна рассматриваться не только как «состояние защищённости национальных интересов от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация прав, достойное качество и уровень жизни, гражданский мир и согласие, охрана суверенитета и социально-экономическое развитие страны»¹, но и как процесс, то есть важно учитывать изменение состояния, появление новых угроз и вызовов. Для Арктики в полной мере характерны отмечаемые в актах стратегического планирования тенденции усиления нестабильности и роста геополитической напряжённости, конфликтности и, как следствие, милитаризация. Вполне обоснованно в научных исследованиях арктическое пространство называют конфликтным [1, Лукин Ю.Ф., с. 32–33]. В фокусе исследований находятся прежде всего вопросы геополитического соперничества и столкновения интересов в Арктике [2, Raikov Yu.A., с. 148], территориальных споров на региональном и международном уровне [3, Xhelilaj E., Kristofor L., с. 278–280], отдельные аспекты обеспечения гражданского мира и согласия [4, Crawford B.K., с. 469–471], милитаризация макрорегиона и риски вооружённого конфликта [5, Gricius G., с. 13–19], проблемы обеспечения отдельных видов безопасности, отдельные причины и виды конфликтов [6, Храмчихин А.А.] и другие показатели, характеризующие Арктику как территорию конфликта. Однако на сегодняшний день отсутствуют комплексные научные труды, посвящённые обоснованию методологии и построению единой модели профилактики и разрешения конфликтов на территории Арктической зоны России. Для восполнения имеющегося пробела необходимо решить ряд задач: провести терминологический анализ базовых категорий в сфере обеспечения мира и стабильного развития Арктической зоны, основных параметров конфликтности; разра-

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 26.07.2022).

ботать методологию исследования конфликта; построить правовую модель разрешения и профилактики конституционных конфликтов на территории Арктической зоны.

***Обеспечение безопасности и стабильного развития Арктической зоны:
понятие и угрозы***

Для обеспечения безопасности чрезвычайно важно не только понимание и достижение целей, задач, соблюдение основных принципов процесса, но и учёт основных категорий. Категория «стабильное развитие Арктической зоны» напрямую связана с категорией «социально-экономическое развитие». Социально-экономическое развитие создаёт условия для обеспечения безопасности, снижения градуса конфликтности общественных отношений. Люди должны по необходимости уступить свою власть средству принуждения, такому как государство, для легитимного применения насилия, либо могут прийти к сотрудничеству, используя децентрализованные средства, такие как рынок» [7, De Paramo J.R, с. 17].

Взаимозависимость процессов обеспечения мира, стабильного развития, безопасности и социально-экономического развития находит отражение в угрозах и основных причинах конфликтности. В актах стратегического планирования констатируется возрастание конфликтного потенциала в регионе, в качестве национальных приоритетов указывается сохранение Арктики в качестве территории мира и стабильности, устойчивого развития Арктической зоны ². Геополитическое положение и внутренние угрозы предопределяют наличие отдельного направления обеспечения национальной безопасности, ставящего целью повышение внутренней стабильности и наращивание потенциала России.

В качестве угроз национальной безопасности указываются разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов, проведение соответствующих информационных кампаний, попытки третьих стран разрушить внутреннее единство, радикализировать протестное движение, применение «непрямых методов», направленных на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации. Непосредственно сам процесс обеспечения безопасности определяется как «достижение целей и решение задач в рамках стратегических национальных приоритетов». Развитие и совершенствование системы профилактики и разрешения конфликтов юридическими способами напрямую соотносится с такими стратегическими приоритетами, как государственная и общественная безопасность, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и историче-

² Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10. Ст. 1317. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019> (дата обращения: 27.07.2022).

ской памяти, стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество³.

Вероятность реализации угроз и основные параметры конфликтов на территории Арктической зоны определяются:

- Противоречиями между закреплением комплекса социально-экономических прав населения (в том числе специальных прав коренных малочисленных народов) и проблемами обеспечения их реализации. Для российской Арктики характерно отставание показателей качества жизни от общероссийских, низкий уровень доступности услуг, проблемы северного завоза, низкий уровень развития инфраструктуры, рост безработицы и др. Например, накопившиеся и нерешаемые социально-экономические проблемы повлекли возникновение в Ямало-Ненецком автономном округе в 2016 г. протестного движения «Голос Тундры». Публичное обсуждение гражданами социально-экономических проблем оленеводов, критика мер проводимой государственной политики подтвердили публичную значимость поддержки населения в сложных природно-климатических и экономических условиях.
- Отсутствием баланса экономического, социального и экологического аспектов развития Арктической зоны. Закрепление мер и механизмов стимулирования экономической активности зачастую не сопровождается управлением возникающими экологическими рисками. Ярким примером являются положения программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов⁴. В качестве рисков отмечаются высокая чувствительность традиционного образа жизни к внешним воздействиям, интенсивное изменение климата, ускорение темпов экономического освоения территорий. В качестве основных механизмов поддержки указываются субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, разработка стандарта кочевого жилья и проекта фактории, аналитическая, консультационная, административная и научная поддержка в сфере продвижения товаров, работ и услуг. Механизмов управления рисками, возникающими в связи с возрастанием антропогенной нагрузки, программа не предусматривает. Ярким примером конфликтов, объектом которых является обеспечение реализации права на благоприятную окружающую среду и права на традиционную хозяйственную деятельность, являются протесты на террито-

³ Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 27.07.2022).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 года № 978-р «Об утверждении программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 17. Ст. 3007. URL: <https://base.garant.ru/400660896/> (дата обращения: 12.10.2022).

рии Чукотки против строительства морского порта Наглейнын. Строительство порта в рассматриваемом примере угрожало оленьим пастбищам, а также нарушало традиционную хозяйственную деятельность (вылов рыбы), общественные слушания по вопросу воздействия на окружающую среду были назначены лишь после конфликтного взаимодействия, продолжавшегося 2020–2022 г. Внедрение специальных экономических режимов (например, режим Арктической зоны, территорий опережающего социально-экономического развития) также не сопровождается разработкой «компенсирующих мер» в сфере охраны окружающей среды и традиционных условий жизнедеятельности коренных народов.

- Наличием территориальных споров и милитаризация арктического пространства. Для международно-правовых отношений в регионе характерен переход от сотрудничества к модели соперничества и конфронтации. В научных исследованиях справедливо отмечается, что изменение нормативной основы не является декларативным, создаёт основу для расширения военного присутствия, проведения учений, создания военной инфраструктуры [8, Бюрно К.С., с. 85]. Причинами «увеличения градуса» конфликтности в Арктике является политическое, военное, информационное давление на Российскую Федерацию с целью ослабления контроля за Северным морским путём, попытки изменить действующие правовые режимы морских пространств. Поскольку Арктическая зона является жизненно важным для России районом Мирового океана, допустимым является использование всего спектра методов воздействия в случае конфликта — от дипломатических до силовых⁵. Вероятность реализации угроз характеризуется появлением новых конфликтогенов. В 2022 г. в Норвежском море прошли учения NATO Cold response, отрабатывалась высадка морского десанта на побережье, с учётом изменения модели взаимодействия арктических государств от сотрудничества до конфронтации возрастают риски преднамеренных морских столкновений в регионе.
- Ещё одним постоянным конфликтогеном выступают территориальные притязания и вопросы обеспечения суверенитета. С учётом природоресурсного и стратегического потенциала вопросы пространственных пределов обеспечения единства, верховенства и полноты государственной власти порождают противоречия. Так, США выступают за интернационализацию морских арктических пространств, продолжается многолетний спор России, Норвегии и Дании о границах континентального шельфа. В контексте текущей политической ситуа-

⁵ Указ Президента РФ от 31.07.2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 31. Ст. 5699. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=423278&dst=100490#cwfQOKTshUMEs2cN1> (дата обращения: 13.10.2022).

ции очевидно нарушение баланса между правом и политикой, что затрудняет своевременное разрешение противоречий, а также повышает вероятность конфликта. В научных работах справедливо отмечается: значение макрорегиона для национального развития государств стимулирует борьбу за сферы влияния и контроль [9, Raikov Yu., с. 153].

Сложившаяся в Арктике ситуация может быть охарактеризована как «негативный мир». Нестабильный, или, согласно иной часто употребляемой версии, негативный мир представляет собой ситуацию, при которой противоречия и напряжение между сторонами возрастают, и продолжение мирного состояния более не гарантировано. Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что в актах стратегического планирования России и иных арктических государств (США, Канада и др.), находит отражение конфликтная парадигма взаимодействия, при этом появляются новые конфликтогены, что повышает вероятность реализации угроз и свидетельствует о необходимости построения эффективной системы профилактики и разрешения конфликтов в Арктике.

Методология исследования конфликтности на территории Арктической зоны

Исследование основных параметров конфликтности, форм проявления и способов разрешения конфликтов требует применения специальной методологии и опоры на научные подходы, предложенные конфликтологией как отдельной междисциплинарной областью научного знания, а также специальных методов юридической конфликтологии и, наконец, конституционной конфликтологии как самостоятельного направления науки конституционного права.

Прежде всего, за основу исследования конфликтности в Арктической зоне могут быть взяты универсальные положения теории современного социального конфликта.

Во-первых, стоит исходить из предпосылки о двойственной роли конфликта: мы не можем вести речь о конфликтных явлениях как исключительно негативных. Регламентированный конфликт — свобода, поскольку никто не может превратить свою позицию в догму [10, Дарендорф Р., с. 41]. Второй методологической предпосылкой исследования конфликта является то, что конфликт — необходимый элемент социальной жизни. В-третьих, конфликты могут служить способом снятия напряжения, стабилизировать социальную систему, служить её «сшиванию», препятствовать дезинтеграции. В-четвёртых, социальный конфликт поддерживает изменения и способствует им, в нём заключается творческая сила обществ. Конфликты могут стать развитием там, где они признаны и управляемы. В-пятых, феномен социального конфликта подчёркивает взаимосвязь и взаимозависимость процессов социально-экономического развития и обеспечения безопасности в Арктической зоне. Кроме того, в процессе исследования конфликтности необходимо учесть междисциплинарный характер конфликтологии, которая справедливо характеризуется рядом исследователей как

«очень сложное мультидисциплинарное развивающееся научное поле с большим различием в теоретических подходах и источниках» [11, Redota J.].

Именно с учётом понимания двойственной роли конфликтов необходимо подходить к проблеме их разрешения юридическими способами и обеспечению безопасности.

Реализация положительных функций конфликта — стимулирование развития, интеграция субъектов, улучшение коммуникации сторон конфликта, обеспечение устойчивого и стабильного развития — предопределяет то, что конструируемая правовая модель включает нормативную и институциональную систему профилактики и разрешения конфликтов.

Вторым методологическим основанием исследования параметров конфликта в Арктической зоне выступает метод правового моделирования. Моделирование как метод научного исследования позволяет привлечь уже построенные модели для демонстрации, интерпретации и прогнозирования конфликтных явлений на территории Арктической зоны России. В качестве одного из удачных и практически применимых примеров можно привести модель, разработанную К.Р. Митчеллом: с учётом характеристик конфликта как явления, обладающего сложной структурой, а также как процесса, который нуждается в изменении, предлагается три основных для профилактики измерения.

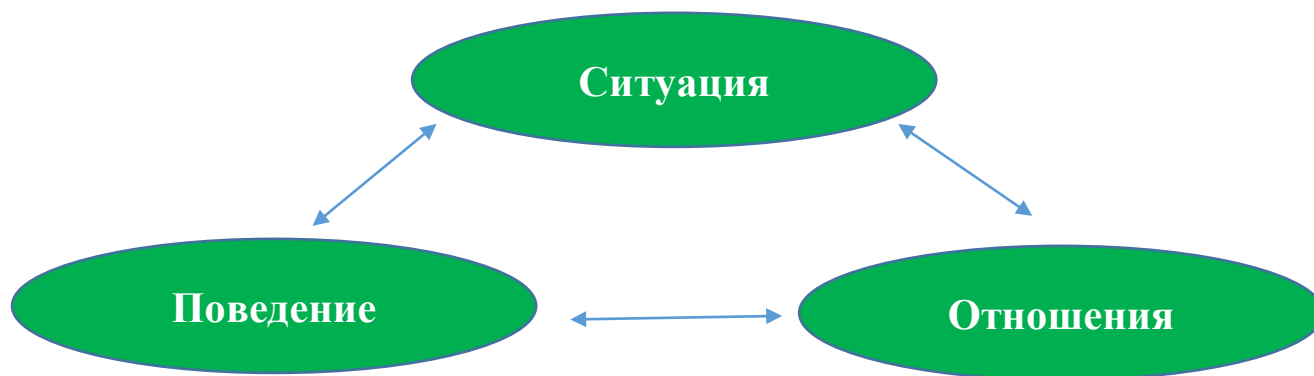

Рис. 1. Параметры конфликтного процесса.

При этом изменение одного из основных параметров конфликтного процесса, например, поведения сторон, не может являться единственной целью профилактики и разрешения: необходимо разобраться со всем комплексом взглядов, представлений, факторов и проблем для того, чтобы избежать повторения конфликтного цикла [12, Mitchell C.R., с. 7]. Данная модель, несомненно, упрощает конфликтные отношения, не отражает развитие процесса, однако прекрасно достигает цели — демонстрирует преимущества моделирования структурных и процессуальных аспектов.

Важную роль в обеспечении стабильного развития Арктической зоны играет «юридизация конфликта», то есть его правовая трансформация, приведение в «правовые рамки», предложение оптимальных юридических способов разрешения.

Роль права в управлении, разрешении и профилактике конфликтов на территории Арктической зоны с позиций юридической конфликтологии характеризуется частотностью возникновения конфликтных процессов, их универсальностью. Значение права и построения эффективной правовой модели можно представить в виде совокупности следующих функций: установление способов и механизмов их разрешения и профилактики в правовом поле, формирование правовой культуры субъектов/потенциальных субъектов конфликта, регламентация правового статуса субъектов, минимизация негативных последствий конфликта (например, за счёт закрепления эффективных механизмов защиты нарушенного права) и др.

В работах по социологии права выделяется ряд дополнительных функций, характеризующих значение права и юридической конфликтологии: интегративная функция, функция социального ориентирования, функция распределения прав и обязанностей, а также распределения экономических благ; репрессивная функция; функция правового стимулирования [13, Martínez J., с. 97]. Общемировой тенденцией становится развитие альтернативных механизмов разрешения, понимаемых как «альтернативные возможности субъектов, вовлечённых в конфликтное взаимодействие, для устранения противоречий напрямую быстрым и эффективным способом в благоприятной атмосфере с приданием решению юридической силы» [14, Santos I.M., с. 108]. Эмпирический опыт подтверждает системный характер как системы способов разрешения конфликта в целом, так и подсистемы альтернативных способов, их взаимосвязь [15, Santos I.M.]. Таким образом, имеющиеся научные результаты и эмпирические данные свидетельствуют о вариативности, системности и публичной значимости способов и механизмов разрешения конфликта. Данные требования в полной мере применимы к соответствующему правовому регулированию на территории Арктической зоны России.

Роль права наиболее отчётливо проявляется в сфере профилактики и разрешения конституционных конфликтов на территории Арктической зоны. Соответственно, третьим методологическим основанием правовой модели выступают методы и принципы конституционной конфликтологии. Конституционная конфликтология представляет собой самостоятельный, активно развивающийся раздел науки конституционного права. Идеи о необходимости формирования конституционной конфликтологии с учётом результатов научных исследований, эмпирического опыта государственного строительства, достижений других наук (политология, социология и др.) высказывались ещё около двух десятилетий назад, однако комплексные исследования, посвящённые теоретическим и практическим вопросам, в России и зарубежных странах появились совсем недавно: так, разрабатывается теория конституционного конфликта [16, Levinson S., Balkin J.; 17, Тетерин А.В.], исследуются отдельные виды конституционных конфликтов, способы их профилактики и разрешения. Отдельно следует отметить комплексное исследование И.А. Третьяк, которая разработала теоретическую концепцию конституционной конфликтологии, рассматриваемой как «раздел, отдельный

блок в системе науки конституционного права, выделение которого обусловлено особенностью предмета и объекта, а также учётом подходов юридической конфликтологии к изучению конституционного конфликта». В соотношении с юридической конституционная конфликтология является исследовательским концептуально-отраслевым уровнем [18, Третьяк И.А., с. 64–70]. В полной мере поддерживая мнение автора, подчеркну, что прикладное значение конституционной конфликтологии как активно развивающегося раздела науки проявляется на различных уровнях: можно вести речь об общемировых тенденциях развития научного знания о конституционных конфликтах, способах управления ими, системе профилактики и разрешения; далее следует внутригосударственный (национальный уровень), и, наконец, локальный уровень (при этом масштаб может быть различным) ⁶.

Значение конституционной конфликтологии для настоящего исследования определяется публичной и социальной значимостью, масштабностью возможных последствий конституционного конфликта. Также конституционный конфликт интересует нас в большей степени, поскольку это государственно-правовой феномен, и построение правовой модели является адекватным способом его исследования. Не углубляясь в дискуссию по вопросам сущности, дефиниции и отграничения от смежных понятий ⁷, определим конституционный конфликт как вид взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений, в основе которого лежит противоречие сторон по поводу конституционной ценности (ценностей).

Включение в состав Арктической зоны так называемых «сложносоставных субъектов Российской Федерации», наличие ряда острых социально-экономических, экологических проблем, сложности и противоречия в системе государственного управления обширным макрорегионом определяют конфликтность в публичной сфере. При этом именно конституционная конфликтология обладает необходимым методологическим потенциалом для изучения конституционных конфликтов с учётом специфики макрорегиона. В частности, конституционный конфликт на территории Арктической зоны обладает следующими специфическими чертами:

1. Объектом конституционного конфликта, на который направлено взаимодействие сторон, является конституционная ценность. В условиях Арктики на первый план выступает защита таких конституционных ценностей, как право на благоприятную окружающую среду (статья 42), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41), право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности (статья 37), право народов России

⁶ Можно исследовать параметры и специфику конституционной конфликтности на уровне макрорегиона (в нашем случае в фокусе внимания находится Арктическая зона России), на уровне территориальных единиц государства.

⁷ В рамках конституционной конфликтологии как нового, «молодого» раздела науки конституционного права терминологическое поле находится в стадии формирования, абсолютно нормальным для научного процесса является использование целого ряда терминов «конституционно-правовой конфликт», «государственно-правовой конфликт», «конституционно-правовой спор» и др. Однако исследование сущности и системных связей конституционного конфликта со смежными категориями — отдельная научная задача, находящаяся за рамками данной работы.

на сохранение родного языка, его сохранение и развитие (статья 68), права коренных малочисленных народов, культурная самобытность и этнокультурное многообразие (статья 69), гражданский мир и согласие (статья 80), особый конституционно-правовой режим традиционной хозяйственной деятельности⁸. Так, в правовых позициях Конституционного Суда России, выработанных в процессе разрешения конституционно-правовых споров, подчёркиваются особенности правового режима традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности как основы существования и самобытности народов.

2. Субъектный состав конституционного конфликта в Арктической зоне обладает спецификой. Помимо таких потенциальных участников, как органы публичной власти, граждане, субъекты Российской Федерации и др., особое значение имеет вовлечение в конфликтные процессы особых субъектов конституционного права: коренные малочисленные народы, общины коренных малочисленных народов, общественные объединения (например, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера ЯНАО «Ямал-потомкам!»). Специальным субъектом является гражданин, относящийся к коренному малочисленному народу, поскольку он обладает специальными правами и гарантиями, и отсутствие их надлежащего обеспечения ведет к конфликту. Так, «реализация права на охоту гражданином в местах традиционного проживания, должна обеспечиваться органами публичной власти и не должна приводить к конфликту с иными представителями коренного народа, для которых охота выступает в качестве основного источника жизнеобеспечения»⁹. Особым правовым статусом обладают и лица, проживающие в районах Крайнего Севера, в силу этого нарушение специальных прав и отсутствие их гарантирования (в том числе финансового) приводит к конфликту и предполагает возможность его разрешения конституционно-правовыми средствами¹⁰.

3. Наконец, реализация конституционно-правовых процедур не может быть осуществлена без учёта социально-экономических особенностей субъектов Арктической зоны. В то время как процесс объединения был в 2003–2008 гг. успешно завершён в ряде субъектов, попытки «укрупнить» сложносоставные субъекты¹¹ Арктической зоны стали причиной массовых протестов. Отсутствие конкретных конституционно-правовых положений об админи-

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.10.2022).

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2021 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.Ф. Данилова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389678/ (дата обращения: 13.10.2022).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2022 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей" в связи с жалобой гражданина А.В. Окулова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410780/ (дата обращения: 13.10.2022).

¹¹ Архангельская область и Ненецкий автономный округ; 2. Ямало-Ненецкий автономный округ и не входящие в состав Арктической зоны Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ.

стративной единице с особым статусом, в которую должны были быть преобразованы автономные округа, стало конфликтогеном именно в Арктической зоне, поскольку вызвало обостренные вопросы коренных малочисленных народов об обеспечении специальных прав и гарантий, представлении их интересов в органах публичной власти нового субъекта. Ненадлежащее информирование, непроработанность проектов объединения, игнорирование специфики реализации прав в арктических условиях привело к отказу от реализации процедур объединения. Приведённые положения подтверждают необходимость учёта особенностей Арктической зоны в процессе профилактики и разрешения конституционных конфликтов.

Управление конфликтом и его разрешение: содержание и система способов

Изменение конфликтного взаимодействия, коммуникации сторон требуют усилий и предполагают необходимость управления конфликтом, то есть к завершению конфликта приводит процесс, предполагающий стремление субъектов (субъекта) конфликта контролировать динамику, определять применяемые механизмы и желаемые результаты, и соответствующие действия. Значение управления конфликтом проявляется в снижении негативного и разрушительного потенциала посредством определённых мер и работы со всеми вовлечёнными в конфликт сторонами [19, Best S.G., с. 95]. Управление по определению предполагает возможность воздействовать на конфликтное взаимодействие, характеристиками воздействия являются «ограничение, смягчение, сдерживание конфликта» [20, Tanner F., с. 541].

Стоит уточнить, что процесс управления конфликтом не должен быть прерван на этапе его завершения: в каждом случае необходимо анализировать постконфликтную ситуацию, принимать меры по предотвращению воспроизведения конфликта вновь, то есть процесс управления в данном смысле включает и применение мер профилактики.

В конфликтологических исследованиях предложен ряд подходов к пониманию того, что представляет собой разрешение конфликта:

- «разнообразие подходов, нацеленных на прекращение конфликтов посредством конструктивного решения проблем», «результат, при котором проблемы в существовавшем конфликте удовлетворительно разрешены, решение является взаимоприемлемым для сторон, долговременным и создающим новые, позитивные взаимоотношения между сторонами, ранее бывшими враждебными друг другу, а также процесс и процедуры достижения такого результата», «разрешение конфликта имеет коннотацию с завершённостью»¹²;
- «ситуация, при которой конфликтующие стороны приходят к соглашению и регулируют основные разногласия, признают продолжение существования друг друга как сторон и прекращают все враждебные действия в отношении друг друга», при разрешении устраняется причина конфликта для предотвращения его повторения,

¹² Udezo B.S. Concepts and Methods of Conflict Resolution and Peace-Building: Imperatives for Religious Leaders in Nigeria. URL: <https://www.ajol.info/index.php/jrhr/article/view/87329> (дата обращения: 28.07.2022).

«происходит переоценка условий, которые изначально привели к враждебному отношению и разрушительному поведению, стороны конфликта по-новому смотрят на ситуацию» [21, Mahendra M.D., с. 5].

Принимая во внимание возможную «воспроизводимость» конфликтов, важно отметить, что роль конституционной конфликтологии не должна исчерпываться лишь предложением подходов, изучением конфликтного процесса на этапе разрешения: проблема гораздо глубже. Однако в данном конкретном случае с учётом рамок научной статьи мы остановимся именно на термине и возможных способах «разрешения конфликта».

Способы разрешения конфликта, достижения согласия сторон образуют единую систему. Рассмотрим на конкретных примерах возможности разрешения конфликтов на территории Арктической зоны:

1) В первую очередь следует отметить роль судебной власти в разрешении возникающих конфликтов. Так, конституционный спор Тюменской области, Ямало–Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа по поводу статуса автономного округа в составе «сложносоставного субъекта» был разрешён Конституционным Судом Российской Федерации в 1997 г. Суд раскрыл особенности конституционно-правового положения автономного округа, который является самостоятельным субъектом Российской Федерации, установил смысл и значение «вхождения» округа в состав области или края и координационные механизмы — наличие общей обязанности органов власти субъектов по сохранению территориальной целостности и единства в интересах населения; возможность передачи части полномочий друг другу на добровольной основе; возможность договорного регулирования распределения полномочий¹³.

2) Для разрешения конституционных конфликтов на территории Арктической зоны также используются политико-правовые способы (консультации, переговоры, создание согласительных групп и комиссий и др.). Так, в контексте административной реформы и объединения субъектов в ряде случаев возникали конфликты, связанные с неопределённостью будущего статуса включаемого в состав области края автономного округа, отсутствием гарантий прав коренных народов, информационным противостоянием и т. д. В подобных сложных условиях проходили переговоры органов государственной власти Тюменской области, Ямало–Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа, результатом которых стало подписание договора о сотрудничестве и взаимодействии органов государственной власти (в настоящее время договор пролонгирован до 31 декабря 2025 года)¹⁴. Для профилактики повторения конфликтов была разработана и утверждена програм-

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 29. Ст. 3581. URL: <http://www.constitution.ru/decisions/65786/65786.htm> (дата обращения: 29.07.2022).

¹⁴ Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о продлении (продлонгации) действия договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Офи-

ма «Сотрудничество», предусматривающая социально-экономические меры по ряду направлений: строительство и ремонт дорог регионального значения, объектов социальной сферы, реализация проектов в области охраны окружающей среды, поддержка сельскохозяйственного производства, осуществление проектов в сфере физической культуры и спорта, предупреждения чрезвычайных ситуаций и др. Источником финансирования является поступление части налога на прибыль организаций, уплачиваемого с территории автономных округов и зачисляемого в бюджет Тюменской области¹⁵. На сегодняшний день наиболее активно реализуется проект по предоставлению субсидий на переселение с территории автономных округов в Тюмень или на юг Тюменской области. Таким образом, причина конфликта была устранена, а цели объединения были заменены социально-экономической интеграцией.

3) Для разрешения конфликта может быть использован ряд конституционно-правовых процедур. В 2007 г. был запущен один из наиболее масштабных процессов объединения — Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа вошли в состав Красноярского края. До объединения взаимодействие края и автономных округов было конфликтным. В числе причин конфликта можно назвать различные позиции края и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа по вопросу территориальной принадлежности г. Норильска и его городов-спутников¹⁶, проблемы северного завоза в Эвенкийский автономный округ и неоднократное грубое нарушение финансовой дисциплины лицами, замещающими государственные должности округа, и др. Для устранения причин конфликтов, ускорения социально-экономического развития было предложено использовать конституционно-правовые процедуры в рамках процесса объединения субъектов. На референдумах за создание единого субъекта высказались 92,44% избирателей в Красноярском крае, 69,95% в Таймырском автономном округе, 79,87% в Эвенкийском автономном округе. Ключевые вопросы интеграции, статуса упраздняемых автономных округов, распределения бюджетных средств были отражены в соответствующем федеральном конституционном законе¹⁷.

циальный портал органов государственной власти. URL: [http://tyumen.gov.ru/ogv2013\[X\]/block/important/dogovor/more.htm?id=11562427@cmsArticle](http://tyumen.gov.ru/ogv2013[X]/block/important/dogovor/more.htm?id=11562427@cmsArticle) (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁵ Постановление Правительства Тюменской области от 30 декабря 2014 года № 705-П «Об утверждении государственной программы по реализации Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа «Сотрудничество». URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/finance/more_program.htm?id=1087@egTargetGrant (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁶ Заявление Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа «О нарушении Законодательным Собранием Красноярского края предусмотренной Конституцией Российской Федерации компетенции Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа» // Заполярная правда. 2002. № 30.

¹⁷ Федеральный конституционный закон от 14.10.2005 № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 42. Ст. 4212. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56027/ (дата обращения: 01.08.2022).

4) Применение мер федерального вмешательства. С 2021 г. перечень мер федерального вмешательства закреплён Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹⁸. Положения данного закона не только создают нормативную основу для применения мер федеральной интервенции для разрешения потенциального конфликта, но и в определённой мере играют профилактическую роль. Наличие довольно обширных возможностей вмешательства в совокупности с возможностью дискреционного усмотрения применяющего их субъекта заставляет корректировать поведение, учитывать возможные последствия, выступает своеобразной формой «стимулирующей профилактики». Приведём конкретный пример. Статья 29 в числе мер ответственности, применяемых к высшему должностному лицу субъекта, называет отрешение высшего должностного лица от должности президентом России. При этом отрешение от должности в связи с утратой доверия, по сути, зависит от воли президента, основания утраты никак не конкретизированы. Оставляя за рамками статьи дискуссию о негативных последствиях подобного изложения нормы, можно отметить потенциал данной меры в разрешении возможных конфликтов главы государства и главы субъекта: устранение одной из сторон — один из довольно распространённых способов разрешения. Ранее в связи с утратой доверия Президент досрочно прекратил исполнение полномочий глав двух субъектов, входящих в состав Арктической зоны (в 2006 г. в отставку был отправлен глава администрации НАО, в 2015 г. — глава Республики Коми).

5) Важную роль в профилактике и разрешении конфликтов, снижении социальной напряжённости играют механизмы «обратной связи» граждан и органов публичной власти. Приведём пример. Для разрешения конфликта между жителями Ленинского района Республики Саха (Якутия) и компанией «Сургутнефтегаз» по поводу ограничения использования автомобильной дороги были реализованы конституционное право на обращение, свободу выражения мнения, свободу печати. Граждане направили коллективное обращение к Уполномоченному по правам человека России, высшему должностному лицу субъекта. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека также направил обращение к главе субъекта¹⁹. В результате утверждения организационных мер на выездном совещании представителей органов публичной власти, граждан и компании конфликт был разрешён.

6) Для разрешения конфликта и устранения его причин важную роль может играть внесение изменений в Конституцию (Устав) субъекта, конституционно-правовые акты. В 2009 г. президент России на рабочей встрече призвал довести до логического завершения

¹⁸ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁹ Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.presidentsovet.ru/docs/requests_responses/obrashchenie_k_glave_yakutii_po_povodu_konflikta_zhiteley_lenskogo_rayona_i_surgutneftegaz_iz_zh_zh_avt/ (дата обращения: 23.08.2022).

процесс приведения законодательства субъектов в соответствие с Конституцией и федеральным законодательством. При этом ряд республик отказывался вносить изменения в свои конституции²⁰. В Совете Федерации была создана рабочая группа для обсуждения мер ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации за неисполнение решений Конституционного Суда России, а на сайте Суда размещена информация о неисполнении республиками Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) и Тува постановлений о недопустимости включения в конституции норм о суверенитете и гражданстве республик. В результате законодательный орган власти Республики Саха, Ил Түмөн, исключил положения о суверенитете, гражданстве и «народе республики как источнике власти», обеспечив единство правового пространства и устранив причину конфликтности.

Перечень способов можно дополнить, однако приведённых примеров достаточно для верификации гипотезы о необходимости развития и совершенствования системы способов разрешения конституционного конфликта на общегосударственном уровне и её дополнении, «адаптации», исходя из параметров конфликтности на уровне территориальных единиц и макрорегионов. Особые характеристики Арктической зоны как особого субъекта государственного управления, конгломерата различных по территориальным параметрам и уровню социально-экономического развития субъектов и муниципальных образований определяет необходимость применения всего спектра способов разрешения конфликтов от согласительных и координационных механизмов до мер государственного принуждения.

Управление конфликтом и его разрешение напрямую связаны с социально-экономическим развитием Арктической зоны: это необходимый элемент обеспечения безопасности и основа социально-экономического развития. От эффективности управления и конкретного варианта разрешения конфликта зависят социально-экономические затраты (так называемая «цена конфликта»). Например, если был упущен нужный момент, произошла милитаризация конфликта, возрастание экономических и политических издержек для управления им и разрешения неизбежно [22, Swanström N. L., Weissmann M.S., с. 15], при этом не менее важна и социальная составляющая — последствия конфликта для населения. Например, конфликт между представителями коренного малочисленного народа и промышленной компанией, осуществляющей природопользование, может привести к развитию сотрудничества, решению социально-экономических проблем или — при негативном развитии — к утрате традиционного хозяйствования со всеми вытекающими социальными, культурными, психологическими последствиями. Для обеспечения баланса экономических интересов добывающих компаний и местного населения до начала хозяйственной деятельности необходима разработка системы гарантий обеспечения рационального природопользования, компенсации негативных последствий. С учетом мнения населения должны реализовываться проекты, направленные на обеспечение социально-экономического развития региона

²⁰ Так, в Республике Саха (Якутия) был приведён довод о том, что суверенитет «в пределах ведения Республики Саха «не накладывает ограничений на суверенитет Российской Федерации».

и управление возникающими в результате хозяйственной деятельности рисками. Компенсационные проекты должны отбираться и реализовываться на основе принципа приоритетности [23, Новоселов А.Л., с. 84].

Высокая цена потенциальных конфликтов закономерно ставит вопрос о развитии системы мер их профилактики.

Профилактика конфликта: уровни и система мер

Во всех случаях речь должна идти не только об управлении, разрешении конфликтов, но и об их профилактике, без которой обеспечение баланса в социальной и правовой модели невозможно. В большинстве исследований по юридической конфликтологии термины профилактика и предупреждение конфликта рассматриваются как взаимозаменяемые²¹. В специальных юридических исследованиях профилактика рассматривается как сложный многоуровневый процесс, как «необходимая деятельность государственных органов, организаций, общественных объединений с применением определённых средств и методов, направленная на проведение профилактических мероприятий по предупреждению, предотвращению и пресечению конфликтного поведения в правовой сфере, выявлению и устранению конфликтогенных факторов, а также активному воздействию на лиц с устойчивой конфликтной антиобщественной, противоправной ориентацией в целях недопущения совершения ими деструктивных конфликтных действий» [24, Васягина М.М., с. 9]. Приведённое определение может быть существенно уточнено как по кругу указанных субъектов профилактики, так и по пониманию процесса²², однако оно отражает сущность и динамичный характер профилактики.

В ситуации стабильного (позитивного) мира уместны соответствующие долговременные структурные меры, направленные на решение общих проблемных вопросов, защищённость прав определённых социальных групп. К числу таких общих проблем можно отнести обеспечение экономического развития, политического участия, реализации отдельных групп прав и др. Подобные структурные меры представляют, по сути, раннюю профилактику конфликта, обладающую рядом преимуществ: на ранних этапах имеется достаточное время для необходимых институциональных реформ, больше возможностей для эффективной коммуникации и поиска путей и механизмов сотрудничества, более высокая готовность к взаимодействию для снижения существующих рисков и решения проблем.

²¹ В ряде случаев авторы подчёркивают некоторые смысловые оттенки понятий (например, профилактика определяется как совокупность мероприятий..., в то время как предупреждение как совокупность мер, направленных...), однако подчёркивается их взаимозаменяемость. Поскольку в центре внимания в данной работе находится обеспечение безопасности в Арктической зоне, проведение отдельного исследования по вопросам профилактики предупреждения выходит за рамки поставленных задач, термины будут рассматриваться как взаимодополняющие.

²² Так, нельзя согласиться с ограничением круга субъектов профилактики, а также исключительно негативными коннотациями конфликтного поведения («конфликтной антиобщественной противоправной ориентацией», «деструктивных конфликтных действий»).

В ситуации негативного мира на территории Арктической зоны более уместны меры непосредственной превенции, направленные на решение конкретных проблем, повышающих риски начала конфликта и усиливающих напряжённость, дестабилизирующих ситуацию. Такие меры являются краткосрочными, соответственно, сужается и окно возможностей для сторон, сокращаются сроки для принятия необходимых мер, которые могут включать переговоры и согласование плана действий для решения конкретной проблемы, налаживание коммуникации в конкретных сферах (проведение специального расследования, проведение консультаций и др.)²³.

В контексте нашего исследования меры, стимулирующие социально-экономическое развитие Арктической зоны, относятся к общесоциальному уровню профилактики конфликта. Именно на общесоциальном уровне начинается структурная долговременная профилактика.

Прямая корреляция социально-экономического развития и стабильности в полной мере подтверждается эмпирическими данными: если существующие тренды развития экономики и нестабильности сохранятся, две трети людей, живущих в условиях бедности, будут проживать в нестабильных государствах, страдающих от конфликтов. Слабое экономическое развитие, в свою очередь, затрудняет производство и поиск ресурсов для долгосрочного инвестирования в человеческий капитал, позволяющего снизить социальную напряжённость и прервать конфликтный цикл [25, Corral P., Irvin A., с. 67]. Подобная корреляция также свидетельствует о том, что существующие в Арктической зоне Российской Федерации проблемы социально-экономического развития и сохранения человеческого капитала напрямую свидетельствуют о необходимости общесоциальной профилактики конфликтов.

Помимо общесоциальной следует уделить внимание специально-правовым уровням предупреждения и дополнить предлагаемый в имеющихся исследованиях перечень универсальной (международной) профилактики. На международном уровне формируются и закрепляются базовые универсальные определения, нормы и принципы предупреждения конфликтов. Становление и развитие культуры мира, профилактика и разрешение конфликтов тесно связаны со следующими социально-экономическими мерами: искоренение нищеты и уменьшение неравенства, поощрение устойчивого социального и экономического развития, ликвидация всех форм дискриминации, продвижение идеалов взаимопонимания, терпимости и солидарности, вовлечение гражданского общества в обеспечение мира, привлечение детей к участию в мероприятиях, прививающих ценностные установки и идеалы мира, обеспечение устойчивой продовольственной безопасности, стимулирование в постконфликтных ситуациях процессов восстановления, примирения и реинтеграции, обеспечение экологической устойчивости. Мы видим, что изложенные в резолюции меры актуальны

²³ Разделение мер профилактики на структурные и непосредственные в научной литературе чаще всего раскрывается на примере международных конфликтов, однако вполне может быть экстраполировано и на конфликты внутригосударственные.

и для настоящей правовой модели и могут быть положены в основу обеспечения безопасности Арктической зоны.

На международном уровне развивается и собственная правовая и институциональная основа разрешения конфликтов. Можно дать следующую краткую характеристику сложившегося международного механизма профилактики:

1. Генеральный Секретарь и Совет играют ведущую роль в определении угроз миру и безопасности, рекомендуют методы и условия урегулирования. Главы с V–VIII Устава Организации Объединённых Наций непосредственно посвящены вопросам поддержания международного мира и безопасности, регламентации возможностей субъектов профилактики, в том числе в рамках региональных соглашений²⁴. На базе Совета по правам человека ООН действует экспертный механизм по правам коренных народов. Арктика является одним из семи социально-культурных регионов, в которых оказывается информационная, консультативная и иная поддержка²⁵.

2. Региональные организации (например, Арктический совет, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и др.) могут организовывать работу долгосрочных миссий в проблемных районах, вести более сложную работу в сфере структурных причин конфликтов (проблемы реализации прав, развитие гражданского общества и т. д.). Основным субъектом организации сотрудничества и профилактики конфликтности в Арктике является Арктический совет, обладающий статусом международной межправительственной организации. До 2022 г. базе Арктического Совета осуществлялась координация политики государств, оценка экологических и военно-политических рисков, а Арктика характеризовалась в научных работах как территория мира и стабильности [26, Журавель В.П., с. 230]. 3 марта 2022 г. арктические государства, кроме России, отказались принимать участие в заседаниях Совета в качестве протеста против проведения специальной военной операции, в июне Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия и Швеция заявили об ограниченном участии в работе организации (предполагается реализация проектов без участия Российской Федерации). Подобное решение подтверждает гипотезу о том, что для Арктики в настоящее время характерна ситуация «негативного» мира. Принятое решение является конфликтогеном, противоречит нормам права и объективной заинтересованности всех арктических стран в многостороннем сотрудничестве. Поскольку устойчивое развитие Арктики требует координации государственной политики, данное решение является временным.

3. Создание международных контактных групп для предотвращения или разрешения конфликта может быть обусловлено геополитическими причинами, либо «ценой конфликта» для соответствующих государств (экономические, политические, социальные и иные издержки), преимуществом таких групп является меньшее количество участников, что потен-

²⁴ Устав ООН. Организация Объединённых наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.08.2022).

²⁵ Резолюция, принятая Советом по правам человека 30 сентября 2016 года «Экспертный механизм по правам коренных народов». URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/7499431.37168884.html> (дата обращения: 11.10.2022).

циально упрощает процессы урегулирования, однако вызывает вопросы по поводу легитимности принимаемых решений. Так, в 2022 г. в рамках Циркумполярного совета инуитов представители России, США, Канады и Дании обсудили геополитические причины конфликтности, проблему арктической поляризации и дискриминации.

4. Переходным, зачастую «посредническим», звеном между национальным и международным уровнем можно назвать некоммерческие организации. Они могут эффективно выявлять причины и оценивать потенциальные риски конфликта, поскольку близко знакомы с реальной ситуацией на месте, оказывать необходимую социальную и гуманитарную помощь нуждающимся, участвовать в восстановлении коммуникации и доверия между гражданами и государством, распространять информацию о конфликте. Так значимую роль в обеспечении «обратной связи» и представительстве интересов коренного населения играют Арктический совет атабасков, Международный совет гвичинов, Циркумполярный совет инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, российская Ассоциация коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Одна из глобальных целей устойчивого развития связана с развитием мирного и инклюзивного общества, обеспечением доступа к правосудию для всех и созданием эффективных, инклюзивных и подотчётных институтов на всех уровнях (цель 16). Именно в контексте данной цели наиболее отчётливо проявляется взаимосвязь международной и общеправовой профилактики конфликтов. В рамках и с учётом особенностей национального правового поля должны решаться задачи сокращения всех проявлений жестокости и насилия, обеспечения верховенства права, инклюзивного, представительного участия граждан в принятии решений на всех уровнях, противодействия коррупции во всех её проявлениях, обеспечения доступа к информации и защите прав для всех и др.²⁶

К общеправовой профилактике конфликтов на внутригосударственном уровне будет напрямую относиться нормативное обеспечение, построение институциональной системы органов и должностных лиц, к компетенции которых относится обеспечение безопасности и профилактика конфликта, правовое воспитание, повышение правовой культуры, укрепление правопорядка и др. Результаты профилактической деятельности также находят отражение в социально-экономической сфере в виде экономической стабильности, конструктивного взаимодействия социальных групп и др.

Перечень мер общеправовой профилактики можно дополнить профилактической беседой, объявлением официального предостережения о недопустимости конфликтного либо иного антиобщественного поведения, прогнозированием эффективности проектируемых актов и повышением их сбалансированности в системе права, помощью людям, коллективам, организациям, пострадавшим от конфликтной юридической деятельности [27, Кар-

²⁶ Goal 16. Peace, justice and strong institutions. United Nations development program. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals#peace-justice-and-strong-institutions> (дата обращения: 18.08.2022).

ташов В.Н., с. 42–43]. Множественность факторов, составляющих систему общеправовой профилактики конфликта, характеризует в данном случае комплексность категории «гражданский мир и согласие»: нельзя говорить лишь о наличии мира или его отсутствии, необходимо оценивать его качество, а соответственно, и эффективность профилактики конфликта по целому ряду параметров.

К специализированному уровню можно отнести меры по предотвращению конституционного конфликта. Конституционная конфликтология призвана играть значимую роль в обеспечении безопасности: когда объектом конфликта являются конституционные ценности²⁷, а последствия являются публичными и масштабными, роль и необходимость превенции несомненны. И.А. Третьяк разработала концепцию конституционно-конфликтной диагностики как исследовательского метода конституционной конфликтологии: «это система мер, направленных на выявление рисков наступления конституционно-правовых конфликтов, конфликтогенов, их мониторинг с целью эффективного предупреждения конституционно-правовых конфликтов». В данную систему включаются идентификация и оценка рисков, мониторинг конфликтов, конфликтогенов и рисков, прогнозирование возникновения и развития конфликтов, мероприятия по снижению уровня риска возникновения конфликта, документальное фиксирование и отчетность. В качестве правовых мер предупреждения конфликта учёный рассматривает конституционно-правовое принуждение, систему сдержек и противовесов, механизмы координации [28, Третьяк И.А.]. Можно в полной мере согласиться с обоснованными предложениями автора как в части развития научных подходов к диагностике и прогнозированию конституционных конфликтов, так и в части предложений о развитии системы правовых мер предупреждения.

Перечень механизмов координации является вариативным и может быть дополнен при возникновении соответствующей государственно-правовой потребности, общественного запроса. В качестве примера успешного сотрудничества и координации можно привести деятельность Совета законодателей Тюменской области, Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: посредством договорных и согласительных процедур развивается сотрудничество и профилактика конфликтов различных уровней. Формами координационных мероприятий являются совместные заседания депутатов органов власти субъектов, принятие протоколов согласия, обмен опытом и координация реализации и проектов на территории субъектов²⁸.

Необходимо отметить роль общественного контроля в снижении уровня конфликтности, информировании граждан о проводимой государственной политике и принимаемых

²⁷ В качестве ценностей, становящихся объектом конфликта, могут выступать реализация конституционных прав и свобод граждан, суверенитет и территориальная целостность, распределение полномочий в системе публичной власти, что характеризует значимость данного уровня профилактики для безопасности Арктической зоны России.

²⁸ О Плане работы Совета Законодателей Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа на 2022 год. Законодательное Собрание ЯНАО. URL: <https://zs.yanao.ru/documents/active/139833/> (дата обращения: 22.08.2022).

решениях, повышении уровня доверия граждан к государству, обеспечении реализации права граждан на участие в управлении делами государства.

Реализация так называемого комплексного «права на несогласие» также играет значимую роль в обеспечении стабильного государственного развития (формами реализации данного права выступают, например, проведение публичных мероприятий, использование возможностей парламентской оппозиции и др.) [29, Салихов Д.Р.; 30, Тетерин А.В.]. С учётом обширного спектра социально-экономических проблем, негативного антропогенного воздействия на окружающую среду в Арктике, разрушения традиционной среды проживания населения возрастает роль механизмов выражения мнения граждан (в том числе протестного). Ярким примером являются публичные мероприятия, посредством которых граждане Архангельской области выразили несогласие с решением о строительстве в Ленском районе, вблизи железнодорожной станции Шиес, полигона для складирования твёрдых бытовых и промышленных отходов, вывозимых из г. Москвы (2018–2021 гг.). Граждане стремились публично выразить несогласие и защитить своё право на благоприятную окружающую среду. В результате широкого общественного резонанса массовые протестные мероприятия прошли не только в Архангельской области, но и на территории иных субъектов. Президент Российской Федерации поручил высшим должностным лицам г. Москвы и Архангельской области учесть мнение граждан при решении вопроса, а Арбитражный суд Архангельской области в 2020 г. удовлетворил иск о признании капитальных построек, возведённых оператором полигона, незаконными и подлежащими сносу. Постановлениями апелляционной и кассационной инстанций решение было оставлено без изменения ²⁹.

Наконец, завершающим «низовым» уровнем профилактики является индивидуальный. Об индивидуальной профилактике мы говорим в случае принятия мер для предупреждения отдельного правового конфликта на территории Арктической зоны. Термин «индивидуальная профилактика» может рассматриваться и с иных позиций: возможен анализ стратегии поведения отдельной личности в конфликте, психологических и поведенческих особенностей конфликтных лиц (например, анализ поведения, которое привело к возникновению трудового спора в организации), необходимых воспитательных мер, применяемых к конкретному лицу, составление виктимологической характеристики гражданина. Ещё одной важной формой выступает «самопрофилактика» конфликта, выражающаяся в повышении уровня знаний и правовой культуры, самоконтроле и самокритике в ситуации конфликта и др. Стоит согласиться и с выводами автора о том, что самопрофилактика личности во многом зависит от атмосферы в обществе: «цивилизованное общество со своей культурой, традициями, менталитетом, нравственностью...позитивно воздействует на личность и её сознание» ³⁰. В

²⁹ Арбитражный суд Северо-западного округа. Постановление по делу № А05-2324/2019 от 04 февраля 2021 г. URL: <http://fasszo.arbitr.ru/cases/ccase?nd=839668582> (дата обращения: 23.08.2022).

³⁰ Индивидуальный уровень профилактики будет интересовать нас в этом исследовании в меньшей степени, поскольку тема роли и поведения личности в конфликте, безусловно, научно значима, но менее соотносима с правовой моделью, а общеправовые факторы неспецифичны в пределах Арктической зоны.

графическом виде многоуровневый процесс профилактики конституционного конфликта может быть представлен следующим образом:

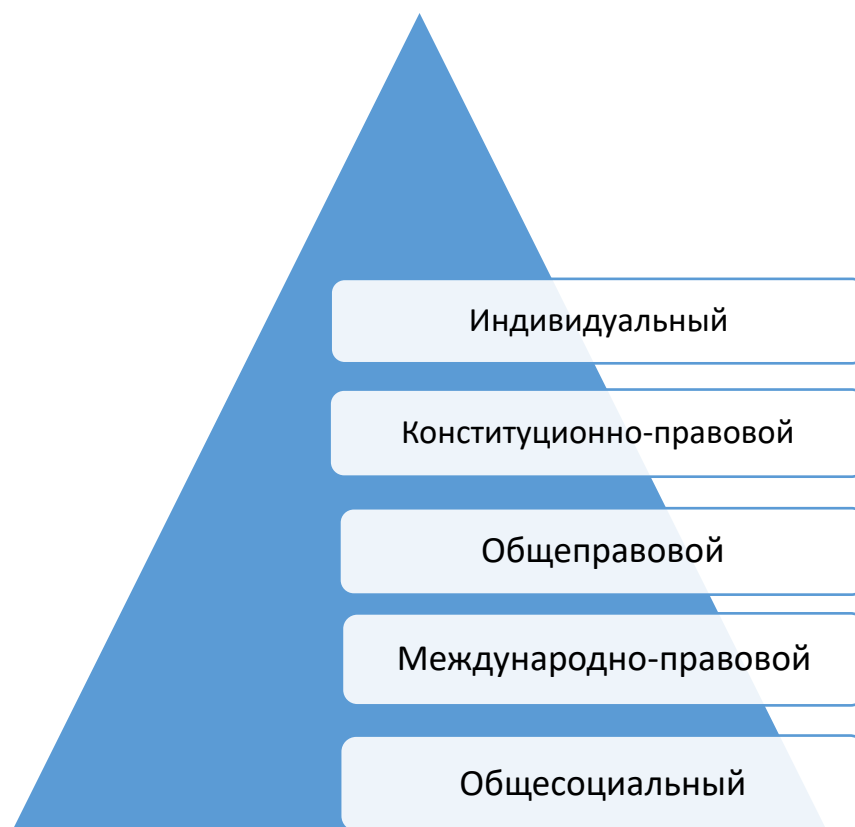

Рис. 2. Уровни профилактики конфликта.

Решение комплексной задачи обеспечения безопасности и профилактики конфликтов на территории Арктической зоны требует интеграции научного знания для решения проблемных вопросов на всех уровнях:

- необходимо обеспечение социально-экономического развития и качества жизни населения;
- развитие механизмов гарантирования права на мир и безопасность, воспитание культуры мира, взаимная ответственность государства, общества и личности в сфере миростроительства;
- повышение качества нормативного обеспечения, правовой культуры, эффективности институциональной системы органов и должностных лиц, к компетенции которых относятся обеспечение безопасности и профилактика конфликта;
- совершенствование конституционно-правовых средств сотрудничества и координации в системе публичной власти, механизмов «обратной связи» общества и государства, развитие института общественного контроля и обеспечение комплексного права на несогласие;
- повышение уровня информированности о стратегиях поведения в конфликтной ситуации, развитие образовательных программ в области юридической конфликтологии, обмен опытом, лучшими практиками.

Заключение

Обеспечение стабильного развития, мира и гражданского согласия на территории Арктической зоны России возможно при условии эффективного и своевременного разрешения и предупреждения конфликтов в рамках единой правовой модели. Именно моделирование как метод исследования, отражения и преобразования существующих отношений позволяет продемонстрировать взаимосвязь и взаимозависимость социально-экономического развития и обеспечения стабильного мира. Развитие в единстве трёх составляющих — социальной, экономической и экологической — создаёт условия для обеспечения безопасности, снижения уровня конфликтности общественных отношений.

Правовая модель обеспечения социально-экономического развития, профилактики и разрешения конфликтов на территории Арктической зоны должна быть построена с учётом следующих основных положений:

1. Конфликт играет двойственную роль в развитии Арктики: с одной стороны, каждый конфликт имеет определённую «цену» (затраты, негативные последствия и др.), с другой — выполняет ряд положительных функций, стимулирует развитие, интеграцию и эффективную коммуникацию при условии управления и своевременного разрешения.

2. С позиций юридической конфликтологии и социологии права можно вести речь не только о базовых регулятивной и охранительной функциях права, на первый план в сфере регламентации профилактики и разрешения конфликтов выходят стимулирующая, интегративная и примирительная функции. Помимо формальных процедур право закрепляет возможность применения различных альтернативных механизмов разрешения конфликтов («обращение к третьей стороне», медиация, создание специальных согласительных органов и др.).

3. Конституционная конфликтология как «молодой» и активно развивающийся раздел науки конституционного права призвана внести весомый вклад в изучение конфликтности на территории Арктической зоны. Необходимость исследования конституционного конфликта как вида взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений, в основе которого лежит противоречие сторон по поводу конституционной ценности (ценностей), обусловлена как масштабностью его последствий, так и слабой изученностью причин, механизмов его профилактики и разрешения на уровне отдельных субъектов, макрорегионов России. Конституционный конфликт на территории Арктической зоны характеризуется особым субъектным составом, потенциальным объектом, видами конфликтогенов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что наиболее часто объектом конфликта в Арктической зоне становится реализация социально-экономических прав и их гарантирование.

4. К завершению конфликта приводит процесс управления, предполагающий стремление контролировать динамику, определять применяемые механизмы и желаемые результаты, соответствующие действия с целью ограничивать, смягчать, сдерживать конфликт. Разрешение конфликта как результат изменения характера взаимодействия сторон, ситуации,

устранения причин конфликта предполагает наличие системы взаимодополняющих способов. Проведённое исследование позволило продемонстрировать значимость совершенствования системы способов разрешения конституционных конфликтов, возникающих на территории Арктической зоны с учётом их субъектного состава и особенностей развития.

5. Профилактика конфликта позволяет уменьшить количество возникающих конфликтов и масштаб негативных последствий, стимулирует решение проблем. При этом можно говорить о двух базовых видах профилактики: структурной долговременной профилактике в ситуации стабильного мира; непосредственной превенции, направленной на решение конкретных проблем, повышающих риски начала конфликта и усиливающих напряжённость, дестабилизирующих ситуацию. Именно в рамках структурной профилактики создаются общие условия и предпосылки снижения уровня конфликтности в макрорегионе, в числе таких условий социально-экономическое развитие, воспитание культуры мира, повышение уровня правосознания граждан и др. С учётом особенностей Арктической зоны должна выстраиваться и система мер непосредственной превенции. Системность как характеристика процесса профилактики конституционного конфликта находит отражение в наличии взаимодополняющих уровней, для каждого из которых характерен свой перечень способов и механизмов превенции. К ним следует отнести общесоциальную профилактику и специально-правовые уровни (международно-правовой, общеправовой, конституционно-правовой и индивидуальный).

Развитие конституционной конфликтологии, отражение в тексте Конституции России в 2020 г. ценностей гражданского мира и согласия, проведение специальных исследований конфликтности определяют разработку новых подходов и повышение роли конституционного права не только в определении основных ценностей, приоритетов, но и механизмов стабильного развития Арктической зоны Российской Федерации.

Список источников

1. Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. Монография. Архангельск, 2019. 241 с.
2. Raikov Yu.A. Russia and the United States in the Arctic: from competition to confrontation // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Pp. 148–154. DOI: 10.1134/S101933162208010X
3. Xhelilaj E., Lapa K. Territorial Claims in North Polar Maritime Zone in View of International Security // Transactions on Maritime Science. 2021. Vol. 11. No. 1. Pp. 278–285. DOI: 10.7225/toms.v11.n01.021
4. Crawford B.K. Explaining Arctic peace: a human heritage perspective // International Relations. 2021. Vol. 35. No. 3. Pp. 469–488. DOI: 10.1177/00471178211036782
5. Gricius G. Conceptualising the Arctic as a zone of conflict // Central European Journal of International and Security Studies. 2021. Vol. 15. No. 4. Pp. 4–30. DOI: 10.51870/CEJISS.A150401
6. Храмчихин А.А. Военно-политическая ситуация в Арктике // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 36–50.
7. De Paramo J.R. Democracia, preferencias y negociación: el foro y el Mercado // Cuadernos electrónicos de filosofía del derecho. 1999. No. 2. Pp. 1–20.
8. Бюрно К.С. Вопросы безопасности в морских пространствах Арктического региона // Научная мысль. 2022. № 1. С. 82–87.

9. Raikov Yu.A. Russia and the United States in the Arctic: from Competition to Confrontation // Herald of the Russian Academy of sciences. 2022. No. 92. Pp. 148–154. DOI: 10.1134/S101933162208010X
10. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политической свободы. Москва: РОССПЭН, 2002. 288 с.
11. Redota J. Entender el conflicto La forma como herramienta. Madrid: Paidós, 2007. 35 p.
12. Mitchell C.R. Intractable conflicts: keys to treatment. Gernika. Centro de Investigación, 1997. 24 p.
13. Martínez J. Curso de teoría del derecho. Universidad de La Rioja, 2013. 225 p.
14. Santos I.M. La Responsabilidad del Conciliador en la solución del conflicto. Barranquilla, Ediciones Uninorte — Ibañez, 2019. 122 p.
15. Santos I.M. Conflicto, derecho y mecanismos alternativos // Revista Ius et Praxis. 2022. No. 1. Pp. 236–253. DOI: 10.4067/S0718-00122022000100236
16. Levinson S., Balkin J. Constitutional crises // University of Pennsylvania law review. 2009. No. 3. Pp. 707–753.
17. Тетерин А.В. Конституционно-правовой конфликт: теоретические проблемы и пути преодоления: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва, 2018. 266 с.
18. Третьяк И.А. Конституционная конфликтология: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Омск, 2022. 391 с.
19. Best S.G. Introduction to peace and conflict studies in West Africa: a reader. Ibadan, Nigeria: Spectrum Books, 2006. 349 p.
20. Tanner F. Conflict prevention and conflict resolution: limits of multilateralism // International Review of the Red Cross. 2000. No. 839. Pp. 541–559.
21. Mahendra M.D. Confidence-building measures in the potential conflict management of the Arctic region // Journal of Diplomacy and Security Studies. 2022. No. 1. Pp. 1–17. DOI: 10.31315/jsdk.v14i1.5050
22. Swanström N.L., Weissmann M.S. Conflict, conflict prevention, conflict management and beyond: a conceptual exploration. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. Upsala, 2005. 32 p.
23. Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю., Желтенков А.В. Механизм предотвращения конфликтов при освоении регионов Арктической зоны России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Экономика. 2022. № 2. С. 82–94. DOI: 10.18384/2310-6646-2022-2-82-94
24. Васягина М.М. Профилактика юридического конфликта как многоуровневый процесс: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2006. 30 с.
25. Corral P., Irvin A., Krishnan N., Mahler D.G. Fragility and conflict: on the front lines of the fight against poverty // International Bank for Reconstruction and Development. 2020. 115 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1540-9
26. Журавель В.П. Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования) // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 220–233. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.220
27. Карташов В.Н. Технология предупреждения деструктивных юридических конфликтов // Вестник Ярославского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 38–43.
28. Третьяк И.А. Конституционная конфликтология. Монография. Москва: Проспект, 2021. 208 с.
29. Салихов Д.Р. Конституционно-правовое регулирование протестных отношений в Российской Федерации: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва, 2017. 198 с.
30. Тетерин А.В. Контрдемонстрация: право граждан или угроза безопасности? // Закон и право. 2016. № 2. С. 56–60.

References

1. Lukin Yu.F. *Mnogolikaya Arktika v potoke vremeni i smyslov* [The Many Faces of the Arctic in the Flow of Time and Meanings]. Arkhangelsk, 2019, 241 p.
2. Raikov Yu.A. Russia and the United States in the Arctic: From Competition to Confrontation. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 92, pp. 148–154. DOI: 10.1134/S101933162208010X
3. Xhelilaj E., Lapa K. Territorial Claims in North Polar Maritime Zone in View of International Security. *Transactions on Maritime Science*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 278–285. DOI: 10.7225/toms.v11.n01.021
4. Crawford B.K. Explaining Arctic Peace: A Human Heritage Perspective. *International Relations*, 2021, vol. 35, no. 3, pp. 469–488. DOI: 10.1177/00471178211036782
5. Gricius G. Conceptualising the Arctic as a Zone of Conflict. *Central European Journal of International and Security Studies*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 4–30. DOI: 10.51870/CEJISS.A150401
6. Khrumchikhin A. Military-Political Situation in Arctic Regions and the Scenario of Possible Conflicts. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2011, no. 2, pp. 33–46.
7. De Paramo J.R. Democracia, preferencias y negociación: el foro y el Mercado. *Cuadernos electrónicos de filosofía del derecho*, 1999, no. 2, pp. 1–20.
8. Byurno K.S. Voprosy bezopasnosti v morskikh prostranstvakh Arkticheskogo regiona [Arctic Region Seaspaces Security Issues]. *Nauchnaya mysl'* [Scientific Thought], 2022, no. 1, pp. 82–87.
9. Raikov Yu.A. Russia and the United States in the Arctic: From Competition to Confrontation. *Herald of the Russian Academy of sciences*, 2022, no. 92, pp. 148–154. DOI: 10.1134/S101933162208010X
10. Dahrendorf R. *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherki politicheskoy svobody* [Modern Social Conflict. Essays on Political Freedom]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, 288 p. (In Russ.)
11. Redota J. *Entender el conflicto La forma como herramienta*. Madrid, Paidós, 2007, 35 p.
12. Mitchell C.R. *Intractable Conflicts: Keys to Treatment*. Gernika, Centro de Investigación, 1997, 24 p.
13. Martínez J. *Curso de teoría del derecho*. Universidad de La Rioja, 2013, 225 p.
14. Santos I.M. *La Responsabilidad del Conciliador en la solución del conflicto*. Barranquilla, Ediciones Uninorte — Ibañez, 2019, 122 p.
15. Santos I.M. Conflicto, derecho y mecanismos alternativos. *Revista Ius et Praxis*, 2022, no. 1, pp. 236–253. DOI: 10.4067/S0718-00122022000100236
16. Levinson S., Balkin J. Constitutional Crises. *University of Pennsylvania Law Review*, 2009, no. 3, pp. 707–753.
17. Teterev A.V. *Konstitutsionno-pravovoy konflikt: teoreticheskie problemy i puti preodoleniya: dis. kand. yur. nauk* [Constitutional-Legal Conflict: Theoretical Problems and Ways of Overcoming: Cand. Jur. Sci. Diss.]. Moscow, 2018, 266 p. (In Russ.)
18. Tretyak I.A. *Konstitutsionnaya konfliktologiya: dis. kand. yur. nauk* [Constitutional Conflictology: Cand. Jur. Sci. Diss.]. Omsk, 2022, 391 p. (In Russ.)
19. Best S.G. *Introduction to Peace and Conflict Studies in West Africa: A Reader*. Ibadan, Nigeria, Spectrum Books, 2006, 349 p.
20. Tanner F. Conflict Prevention and Conflict Resolution: Limits of Multilateralism. *International Review of the Red Cross*, 2000, no. 839, pp. 541–559.
21. Mahendra M.D. Confidence-Building Measures in the Potential Conflict Management of the Arctic Region. *Journal of Diplomacy and Security Studies*, 2022, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.31315/jsdk.v14i1.5050
22. Swanström N.L., Weissmann M.S. *Conflict, Conflict Prevention and Conflict Management and Beyond: A Conceptual Exploration*. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, Uppsala, 2005, 32 p.
23. Novoselov A.L., Novoselova I.Yu., Zheltenkov A.V. Mekhanizm predotvrashcheniya konfliktov pri osvoenii regionov Arkticheskoy zony Rossii [Mechanism of Conflict Prevention in Developing Arctic Regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics], 2022, no. 2, pp. 82–94. DOI: 10.18384/2310-6646-2022-2-82-94
24. Vasyagina M.M. *Profilaktika yuridicheskogo konflikta kak mnogourovnevnyy protsess: avtoref. dis. kand. yur. nauk* [Prevention of Legal Conflict as a Multilevel Process: Cand. Jur. Sci. Diss. Abs.]. Nizhny Novgorod, 2006, 30 p. (In Russ.)

25. Corral P., Irvin A. *Fragility and Conflict: On the Front Lines of the Fight against Poverty*. International Bank for Reconstruction and Development, 2020, 115 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1540-9
26. Zhuravel V.P. The Arctic Council: Main Development Milestones (To the Twenty-Fifth Anniversary of the Council's Founding). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 46, pp. 220–233. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.220
27. Kartashov V.N. Tekhnologiya preduprezhdeniya destruktivnykh yuridicheskikh konfliktov [Technology for Preventing Destructive Attacks Legal Conflicts]. *Vestnik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta Im. P. G. Demidova. Ser.: Gumanitarnye Nauki*, 2020, no. 4, pp. 38–43.
28. Tretyak I.A. *Konstitutsionnaya konfliktologiya* [Constitutional Conflictology]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 208 p. (In Russ.)
29. Salikhov D.R. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie protestnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii: dis. kand. yur. nauk* [Constitutional and Legal Regulation of Protest Relations in the Russian Federation: Cand. Jur. Sci. Diss.]. Moscow, 2017, 198 p. (In Russ.)
30. Teterin A.V. Kontrdemonstratsiya: pravo grazhdan ili ugroza bezopasnosti? [Counter Demonstration: The Right of Citizens or a Threat to Security?]. *Zakon i pravo* [Law and Legislation], 2016, no. 2, pp. 56–60.

*Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 23.10.2022;
принята к публикации 24.10.2022.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 154–174.

Научная статья

УДК [330.341.1:004.77](985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.154

Особенности цифровизации пространства арктических регионов России

Куратова Любовь Александровна^{1, 2✉}, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент

¹ Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Россия

² Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, пр. Октябрьский, 55, Сыктывкар, 167001, Россия

^{1, 2} lyubov_kuratova@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8450-078X>

Аннотация. Цифровое пространство позволяет связывать людей без учёта физического пространства, делает доступными множество социальных услуг, что особенно актуально для арктических территорий. Целью исследования являлся анализ особенностей цифрового пространства арктических регионов России. Задачи исследования: построение базы данных рядов переменных в разрезе арктических регионов России за период 2014–2020 гг., ретроспективный анализ динамики их цифровизации, ранжирование арктических регионов России по уровню цифровизации на основе построения интегрального индекса. Объектом исследования являются девять арктических регионов России. По результатам исследования даны рекомендации по дальнейшей цифровизации пространства арктических регионов. Научная новизна исследования определяется применением индексного метода ранжирования арктических регионов России по уровню цифровизации за период 2014–2020 гг. по четырём субиндексам: деятельность домохозяйств, населения, органов власти, организаций, что позволило проследить динамику показателей, оценить эффективность мероприятий по развитию цифрового пространства регионов. Методика позволяет проводить расчёты по общедоступным статистическим данным и может быть использована для территорий различного уровня при проведении процедур ретроспективного анализа, стратегического прогнозирования. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут оказаться востребованными при оценке результативности цифровизации в ходе разработки стратегий и программ цифровизации пространства регионов. Перспективность дальнейших исследований определяется более глубоким анализом степени влияния переменных на уровень цифровизации регионов и формированием предложений и рекомендаций по адаптации процессов цифровизации с учётом современной международной ситуации.

Ключевые слова: индекс цифровизации, информационно-коммуникационные технологии, цифровое неравенство, арктические регионы

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по теме «Факторы формирования эффективного пространства социального развития северного региона» (№ государственного

* © Куратова Л.А., 2023

Для цитирования: Куратова Л.А. Особенности цифровизации пространства арктических регионов России // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 154–174. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.154

For citation: Kuratova L.A. Features of Digitalization of the Arctic Regions of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 154–174. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.154

учёта 122011300376-8).

Features of Digitalization of the Arctic Regions of Russia

Lyubov A. Kuratova^{1, 2}✉, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Associate Professor

¹ Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, 167982, Russia

² Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, pr. Oktyabrskiy, 55, Syktyvkar, 167001, Russia

^{1, 2} lyubov_kuratova@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8450-078X>

Abstract. Digital space allows connecting people without regard to physical space and makes many social services available, which is especially relevant for the Arctic territories. The aim of the study is to analyze the features of the digital space of the Russian Arctic regions. Research objectives: building a database of series of variables in the context of the Russian Arctic regions for the period 2014–2020, making a retrospective analysis of the dynamics of their digitalization, ranking the Russian Arctic regions by the level of digitalization based on the construction of an integral index. The objects of the study are nine Arctic regions of Russia. The results of the study provide recommendations for further digitalization of the Arctic regions. The scientific novelty of the study is determined by the application of the index method for ranking the Russian Arctic regions by the level of digitalization for the period 2014–2020 according to four sub-indices: activities of households, population, authorities, organizations, which made it possible to trace the dynamics of indicators, evaluate the effectiveness of measures to develop the digital space of the regions. The methodology makes it possible to carry out calculations based on publicly available statistical data and can be used for territories of various levels when conducting retrospective analysis and strategic forecasting procedures. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained may be in demand when assessing the effectiveness of digitalization in the course of developing strategies and programs for digitalization of the regional space. The prospects for further research are determined by a deeper analysis of the degree of influence of variables on the level of digitalization of regions and the formation of proposals and recommendations for adapting digitalization processes, taking into account the current international situation.

Keywords: digitalization index, information and communication technologies, digital divide, Arctic region

Введение

Цифровое пространство связывает людей без учёта физической географии и представляет собой совокупность всей информации в цифровом виде [1, Killan A.; 2, Kukul T., Coşkun E.A., с. 951–959]. Но ограничения доступа к современным средствам коммуникации у различных социальных групп приводят к цифровому неравенству или цифровому барьеру. Киберпространство даёт возможность распространять сообщения и контент [3, Castells M.], при этом культура, основанная на цифровой обработке информации, может создать разрыв между теми поколениями, которые родились до внедрения Интернета и теми, которые выросли в цифровой среде [4, Кастельс М., с. 8].

Стоит отметить, что под цифровизацией понимают как применение цифровых технологий в бизнесе для получения дохода¹, так и способ реструктуризации многих областей социальной жизни, связанных с цифровыми коммуникациями и медиа-инфраструктурами². Безопасная, устойчивая цифровая инфраструктура с возможностью

¹ Gartner Glossary. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digitalization> (дата обращения: 11.06.2022).

² Brennen S., Kreiss D. Digitalization and Digitization. URL: <https://culturedigitally.org/2014/09/digitalization-and-digitization/>

подключения к телекоммуникационным сетям относится к одному из основных компонентов цифровизации³. Диффузия информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) является основным двигателем цифровизации [5, Heeks R., с. 16–33]. При интенсивном применении ИКТ происходит усовершенствование существующих видов экономической деятельности, а при экстенсивном — расширяются виды экономической деятельности [6, Bukht R., Heeks R., с. 143–172]. Информационно-коммуникационная инфраструктура необходима для создания, распространения, поиска, сохранения информации и знаний в обществе [7, Hardy A., с. 278–286; 8, Stanley T.D., Doucouliagos C., Steel P., с. 705–726; 9, Hanseth O., с. 122–156; 10, Pironti J.P., с. 1–5]. Внедрение ИКТ неразрывно связано с эффективным социально-экономическим развитием территории [11, Thapa D., Sæbø Ø., с. 1–15; 12, Palviaa P., Baqir N., Nemati H., с. 160–176], ростом производительности [13, Liao H., Wang B., Li B., Weyman-Jones T., с. 10–25], повышением ВВП [14, Moulton B.R., с. 34–48], созданием институциональной инфраструктуры, социальной справедливостью, поддержкой экономической активности [15, Walsham G., с. 18–41].

Цифровая экономика невозможна без инвестиций в информационную инфраструктуру, включая ИТ-оборудование, оптоволоконные линии, беспроводные и локальные сети, программное обеспечение [16, Haltiwanger J., Jarmin R.S., с. 13–33]. В 2022 г. был подписан Указ Президента РФ⁴ о мерах по ускоренному развитию IT-отрасли в России.

При этом, согласно ряду Указов Президента РФ⁵, низкий уровень развития информационной инфраструктуры территорий АЗРФ признан одной из основных угроз национальной безопасности, а её совершенствование является одной из первоочередных задач. Поэтому исследования, посвящённые цифровизации регионов АЗРФ, являются актуальными.

Методика исследования

Исследователи предпринимают попытки проранжировать регионы и страны по уровню цифровизации с помощью интегральных индексов, используя такие показатели, как: человеческий потенциал региона и степень использования внешних условий в организациях [17, Козлов А.В., Тесля А.Б., Иващенко А.А., с. 21–31], материальные показатели и показатели, характеризующие информационно-коммуникационную подсистему [18, Козлов

digitization (дата обращения: 11.06.2022).

³ Tholons Global Innovation Index. URL: https://www.tholons.com/_files/ugd/f2ce04_aae668d076c549849bca99acc08cd82d.pdf (дата обращения: 11.06.2022).

⁴ О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 года № 83. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203020001> (дата обращения: 28.05.2022).

⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 года № 164. URL: <https://base.garant.ru/73706526/> (дата обращения: 28.05.2022); О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 года № 645. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 28.05.2022).

А.В.; 19, Козлов А.В., с. 106–117], использование организациями широкополосного доступа (далее ШПД) в Интернет, облачных сервисов, специальных программных средств и электронного обмена данными [20, Садырtdинов Р.Р., с. 230–235], показатели внешней среды, доступности цифровых технологий и их использование государством, бизнесом и обществом [21, Камнева В.В., Баева Д.А., с. 37–44], доступность, инвестиции в инфраструктуру, доступ к сети, ёмкость, использование, человеческий капитал [22, Katz R., Koutroumpis P., Callorda F.M., с. 32–44], цифровая инфраструктура, способность к цифровым инновациям, масштаб цифровой отрасли и применение цифровых технологий [23, Tang L., Lu B., Tian T.]. Однако ряд переменных, используемых для расчётов по данным методикам, недоступен в открытых статистических источниках по регионам АЗРФ. На государственном уровне оценить цифровизацию по регионам можно с помощью ряда рейтингов: таких, как «Рейтинг регионов по развитию информационного общества», «Рейтинг цифровой зрелости российских регионов», которые рассчитываются не ежегодно, а какие-то даже разово, поэтому нельзя провести их полный ретроспективный анализ.

Таким образом, целью исследования являлся анализ особенностей цифрового пространства арктических регионов России. Для достижения цели было необходимо решить следующие задачи: построить базу данных рядов переменных в разрезе арктических регионов России за период 2014–2020 гг., провести ретроспективный анализ динамики их цифровизации, провести расчёт интегрального индекса цифровизации регионов АЗРФ, проранжировать арктические регионы России по уровню цифровизации, дать рекомендации. В качестве объекта исследования послужили регионы АЗРФ. АЗРФ как объект статистического наблюдения обладает некоторыми особенностями, которые в первую очередь связаны с её административным устройством. К АЗРФ относится вся территория четырёх регионов РФ и ряд административных единиц (города, городские округа, муниципальные районы, улусы) ещё пяти регионов РФ, что приводит к сложности сбора статистических данных. Чаще всего статистические данные, связанные с цифровизацией, публикуются в целом по субъекту РФ, без разбивки на административные единицы.

В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы познания: причинно-следственный и логико-структурный анализ и синтез; прикладные экономико-статистические методы: систематизация статистической информации, составление информационно-аналитической базы данных. Обработка данных проведена с помощью MS Excel.

Данное исследование проводилось поэтапно. На первом этапе осуществлялся сбор статистических данных и построение базы данных рядов переменных в разрезе регионов АЗРФ за период 2014–2020 гг. по данным Федеральной службы государственной статистики⁶

⁶ Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 05.05.2022); Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-

(по данным которым построены рис. 1–3; 5–8, и составлены табл. 2–5). Информационной базой исследования также послужили данные Рейтингов ИКТ-затрат регионов РФ за период с 2014 г. по 2021 г. (рис. 9 и 10), рейтинги цифровизации (табл. 1).

Переменные для анализа были отобраны в связи с тем, что они используются в качестве целевых показателей ряда законодательных актов РФ, а также содержатся в Федеральном плане статистических работ⁷, который с 2016 г. дополнен официальной информацией, характеризующей социально-экономическое развитие АЗРФ.

На следующем этапе осуществлялся ретроспективный анализ динамики цифровизации субъектов АЗРФ за период 2014–2021 гг.

Затем регионы АЗРФ были проранжированы по уровню цифровизации на основе построения индекса. Ранжирование регионов по уровню цифровизации осуществлялось по четырём субиндексам, состоящим из ряда переменных:

1. Субиндекс «Цифровизация домохозяйств» (SI_{DH}):

- доля домашних хозяйств, имевших компьютер, X_1 ;
- доля домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет, X_2 ;
- доля домашних хозяйств, имевших ШПД к сети Интернет, X_3 ;
- доля домохозяйств, не использующих Интернет из-за высоких затрат на его подключение, X_4 ;
- доля домохозяйств, использующих доступ к сети Интернет с целью поиска информации о товарах, услугах, заказа товаров, X_5 ;
- число мобильных телефонов на 100 домохозяйств, X_6 .

2. Субиндекс «Цифровизация населения» (SI_{DP}):

- доля населения, использовавшего персональные компьютеры, X_7 ;
- доля населения, использовавшего сеть Интернет, X_8 ;
- доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и/или услуг, X_9 ;
- доля населения, не использовавшего Интернет по соображениям безопасности, X_{10} ;
- доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, X_{11} ;
- доля населения, использовавшего мобильный телефон или смартфон за последние 3 месяца, X_{12} .

3. Субиндекс «Цифровизация деятельности органов власти» (SI_{DG}):

- доля органов государственной власти и местного самоуправления, использовавших Интернет, X_{13} ;

телекоммуникационных сетей. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷ Федеральный план статистических работ: распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 года № 671-р. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/462> (дата обращения: 28.05.2022).

- доля органов государственной власти и местного самоуправления, использовавших Интернет со скоростью 256 Кбит/сек и выше, X_{14} ;
- доля органов государственной власти и местного самоуправления, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит/сек, X_{15} ;
- доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объёме межведомственного документооборота, X_{16} ;
- доля населения, столкнувшегося с проблемами при получении государственных и муниципальных услуг через официальные веб-сайты и порталы, X_{17} ;
- доля населения, удовлетворённого качеством предоставленных государственных услуг в электронной форме, X_{18} .

4. Субиндекс «Цифровизация деятельности организаций» (SI_{DO}):

- количество персональных компьютеров в организациях, X_{19} ;
- количество персональных компьютеров, имевших доступ к сети Интернет, X_{20} ;
- доля организаций, использовавших ШПД к сети Интернет, X_{21} ;
- доля организаций, имевших веб-сайт, X_{22} ;
- доля организаций, использовавших сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), X_{23} ;
- доля работников организаций, использовавших персональные компьютеры не реже 1 раза в неделю, X_{24} .

Переменные были нормализованы путём их перевода в безразмерные величины в интервале от 0 до 1. Для этого текущее значение переменной для каждого из регионов АЗРФ было поделено на максимально возможное значение по данной переменной по формуле:

$$N_j = \frac{X_{ij}}{\max_j(x_i)} (1)$$

где x_{ij} — значение i -й переменной в j -м регионе, а $\max_j(x_i)$ — нормализующее («эталонное») значение переменной.

Нормализованные значения переменных находятся в диапазоне от 0 до 1, соответственно, если регион АЗРФ имеет «эталонное» значение переменной, то его оценка по данному показателю равна 1, поэтому по величине нормализованного значения определяется отставание региона от «эталонного» значения.

Итоговое значение каждой переменной было найдено как среднее арифметическое нормированных показателей данной переменной за период 2014–2020 гг. Значения субиндексов рассчитывались как сумма итоговых значений переменных.

Итоговый индекс цифровизации для каждого региона АЗРФ (I_{DR}) рассчитан как среднее арифметическое четырёх субиндексов. Регионы АЗРФ были проранжированы исходя из полученного значения итогового индекса цифровизации.

Результаты

Об уровне проникновения ИКТ в регионы АЗРФ можно судить по различным рейтингам цифровизации регионов. Ямало-Ненецкий АО лидирует практически в каждом из пяти рассмотренных рейтингов, а Чукотский АО относится к числу аутсайдеров. Остальные же регионы АЗРФ занимают средние места.

Таблица 1

Места регионов АЗРФ в российских рейтингах цифровизации

	1	2	3	4	5
Регионы-лидеры (первые 10 мест)	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ни один из регионов в составе АЗРФ	Ямало-Ненецкий АО	Ни один из регионов в составе АЗРФ
Регионы среднего уровня	Все остальные регионы в составе АЗРФ	Все остальные регионы в составе АЗРФ	Все остальные регионы в составе АЗРФ	Все остальные регионы в составе АЗРФ	Все регионы в составе АЗРФ
Отстающие регионы (последние 10 мест)	Чукотский АО	Чукотский АО	Чукотский АО	Чукотский АО	Ни один из регионов в составе АЗРФ
где, 1 — Индекс «Цифровая Россия» ⁸ (2017–2018 гг.), 2 — Рейтинг по развитию информационного общества ⁹ (2016–2017 гг.), 3 — Рейтинг по качеству оказания госуслуг в электронной форме ¹⁰ (2020 г.), 4 — Рейтинг цифровой зрелости российских регионов ¹¹ (2021 г.), 5 — Рейтинг цифровой зрелости субъектов РФ в сфере здравоохранения ¹² (2021 г.)					

В табл. 2 приведены средние значения нормализованных переменных и среднее значение субиндекса «Цифровизация населения» (SI_{DP}) за период 2014–2022 г. в регионах, входящих в состав АЗРФ. У пяти регионов к АЗРФ относится не вся территория, а только несколько муниципальных образований, но из-за отсутствия статистических данных анализ был проведён в целом по региону, поэтому они выделены в таблицах 2–5 отдельным блоком. Ямало-Ненецкий АО лидирует по значениям субиндекса «Цифровизация населения», отставая только по одному показателю — доля населения, не использовавшего сеть Интернет по соображениям безопасности — от Ненецкого АО, Красноярского края и Чукотского АО.

⁸ Индекс «Цифровая Россия». URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/indeks-cifrovaya-rossiya/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁹ Минкомсвязь представила рейтинг информатизации регионов-2017. URL: <https://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-rejting-informatizatsii-regionov-2017.html> (дата обращения: 05.05.2022).

¹⁰ Опубликован рейтинг регионов по качеству предоставления электронных госуслуг-2020. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/01/gos_regulirovanie_v_usloviyah_covid19_itogi_2020.pdf.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

¹¹ Рейтинг цифровой зрелости регионов. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_регионов_России (дата обращения: 05.05.2022).

¹² 2020: Рейтинг цифровой зрелости регионов в сфере здравоохранения. URL: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Рейтинг_цифровой_зрелости_регионов_России_в_сфере_здравоохранения (дата обращения: 05.05.2022).

Таблица 2

Средние значения нормализованных переменных и значения субиндекса «Цифровизация населения» (SI_{DP}) в регионах АЗРФ за период 2014–2020 гг.

Регион	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	SI_{DP}
Входящие в АЗРФ всей территорией региона							
Мурманская область	0,89	0,88	0,70	0,66	0,37	0,97	4,47
Ненецкий АО	0,86	0,49	0,74	0,46	0,20	0,95	3,70
Чукотский АО	0,98	0,88	0,57	0,28	0,05	1,00	3,75
Ямало-Ненецкий АО	1,00	1,00	0,92	0,99	0,23	1,00	5,14
Входящие в АЗРФ некоторыми муниципальными образованиями региона							
Архангельская область	0,79	0,81	0,64	0,56	0,53	0,90	4,23
Красноярский край	0,81	0,82	0,40	0,67	0,14	0,91	3,75
Республика Карелия	0,82	0,85	0,58	0,53	0,56	0,98	4,32
Республика Коми	0,81	0,84	0,60	0,50	0,50	0,94	4,20
Республика Саха	0,82	0,84	0,46	0,48	0,34	0,96	3,89

В течение анализируемого периода цифровизация населения выросла во всех регионах, кроме Ямало-Ненецкого АО, но наибольший рост произошёл в Мурманской области и Чукотском АО (рис. 1).

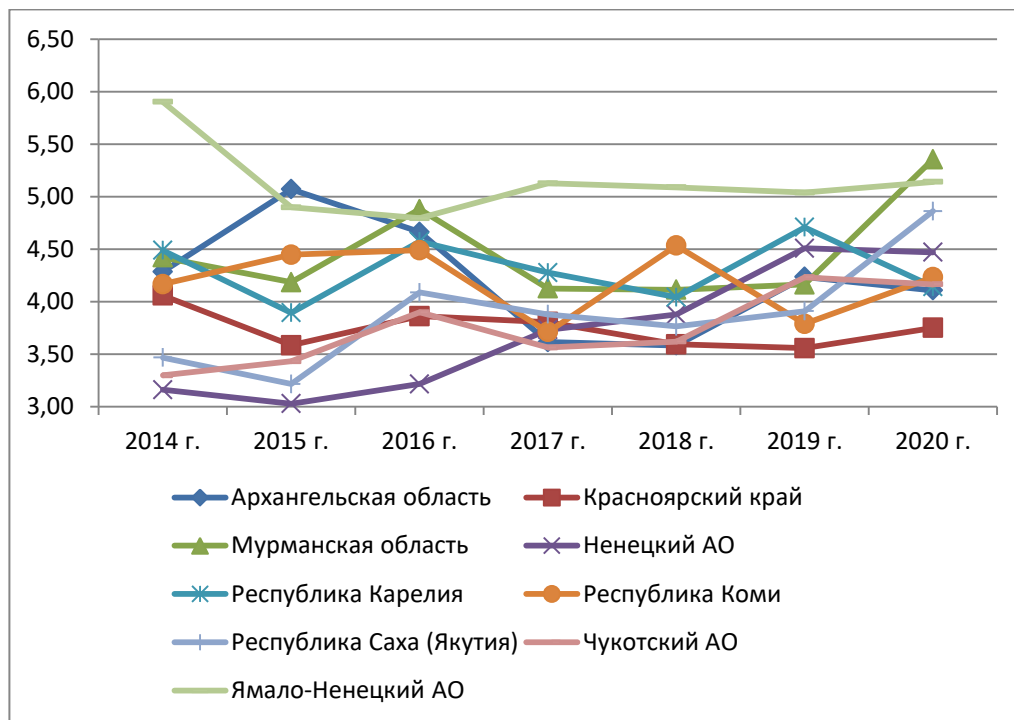

Рис. 1. Значения субиндекса «Цифровизация населения» (SI_{DP}) в регионах АЗРФ в 2014–2020 гг.¹³

Численность населения АЗРФ, пользующегося Интернетом, выросла в два раза: с 3,3 млн человек в 2014 г. до 6,6 млн человек в 2020 г. Доля населения, являющегося активными пользователями Интернет, в АЗРФ составляет 88,6%, что выше общероссийского показателя на 4,5% (рис. 2).

¹³ Источник: рассчитано автором.

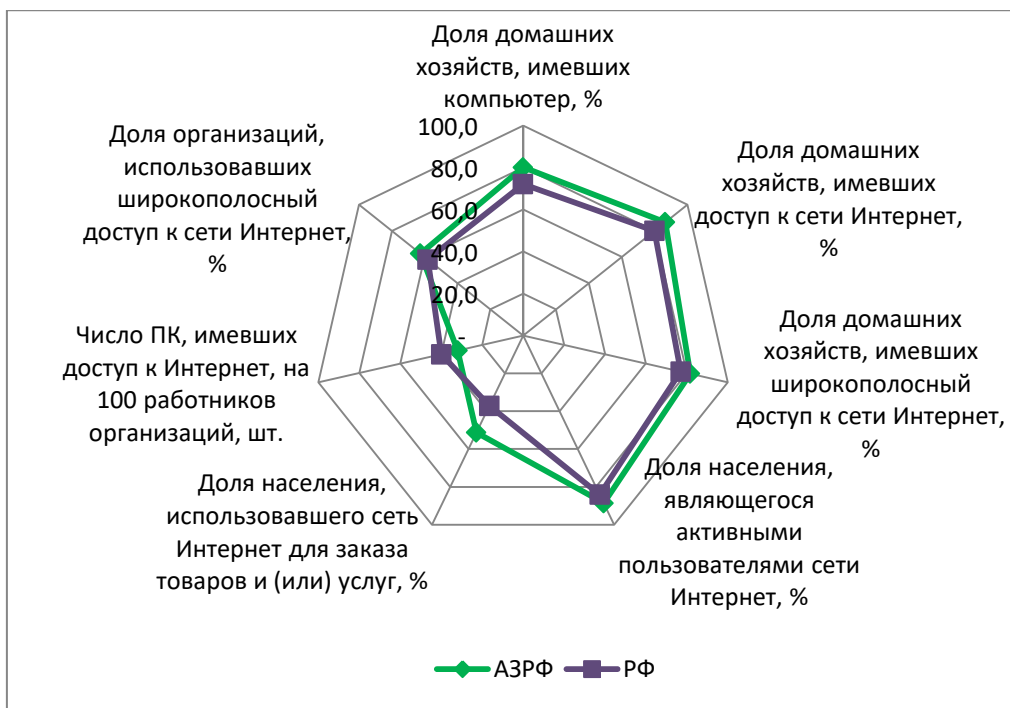

Рис. 2. Показатели развития ИКТ в АЗРФ за 2021 г.¹⁴

Население АЗРФ в 2020 г. для выхода в Интернет активно использовало различные мобильные устройства, в частности планшеты, мобильные телефоны и смартфоны. А доля домохозяйств, использующих для выхода в Интернет персональные компьютеры, в ряде регионов снизилась от 8% (Республика Саха) до 36,5% (Республика Коми). Самое большое снижение использования ноутбуков и нетбуков для выхода в Интернет, на 26,8%, наблюдалось в Республике Саха. Значительно выросло число абонентов мобильного ШПД в Интернет, наибольший прирост в 2020 г. по сравнению с 2010 г. произошёл в Чукотском АО (на 247%), Республике Коми (на 189%) и Архангельской области (на 165%).

За период 2014–2020 гг. Ямало-Ненецкий АО практически каждый год лидировал по доле населения, предпочитающего получать госуслуги посредством Интернета, хотя наибольший прирост данного показателя за этот период наблюдался в Ненецком АО и Республике Саха. Можно выделить и Республику Коми, занявшую в 2021 г. первое место по Северо-Западному федеральному округу и 11 место в России по числу зарегистрированных пользователей на портале Госуслуги.

Среди всех регионов по субиндексу «Цифровизация домохозяйств» (SI_{DH}) выделяется Ямало-Ненецкий АО, лидерство которого ранее в ходе анализа было подтверждено и высокими местами в различных федеральных рейтингах. Данный регион лидирует за счёт больших долей домашних хозяйств, имевших персональный компьютер, доступ к сети Интернет, в том числе ШПД, по сравнению с другими регионами.

¹⁴ Источник: рассчитано автором.

Таблица 3

Средние значения нормализованных переменных и значения субиндекса «Цифровизация домохозяйств» (SI_{DH}) в регионах АЗРФ за период 2014–2020 гг.

Регион	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	SI_{DH}
Входящие в АЗРФ всей территорией региона							
Мурманская область	0,93	0,89	0,91	0,46	0,81	0,86	4,85
Ненецкий АО	0,82	0,75	0,67	0,10	0,80	0,80	3,93
Чукотский АО	0,94	0,89	0,48	0,51	0,88	0,75	4,45
Ямало-Ненецкий АО	1,04	1,00	1,00	0,49	0,88	0,88	5,29
Входящие в АЗРФ некоторыми муниципальными образованиями региона							
Архангельская область	0,85	0,80	0,80	0,38	0,52	0,82	4,17
Красноярский край	0,79	0,76	0,72	0,16	0,51	0,83	3,77
Республика Карелия	0,83	0,81	0,82	0,47	0,50	0,80	4,24
Республика Коми	0,86	0,83	0,86	0,23	0,48	0,80	4,07
Республика Саха	0,75	0,86	0,76	0,13	0,33	1,00	3,83

За весь анализируемый период практически во всех регионах, входящих в АЗРФ, наиболее активная цифровизация домохозяйств наблюдалась в течение 2016–2018 гг. (рис. 3).

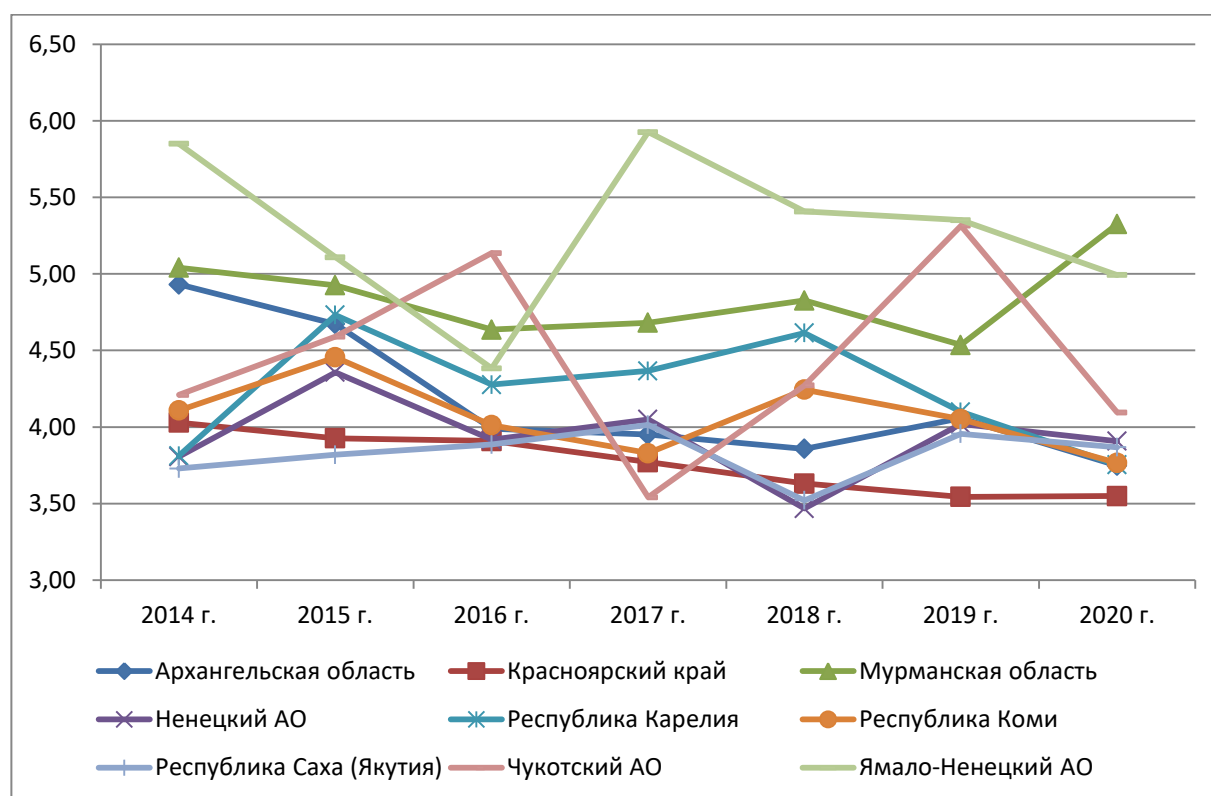

Рис. 3. Значения субиндекса «Цифровизация домохозяйств» (SI_{DH}) в регионах АЗРФ в 2014–2020 гг.¹⁵

Если в 2010 г. число персональных компьютеров в регионах, входящих в состав АЗРФ, в среднем составляло 88 компьютеров на 100 домашних хозяйств, то в 2020 г. оно достигло соотношения в среднем 140 компьютеров на 100 домашних хозяйств, в целом по России — 129 компьютеров на 100 домохозяйств.

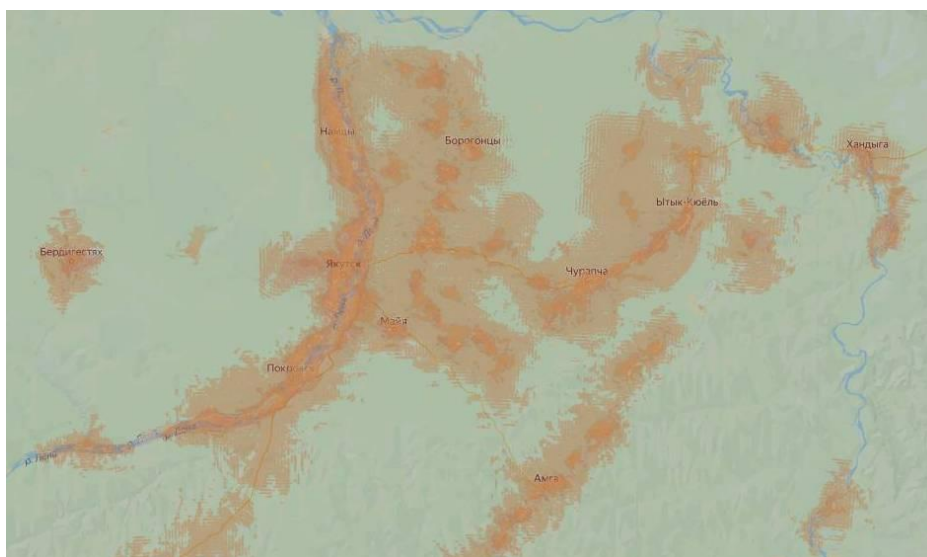
С 2010 г. в АЗРФ снижается плотность фиксированной связи, при этом до 2015 г. активно росла плотность сотовой связи, так, если в 2004 г. на 100 домохозяйств в регионах, входящих в состав АЗРФ, приходилось от 4 (Чукотский АО) до 123 (Ненецкий АО) мобильных

¹⁵ Источник: рассчитано автором.

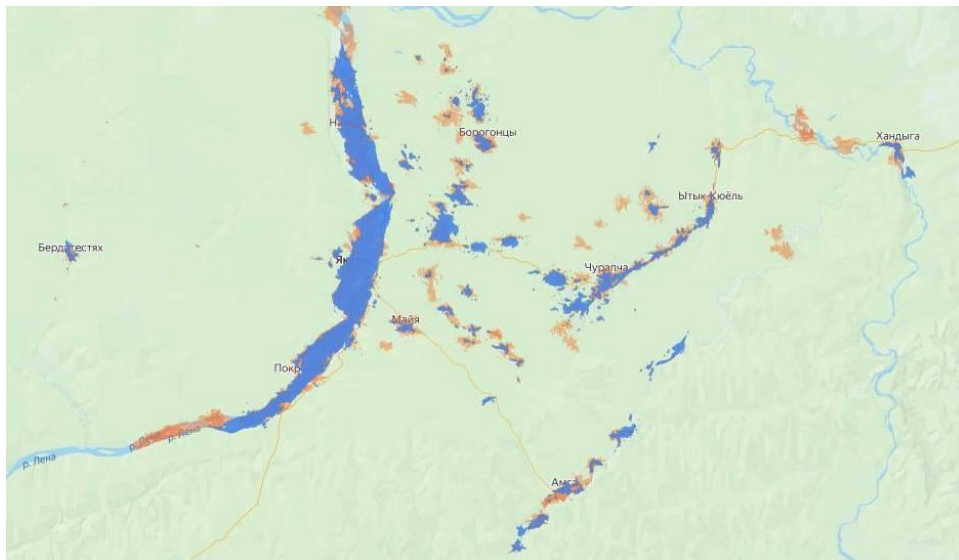
телефонов, то в 2020 г. — от 213 (Чукотский АО) до 302 (Республика Саха) мобильных телефонов на 100 домохозяйств.

Несмотря на такие технологические изменения, в большинстве регионов АЗРФ доля домашних хозяйств с ШПД к сети Интернет не достигает среднероссийского уровня, хотя в целом по АЗРФ доли домашних хозяйств, имевших ШПД к сети Интернет по сравнению с РФ выше 4,6%. ШПД к сети Интернет предоставляет более высокие скорости соединения и соответственно более широкие возможности. Данный показатель в 2020 г. был ниже общероссийского в Чукотском АО на 30,7 п.п., Красноярском крае на 6,9 п.п.), Ненецком АО на 4,5 п.п., Архангельской области на 1,6 п.п., Республике Карелия на 0,5 п.п.

Основными причинами ограничений цифровизации инфраструктуры регионов в условиях Арктики являются географический фактор и концентрация потенциальных потребителей в городах. В регионах АЗРФ доля городских жителей в общей численности населения составляет от 68% (Республика Саха) до 92% (Мурманская область). В городах в разы больше и количество организаций федерального или регионального уровня. Сложный географический рельеф, суровые климатические условия приводят к тому, что на строительство объектов связи в сельской и в труднодоступной местности мобильным операторам и Интернет-провайдерами нужны большие капитальные затраты, а экономическая эффективность от деятельности в таких населённых пунктах невысока. Поэтому, чем ниже плотность населения, тем ниже уровень конкуренции среди операторов и менее чёткий сигнал. Имеются и сельские населённые пункты, совсем не охваченные мобильной связью и Интернетом. В общем количестве населённых пунктов регионов АЗРФ таких населённых пунктов 36,9%. Для примера приведём карты покрытия мобильной связью территории Республики Саха, на которых цветом обозначены зоны сети 2G основных операторов сотовой связи России — Билайн, Мегафон, МТС, Теле 2, Yota (рис. 4а) и зоны сети 4G (рис. 4б).

(a)

(b)

Рис. 4. Зона покрытия мобильной связью в Республике Саха в июле 2022 г. — сеть 2G (a) и сеть 4G (b) ¹⁶

На картах видно, что связь по сетям 4G доступна на меньшей территории, чем по сетям 2G. Сети четвёртого поколения 4G позволяют осуществлять передачу данных с большей скоростью (до 100 Мбит/с), а значит, потребители смогут воспользоваться различными государственными и социальными услугами онлайн. Например, в ряде регионов сельское население реже использует Интернет для заказа товаров, работ, услуг. В Чукотском АО сельское население, использующее Интернет для заказа товаров, составляет всего 6% от общего числа населения (рис. 5).

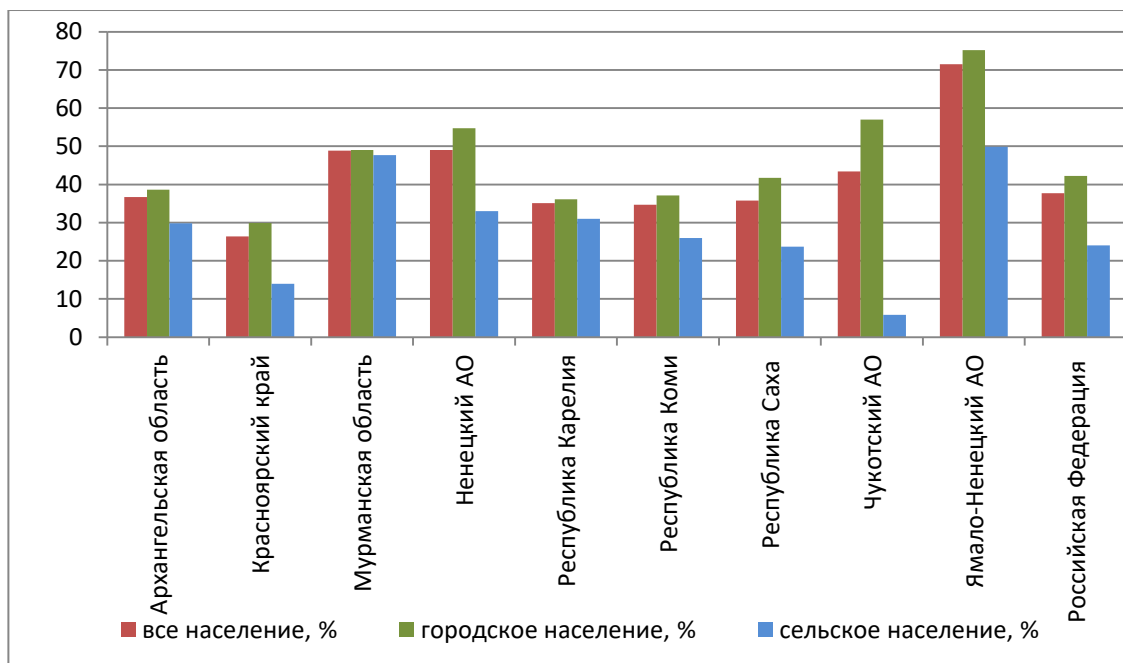

Рис. 5. Доля населения, использовавшего Интернет для заказа товаров, работ, услуг в регионах АЗРФ в 2020 г. ¹⁷

При этом даже в городских поселениях АЗРФ имеется ряд ограничений по информационно-коммуникационным услугам. Городские поселения АЗРФ были разбиты на

¹⁶ Источник: Карта покрытия Yota. URL: <https://yota-faq.ru/yota-zone-map/> (дата обращения: 05.09.2022).

¹⁷ Источник: рассчитано автором.

группы. По карте покрытий сотовой связью было определено количество городских поселений, покрытых сетью 4G, 3G и 2G, а также количество операторов мобильной связи, предоставляющих услуги в каждом городе. Анализировались данные по наиболее крупным операторам мобильной связи РФ — Билайн, Мегафон, МТС, Теле2, Yota. Проведённый анализ выявил, что в малых городских поселениях имеются ограничения по доступности к мобильной связи: если сетью 2G четырёх операторов мобильной связи обеспечены 79 из 82 малых городских поселений АЗРФ, то связь по сетям 3G недоступна в 17, а по сетям 4G в 23 малых городских поселениях, в среднем услуги мобильной связи в малых городах предоставляют три оператора. В городских поселениях АЗРФ с количеством жителей выше 50 тыс. человек отсутствует дифференциация доступа к информационно-коммуникационным услугам по количеству поставщиков услуг и по покрытию сетями разных поколений.

Можно утверждать, что имеющаяся конфигурация информационно-коммуникационных сетей способствует развитию в регионах АЗРФ цифрового неравенства, а высокий уровень цифровизации объясняется по большей части урбанизацией.

Стоит отметить, что данная проблема решается на федеральном уровне. Ростелеком с марта 2014 г.¹⁸ обязан оказывать универсальные услуги связи и должен обеспечить общественной точкой доступа Wi-Fi со скоростью передачи данных не менее 10 Мбит/с населённые пункты с численностью жителей от 250 до 500 человек. С 2021 г., согласно второму этапу, Ростелеком должен подключить к скоростному Интернету населённые пункты с численностью жителей от 100 до 250 человек и обеспечить мобильной связью жителей населённых пунктов, где проживает от 100 до 500 человек. При этом все базовые станции предполагают наличие голосовой связи и мобильного Интернета 4G. В отдалённых малых населённых пунктах с численностью до 100 человек устанавливаются фемтосоты. Но жители отмечают, что приём сигнала от фемтосот невысокий — 100–150 метров, далее идёт частичное покрытие сигналом, в помещении сигнал сильно слабеет или вообще теряется¹⁹. Также по результатам мониторинга активистами Общероссийского народного фронта в 2021 г. в ряде районов Республики Коми было выявлено, что в большинстве сёл люди к Интернету не подключились из-за незнания о такой возможности или из-за неисправного оборудования²⁰. На значительной части территории Республики Коми покрытие Интернет отсутствует или его скорость не позволяет пользоваться Интернет-ресурсами²¹.

¹⁸ О возложении на ОАО «Ростелеком» обязанности по оказанию универсальных услуг связи на всей территории Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 марта 2014 г. № 437-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4cd0bd84a277c3c35.pdf> (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁹ Михаил Порядин ответил на претензии жителей Коми к качеству связи в отдалённых поселениях. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/56680/> (дата обращения: 11.05.2022).

²⁰ Черенева В. В Коми выберут сёла для проведения интернета // Российская газета — Неделя — Северо-Запад № 255(8606). 2021. URL: <https://rg.ru/2021/11/10/reg-szfo/v-komi-vyberut-sela-dlia-provedeniia-interneta.html> (дата обращения: 11.05.2022).

²¹ В Коми анализы на антитела сделают бесплатными. URL: <https://rg.ru/2021/11/22/reg-szfo/v-komi-analizy-na-antitela-sdelaiut-besplatnymi.html> (дата обращения: 11.05.2022).

По субиндексу «Цифровизация органов власти» лидируют Республика Коми и Ямало-Ненецкий ОА (табл. 4).

Таблица 4

Средние значения нормализованных переменных и значения субиндекса «Цифровизация деятельности органов власти» (SI_{DG}) в регионах АЗРФ за период 2014–2020 гг.

Регион	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	SI_{DG}
Входящие в АЗРФ всей территорией региона							
Мурманская область	0,94	0,93	0,77	0,86	0,40	0,79	4,69
Ненецкий АО	0,98	0,92	0,54	0,50	0,63	0,70	4,27
Чукотский АО	0,97	0,85	0,27	0,41	0,55	0,54	3,59
Ямало-Ненецкий АО	0,98	0,95	0,69	0,97	0,50	0,91	5,00
Входящие в АЗРФ некоторыми муниципальными образованиями региона							
Архангельская область	0,98	0,92	0,66	0,57	0,44	0,79	4,35
Красноярский край	0,97	0,88	0,61	0,41	0,75	0,95	4,59
Республика Карелия	0,99	0,96	0,84	0,57	0,52	0,81	4,70
Республика Коми	1,00	0,99	0,90	0,72	0,62	0,85	5,07
Республика Саха	0,97	0,77	0,51	0,56	0,62	0,84	4,26

Практически во всех регионах рост значений данного субиндекса наблюдался в течение 2015–2017 гг. Во всех регионах, кроме Красноярского края и Республики Саха, в 2021 г. по сравнению с 2014 г. сократилась доля населения, столкнувшегося с проблемами при получении государственных и муниципальных услуг с помощью Интернета.

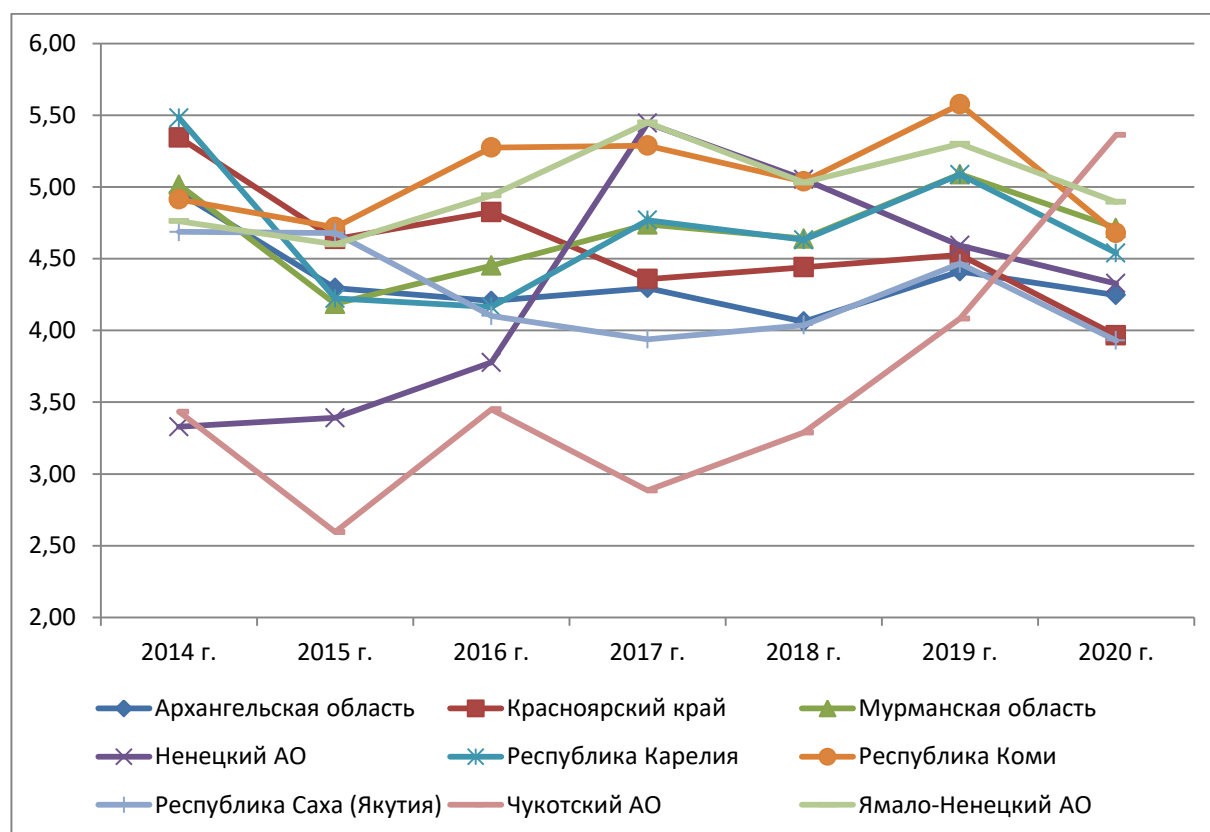

Рис. 6. Значения субиндекса «Цифровизация деятельности органов власти» (SI_{DG}) в регионах АЗРФ в 2014–2020 гг.²²

Наиболее цифровизованы оказались организации в Республике Карелия, Мурманской области и Красноярского края, о чём свидетельствует средние значения

²² Источник: рассчитано автором.

субиндексов «Цифровизация деятельности организаций» (SI_{DO}).

Таблица 5

Средние значения нормализованных переменных, значения субиндекса «Цифровизация деятельности организаций» (SI_{DO}) и Индекса цифровизации (I_{DR}) в регионах АЗРФ за период 2014–2020 гг.

Регион	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	SI_{DO}	I_{DR}
Входящие в АЗРФ всей территорией региона								
Мурманская область	0,86	0,87	0,98	0,93	0,86	0,87	5,37	4,85
Ненецкий АО	0,77	0,86	0,94	0,85	0,93	0,68	5,04	4,24
Чукотский АО	0,86	0,79	0,87	0,80	0,92	0,83	5,07	4,22
Ямало-Ненецкий АО	0,71	0,74	0,95	0,86	0,96	0,68	4,89	5,08
Входящие в АЗРФ некоторыми муниципальными образованиями региона								
Архангельская область	0,83	0,74	0,91	0,79	0,80	0,81	4,88	4,40
Красноярский край	0,85	0,90	0,91	0,84	0,80	0,86	5,17	4,32
Республика Карелия	1,00	1,00	0,98	0,97	0,89	1,00	5,84	4,77
Республика Коми	0,84	0,82	0,96	0,80	0,80	0,83	5,05	4,60
Республика Саха	0,81	0,89	0,76	0,68	0,83	0,76	4,74	4,18

В 2020 г. по сравнению с 2014 г. цифровизация организаций выросла во всех регионах, кроме Ненецкого АО и Республики Карелия (рис. 7), в которых снизилась доля организаций, использовавших Интернет для размещения заказов на товары, работы, услуги. Кроме этого, в Ненецком АО уменьшилось количество персональных компьютеров в организациях, а в Республике Карелия — доля организаций, имевших веб-сайт. Число персональных компьютеров, имевших доступ к сети Интернет, в организациях АЗРФ ниже на 8% по сравнению с общероссийским показателем (рис. 2).

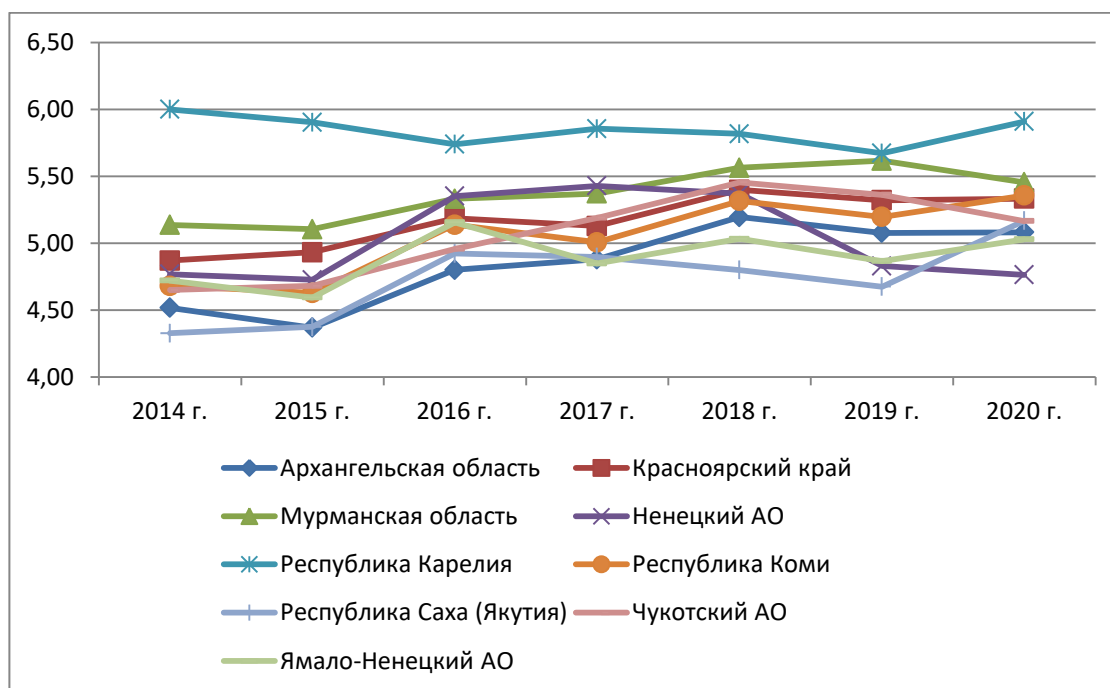

Рис. 7. Значения субиндекса «Цифровизация деятельности организаций» (SI_{DO}) в регионах АЗРФ в 2014–2020 гг. ²³

Наиболее цифровизированными регионами АЗРФ за период 2014–2020 гг. оказались

²³ Источник: рассчитано автором.

Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область, Республика Карелия и Республика Коми (табл. 5, рис. 8).

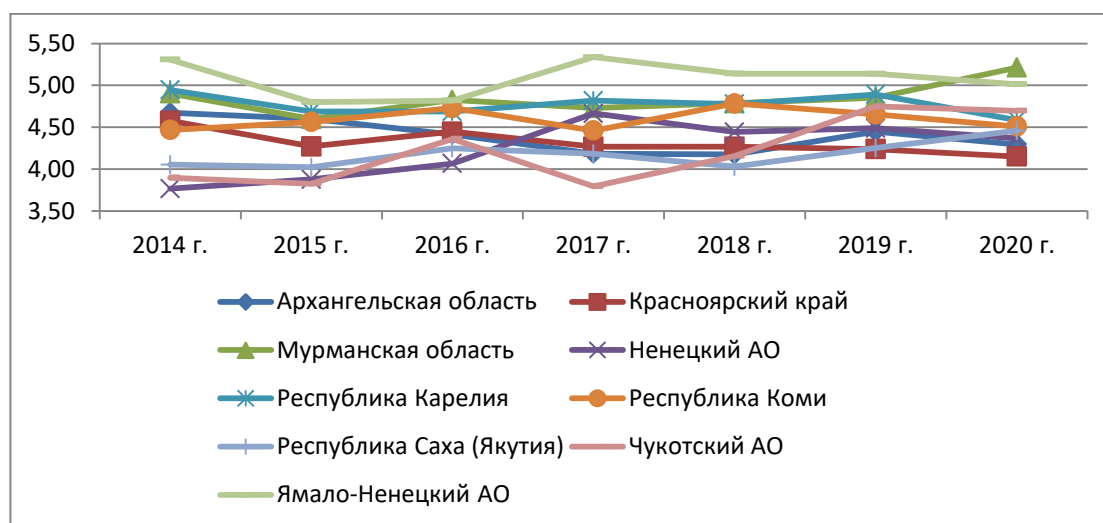

Рис. 8. Значения Индекса цифровизации (I_{DR}) в регионах АЗРФ в 2014–2020 гг.²⁴

При этом, если проанализировать ежегодный «Рейтинг ИКТ-затрат регионов»²⁵, то в 2021 г. Ямало-Ненецкий АО находился на седьмом месте среди всех регионов России по объёму затрат на ИКТ, на девятом месте — Республика Саха. Остальные же регионы АЗРФ занимают двадцать четвёртое место и ниже (рис. 9). Если расходы на ИКТ проранжировать исходя из затрат на душу населения, то Ненецкий АО и Ямало-Ненецкий АО займут первое и второе место соответственно. Все регионы АЗРФ в рейтинге расходов на ИКТ на душу населения улучшили свои позиции от 1 до 66 пунктов, кроме Красноярского края (рис. 9).

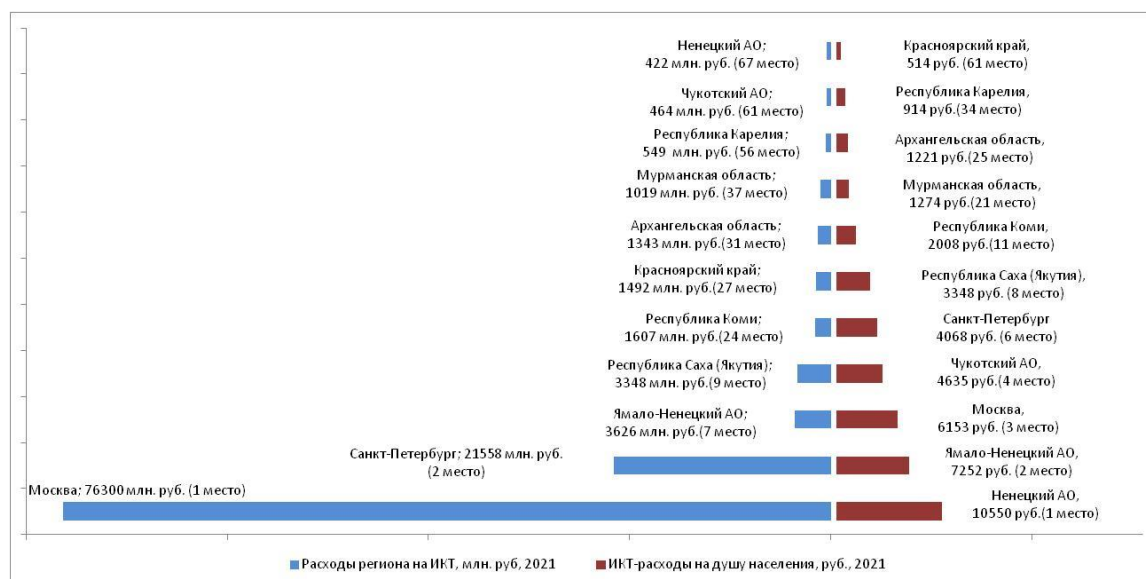

Рис. 9. Расходы на ИКТ в абсолютном значении и расходы на ИКТ на душу населения в регионах АЗРФ, г. Москве и г. Санкт-Петербурге в 2021 г.²⁶

В 2021 г. только 24 региона РФ имели положительный прирост расходов на ИКТ,

²⁴ Источник: рассчитано автором.

²⁵ CNews: Рейтинг ИКТ-затрат регионов 2021. URL: <https://www.cnews.ru/tables/57cb8824909eb971407392b0a36bf75211b38123> (дата обращения: 11.05.2022).

²⁶ Источник: рассчитано автором.

среди них — 5 регионов АЗРФ. Лидером среди всех регионов РФ и регионов АЗРФ по приросту расходов на ИКТ является Республика Коми (+99,6%). На седьмом месте среди всех регионов РФ и на втором месте среди регионов АЗРФ находится Ямало-Ненецкий АО (рис. 10).

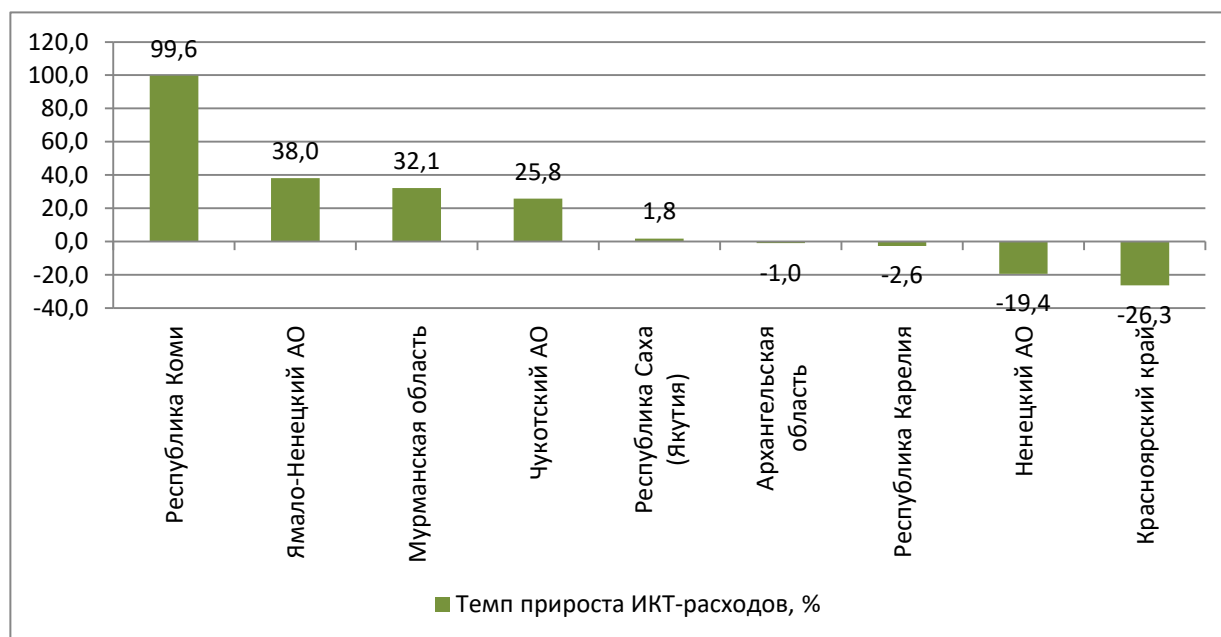

Рис. 10. Темп прироста расходов на ИКТ в регионах АЗРФ в 2021 г. ²⁷

Дискуссия

Отсутствие в общем доступе статистики по отдельным муниципальным образованиям затрудняет анализ цифровизации регионов Арктики. Вполне возможно, что уровень цифровизации в пяти из девяти регионов АЗРФ может быть даже ниже, чем полученный в ходе анализа, т. к. на расчёты повлияли показатели более южных районов, которые предположительно выше, чем в районах, входящих в АЗРФ. Для более объективных исследований необходимы статистические данные в разбивке по муниципалитетам, входящим в АЗРФ. Исходя из анализа, высокие затраты на ИКТ на душу населения в регионах АЗРФ не всегда приводят к высокой цифровизации региона, как в случае с Чукотским АО. Возможно, причиной этого являются какие-то проблемы в экономике конкретного региона, которые не позволяют эффективно использовать инвестиции на развитие ИКТ. Последующие исследования целесообразно направить на более подробное изучение причин этого явления.

Заключение

Можно констатировать факт, что за анализируемый период регионы АЗРФ подверглись технологическим изменениям: в среднем на одно домохозяйство приходится по 2–3 мобильных телефона и по одному персональному компьютеру. Помимо компьютеров для выхода в Интернет население АЗРФ активно использует и другие

²⁷ Источник: рассчитано автором.

устройства, в частности планшеты, ноутбуки и нетбуки. Однако доля домашних хозяйств с ШПД к сети Интернет не достигает среднероссийского уровня в пяти из девяти регионов АЗРФ. Это вынуждает население использовать мобильный ШПД в Интернет. Но даже при росте количества населения, пользующегося государственными услугами онлайн, только в Ямало-Ненецком АО этот показатель выше общероссийского уровня, а численность населения АЗРФ, заказывающая товары, работы, услуги посредством Интернета в пяти регионах АЗРФ ниже, чем в среднем по России. Основные ограничения цифровизации инфраструктуры регионов Арктики возникают под воздействием географического фактора (сложный рельеф, суровый климат) и концентрации потенциальных потребителей в городах. Даже в малых городских поселениях есть ограничения по доступности к мобильной связи. Для отдалённых сельских населённых пунктов характерны низкий сигнал связи, невысокая скорость доступа в Интернет, неисправное оборудование, отсутствие у населения знаний об имеющихся технических возможностях. Расширение разрыва в развитии цифровизации в городских и сельских населённых пунктах в регионах АЗРФ приведёт к тому, что всё больше факторов производства из менее цифровизированных районов будет перетекать в более цифровизированные.

Достаточно низкий уровень цифровизации населения и домохозяйств наблюдается в Ненецком АО, Чукотском АО, а также в Республике Саха. В связи с тем, что цифровая инфраструктура имеет социальную значимость в пространстве АЗРФ, главная роль в повышении уровня цифровизации данных регионов по-прежнему остаётся за государством: в виде льготных кредитов и субсидирования операторов связи, обеспечения равного доступа к цифровой инфраструктуре не только в городской, но и сельской местности. Основное внимание необходимо обратить на развитие более новых поколений информационно-коммуникационных видов связи. В Чукотском АО из-за низкой скорости передачи данных и невысокой доли электронного документооборота слаба цифровизация деятельности органов власти, а значит требуются мероприятия по дальнейшей цифровизации деятельности органов власти региона. В Ямало-Ненецком АО, Архангельской области и Республике Саха самые низкие показатели цифровизации организаций, что делает актуальной поддержку предпринимательских инициатив, направленных на разработку цифровых технологий, стимулирование организаций на внедрение цифровых технологий. Приведённая в статье методика основана на общедоступных статистических данных и может быть использована для территорий различного уровня при проведении процедур ретроспективного анализа, стратегического прогнозирования. Практическая значимость исследования состоит в том, что методика может быть востребована при оценке цифровизации пространства региона органами региональной и муниципальной власти при разработке стратегии социально-экономического развития и программ цифровизации регионов, а его результаты — в качестве основы для материалов занятий в рамках преподавания в высших учебных заведениях. Перспективность дальнейших исследований

определяется более глубоким анализом степени влияния переменных на уровень цифровизации регионов АЗРФ и формированием соответствующих предложений и рекомендаций по адаптации процессов цифровизации с учётом современных обострений международной ситуации.

Список источников

1. Killan A. Defining Digital Space through a Visual Language: Master of Sciences Thesis. Massachuttes Institute of Technology, Department of Architecture, 2000. 118 p.
2. Kukul T., Coşkun E.A. Stratified Space by the Integration of Physical and Digital Spaces / Proceedings of the 29th Conference on Education in Computer Aided Architectural Design in Europe, Ljubljana, Slovenia, September 21–24, 2011. 2011. Pp. 951–959.
3. Castells M. The rise of the network society. Wiley-Blackwell, 2000. 594 p.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 2020. 591 с.
5. Heeks R. ICT4D2.0: the next phase of applying ICT for international development // Computer. 2008. No. 41 (6). Pp. 26–33. DOI: 10.1109/MC.2008.192
6. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // International Organisations Research Journal. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
7. Hardy A. The role of the telephone in economic development // Telecommunications Policy. 1980. Vol. 4. No. 4. Pp. 278–286.
8. Stanley T.D., Doucouliagos C., Steel P. Does ICT generate economic growth? A meta-regression analysis // Journal of economic services. 2018. Vol. 32. No. 3. Pp. 705–726.
9. Hanseth O. From Systems and Tools to Networks and Infrastructures — from Design to Cultivation: Towards a design Theory of Information Infrastructures // Industrial Informatics Design, Use and Innovation: Perspectives and Services. 2010. Pp. 122–156. DOI: 10.4018/978-1-61520-692-6.ch011
10. Pironti J.P. Key elements of a threat and vulnerability management program // Information systems control journal: the magazine for IT governance professionals. 2006. No. 3. Pp. 1–5.
11. Thapa D., Sæbø Ø. Exploring the link between ICT and development in the context of developing countries: a literature review // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2014. Vol. 1. No. 64. Pp. 1–15. DOI: 10.1002/j.1681-4835.2014.tb00454.x
12. Palviaa P., Baqir N., Nemati H. ICT for socio-economic development: A citizens' perspective // Information and Management. 2017. Vol. 55. No. 2. Pp. 160–176. DOI: 10.1016/j.im.2017.05.003
13. Liao H., Wang B., Li B., Weyman-Jones T. ICT as a general-purpose technology: The productivity of ICT in the United States revisited // Information Economics and Policy. 2016. Vol. 36. Pp. 10–25. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2016.05.001
14. Moulton B.R. GDP and the digital economy: keeping up with the changes. Understanding the Digital Economy: data, tools, and research // Understanding the Digital Economy. Cambridge: MIT Press, 2000. Pp. 34–48.
15. Walsham G. Development informatics in a changing world: Reflections from ICTD2010/2012 // Information Technology for Development. 2017. Vol. 23. No. 1. Pp. 18–41. DOI: 10.1080/02681102.2016.1246406.
16. Haltiwanger J., Jarmin R.S. Measuring the Digital Economy // Understanding the Digital Economy. Cambridge: MIT Press, 2000. Pp. 13–33.
17. Козлов А.В., Тесля А.Б., Иващенко А.А. Оценка уровня цифровизации регионов с применением нечёткой логики // Управление устойчивым развитием. 2021. № 4 (35). С. 21–31.
18. Козлов А.В. Определение уровня развития цифровой инфраструктуры в регионе: методика и сравнительный анализ на примере территорий российской Арктики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 2 (58): 5813.
19. Козлов А.В. Метод определения уровня развития цифровой инфраструктуры региона с применением аппарата нечётких множеств на примере Мурманской области // Север и рынок:

- формирование экономического порядка. 2020. № 1 (67). С. 106–117. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.009
20. Садырtdинов Р.Р. Уровень цифровизации регионов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 230–235. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11029
 21. Камнева В.В., Баева Д.А. Оценка уровня цифровизации на основе регионального индекса сетевой готовности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2021. № 1. С. 37–44. DOI: 10.14529/em210104
 22. Katz R., Koutroumpis P., Callorda F.M. Using a digitization index to measure the economic and social impact of digital agendas // Emerald Group Publishing Limited. 2014. Vol. 16. No. 1. Pp. 32–44. DOI: 10.1108/info-10-2013-0051
 23. Tang L., Lu B., Tian T. Spatial correlation network and regional differences for the development of digital economy in China // Entropy. 2021. Vol. 23 (12). 1575. DOI: 10.3390/e23121575

References

1. Killan A. *Defining Digital Space through a Visual Language*: Master of Sciences Thesis. Massachuttes Institute of Technology, Department of Architecture, 2000, 118 p.
2. Kukul T., Coşkun E.A. Stratified Space by the Integration of Physical and Digital Spaces. *Proc. 29th Conf. on Education in Computer Aided Architectural Design in Europe, Ljubljana, Slovenia*, 2011, pp. 951–959.
3. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Wiley-Blackwell, 2000, 594 p.
4. Castells M. *Vlast' komunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2020, 591 p.
5. Heeks R. ICT4D2.0: The Next Phase of Applying ICT for International Development. *Computer*, 2008, no. 41 (6), pp. 26–33. DOI: 10.1109/MC.2008.192
6. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. *International Organisations Research Journal*, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
7. Hardy A. The Role of the Telephone in Economic Development. *Telecommunications Policy*, 1980, vol. 4, no. 4, pp. 278–286.
8. Stanley T.D., Doucouliagos C., Steel P. Does ICT Generate Economic Growth? A Meta-Regression Analysis. *Journal of Economic Surveys*, 2018, vol. 32, no. 3, pp. 705–726.
9. Hanseth O. From Systems and Tools to Networks and Infrastructures — from Design to Cultivation: Towards a Design Theory of Information Infrastructures. *Industrial Informatics Design, Use and Innovation: Perspectives and Services*, 2010, pp. 122–156. DOI: 10.4018/978-1-61520-692-6.ch011
10. Pironti J.P. Key Elements of a Threat and Vulnerability Management Program. *Information Systems Control Journal: The Magazine for IT Governance Professionals*, 2006, no. 3, pp. 1–5.
11. Thapa D., Sæbø Ø. Exploring the Link between ICT and Development in the Context of Developing Countries: A Literature Review. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 2014, vol. 1, no. 64, pp. 1–15. DOI: 10.1002/j.1681-4835.2014.tb00454.x
12. Palviaa P., Baqir N., Nemati H. ICT for Socio-Economic Development: A Citizens' Perspective. *Information and Management*, 2017, vol. 55, no. 2, pp. 160–176. DOI: 10.1016/j.im.2017.05.003
13. Liao H., Wang B., Li B., Weyman-Jones T. ICT as a General-Purpose Technology: The Productivity of ICT in the United States Revisited. *Information Economics and Policy*, 2016, vol. 36, pp. 10–25. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2016.05.001
14. Moulton B.R. GDP and the Digital Economy: Keeping Up with the Changes. Understanding the Digital Economy: Data, Tools, and Research. In: *Understanding the Digital Economy*. Cambridge, MIT Press, 2000, pp. 34–48.
15. Walsham G. Development Informatics in a Changing World: Reflections from ICTD2010/2012. *Information Technology for Development*, 2017, vol. 23, no. 1, pp. 18–41. DOI: 10.1080/02681102.2016.1246406.
16. Haltiwanger J., Jarmin R.S. Measuring the Digital Economy. In: *Understanding the Digital Economy*. Cambridge, MIT Press, 2000, pp. 13–33.

17. Kozlov A.V., Teslya A.B., Ivashchenko A.A. Otsenka urovnya tsifrovizatsii regionov s primeneniem nechetkoy logiki [Evaluation of Digitalization Level of Regions with Fuzzy Logic Appliance]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem* [Managing Sustainable Development], 2021, no. 4 (35), pp. 21–31.
18. Kozlov A.V. Opredelenie urovnya razvitiya tsifrovoy infrastruktury v regione: metodika i sravnitel'nyy analiz na primere territoriy rossiyskoy Arktiki [Determining the Level of Digital Infrastructure Development in the Region: Method and Comparative Analysis on the Example of the Territories of the Russian Arctic]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal], 2019, no. 2 (58): 5813.
19. Kozlov A.V. Metod opredeleniya urovnya razvitiya tsifrovoy infrastruktury regiona s primeneniem apparata nechetkikh mnozhestv na primere Murmanskoy oblasti [Method for Determining the Level of Development of the Digital Infrastructure of a Region Using the Fuzzy Sets Theory: Case of the Murmansk Region]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2020, no. 1 (67), pp. 106–117. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.009
20. Sadyrtidinov R.R. Uroven' tsifrovizatsii regionov Rossii [The Level of Digitalization of the Regions of Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2020, no. 10 (444), pp. 230–235. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11029
21. Kamneva V.V., Baeva D.A. Otsenka urovnya tsifrovizatsii na osnove regional'nogo indeksa setevoy gotovnosti [Assessing the Level of Digitalization Based on Regional Network Readiness Index]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Economics and Management], 2021, no. 1, pp. 37–44. DOI: 10.14529/em210104
22. Katz R., Koutroumpis P., Callorda F.M. Using a Digitization Index to Measure the Economic and Social Impact of Digital Agendas. Emerald Group Publishing Limited, 2014, vol. 16, no. 1, pp. 32–44. DOI: 10.1108/info-10-2013-0051
23. Tang L., Lu B., Tian T. Spatial Correlation Network and Regional Differences for the Development of Digital Economy in China. *Entropy*, 2021, vol. 23 (12), 1575. DOI: 10.3390/e23121575

*Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022;
принята к публикации 27.09.2022.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 175–188.

Научная статья

УДК [314.93+316.322](985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.175

Дифференциация северных регионов России по состоянию трудового потенциала

Ромашкина Юлия Валерьевна^{1✉}, младший научный сотрудник

¹ Карельский научный центр Российской академии наук, ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910, Россия

¹ romashkinayulia@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2043-3060>

Аннотация. Целью представленного исследования является определение значимых, устойчивых во времени различий между северными регионами России по показателям трудового потенциала населения. Объект исследования — трудовой потенциал населения северных регионов России. Для разработки типологии регионов были отобраны 22 показателя за период 2014–2020 гг., характеризующие трудовой потенциал населения и условия его реализации. В результате корреляционного анализа сформировано признаковое пространство на основе 8 показателей, определяющих четыре блока компонентов трудового потенциала: а) демографический, б) компонент здоровья, в) образования, г) экономические показатели, отражающие взаимодействия на рынке труда. Результатом типологии стало выявление шести устойчивых типов регионов, для которых характерны специфические инертные процессы, обусловленные культурно-историческими и природно-климатическими факторами. Выявлено, что в период пандемии COVID-19 увеличился разрыв между регионами в части показателей трудового потенциала, оставив прежнее соотношение регионов. Представленная типология может быть использована для дальнейших исследований в области управления трудовым потенциалом на региональном уровне. С практической точки зрения работа может представлять интерес для государственных органов власти при разработке управленческих решений в области реализации инвестиционных проектов, особенно в рамках реализации государственной программы социально-экономического развития Арктической зоны РФ. Кроме того, восстановление экономики отдельных регионов России после тяжёлого кризиса, вызванного пандемией, возможно благодаря наращиванию трудового потенциала населения. Представленная типология позволяет определить приоритетные направления в этой области, позволяющие повысить комплексный показатель трудового потенциала, что наиболее актуально для северных регионов.

Ключевые слова: трудовой потенциал, региональная дифференциация, типология, северные регионы России, Арктика, демографические процессы, качество населения

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания КарНЦ РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Differentiation of the Northern Regions of Russia in Terms of Labor Potential

Yuliya V. Romashkina^{1✉}, Research Assistant

* © Ромашкина Ю.В., 2023

Для цитирования: Ромашкина Ю.В. Дифференциация северных регионов России по состоянию трудового потенциала // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 175–188. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.175

For citation: Romashkina Yu.V. Differentiation of the Northern Regions of Russia in Terms of Labor Potential. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 175–188. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.175

¹ Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, 185910, Russia

¹ romashkinayulia@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2043-3060>

Abstract. The purpose of the study is to determine significant, sustainable differences between the northern regions of Russia in terms of labor potential of the population. The object of the study is the labor potential of the population of the northern regions of Russia. In order to develop the typology of regions, 22 indicators were selected for the period 2014–2020, characterizing the labor potential of the population and the conditions for its implementation. The correlation analysis has resulted in the formation of a feature space based on eight indicators that determine four blocks of labor potential components: a) demographic, b) health component, c) education, d) economic indicators reflecting interaction in the labor market. The typology has resulted in the identification of six stable types of regions that are characterized by specific inert processes due to cultural-historical and natural-climatic factors. It is revealed that during the COVID-19 pandemic, the gap between regions in terms of labor potential increased, leaving the same ratio of regions. The proposed typology can be used for scientific research in the field of labor potential management the regional level. From a practical point of view, the work may be of interest to state authorities when developing managerial decisions in the field of implementing investment projects, especially within the framework of implementing the state program of socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation. In addition, the recovery of the economy of certain Russian regions after the severe crisis caused by the pandemic is possible due to the increase in the labor potential of the population. The presented typology makes it possible to identify the priority areas, allows increasing the comprehensive indicator of labor potential, which is most relevant for the northern regions.

Keywords: *labor potential, regional differentiation, typology, northern regions of Russia, Arctic, demographic process, population quality*

Введение

Российское пространство отличается высокой неоднородностью. При этом климатические различия между югом и севером страны определяют экономическое, социальное, культурное развитие этих территорий. Различия между севером и югом на первый взгляд очевидны. Особый интерес представляет разнообразие территорий Севера, обусловленное рядом факторов — климатическими различиями между Востоком и Западом, степенью их освоённости, экономическим развитием, наличием природных ресурсов, полезных ископаемых. Кроме того, территории значительно отличаются по численности, плотности населения, его качественным характеристикам. Совокупность качественных и количественных характеристик определяет совокупную способность населения к труду, то есть его трудовой потенциал.

Для северных и арктических территорий трудовой потенциал представляет особый интерес, так как поставленные в Стратегии развития Арктической зоны ¹ задачи требуют существенных человеческих ресурсов и высоких показателей трудового потенциала. Как отмечают исследователи, существующая динамика миграционных процессов и общих негативных демографических процессов не позволяет на текущий момент достичь требуемого уровня трудового потенциала [1, Фаузер В.В., Смирнов А.В.]. Тем не менее, эти тенденции различаются среди северных регионов. Кроме того, различия наблюдаются и в качественной состав-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

ляющей трудового потенциала. Повышенное внимание не только к арктическим, но и остальным северным регионам обусловлено необходимостью оценки трудового потенциала регионов, находящихся в непосредственной близости к арктическим, для выявления миграционных резервов при реализации крупных инфраструктурных проектов. Помимо очевидной экономии транспортных расходов, использование местных трудовых ресурсов предпочтительнее по причине более лёгкой адаптации к климатическим изменениям [2, Татаркин А.И., Захарчук Е.А., Логинов В.Г.].

Сокращение разрыва между регионами в качественных характеристиках населения, рост общего показателя трудового потенциала возможен благодаря выявлению общих закономерностей и различий в формировании трудового потенциала северных регионов России. Поэтому цель данного исследования — разработка типологии северных регионов, определяющей различия в социальных, экономических, демографических процессах между регионами, необходимые для выявления резервов роста трудового потенциала — представляется актуальной.

Предметом исследования выступает набор социально-демографических и экономических показателей населения — людей, преимущественно проживающих и работающих на территории северных регионов России. К северным регионам относятся субъекты Федерации, территории которых полностью или частично отнесены к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям². Далее под регионом понимается субъект Российской Федерации. В настоящем исследовании объектом выступает трудовой потенциал населения северных регионов России. Под трудовым потенциалом понимается обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к общественно полезной деятельности, которыми определяются возможности отдельного человека, групп людей, всего трудоспособного населения по их участию в труде [3, Маслова И.С.].

Теоретические основы дифференциации регионов

Исследования трудового потенциала населения вызывают интерес исследователей уже на протяжении последних 40 лет. Он является основой экономического развития территорий и роста благосостояния общества. Его оценка, измерение до сих пор является дискуссионным вопросом ввиду качественно-количественной сущности объекта.

В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством Римашевской Н.М. разработана методика оценки интегрального показателя трудового потенциала с помощью индексного метода [4, Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Волкова Г.Н., Мигранова Л.А.; 5, Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С.]. В этот показа-

² Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации о признании недействующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР».

тель вошли демографическая составляющая, показатели здоровья, образования, благосостояния, образовательно-квалификационный уровень, психофизическое состояние, социально-личностная компонента. Кроме того, с помощью данной методики проанализированы характеристики трудового потенциала российских регионов и составлен их рейтинг.

Группой исследователей из Вологодского научного центра РАН разработана подобная методология расчёта интегрального показателя трудового потенциала организации, основанная на качественных и количественных показателях, включающих физиологический, образовательный, профессиональный, инновационный, социальный и экономический потенциалы [6, Ильин В.А.].

В последние годы усилилось внимание к Северу и Арктике, в частности к их трудовому потенциалу. Коллективом учёных Кольского научного центра РАН обоснована роль трудового потенциала в развитии Арктики и в реализации национальных интересов на её территории [7, Корчак Е.А.; 8, Корчак Е.А., Скуфына Т.П.]. Кроме того, дана оценка трудовому потенциалу северных регионов с применением Индекса развития трудового потенциала (ИРТП) [9, Попова Л.А., Терентьева М.А.; 10, Попова Л.А., Терентьева М.А.]. Исследование было проведено на основе данных Всероссийской переписи населения за период 2002–2010 гг. Для расчёта использованы пять базовых индикаторов: доля трудоспособного населения, уровень образования, профессиональной подготовки и переподготовки, квалификации и опыта работы, способствующие повышению дееспособности работника, уровень заработной платы, вооружённость труда средствами и орудиями труда, уровень занятости. Стоит отметить, что измерение трудового потенциала и отдельных его компонентов, как правило, сопровождается составлением рейтингов, типологий или классификаций, отражающих региональную дифференциацию.

Дифференциации регионов исследователи уделяют особое внимание в связи со спецификой российского пространства [11, Мареева С.В., Ворон О.В., с. 44–50]. Страна с такой огромной площадью априори не может быть однородной, и понимание особенностей развития каждой отдельной территории является важнейшей задачей для реализации национальных проектов и достижения глобальных целей. В данной работе для дифференциации регионов как метод научного познания использована типология, представляющая собой процесс деления множества объектов на однородные группы для упорядочивания и дальнейшего описания свойств объектов, относящихся к тому или иному типу. В общественных науках типологии используют для дифференциации множества объектов, анализа ситуации и применения управленческих решений к разным типам и группам объектов. Под типологией понимается формирование устойчивых во времени групп регионов со схожими социально-экономическими, демографическими процессами, определяющими формирование и развитие характеристик трудового потенциала населения. Она носит важное научное и прикладное значение [12, Главацкая Н.]. Разработка типологии российских регионов в целом, а также северных регионов в частности ранее осуществлялась по различным основани-

ям [13, Ивашкова Т.К., Морозова Н.В.; 14, Старикова Т.В.; 15, Макарова Т.В.; 16, Ignatev V.G., Nurtdinov I.I., Zhilina N.N.; 17, Fedorov G., Korneevets V.]. В зарубежных исследованиях также прибегают к разработке типологии регионов. Особое внимание уделяют социально-демографическим процессам как основе развития территорий [18, Kladiwo P., Ptáček P., Roubínek P., Ziener K.; 19, Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P., Petrakos G.; 20, Woods M.]. Коллектив исследователей из Института социально-экономических проблем народонаселения и Высшей школы экономики разработал типологию регионов России на основе индикаторов, характеризующих человеческий потенциал [21, Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В.].

В настоящем исследовании разработана типология северных регионов России по отдельным показателям, характеризующим трудовой потенциал населения региона и эффективность его использования.

Анализ работ в области измерения трудового потенциала на региональном уровне позволил сформировать теоретические представления о структуре трудового потенциала и сформулировать гипотезу о существовании устойчивых во времени типов северных регионов со схожими тенденциями в области качественных и количественных характеристик трудового потенциала населения.

Методы

Для разработки типологии возможно применение различных математических методов и инструментов. В процессе типологизации особую роль приобретает проблема выбора исходных показателей, формирующих признаковое пространство. Для сопоставимости объектов применяются относительные показатели. Соблюдение условия необходимости и достаточности числа признаков в формировании признакового пространства обеспечивается подбором показателей, соответствующих задаче. Кроме того, с помощью проведения корреляционного анализа исключается один из двух показателей, имеющих между собой высокий уровень взаимосвязи. Проведённый автором корреляционный анализ предполагал исключение одного из пары показателей с высокими значениями корреляции (более 0,7 по модулю).

Источниками информации на этапе сбора показателей, соответствующих теоретическим представлениям о трудовом потенциале населения северных регионов, послужили статистические сборники и справочники Росстата, а также результаты ежегодного обследования рабочей силы, статистические данные различных ведомств. Подбор показателей осуществлён исходя из цели исследования путём анализа данных статистических справочников и литературы по вопросам измерения и дифференцирования трудового потенциала. В итоге определено 22 показателя, определяющих признаковое пространство по четырём группам показателей, представляющих собой характеристику основных составляющих трудового потенциала:

- Демографическая компонента трудового потенциала показывает основные количественные характеристики трудового потенциала: а) естественный прирост населения, на 1 000 человек населения; б) общий коэффициент рождаемости, человек на 1 000 человек населения; в) суммарный коэффициент рождаемости; г) смертность от внешних причин, человек на 10 000 человек населения; д) общий коэффициент смертности, человек на 1 000 человек населения; е) коэффициент миграционного прироста, человек на 10 000 человек населения; ж) доля городского населения в общей численности, %. з) доля населения в трудоспособном возрасте, %;
- Компонента физического здоровья включает в себя четыре показателя: а) ожидаемая продолжительность жизни, лет; б) ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет; в) смертность в трудоспособном возрасте, человек на 10 000 человек населения; г) заболеваемость на 1 000 человек населения;
- Образовательная составляющая: а) численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения; б) численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена на 10 000 человек населения; в) доля рабочей силы с высшим образованием, %;
- Показатели, характеризующие рынок труда: а) уровень безработицы, %; б) ВРП на душу населения, руб.; в) медианный среднедушевой доход, руб.; г) среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций, руб.; д) средний возраст занятых, лет; е) доля экономически активного населения, %; ж) доля валовой добавленной стоимости добычи полезных ископаемых в ВРП, %.

Далее приведём аргументацию отбора показателей.

В демографическую компоненту вошли 8 показателей, среди них выделяются показатели с высоким значением парной корреляции Пирсона. По этой причине из анализа и итоговой матрицы признаков пространства были исключены следующие показатели: общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, смертность от внешних причин, общий коэффициент смертности, доля населения в трудоспособном возрасте. Кроме того, из анализа исключён показатель миграционного прироста, так как не удалось выявить стабильной динамики этого показателя в региональном разрезе: в разные годы он менялся как в положительную, так и в отрицательную сторону. Исключённые показатели в коррелируемой паре вносили меньший вклад в межгрупповую дисперсию. Это стало определяющим в выборе показателей, включаемых в анализ. В итоге после предварительного анализа осталось два показателя из демографической компоненты, используемых для дальнейшего анализа — естественный прирост населения и доля городского населения в общей численности.

В компоненту физического здоровья вошли 4 показателя, два из которых — ожидаемая продолжительность жизни при рождении, смертность в трудоспособном возрасте —

имеют высокие значения корреляции. Из анализа исключён показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении по причине сильной связи, а также ожидаемой продолжительности здоровой жизни по причине отсутствия данных за весь исследуемый период.

В образовательную компоненту отобраны три показателя, из которых высокий уровень корреляции наблюдается у двух: численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена. Из анализа исключён показатель численности студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена.

На этапе распределения трудового потенциала и дальнейшего его развития важную роль играет рынок труда, его структура, определяющая спрос на трудовой потенциал. Ключевой характеристикой, отражающей эффективность функционирования рынка труда, является уровень безработицы. Кроме того, ряд стоимостных показателей — ВРП на душу населения, медианный среднедушевой доход, среднемесячная заработная плата — косвенно отражает уровень жизни населения, привлекательность региона и структуру производства. Из 7 показателей, характеризующих рынок труда, в дальнейшем анализе участвуют два — уровень безработицы и среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций.

Выбор математического инструментария определён исходя из постановки задачи, шкалы измерения и объёма данных. Группировка регионов происходила посредством использования многомерных статистических методов классификации, основным из которых выбран метод иерархической кластеризации. Кластерный иерархический анализ как метод многомерной классификации отвечает всем требованиям и задачам.

В рамках кластерного анализа использовался метод Варда [22, Ward J.H.] — способ измерения расстояния посредством квадрата Евклидова расстояния. Стабильность типологии проверена путём повторения процедуры кластеризации данных, собранных за 7 лет — с 2014 по 2020 гг.

Результаты и выводы

По итогам кластерного анализа 22 из 24 регионов показали устойчивую динамику на исследуемом временном отрезке. Приморский и Забайкальский края исключены из типологии, так как год от года примыкали к разным кластерам. Результаты итоговой типологии приведены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение регионов по типам

I тип «Образовательные»	Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Томская область, Тюменская область без автономий
II тип «Недообследованные»	Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Сахалинская область, Хабаровский край

III тип «Стремительно стареющие»	Амурская область, Архангельская область без автономного округа, Иркутская область, Красноярский край, Пермский край, Республика Карелия, Республика Коми
IV тип «Урбанизированные»	Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ
V тип «Доходные»	Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ
VI тип «Бедные»	Республика Тыва, Республика Алтай

Характеризуя каждый из типов регионов, важно сопоставить данные за 2020 г. с данными за предыдущие годы — до пандемии COVID-19. Стоит отметить, что в 2020 г. основные социально-демографические тенденции, присущие каждому типу регионов, сохранились, хотя различия стали выражены более ярко, обнажив сильные и слабые стороны в области накопления и использования различных компонентов трудового потенциала. В 2020 г., по сравнению с 2019 г., предшествующем пандемии, во всех исследуемых регионах выросло значение общей смертности и смертности населения в трудоспособном возрасте, что отразилось на показателе естественного движения населения, а также вырос уровень безработицы. Кроме того, снизился показатель заболеваемости очевидно по причине сокращения плановых медицинских обследований населения.

Далее более детально охарактеризуем каждый из типов регионов.

I. Регионы с высокой долей студентов, «образовательные» — Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Томская область, Тюменская область без автономных округов. Регионы, относящиеся к данному типу, характеризуются высокими показателями численности студентов вузов — в 2020 г. среднее значение по кластеру составило 327,8 человек на 10 000 человек населения. Смертность населения в трудоспособном возрасте в этих регионах одна из самых низких. Из негативных тенденций стоит отметить, что при высоком уровне образованности населения наблюдается достаточно высокий уровень безработицы, кроме того, удельный вес безработных с высшим образованием самый высокий среди других типов регионов, что говорит об острой проблеме «сверхобразованности» в регионах. Среди регионов, относящихся к первому типу, особое место занимает Томская область, где численность студентов максимальная по отношению к общей численности населения среди северных регионов. Являясь «кузницей кадров», регион обеспечивает квалифицированной рабочей силой близлежащие, в том числе Арктические регионы, где наблюдается дефицит квалифицированной рабочей силы.

II. Регионы с недостаточным охватом населения медицинской диагностикой, «недообследованные» — Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Сахалинская область, Хабаровский край. Особенностью данного типа регионов является низкое значение заболеваемости в сочетании с высокими показателями смертности, что может свидетельствовать о проблеме в области охраны здоровья населения. Однако данный факт не может однозначно отражать качество работы медицинских организаций в этих

регионах. Российские и зарубежные учёные в своих исследованиях отмечают региональные особенности самосохранительного поведения населения [23, Короленко А.В.; 24, Petrović D., de Mestral C., Bochud M.], что также может быть рассмотрено как качественная характеристика трудового потенциала и влиять на показатели заболеваемости и смертности. Особенностью территориального расположения регионов, относящихся к данному типу, является их приграничное положение с выходом к северным морям.

III — «стремительно стареющие» — Амурская область, Архангельская область без автономного округа, Иркутская область, Красноярский край, Пермский край, Республика Карелия, Республика Коми. В регионах, относящихся к этому типу, на протяжении всего исследуемого периода общий коэффициент смертности оставался самым высоким среди всех типов регионов, а в 2020 г. вырос на 15 п.п. относительно 2019 г. Кроме того, в регионах, относящихся к этому типу, самые низкие показатели рождаемости. Таким образом, регионы стремительно теряют население за счёт естественного движения. Возрастная структура населения накладывает свои ограничения и вносит корректировку в структуру трудового потенциала и особенности управления им.

IV — «урбанизированные» — Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ. Экономика этих регионов основана на добыче и переработке нефти и газа. Богатые месторождения обеспечивают высокий уровень дохода населения и доступность медицинских услуг. Эти регионы характеризуются самыми низкими показателями смертности в сочетании с высокими показателями заболеваемости. За счёт низких показателей смертности и достаточно высокого уровня рождаемости в этих регионах наблюдается большой естественный прирост населения. Кроме того, население этих регионов наиболее урбанизировано и уровень безработицы в среднем рекордно низкий (2,7% — в 2020 г.). При небольшой численности студентов ВУЗов в этих регионах наблюдается самая высокая доля занятых с высшим образованием. В отдельные годы естественный прирост населения в этих регионах был максимальным среди исследуемых регионов. Несмотря на высокие показатели качественных и количественных характеристик трудового потенциала, регионы постоянно испытывают его дефицит в связи с миграционным движением населения.

V — «доходные» — Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ — отличаются высокими показателями заболеваемости, смертности в трудоспособном возрасте и смертности от внешних причин. Естественный прирост населения преимущественно положительный. В этих регионах высока доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП, уровень безработицы выше среднего показателя по России. С этих территорий за исследуемый период наблюдался максимальный миграционный отток населения при самых высоких показателях медианного среднедушевого дохода и ВРП на душу населения. Высокая доля рабочей силы с высшим образованием обеспечивается за счёт временной миграции — рабочих вахтовым методом.

К VI типу «бедные» относятся горные приграничные регионы — Республики Тыва и Алтай. Бедность этих регионов определяет весь комплекс качественных характеристик трудового потенциала населения, проживающего на этих территориях. В отличие от остальных районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, эти регионы находятся в более южных широтах, но за счёт горной местности климат соответствует показателям северных регионов. Отраслевая специализация и природно-ресурсный потенциал этих регионов определяют общее благосостояние населения. Среди специфических признаков данных регионов стоит отметить структуру населения — возрастно-половую пирамиду прогрессивного типа — при высоком уровне рождаемости, преобладании детей и молодёжи, сельского населения, наблюдается высокий уровень бедности и безработицы. Повышение качественных характеристик трудового потенциала в этих регионах требует существенных финансовых вложений. Совокупность факторов бедности, безработицы, недоступности медицинских услуг и прочих негативных процессов способствует оттоку активной молодёжи в другие более благополучные регионы, где есть возможность развить и реализовать трудовой потенциал.

Таблица 2

Средние показатели по кластерам в 2020 г.

	I	II	III	IV	V	VI
Заболеваемость на 1 000 человек	723,1	694,8	896,3	1 047,6	1 180,6	763,4
Смертность в трудоспособном возрасте (на 100 000 человек трудоспособного возраста)	520,0	643,6	656,6	416,3	718,2	630,0
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения;	327,8	148,4	202,0	67,0	14,0	138,5
Доля рабочей силы с высшим образованием	35,0	35,5	29,5	38,7	34,5	33,8
Естественный прирост населения, на 1 000 человек	-0,1	-3,5	-5,5	5,8	1,9	6,4
Доля городского населения в общей численности населения, %	66,3	86,3	76,8	88,3	72,7	41,8
Уровень безработицы, %	7,8	5,3	7,0	2,7	6,6	16,0
Медианный среднедушевой доход, руб.	33 322,0	55 106,4	32 904,9	72 359,0	86 859,5	20 329,0

Таблица 3

Средние показатели по кластерам в 2019 г.

	I	II	III	IV	V	VI
Заболеваемость на 1 000 человек	756,7	729,5	961,3	1096,3	1267,7	744,9
Смертность в трудоспособном возрасте (на 100 000 человек трудоспособного возраста)	489,2	608,9	607,6	363,5	689,8	592,9

Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения;	332,5	176,4	204,3	72,5	13,5	136,0
Доля рабочей силы с высшим образованием	32,3	34,6	27,6	41,9	35,3	29,9
Естественный прирост населения, на 1 000 человек	1,6	-1,7	-3,2	7,2	3,1	6,9
Доля городского населения в общей численности населения, %	66,3	86,2	76,7	88,3	72,7	41,8
Уровень безработицы, %	6,4	4,6	6,0	2,2	5,9	11,7
Медианный среднедушевой доход, руб.	32651	52555,6	31745,9	68883,0	82213,0	18437,0

По результатам проведённого исследования выявлены различные типы регионов с особыми характеристиками и устойчивыми тенденциями накопления, распределения и использования трудового потенциала. Данная типология позволит учитывать региональные особенности трудового потенциала для разработки управленческих решений на различных уровнях.

Заключение

Резюмируя полученные результаты, следует отметить, что по итогам проведённого кластерного анализа подтвердилась гипотеза о наличии значимых устойчивых различий среди северных регионов России в области накопления и использования трудового потенциала. Кроме того, выявлены регионы со схожими социально-экономическими и демографическими тенденциями, которые образуют устойчивые во времени типы. В большинстве исследуемых регионов (22 из 24) на протяжении 7 лет наблюдается стабильное соотношение рассмотренных показателей.

Анализ ситуации за период 2014–2020 гг. показал, насколько инертны процессы формирования и использования трудового потенциала. Наиболее значимую роль в формировании трудового потенциала играют те факторы, которые Пол Кругман называл «факторами первой природы» [25, Krugman P.] — географическое положение, климат, наличие полезных ископаемых и природных ресурсов. Это те ресурсы, благодаря которым возможно создание социально значимых объектов, в конечном итоге формирующих качественный трудовой потенциал. Однако не все регионы, имеющие такие преимущества, используют их для улучшения уровня жизни местного населения и повышения его качественных характеристик, что особенно выявляется в кризисные периоды.

В кризисный 2020 г., связанный с пандемией, стала наблюдаться дивергенция между различными типами регионов: произошло ускорение ранее наблюдаемых процессов. Особенно это отразилось на демографических процессах: в регионах, где ранее наблюдалась неблагоприятная ситуация в области охраны здоровья населения — ключевого показателя трудового потенциала — в кризисный период значительно увеличилась смертность насе-

ния по сравнению с другими, более благополучными регионами. Изменения остальных показателей трудового потенциала также зависели от региональных особенностей и тех резервов, наличие которых наблюдалось в регионах к началу пандемии. Кроме того, в 2020 г. главы регионов вынуждены были принять решения относительно мер по контролю над распространением вируса, и «запас прочности» экономики регионов играл важную роль при принятии тех или иных решений.

Восстановление экономики северных регионов будет зависеть от качественных и количественных характеристик трудового потенциала населения. Особенно важно усвоить уроки пандемии и, учитывая существующие социально-демографические тенденции для каждого из типов регионов, принимать решения по повышению отдельных показателей трудового потенциала и его использованию.

Список источников

1. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. 2020. № 4 (40). С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
2. Татаркин А.И., Захарчук Е.А., Логинов В.Г. Современная парадигма освоения и развития российской арктической зоны // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. № 2. С. 4–13.
3. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества. Вопросы теории и методологии исследования. Москва: Политиздат, 1987. 125 с.
4. Римащевская Н.М., Бочкарева В.К., Волкова Г.Н., Мигранова Л.А. Качество трудового потенциала в регионах России // Народонаселение. 2012. № 3. С. 111–127.
5. Римащевская Н.М., Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С. Человеческий и трудовой потенциал российских регионов // Народонаселение. 2014. № 3. С. 106–119.
6. Трудовой потенциал региона. Коллективная монография / Под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 84 с.
7. Корчак Е.А. Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике: монография. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 174 с.
8. Корчак Е.А., Скуфына Т.П. Трудовой потенциал как социальный фактор саморазвития регионов и местных сообществ Арктической зоны России // Теория и практика общественного развития. 2018. № 10. С. 44–48. DOI: 10.24158/tpor.2018.10.7
9. Попова Л.А., Терентьева М.А. Сравнительная оценка трудового потенциала северных регионов России // Регион: Экономика и социология. 2014. № 1(81). С. 29–45.
10. Popova L.A., Terentieva M.A. Employment potential of the Russian North // Arctic and North. 2014. No. 14. Pp. 47–63.
11. Неравенство в оплате труда: динамика, основные факторы, региональные различия, влияние институтов рынка труда: аналитический доклад / Под общ. ред. С.В. Мареева, О.В. Ворон. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. 96 с.
12. Типология российских регионов. Коллективная монография / Под ред. Н. Главацкой. Москва, 2002. 386 с.
13. Ивашкова Т.К., Морозова Н.В. Типология регионов Российской Федерации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. № 6. DOI: 10.15862/87EVN614.
14. Старикова Т.В. Развитие типологии регионов в системе стратегического планирования // Экономика промышленности. 2017. № 10 (2). С. 172–178. DOI: 10.17073/2072-1633-2017-2-172-178
15. Макарова Т.В. Типологизация регионов России по уровню экономической безопасности // Вестник Евразийской науки. 2018. № 1. 7 с.

16. Ignatev V.G., Nurtdinov I.I., Zhilina N.N., Shamsutdinova M.R., Dubrova M.V. Typology of Regions by Structural-Investment Type and Economic Dynamics // Cooperation and Sustainable Development. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 245. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_166
17. Fedorov G., Korneevets V. Socioeconomic typology of Russia's coastal regions // Baltic region. 2015. № 4 (26). С. 121–134. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-7
18. Kladivo P., Ptáček P., Roubínek P., Ziener K. The Czech-Polish and Austrian-Slovenian borderlands — similarities and differences in the development and typology of regions // Moravian Geographical Reports. 2012. No. 3 (20). Pp. 48–63.
19. Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P., Petrakos G. A border regions typology in the enlarged European Union // Journal of Borderlands Studies. 2005. No. 2 (20). Pp. 67–89. DOI: 10.1080/08865655.2005.9695644
20. Woods M. Regions engaging globalization: A typology of regional responses in rural Europe // Journal of Rural and Community Development. 2013. No. 8 (3). Pp. 113–126.
21. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. 2015. № 4. С. 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15
22. Ward J.H. Hierarchical grouping to optimize an objective function // Journal of the American Statistical Association. 1963. Vol. 58. No. 301. Pp. 236–244. DOI: 10.1080/01621459.1963.10500845
23. Короленко А.В. Физическое здоровье и его поведенческие факторы в оценках населения страны и региона: опыт сравнительного анализа // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. № 1 (17). С. 4–25. DOI: 10.14258/zosh(2020)1.1
24. Petrovic D., de Mestral C., Bochud M., Bartley M., Kivimäki M., Vineis P., Mackenbach J., Stringhini S. The contribution of health behaviors to socioeconomic inequalities in health: A systematic review // Preventive Medicine. 2018. Vol. 113. Pp.15–31. DOI: 10.1016/j.ypmed.2018.05.003
25. Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499. DOI: 10.1086/261763

References

1. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Migratsii naseleniya rossiyskoy Arktiki: modeli, marshruty, rezul'taty [Migration of the Russian Arctic Population: Models, Routes, Results]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2020, no. 4 (40), pp. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
2. Tatarkin A.I., Zakharchuk E.A., Loginov V.G. Sovremennaya paradigma osvoeniya i razvitiya rossiyskoy arkticheskoy zony [Modern Paradigm of Development of the Russian Arctic Zone]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economics of the North-West: Problems and Development Prospects], 2015, no. 2, pp. 4–13.
3. Maslova I.S. *Trudovoy potentsial sovetskogo obshchestva. Voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Labor Potential of the Soviet Society. Issues of Theory and Methodology of Research]. Moscow, Politizdat Publ., 1987, 125 p. (In Russ.)
4. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Volkova G.N., Migranova L.A. Kachestvo trudovogo potentsiala v regionakh Rossii [Quality of Labour Potential in Russian Regions]. *Narodonaselenie* [Population], 2012, no. 3, pp. 111–127.
5. Rimashevskaya N.M., Migranova L.A., Toksanbaeva M.S. Chelovecheskiy i trudovoy potentsial rossiyskikh regionov [Human and Labour Potential of the Russian Regions]. *Narodonaselenie* [Population], 2014, no. 3, pp. 106–119.
6. Ilyin V.A., ed. *Trudovoy potentsial regiona* [Labor Potential of the Region]. Vologda, ISERT RAS, 2009, 84 p. (In Russ.)
7. Korchak E.A. *Trudovoy potentsial severnykh regionov v ramkakh realizatsii gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike: monografiya* [The Labor Potential of the Northern Regions in the Framework of the Implementation of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic]. Apatity, KSC RAS, 2017, 174 p. (In Russ.)
8. Korchak E.A., Skufyina T.P. Trudovoy potentsial kak sotsial'nyy faktor samorazvitiya regionov i mestnykh soobshchestv Arkticheskoy zony Rossii [Labor Potential as a Social Factor in the Self-Development of Regions and Local Communities of the Russian Arctic]. *Teoriya i praktika ob-*

- shchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2018, no. 10, pp. 44–48. DOI: 10.24158/tipor.2018.10.7
9. Popova L.A., Terentyeva M.A. Sravnitel'naya otsenka trudovogo potentsiala severnykh regionov Rossii [The Peculiarities of Demographic Aging in the Northern Regions of Russia]. *Region: Ekonomika i sotsiologiya* [Regional Research of Russia], 2014, no. 1(81), pp. 29–45.
 10. Popova L.A., Terentyeva M.A. Employment Potential of the Russian North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 14, pp. 47–63.
 11. Mareev S.V., Voron O.V., eds. *Neravenstvo v oplate truda: dinamika, osnovnye faktory, regional'nye razlichiya, vliyaniye institutov rynka truda: analiticheskiy doklad* [Wage Inequality: Dynamics, Main Factors, Regional Differences, and the Impact of Labor Market Institutions: an Analytical Report]. Moscow, NRU HSE Publ., 2021, 96 p. (In Russ.)
 12. Glavatskaya N., ed. *Tipologiya rossiyskikh regionov. Kollektivnaya monografiya* [Typology of Russian Regions]. Moscow, 2002, 386 p. (In Russ.)
 13. Ivashkova T.K., Morozova N.V. Tipologiya regionov Rossiyskoy Federatsii [Typology of Regions of the Russian Federation]. *Naukovedenie*, 2014, no. 6. DOI: 10.15862/87EVN614.
 14. Starikova T.V. Razvitie tipologii regionov v sisteme strategicheskogo planirovaniya [The Regional Typology Development in the System of Strategic Planning]. *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2017, no. 10 (2), pp. 172–178. DOI: 10.17073/2072-1633-2017-2-172-178
 15. Makarova T.V. Tipologizatsiya regionov Rossii po urovnyu ekonomicheskoy bezopasnosti [Classification of Russian Regions in Terms of Economic Security]. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2018, no. 1, pp. 1–7.
 16. Ignatev V.G., Nurtdinov I.I., Zhilina N.N., Shamsutdinova M.R., Dubrova M.V. Typology of Regions by Structural-Investment Type and Economic Dynamics. *Cooperation and Sustainable Development. Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, vol. 245. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_166
 17. Fedorov G., Korneevets V. Socioeconomic Typology of Russia's Coastal Regions. *Baltic Region*, 2015, no. 4 (26), pp. 121–134. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-7
 18. Kladio P., Ptáček P., Roubínek P., Ziener K. The Czech-Polish and Austrian-Slovenian Borderlands — Similarities and Differences in the Development and Typology of Regions. *Moravian Geographical Reports*, 2012, no. 3 (20), pp. 48–63.
 19. Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P., Petrakos G. A Border Regions Typology in the Enlarged European Union. *Journal of Borderlands Studies*, 2005, no. 2 (20), pp. 67–89. DOI: 10.1080/08865655.2005.9695644
 20. Woods M. Regions Engaging Globalization: A Typology of Regional Responses in Rural Europe. *Journal of Rural and Community Development*, 2013, no. 8 (3), pp. 113–126.
 21. Lokosov V.V., Ryumina Ye.V., Ulyanov V.V. Regional'naya differentsiatsiya pokazateley chelovecheskogo potentsiala [Regional Differentiation of Human Potential Indicators]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2015, no. 4, pp. 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15
 22. Ward J.H. Hierarchical Grouping to Optimize an Objective Function. *Journal of the American Statistical Association*, 1963, vol. 58, no. 301, pp. 236–244. DOI: 10.1080/01621459.1963.10500845
 23. Korolenko A.V. Fizicheskoe zdorovye i ego povedencheskie faktory v otsenkakh naseleniya strany i regiona: opyt sravnitel'nogo analiza [Physical Health and Its Behavioral Factors in the Population Assessment of the Country and Region: Experience of the Comparative Analysis]. *Zdorovye cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta* [Health, Physical Culture and Sports], 2020, no. 1 (17), pp. 4–25. DOI: 10.14258/zosh(2020)1.1
 24. Petrovic D., de Mestral C., Bochud M., Bartley M., Kivimäki M., Vineis P., Mackenbach J., Stringhini S. The Contribution of Health Behaviors to Socioeconomic Inequalities in Health: A Systematic Review. *Preventive Medicine*, 2018, vol. 113, pp. 15–31. DOI: 10.1016/j.ypmed.2018.05.003
 25. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99, no. 3, pp. 483–499. DOI: 10.1086/261763

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022;
принята к публикации 21.07.2022.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 189–210.

Научная статья

УДК [316:811.5](470.111)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.189

Состояние сохранности ненецкого языка в Ненецком автономном округе: по материалам социологического исследования

Сабуров Александр Алексеевич¹✉, кандидат исторических наук, доцент

Никифоров Алексей Сергеевич², ассистент

Минчук Олег Викторович³, старший преподаватель

^{1,2,3} Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ a.saburov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3274-5723>

² a.nikiforov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0636-3510>

³ o.minchuk@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведённого в 2022 г. в городе Нарьян-Маре, а также посёлках Нельмин Нос и Красное Ненецкого автономного округа. По результатам интервью со специалистами и экспертами в области ненецкого языка, работающими в сфере образования и культуры, а также в профильных органах исполнительной власти округа, сделаны выводы о сохранности ненецкого языка в регионе. Особое внимание уделено представлениям респондентов о таких аспектах языковой ситуации, как использование ненецкого языка разными группами населения в различных сферах жизни, межпоколенческая передача, присутствие языка в публичном пространстве и сети Интернет, мотивация населения к изучению и использованию языка. По результатам исследования сформированы рекомендации по сохранению ненецкого языка на территории Ненецкого автономного округа с учётом языковой ситуации в регионе, а также российских и зарубежных практик по сохранению малых языков. В качестве приоритетных направлений работы предлагаются следующие: (1) выстраивание системной работы по сохранению и повышению статуса ненецкого языка в округе; (2) поддержка рабочих мест, инициатив, организаций и конкретных людей, ведущих деятельность по сохранению языка и культуры; (3) создание привлекательной языковой среды, особенно в цифровой сфере (сети Интернет), с фокусом на детей младшего школьного возраста; (4) поддержка сообществ, прежде всего оленеводческих общин и сельскохозяйственных производственных кооперативов, где используется язык и сохраняется его межпоколенческая передача.

Ключевые слова: ненецкий язык, сохранение и ревитализация языка, Ненецкий автономный округ, российская Арктика, КМНС, коренные народы, витальность языка

Благодарности и финансирование

Коллектив авторов благодарит за помощь в проведении исследования Департамент внутренней политики Ненецкого автономного округа и Хатанзейского Юрия Аркадьевича, президента Ассоциации ненецкого народа «Ясавэй» Ненецкого автономного округа, заме-

* © Сабуров А.А., Никифоров А.С., Минчук О.В., 2023

Для цитирования: Сабуров А.А., Никифоров А.С., Минчук О.В. Состояние сохранности ненецкого языка в Ненецком автономном округе: по материалам социологического исследования // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 189–210. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.189

For citation: Saburov A.A., Nikiforov A.S., Minchuk O.V. Preservation of the Nenets Language in the Nenets Autonomous Okrug: Based on Sociological Survey. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 189–210. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.189

стителя губернатора Ненецкого автономного округа по делам ненецкого и других коренных малочисленных народов Севера.

Preservation of the Nenets Language in the Nenets Autonomous Okrug: Based on Sociological Survey

Aleksandr A. Saburov¹✉, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

Aleksey S. Nikiforov², Assistant

Oleg V. Minchuk³, Senior Lecturer

^{1, 2, 3} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ a.saburov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3274-5723>

² a.nikiforov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0636-3510>

³ o.minchuk@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted in 2022 in the city of Naryan-Mar, as well as in the villages of Nelmin Nos and Krasnoe of the Nenets Autonomous Okrug. Based on the results of interviews with specialists and experts in the field of the Nenets language, working in education and culture, as well as in the relevant executive authorities of the Okrug, conclusions about the preservation of the Nenets language in the region were made. Particular attention is paid to the respondents' perceptions of such aspects of the language situation as the use of the Nenets language by different population groups in various spheres of life, intergenerational transmission, the presence of the language in public space and on the Internet, and the motivation of the population to learn and use the language. The study resulted in recommendations for the preservation of the Nenets language in the Nenets Autonomous Okrug, taking into account the linguistic situation in the region, as well as Russian and foreign practices for the preservation of small languages. The following are proposed as priority areas of work: (1) organizing systematic work to preserve and improve the status of the Nenets language in the Okrug; (2) supporting workplaces, initiatives, organizations and individuals involved in the preservation of language and culture; (3) creating an attractive language environment, especially in the digital sphere (the Internet), with a focus on primary school children; (4) supporting communities, especially reindeer herding communities and agricultural production cooperatives, where the language is used and its intergenerational transmission is maintained.

Keywords: *Nenets language, language preservation and revitalization, Nenets Autonomous Okrug, Russian Arctic, indigenous peoples, language vitality*

Введение

На сегодняшний день в мире насчитывается более 7 000 языков¹. Примерно 85% из них — это «малые» языки, имеющие менее 100 тысяч носителей [1, Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я., с. 24]. При этом, по данным справочника «Ethnologue», 3 045 языков или 43% от всех языков мира находятся под угрозой исчезновения², а по наиболее пессимистическим прогнозам до 95% языков могут исчезнуть к концу нынешнего столетия. Актуальность проблемы подчёркивается тем, что ООН объявил десятилетие с 2022 по 2032 г. «Международным десятилетием языков коренных народов мира», а в Российской Федерации 2022 г. официально стал «Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России».

¹ How many languages are endangered? / Ethnologue: Languages of the World. URL: <https://ethnologue.com/guides/how-many-languages-endangered> (дата обращения: 20.01.2023).

² Там же.

Данная проблема актуальна и для ненецкого языка, несмотря на лучшую его сохранность относительно многих других языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Численность носителей ненецкого тундрового языка неуклонно снижается. Так, в переписи населения 1989 г. 79,5% ненцев указали владение своим этническим языком и 79,7% — владение русским. В переписи населения 2002 г. эти цифры составили уже 75,8% и 88,8%³, а в переписи 2010 г. 44% и 91,4% соответственно. Снижение численности носителей языка обусловлено постепенным выходом ненецкого языка из сферы семейного общения и разрушением естественной традиции передачи языка от родителей к детям. Как отмечает С.И. Буркова: «Хотя данные социолингвистических опросов свидетельствуют о позитивном отношении тундровых ненцев к своему этническому языку, на деле большинство родителей предпочитает говорить со своими детьми на русском языке, считая его более важным, открывающим путь к образованию и карьере. Свою роль здесь играет и глубоко укоренившееся ошибочное представление о том, что овладеть функционально более мощным языком большинства населения можно только отказавшись от своего родного языка» [2].

Особенно стремительными темпами утрата тундровыми ненцами своего этнического языка происходит в Ненецком автономном округе (НАО)⁴. В НАО тундровый ненецкий язык находится под угрозой исчезновения (*definitely endangered*), за исключением территории проживания общины «Ямб то». По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., только 750 человек владеют ненецким языком. По данным публикации в газете Нарьяна Вындер, на 2018 г. фактически значительно меньшее число ненцев в НАО свободно владеет ненецким языком⁵. По предварительным данным Всероссийской переписи населения за 2021 г., численность ненцев в Ненецком автономном округе составила 6 713 чел., а количество владеющих ненецким языком возросло до 1 279 чел.⁶ Вместе с тем эти данные не отражают такие важные аспекты оценки языковой ситуации, как уровень владения языком, его использование в различных сферах жизни, а также межпоколенческую передачу языка.

Однако, несмотря на актуальность проблемы сохранения ненецкого языка и его законодательной защиты, предусмотренной Уставом Ненецкого автономного округа⁷ и

³ Ненецкий язык / Проект Института языкознания РАН «Малые языки России». URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/neneckiy-yazyk> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ Интернет-сайт «Малые языки России» Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/neneckiy-yazyk> (дата обращения: 20.01.2023).

⁵ Когда язык нем // Общественно-политическая газета ненецкого автономного округа «Нарьяна Вындер». URL: <http://nvinder.ru/article/vypusk-no-139-20770-ot-18-dekabrya-2018-g/33922-kogda-yazyk-nem> (дата обращения: 20.01.2023).

⁶ Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 20.01.2023).

⁷ Устав Ненецкого автономного округа (с изменениями и дополнениями). URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_nenetsk/ (дата обращения: 20.01.2023).

Законом «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа»⁸, в последние годы не проводились исследования его сохранности, которые бы могли лечь в основу разработки мер по его развитию.

Подходы к оценке сохранности малых языков

Согласно теории витальности этноязыковой и социальной группы, язык рассматривается как один из факторов, который определяет «жизнеспособность» (витальность) этноязыковой группы. Понятие витальности используется в разных областях науки: в лингвистике, в социологии (в том числе, в социальной психологии) и этнологии. В социологических и лингвистических исследованиях изучаются механизмы поддержки группами своей целостности в контексте взаимодействия с другими группами, а также инструментарий конструирования языковой ситуации в мире.

Существующие подходы к определению понятия витальности и ревитализации определяются различными моделями для измерения состояния языка, именуемыми шкалами витальности. Попытка комплексного сравнения различных шкал витальности на эмпирическом материале четырех миноритарных языков России была предпринята сотрудниками Института языкознания РАН [3, Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О.]. В данной работе рассматриваются:

- шкала ЮНЕСКО (содержит шесть уровней витальности, опирается на 9 критериев, наиболее значимым из которых является межпоколенческая передача);
- шкала М. Краусса (семь уровней витальности, так же, как и шкала ЮНЕСКО, наибольшее внимание уделяет передаче языка от старших поколений к младшим);
- EGIDS — Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale (используется в ресурсе Ethnologue, опирается на два критерия: сферы использования языка и владение языком среди представителей разных поколений);
- ELCat — The Catalogue of Endangered Languages (интегральная шкала, включающая в себя четыре параметра витальности языка: межпоколенческая передача, абсолютное число носителей, динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы и сферы использования).

В рамках современных исследований, посвящённых языковой ситуации, изучаются вопросы социолингвистического состояния отдельных языков^{9, 10}, общественные представ-

⁸ Закон Ненецкого автономного округа от 18 марта 2013 г. N 4-ОЗ «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа» (с изменениями на 13 марта 2019 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/553156630> (дата обращения: 20.01.2023).

⁹ Харитонов В.С., Иванов В.В., Каде М.А. Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России. 2. Состояние языков России». URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc2.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

ления о языковой ситуации [4, Арутюнова Е.М.], состояние многоязычия в регионах России [5, Puryunina M., Aralova N.; 6, Хакназаров С.Х.], отдельные аспекты витальности языка, например, языковой ландшафт [7, Иванов В.В.], подходы и практики по сохранению, возрождению и развитию языков¹¹ [8, Chambers N.A.; 9, Grenoble L.A.; 10, Hinton L., Huss L., Roche G.; 11, O'Dowd M.; 12, Hinton L., Hale K.; 13, Tarabukina U.P.], языковая политика на региональном уровне¹², а также вопросы документации языков¹³.

Материалы и методы исследования

В течение 2022 г. авторы статьи принимали участие в реализации проекта «Возможности применения в Ненецком автономном округе российского и зарубежного опыта по сохранению и ревитализации языков коренных народов» совместно с Ассоциацией ненецкого народа «Ясавэй». Одной из задач проекта являлся анализ представлений о состоянии сохранности ненецкого языка на территории Ненецкого автономного округа.

Для реализации данной задачи в период с 19 по 25 сентября 2022 г. были проведены 39 полуструктурированных интервью со специалистами и экспертами в области ненецкого языка, работающими в следующих организациях: Этнокультурный центр НАО, Центральная библиотека имени А.И. Пичкова, Ненецкий региональный центр развития образования, Нарьян-Марский социально-гуманитарный колледж имени И.П. Выучейского, Департамент внутренней политики НАО, Департамент образования, культуры и спорта НАО, Ненецкая средняя школы А.П. Пырерки, филиал Этнокультурного центра НАО в поселке Нельмин Нос, детский сад п. Нельмин Нос, основная школа п. Нельмин Нос и средняя школа п. Красное. В выборку также вошли 2 человека, которые в прошлом в рамках профессиональной деятельности были связаны с ненецким языком и культурой, а на момент интервью являлись активными членами Ассоциации ненецкого народа «Ясавэй».

В связи с ограниченными временными ресурсами авторам статьи не удалось провести полевые исследования во всех населённых пунктах округа со значительной долей ненецкого населения (Бугрино, Индига, Ома, Несь, Хорей-Вер, Каратайка, Усть-Кара). Репрезентативность выборочной совокупности обеспечена тем, что интервью были проведены практически во всех окружных органах власти и ведущих организациях, осуществляющих деятель-

¹⁰ Павлова О.М. Современная языковая ситуация в сообществе тверских карел: как так вышло и что мы можем сделать. URL: <https://rutube.ru/video/974d23105da2a3da882b1c1aaaf241b8/> (дата обращения: 20.01.2023).

¹¹ Винклер Э.А., Павлова О.М. Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России. 3. Российские практики сохранения, возрождения и развития языков». URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc3.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

¹² Замятин К.Ю. Формирование языковой политики РФ и республик: от истории к современности (устный пленарный доклад) // Языковая ситуация и языковой ландшафт национальных регионов в XX — начале XXI вв. Институт истории Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, 29 июня 2021.

¹³ Аралова Н.Б., Будянская Е.М., Сюрюн А.А., Груздева Е.Ю. Как документировать языки, чтобы их сохранить. Методические рекомендации по сбору материала для потенциальной поддержки и ревитализации миноритарных языков. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc7_appendix2.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

ность в сфере ненецкого языка и культуры. Кроме того, в населённых пунктах, где были проведены интервью (Нарьян-Мар, Нельмин Нос, Красное), проживает большая доля — около 45% ненецкого населения от числа всех ненцев Ненецкого автономного округа.

В путеводитель интервью были включены 3 группы вопросов. В первую группу вошли вопросы, цель которых состояла в выявлении представлений респондентов о сохранности и развитии ненецкого языка в Ненецком автономном округе. В данном блоке выявлялись сферы и объёмы использования языка (особенно в образовании, СМИ и медиа, Интернете, государственном управлении), уровень его межпоколенческой передачи, динамики данных параметров в течение последних лет. Выбор указанных аспектов обусловлен их крайне высокой значимостью для сохранности языка в соответствии с принятыми шкалами витальности [1, Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я., с. 28].

Вторая группа вопросов была посвящена выявлению представлений респондентов о факторах, влияющих на мотивацию к изучению и использованию ненецкого языка населением НАО. В связи с тем, что проект был направлен в том числе на формулирование практических рекомендаций, третья группа вопросов в путеводителе была связана с изучением представлений респондентов о реализуемых и реализованных мерах по сохранению ненецкого языка в округе, а также возможностях использования российских и зарубежных практик по сохранению родного языка.

Результаты исследования

Использование ненецкого языка различными группами населения

По результатам проведённого интервью, все респонденты выразили серьёзную обеспокоенность сохранностью ненецкого языка на территории Ненецкого автономного округа. Обобщив проведённые интервью, можно выделить 3 группы ненецкого населения, которые наиболее активно используют ненецкий язык. К первой группе относятся кочующие оленеводы; ко второй — те, чья деятельность непосредственно связана с развитием ненецкого языка; к третьей — старшее поколение ненцев.

1. Как язык повседневного общения ненецкий язык используется в среде кочующих оленеводов, прежде всего, ввиду ограниченных контактов с поселковой русскоязычной средой и отсутствия русскоязычной лексики для обозначения слов, связанных с оленеводством. Респонденты единогласны в том, что, прежде всего, ненецкий язык сохранился в общине Ямб то. В отношении других общин и сельскохозяйственных производственных кооперативов консенсус отсутствует: часть респондентов отмечали, что оленеводы, особенно младшего поколения, говорят на русском языке.

«Там, где компактно (малонаселённо) проживают коренные народы — ненцы. Можно по пальцам пересчитать населённые пункты, где сохранились сельскохозяйственные производственные кооперативы, которые занимаются оленеводством. Дети оленеводов, которые перешли на оседлый образ жизни, они реже используют свой родной ненецкий язык. В основном этот язык идёт вперемешку с русским языком. Ямб то говорят

на родном языке. Они живут своим миром, в школе не учились, поэтому они сохранили родной язык» (респондент № 19).

«Ненецкий язык по большей части используется среди оленеводов, поскольку сохранён традиционный образ жизни и сама обстановка предполагает использование языка» (респондент № 9).

«Насколько знаю, свободно общаются оленеводы общины Ямб то. Другие общины смешивают ненецкий с русским или используют язык Коми» (респондент № 5).

«Выходцы из общины Ямб то (говорят на ненецком языке). Использование русского крайне редко, так как по роду деятельности необходимо и ведут кочевой образ жизни» (респондент № 39).

«Мне кажется, что в последнее время ненецкий используется только в тех населённых пунктах, где есть говорящие на родном ненецком языке, например, община Ямб то. В Нельмином Носе можно встретить, в Красном. И то, ребята из Бугрино, которые у меня учатся, — свободно говорящих нет»¹⁴ (респондент № 2).

«В округе из 44 000 человек 7 000 считаются ненцами, из них говорит на ненецком община Ямб то — человек 100; люди, которые кочуют, разговаривают на ненецком; участники театра «Илебц» молодёжь попутно учат. Дети на ненецком практически не говорят» (респондент № 36).

2. Ненецкий язык используется теми, чья работа связана или была связана с развитием ненецкого языка и культуры. В эту группу входят школьные учителя, воспитатели, сотрудники профильных учреждений: Этнокультурный центр НАО, Ненецкий региональный центр развития образования, Социально-гуманитарный колледж имени И.П. Выучейского, Ненецкая центральная библиотека имени А.И. Пичкова, Ненецкий краеведческий музей, представители органов государственной власти. В эту же категорию попадают участники различных творческих коллективов, таких как театр «Илебц», ансамбли «Хаяр», «Ханийко», «Маймбава» (п. Нельмин Нос), «Ненэй Сё» (п. Красное).

«Ненецкий язык распространён ... среди образовательных учреждений — учителей родного языка и учащихся, учреждений культуры — специалистов, кто владеет языком и потребителей — участников мероприятий» (респондент № 9).

«До того, как прийти на эту работу, я о нём (о ненецком языке) даже не вспоминала. Моя мама в совершенстве владеет языком, она родилась в Большеземельской тундре и прекрасно его знает. В повседневной жизни в городе я ненецкого языка не слышала. Я слышу ненецкую речь только на работе в кабинете, когда с мамой разговариваю, и ещё у меня учитель ненецкого языка Она смс мне пишет на ненецком языке» (респондент № 6).

«Говорят не постоянно, иногда. В театрах, рассказывают стихотворения, рассказы» (респондент № 20).

¹⁴ Здесь и далее курсивом в кавычках приведены цитаты из интервью с респондентами.

3. Среди других групп населения в бытовом и повседневном общении ненецкий язык использует только старшее поколение (по мнению различных респондентов, это возраст старше 50–60 лет) для общения между собой или в ситуациях, когда не желают, чтобы присутствующие поняли их. В основном это касается «национальных» посёлков (Нельмин Нос, Красное, Бугрино, Каратайка, Индига, Ома, Несь).

«Среднее» поколение (35–45 лет) слышали звучание ненецкого языка (являются т. н. «спящими носителями»), а их дети не говорят по-ненецки в повседневной жизни, используя его только на уроках в школах. Несколько респондентов отметили, что уроки ненецкого языка учителя нередко ведут на русском языке.

«Ситуация печальная. Использование языка минимальное. В школах язык свободно не практикуется, только на уроках ненецкого языка и литературы (и то учителя ведут урок на русском). Свободно язык не используется в округе» (респондент № 5).

«Проблема языка стоит остро. В повседневной жизни он используется мало. Дети и молодёжь не используют. В основном только старшее поколение ... Среди городских жителей мало носителей ненецкого языка. На ненецком говорят люди, которые живут в посёлках: Нельмин Нос, Красное, Коротайка, Индига, Ома, Несь. Некоторые ведут кочевой образ жизни» (респондент № 39).

«В городе остались носители языка, которым за 35–40 лет, которые чаще слышали звучание родного языка. Но не используют его в быту и на работе. Внуки и дети уже не слышат ненецкий язык. Язык может использоваться на культурно-массовых мероприятиях. В населённых пунктах язык сохранился, но владеют им те, кому за 30 лет» (респондент № 19).

«Говорят люди возраста 60 и старше. Молодёжь и младшее поколение максимум только понимает» (респондент № 34).

«Родители и бабушки не разговаривают на родном ненецком языке, современные дети не знают ненецкого» (респондент № 19).

«Дети и внуки уже не разговаривают на ненецком. Родители в Нарьян-Маре больше используют в общении русский язык» (респондент № 1).

«В моём детстве родители разговаривали с детьми. Сейчас в основном русская речь» (респондент № 3).

«Взрослые могут говорить с детьми на ненецком, но ответы получают по-русски» (респондент № 5).

«Молодёжь уже понимает, но не говорит. Проблема уже настоящая. Уйдёт поколение — и всё» (респондент № 34).

«В городе и на селе общаются на русском. Мы попробовали на ненецком говорить, но перешли на русский незаметно» (респондент № 6).

«Нет, редко только бабка или дедка что-то скажут, чтобы поругаться» (респондент № 34).

Большинство респондентов отмечают негативную динамику относительно численности носителей ненецкого языка в округе, связывая это, прежде всего, с уходом из жизни старшего поколения («уменьшилось», «количество носителей уменьшается», «меньше стало», «заметное падение, статистика печальная, к сожалению», «динамика уменьшается, так как люди умирают, и старшее поколение уходит», «число значительно уменьшилось из-за исчезновения старшего поколения» и т. д.). Только в одном интервью нами зафиксировано противоположное мнение: «Мне кажется, что количество увеличивается. Если заглянуть в соцсети, то видно, что количество людей, говорящих на ненецком, растёт. В публичном пространстве, на различных мероприятиях он стал чаще использоваться. Сейчас даже на улице ненецкий стал чаще слышен среди жителей» (респондент № 9).

Ненецкий язык в публичном пространстве

В публичном пространстве ненецкий язык встречается на вывесках на зданиях школ, органов государственной власти, государственных учреждений. Ряд респондентов отмечал такую практику, как вывески в общественном транспорте (автобусах) с отдельными словами и фразами на ненецком языке и их переводом на русский язык. В газете «Наръяна вындер» публикуется страница на ненецком языке («Ялумд»), но она, по мнению многих респондентов, мало востребована в связи с тем, что та же самая информация представлена на более понятном русском языке.

Ненецкий язык в сети Интернет

Ненецкий язык частично встречается в Интернет-пространстве. Ряд респондентов отметил в интервью рост использования языка на различных интернет-ресурсах в последнее время («В интернете ненецкий в последнее время встречается. Встречаются пожелания, поздравления на ненецком языке. Интернет сейчас помогает поддерживать родной язык. Интерес растёт») (респондент № 9).

Наибольший объём видеоконтента на ненецком языке публикуется в средствах массовой информации: проекты телекомпании «Ямал-медиа» (новостная передача «Ялэмдад нумгы», YouTube-канал и сообщество в vk.com «ЭтноАрктика»), телекомпании «Северный город» (новостные выпуски Телевизионной службы Таймыра), газета «Красный Север» — «Наръяна Нэрм» (сообщество vk.com, сайт с выпусками газеты на ненецком языке), газета «Наръяна вындер» (страница «Ялумд»).

Отдельного внимания заслуживает YouTube-канал «Ненэй Вада» (Альберт Окотетто), на котором собран большой объём видеозаписей с носителями ненецкого языка. Также контент на ненецком языке встречается на YouTube-каналах Владислава Выучейского и Ирины Коткиной.

Большой объём материалов на ненецком языке размещён на онлайн-ресурсах Этнокультурного центра НАО, Ненецкой центральной библиотеки имени А.И. Пичкова (проект

«Живая книга ненецкого языка»), Ненецкого регионального центра развития образования (проект «Спасибо учителю родного языка»), сайте «Чумотека».

На сайтах youtube.com и vk.com размещены видеозаписи с фольклорными композициями ансамблей из НАО (театр «Илебц», ансамбли «Хаяр», «Ханийко», «Маймбава», «Ненэй Сё») и Ямало-Ненецкого автономного округа (Сыра'сэв, Сёётэй Ямал, Минлей, Вы' Сей), а также записи произведений современной эстрады (популярные певцы из ЯНАО Надежда Сэротэтто и Нямда Няруй). Большое число просмотров имеют видео, подготовленные для конкурса каверов на народных языках КМНС «Поющие голоса».

Ненецкий язык используется в тематических сообществах vk.com (Ненэй ненэца ил, Ненэй ненэца "лахана") и страницах пользователей социальной сети (например, Ольга Ефремовна Латышева). Уроки ненецкого языка размещены на youtube-каналах «Этнографическая экспедиция Настоящие люди» (9 уроков базового ненецкого языка) и «Дети Арктики» (5 уроков ненецкого языка). На ненецком языке на момент подготовки настоящей статьи размещены 6 мультфильмов («У Лукоморья», «Зимняя сказка», «Два медведя», «Воробей и мышь», «Кукушка», «Жил лисёнок рыжий в тундре»).

Тем не менее, в сети Интернет видеоконтента с качественным изображением размещено немного. Практически отсутствуют видеозаписи с субтитрами, которые были бы понятны носителям и русского, и ненецкого языка.

Ключевые проблемы, препятствующие сохранению ненецкого языка в НАО

Респонденты были в целом едины во мнении об угрожающей языковой ситуации и её негативной динамике в последние десятилетия. Исходя из проведённых интервью, авторы настоящего исследования выделили главные проблемы, лежащие в основе сложившейся ситуации с ненецким языком в округе.

1. Невостребованность ненецкого языка в большинстве сфер жизни, непрестижность владения ненецким языком, абсолютное доминирование русского языка. Исключение составляют группы, которые используют ненецкий язык (см. п. «Использование ненецкого языка различными группами населения»). Практически все респонденты отметили низкий уровень мотивации у ненцев к изучению родного языка.

«Ощущение, что всё это нужно только нам, интеллигенции, а остальным только по праздникам. Язык мертвеет» (респондент № 12).

«Молодёжь не видит практического применения языка. В семьях не говорили на ненецком языке, чтобы дети его хорошо знали» (респондент № 9).

«У моей мамы большая семья. Братья, сёстры язык знают, но подзабывают, а их дети интереса к языку не проявляют. Они даже работают в тех сферах, где язык не нужен» (респондент № 6).

«Молодой человек, когда выезжает из семьи, не использует родной язык. Пользуется благами цивилизации, где нет ненецкого языка» (респондент № 3).

«Родители не всегда отпускают детей на изучение ненецкого. Изучение родного ненецкого — не обязательно» (респондент № 2).

«Старшее поколение не разговаривает с нами, а самим учить нет смысла потом в работе, учёбе и карьере» (из интервью со студентом колледжа).

2. Слабое развитие языковой среды, особенно для детей младшего возраста. Это выражается, во-первых, в отсутствии межпоколенческой передачи (родители, бабушки и дедушки чаще всего говорят с детьми на русском языке). Поколенческий разрыв в знании языка большинство респондентов связывают с тем, что в советский период знание русского языка стало основным социальным лифтом. Имели место дискриминация говорящих на ненецком языке и фактический запрет использования языка; система школ-интернатов «оторвала» детей от родителей, ведущих кочевой образ жизни. Большинство ненцев перешло от традиционного кочевого образа жизни к оседлому, где преобладала русскоязычная языковая среда. Во-вторых, данная проблема связана с отсутствием качественного контента (языковой среды) в Интернете и цифровой сфере в целом (см. п. «Ненецкий язык в сети Интернет»), а также ограниченным количеством часов преподавания ненецкого языка в школе.

«Не говорят, мало говорят, потому что сейчас русский язык звучит отовсюду: радио, телевизор. Бабушки и родители в основном думают на ненецком языке, а дети — нет. Они учатся, читают сказки — везде русский язык. Когда ты редко слышишь ненецкий язык, а чаще русский, то начинаешь думать и говорить по-русски» (респондент № 19).

«Родители мало разговаривают с детьми на ненецком языке, из-за чего дети смеются, когда услышат ненецкий язык» (респондент № 8).

«Проблема в основном в том, что нет языка в семье, поэтому мотивация низкая» (респондент № 39).

«Всё зависит от семьи. Если родители захотят с ребенком заниматься, то ребенок будет знать язык» (респондент № 2).

«Нет общения в семье, нет желания родителей общаться со своими детьми. Нет системы преемственности передачи языка» (респондент № 39).

«Старшее поколение не передаёт знания настолько, насколько бы могло» (респондент № 8).

«Нет разговорной среды, бабушки и деды разговаривают только на русском языке с детьми и внуками» (респондент № 25).

«Только сейчас приходит осознание, что нужно было с детьми говорить на ненецком языке. Но обычно дети в садике, а родители на работе, вечером не было времени разговаривать. Сейчас дети жалеют о том, что не знают родного языка» (респондент № 20).

«Нет освещения информации в СМИ, например, детские передачи. Его (языка) нет в открытом доступе» (респондент № 5).

3. В НАО присутствует такое явление, как стеснение собственного языка и культуры, которого не наблюдается у большинства ненцев, живущих в Ямало-Ненецком автономном

округе. Данная проблема выделялась в интервью большим числом респондентов. Кроме того, многими отмечалось, что сегодня практически отсутствует популяризация знания ненецкого языка.

«Ситуация критическая! Ненецким языком владеет только старшее поколение (50+). Ненецкие дети стесняются своего происхождения, боятся говорить на родном языке» (респондент № 8).

«В отличие от Ямала, ненцы в Округе боятся говорить и гордиться тем, что они ненцы» (респондент № 1).

«Нет внутренней мотивации, стесняются, стыдятся языка» (респондент № 5).

«Стеснение говорить на ненецком языке. Это влияние советского периода» (респондент № 7).

«В городе на нём стыдно говорить, буллинг» (респондент № 34).

4. Недостаточная материальная и методическая поддержка работников образования и культуры. Данную проблему отмечали многие респонденты, подчёркивая низкий уровень зарплат и высокую нагрузку по месту работы, в том числе поручения руководства принимать участие в неоплачиваемых проектах и инициативах. В свою очередь, многие частные проекты, направленные на развитие ненецкого языка, являются добровольными, материально не поддерживаемыми инициативами. Кроме того, ряд работников системы образования указал на отсутствие жилья в Нарьян-Маре для иногородних специалистов, низкие зарплаты, крайне ограниченную поддержку собственных инициатив. В качестве отдельной проблемы выделяется нехватка качественных учебных и методических материалов для учителей и изучающих ненецкий язык, особенно в цифровом формате.

«Учителя ненецкого языка жалуются на то, что им неоткуда брать информацию, в отличие от учителей русского. Сейчас всех просят отправлять на портал «Дети Арктики», но там мало материалов» (респондент № 5).

5. Отсутствие системной работы по сохранению и развитию языка. На сегодняшний день не утверждены целевые показатели, перечень мероприятий по развитию ненецкого языка и ответственные за их реализацию органы государственной власти. У большинства работников культуры и образования отмечается общий пессимистический настрой в отношении сохранения языка. Более того, некоторые респонденты выразили обеспокоенность, что их усилия критикуются со стороны других ненцев. Предметом критики нередко становятся и ошибки в использовании языка (в том числе по причине отличия большеземельского диалекта ненецкого языка, принятого в качестве литературной нормы, от других диалектов): *«Ненецкий язык угасает. Даже если говорят, то не на чистом ненецком языке. Либо неверно произносят, пишут слова. Либо смешивают с русским» (респонденты №20 и № 21).*

«Мы вроде бы все вместе, а в то же время по отдельности»

6. Сокращение численности ненцев, ведущих традиционный образ жизни.

Существующие практики по сохранению ненецкого языка в НАО

В ходе интервьюирования были также выделены ключевые заделы, опыт и практики, способствующие развитию ненецкого языка, на которые можно опираться при планировании работы по развитию языка в округе.

1. Законодательная защита ненецкого языка. Статьей 14 Устава Ненецкого автономного округа¹⁵ предусмотрены признание и гарантии со стороны органов государственной власти округа *права ненецкого народа на сохранение и развитие уклада жизни, культуры, языка, защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации, федеральным и окружным законодательством*. Статья 3 Закона НАО от 18 марта 2013 г. N 4-ОЗ «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа»¹⁶ предусматривает *сохранение и развитие, а также социальную, экономическую и юридическую защиту ненецкого языка на территории Ненецкого автономного округа*.

2. Регулярное бюджетное финансирование рабочих мест (учреждений образования и культуры), в чей функционал входит сохранение и развитие ненецкого языка (Ненецкий региональный центр развития образования, Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа, Ненецкая центральная библиотека имени А.И. Пичкова, городские и поселковые школы и дома культуры).

3. Преподавание в школах на ненецком языке, наличие учебно-методической литературы, проведение региональной олимпиады школьников округа по родному языку.

«Здесь у нас Ольга Ивановна выкручивается как может. Это эффективно! Ребята молодцы, раскрываются. И видно, какие педагоги работают. Это нужно поддерживать» (респондент № 6).

«В нашем центре мы проводим олимпиады и конкурсы на региональном уровне. Дети занимают первые места. Если бы детям про олимпиады и конкурсы не говорили учителя — дети бы не участвовали в этом» (респондент № 5).

4. Работа фольклорных коллективов — театра «Илебц», ансамблей «Хаяр», «Ханий-ко», «Маймбава» (п. Нельмин Нос), «Ненэй Сё» (п. Красное) и других — вносит большой вклад в популяризацию языка и культуры, стимулирует их участников к совершенствованию владения языком, объединяет вокруг себя заинтересованных граждан.

5. Издание книг на ненецком языке; ненецкоязычного приложения «Ялумд» («Заря») к газете «Няръяна вындер»; журналов «Пунушка» и «Сава юн» с текстами на ненецком языке.

¹⁵ Устав Ненецкого автономного округа (с изменениями и дополнениями). URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_nenetsk/ (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁶ Закон Ненецкого автономного округа от 18 марта 2013 г. N 4-ОЗ «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа» (с изменениями на 13 марта 2019 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/553156630> (дата обращения: 20.01.2023).

6. Реализация отдельных проектов и инициатив, направленных на сохранение ненецкого языка (документация языка в рамках проекта «Этноракурс», информационный и просветительский ресурс «Чумотека», курсы ненецкого языка для взрослых, студия мультфильмов «Кубик» и др.).

7. Проведение публичных мероприятий и акций: День оленя, Дни ненецкой письменности, праздник ненецкой культуры «Сава Сё», конкурсы / акции стихов, песен, костюмов и др.

«Радует, что учреждение культуры пытаются возродить язык через какие-то мероприятия» (респондент № 19).

«Проводятся концерты этномузыки. Приезжал Тим Дорофеев со своей группой. Приезжали ребята из Норвегии, которые читали рэп. Было очень хорошо. Была девочка, которая пела ненецкие песни» (респондент № 19).

«Была на диктанте по ненецкому языку, это круто! Люди заинтересованы, это их сближает» (респондент № 8).

«Интерес и спрос есть, но (ребята) стесняются говорить на камеру» (респондент № 4).

«Дети и взрослые с интересом идут на эти мероприятия» (респондент № 34).

«Ребята молодцы, раскрываются» (про конкурсы для школьников), (респондент № 6).

«Это действительно, самим детям тоже интересно» (про конкурсы для школьников), (респонденты № 25–29).

«За последние два года вырос интерес вырос, но это только в рамках мероприятий» (респонденты № 10–11).

8. Наличие проактивных, заинтересованных, равнодушных к сохранению ненецкого языка людей. Практически все опрошенные респонденты реализуют собственные проекты по сохранению языка, нередко выходящие за пределы их должностных обязанностей по месту работы.

9. Рост интереса к ненецкому языку и культуре в последние годы в основном в рамках участия в публичных мероприятиях и акциях. Кроме того, многие респонденты отметили, что в зрелом возрасте (после 35–40 лет) у ненцев появляется осознание и принятие своей ненецкой идентичности и, как следствие, понимание необходимости сохранения языка и культуры.

«Сейчас появился интерес к языку, к культуре. И когда всё это присутствует, то становится привычным. Мы стараемся проводить много акций, направленных на поддержание ненецкого языка. У взрослых людей начал появляться интерес к изучению родного языка» (респонденты № 9–10).

Заключение

На основе проведенного социологического исследования, а также российского и зарубежного опыта по сохранению малых языков в настоящей статье предложены рекоменда-

ции, реализация которых будет способствовать улучшению ситуации с ненецким языком в Ненецком автономном округе. Авторами предлагаются 4 приоритетных (сквозных) направления по сохранению и развитию ненецкого языка в округе:

- выстраивание системной регулярной работы по сохранению, развитию и повышению статуса ненецкого языка;
- поддержка и стимулирование рабочих мест, инициатив, организаций и конкретных людей, ведущих деятельность по сохранению ненецкого языка и культуры в округе.
- создание привлекательной языковой среды, особенно в цифровой сфере (сети Интернет), с фокусом на детей младшего школьного возраста, в связи с тем, что на сегодняшний день основные информационные потоки проходят в сети Интернет.
- поддержка тех сообществ, прежде всего оленеводческих общин и сельскохозяйственных производственных кооперативов, где язык используется и сохранилась его межпоколенческая передача.

Конкретные рекомендации, приведённые ниже, разбиты на три группы в соответствии с ключевыми сферами, в которых усилия по сохранению языка дают наибольший эффект: это государственное управление, образование, а также СМИ и медиа¹⁷.

Рекомендации в сфере государственного управления

1. Разработка проекта документа стратегического планирования (стратегии, концепции, государственной программы) по сохранению и развитию ненецкого языка на территории Ненецкого автономного округа. Принятие документа стратегического планирования

¹⁷ Предложенные рекомендации в целом соответствуют рекомендациям, представленным на мероприятиях, посвящённых сохранению и развитию языков России: Резолюция «Международной конференции «Лингвистический форум 2021: языковая политика и сохранение языков». URL: https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/conferences/2021_lingforum/resolution (дата обращения: 20.01.2023); Резолюция II Всероссийского съезда учителей родных языков, литературы и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. URL: <https://xn--80abbqipopbve.xn--p1ai/novosti/iivserossiyskiy-sezd-uchiteley-rodnyh-yazykov-literatury-i-kultury-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-rossiyskoj-federacii/> (дата обращения: 20.01.2023); Постановление Президиума РАН от 2 марта 2021 года N 37 «Проблемы изучения и сохранения языков народов Российской Федерации: научные основы Концепции государственной языковой политики». URL: https://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=b2f6b9ce-285d-4b3f-9fe5-c9265c94199e (дата обращения: 20.01.2023); Резолюция по итогам проведения в 2022 году серии мероприятий «Языки народов России в системе общего образования Российской Федерации». URL: <https://nra-russia.ru/glavnaya/meropriyatiya/yazyiki-narodov-rossii-itogovaya-rezolyucziya-2022.html> (дата обращения: 20.01.2023); Протокол № 1 заседания Рабочей группы Комитета Государственной Думы по делам национальностей по законодательному обеспечению этнокультурного развития народов России и совершенствованию языковой политики; Итоговая резолюция IX съезда Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Салехард, 04-08 апреля 2021 г. URL: <https://raipon.info/upload/iblock/ef3/ef3933afb4401958e2520842ef2dbc16.pdf> (дата обращения: 20.01.2023); Резолюция Съезда коренных малочисленных народов Севера Ненецкого автономного округа в г. Нарьян-Мар, 21-22 марта 2019 г. URL: <https://smi.adm-nao.ru/kmns/aktualnaya-informaciya-dlya-kmns/sezd-kmns-nao-2019/> (дата обращения: 20.01.2023); Резолюция семинара-совещания «Языки коренных народов Крайнего Севера в системе общего образования Российской Федерации», 19-21 сентября 2021 г.; Резолюция по итогам заседания Всероссийского круглого стола «Перевод с использованием языков народов России. Ненецкий язык» от 14 июня 2022 года. URL: <https://narfu.ru/life/news/university/370602/> (дата обращения: 20.01.2023).

крайне важно для концентрации ограниченных ресурсов для достижения поставленной цели. Стратегия позволит выстроить системную работу с определением приоритетов, целевых показателей, распределением зон ответственности, определением источников и объёмов финансового обеспечения. При этом крайне важно определение органа государственной власти, ответственного за реализацию этого документа.

2. Проведение регулярного мониторинга сохранности ненецкого языка, на территории Ненецкого автономного округа, а также оценки предпринимаемых мер по сохранению языка является важной мерой в целях выстраивания системной работы в данном направлении.

3. Обеспечение систематической поддержки мероприятий, конкурсов и акций по популяризации ненецкого языка и культуры. Данная мера, по мнению большинства респондентов, позволяет привлечь и поддерживать внимание к сохранению ненецкого языка со стороны широкой общественности. Вместе с тем проведение разовых мероприятий не заменяет собой полноценное обучение языку и погружение в языковую среду.

4. Введение надбавок и / или других форм материальной поддержки для учителей, ведущих предмет «Родная (ненецкая) литература», а также ведущих внеклассную работу по сохранению и развитию ненецкого языка. Большинство работников сферы образования в интервью отметили, что существует надбавка в размере 15% к окладу за ведение уроков ненецкого языка, но указали на отсутствие надбавок школьным учителям за ведение родной литературы или внеклассных занятий. Также многими приветствовалось дальнейшее повышение надбавок или расширение круга их получателей: специалисты, занимающиеся вопросами сохранения ненецкого языка и культуры: сотрудники образовательных организаций среднего профессионального образования, учреждений культуры, органов государственной власти (*«Как бы меркантильно ни звучало, но нужна серьёзная материальная поддержка, чуть ли не на уровне заработной платы»*; *«Самое главное — политика по внедрению языка в семью мерами материальной и финансовой поддержки»*; *«Если бы сделали такое служащим администрации — было бы хорошо»*). В то же время отмечалось, что это может вызвать негативную реакцию со стороны представителей других национальностей.

5. Разработка и внедрение механизма обеспечения жильем специалистов, работающих в сфере сохранения и развития ненецкого языка на территории Ненецкого автономного округа.

«Нужно грамотно привлечь специалистов, чтобы они не разочаровались, предоставить хорошие условия проживания. Нужно уметь удержать таких людей» (респондент № 19).

6. Обеспечение регулярного повышения квалификации специалистов в сфере сохранения ненецкого языка и культуры (в том числе стажировки, обмен опытом с коллегами из Ямало-Ненецкого автономного округа).

«Если бы наших учителей отправлять в ЯНАО для перенимания опыта, было бы эффективно» (респондент № 8).

7. Расширение использования ненецкого языка в публичном пространстве (вывески, социальная реклама и др.) в том числе в контексте развития туризма. Большая часть респондентов положительно отнеслась к дублированию вывесок, дорожных указателей на русском и ненецком языках (*«В последнее время это стало даже престижно — назвать фирму или организацию ненецким названием» (респондент № 2)*), однако не все респонденты были уверены, что это даст большой эффект для сохранения языка. Была также высказана идея о том, что данная мера будет способствовать повышению интереса со стороны туристов из других регионов. Ряд представителей органов государственной власти считают, что данная идея не сможет быть реализована (*«Не дадут этого сделать»; «Будет тяжело продвигать эту инициативу»*).

В целом большинство респондентов поддержали идею социальной рекламы, призывающей к изучению родного языка. Вместе с тем некоторые респонденты усомнились в реальном эффекте данной меры, а также предположили, что она может вызвать неоднозначную реакцию представителей других национальностей. Как и в отношении дублирования вывесок, несколько респондентов высказали мнение о том, что данная мера может способствовать развитию туризма.

Рекомендации в сфере образования

1. Создание портала ненецкого языка, включающего в себя онлайн-словари, разговорники (полезные слова и выражения), материалы по изучению языка, методические разработки для учителей, информацию об истории и культуре народа и региона, библиотеку с текстами на языке. Абсолютное большинство респондентов отметило крайне необходимой данную меру, ввиду разрозненности, а иногда и отсутствия качественных материалов для учителей, а также всех изучающих ненецкий язык.

«Приходится разрабатывать свои методические материалы. Поэтому потребность есть» (респонденты № 28–29).

«Было бы здорово, так как все наработки делаю сама и не на компьютере» (респондент № 22).

«Если будет хороший качественный портал, он действительно будет востребован» (респондент № 19).

«Конечно, необходимо, и мы могли бы подключиться к этой идее. Важно подключать самые лучшие наработки в округе, а также использовать опыт ЯНАО» (респондент № 39).

«Было бы здорово, так как такой платформы нет» (респонденты № 11–12).

2. Разработка онлайн-словаря ненецкого языка, доступного в сети Интернет, а также как мобильного приложения.

«Я за современные технологии. Надо обязательно пробовать. Потому что сейчас такого нет! В бумажном варианте словарями мало кто пользуется» (респондент № 19).

3. Разработка электронного учебного пособия, в том числе в форме качественного приложения для мобильных устройств для обучения ненецкому языку в интерактивной форме. Большинство респондентов считает, что такое приложение с заданиями в игровой форме будет эффективным инструментом обучения языку, особенно интересным для детей школьного возраста. Вместе с тем часть респондентов отметила, что не ясно, кто в округе сможет реализовать и, что немаловажно, в дальнейшем поддерживать данный проект.

«Это полезно! Дети не хотят использовать учебники» (респондент № 8).

«Мотивация есть у детей до школы, так как узнают мир, а потом интерес пропадает из-за сухости преподавания» (респондент № 22).

«Если бы было качественное мобильное приложение — почему бы и нет. Есть мобильное приложение, где есть простые фразы на ненецком языке для их изучения для не-знающих, но оно не качественное» (респондент № 5).

«Были желающие это сделать. Но они думали, что это разовая акция. Это же нужно постоянно обновлять. Я буду рада, если найдётся человек, который будет этим заниматься» (респондент № 19).

4. Продолжение проведения курсов ненецкого языка для взрослых. Некоторые респонденты выразили сомнение в эффективности данной меры по причине того, что значительное число тех, кто начинал ходить на курсы, не окончили их: *«Было 25 человек. После полугода дай бог 10 человек осталось», «У нас человек 20 набралось. Прошло несколько месяцев, группа стала уменьшаться, т. к. люди не понимали, зачем им это нужно. На второй год остались 6 человек» (респондент № 19).* Несмотря на отсутствие единого мнения по данному вопросу, мы считаем, что это очень важное начинание, необходимое для тех, кому ненецкий язык необходим для выполнения трудовых функций. Один из респондентов отметила, что *«конечно, особенно (это важно) для профессиональной основы» (респондент № 5), критикуя результаты конкурса «Учитель года», в связи с тем, что некоторые учителя-победители не свободно владеют ненецким языком и могут вести только «разговор учебника».*

Кроме того, по мнению ряда респондентов, курсы позволяют укрепить ненецкую идентичность человека (*«люди начинают понимать кто они такие ... сохранить уклад жизни своих предков» (респондент № 8)*), придать уверенность тем, кто стесняется использовать ненецкий язык (*«может и не так стеснялись бы» (респондент № 19)*).

5. Разработка проекта этнокультурных лагерей (школ) для детей с погружением в языковую среду и традиционную хозяйственную деятельность. В целом респонденты положительно оценили возможную реализацию такой практики, вместе с тем многие респонденты отметили следующие препятствия, которые могут возникнуть при реализации данного мероприятия. Во-первых, это сложности организационного характера, в частности оформле-

ние выезда детей в соответствии с законодательством (в том числе соблюдение санитарно-эпидемиологических правил и норм в условиях стойбища). Во-вторых, на сегодняшний день ограничены возможности по потенциальным местам проведения данных школ. Едва ли не единственная община, где говорят на ненецком языке — это Ямб то, до которой возможно добраться только вертолётom, что требует больших финансовых ресурсов. В-третьих, пребывание детей в общине будет отнимать время у членов общины, необходимое для ведения хозяйственной деятельности. Наконец, такое мероприятие должно длиться достаточно долго, чтобы обеспечить погружение в среду традиционной жизни (*«За неделю мало чему можно выучиться»* (респондент № 3), *«Да, но туда нужно отправлять на полгода, чтобы была вероятность как можно быстрее заниматься традиционным хозяйствованием»* (респондент № 5)).

«Если съездить в Ямб то, то, возможно, результат будет, т. к. там более-менее сохранился язык. Но, опять же, попасть в другую среду к чужим людям и прочувствовать быт — очень трудно. Если детей начать загружать языком, они начнут ныть. Они же все сидят в телефонах всё время» (респондент № 19).

«Это полностью прекрасно и есть на Ямале! Я также хотела бы создать кочевую школу и возить деток в Ямб то» (респондент № 22).

«Это супер! Это очень хорошо. Детей нужно погружать в интерактив. Вывозить из города. Эффект будет!» (респонденты № 9–10).

«Для детей это будет положительный эффект. В оленеводческие бригады (некоторые) дети выезжают каждое лето, в принципе» (респондент № 3).

«(Эта практика) самая эффективная, так как дети погружаются в истинную свою культуру» (респондент № 22).

6. Выявление талантливых учеников и дальнейшее направление на целевое обучение в Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена. Многие респонденты отмечали, что, несмотря на сложную ситуацию в обеспечении округа педагогическими кадрами и специалистами в сфере ненецкого языка и культуры, в последние годы абитуриенты из НАО по разным причинам практически не направлялись на обучение в Институт народов Севера.

Рекомендации в сфере СМИ и медиа

1. Перевод (озвучивание и субтитры) популярных художественных фильмов и мультфильмов на ненецкий язык большинством респондентов оценивается как действенная мера по сохранению языка. Некоторые респонденты указывали, что есть мультфильмы, снятые или переведённые на ненецкий язык, однако анализ открытых источников позволил выявить только 6 таких мультфильмов (см. раздел «Ненецкий язык в сети Интернет»).

«Было бы очень хорошо, если бы на ненецком языке были такие мультики, как «Ну, погоди!». Детям интересно, они усваивают информацию» (респондент № 8).

«Думаю, это было бы возможно! Я бы посмотрела какой-нибудь известный фильм. И народ бы пришёл, если была акция, связанная с просмотром переведённого фильма» (респондент № 6).

«Озвучка популярных фильмов, возможно, также положительно скажется на тех, кто их смотрит. Если детям показывать такое знакомое произведение, тоже можно добиться каких-то результатов. Ребенок будет проводить аналогии, знать сюжет, героев» (респонденты № 9–10).

«Да, имеет место, но с условием, что хорошо понимают язык» (респондент № 13).

«Мультки так-то есть, но мало отражают суть ненецкого языка, а так для подачи и слуха — неплохо, данная практика могла бы работать» (респонденты № 28–29).

«Такая практика есть, (мультфильмы) «Кукушка» и «Солнышко», например. А вот иностранные куда более действенные были бы» (респондент № 3, 22).

«На телеканале Север не показывают, но с подстрочным переводом, то скорее всего да, могли бы смотреть» (респондент № 34).

2. Создание телепередач и / или радиопередач на ненецком языке. С учётом опыта Ямало-Ненецкого автономного округа и Красноярского края мы рекомендуем проработать проект создания таких передач. Вместе с тем данная мера требует больших финансовых затрат и, вероятно, привлечения кадров из вышеперечисленных регионов, ввиду того что для этой цели необходимы специалисты, которые бы одновременно были носителями языка, и специалистами в сфере теле, радио и медиа производства.

3. Организационная и техническая поддержка блогов о ненецком языке, культуре и быте. Многие респонденты отмечали, что смотрят или используют видеоконтент, созданный жителями Ямало-Ненецкого автономного округа, а также знают известных популяризаторов ненецкого языка — выходцев из ЯНАО (Альберт Окотэтто, Хадри Окотэтто). В Ненецком автономном округе, судя по числу просмотров, достаточно популярны YouTube-каналы Владислава Выучейского и Ирины Коткиной. Преобладающее мнение респондентов состоит в том, что блогеров возможно «вырастить», но крайне важна техническая поддержка, обучение съёмке, монтажу и продвижению контента.

«На Ямале точно есть! Если бы были такие блогеры, то население точно стало бы их смотреть. Я бы взялась за это, но нет знаний, как снимать или монтировать» (респондент № 9–10).

«Ребята — спикеры с Герцена (Институт народов севера). Влад Выучейский делает подобное. Их много, они в разных концах. Работа эта не системная. Каждый пытается сделать по-своему» (респондент № 9–10).

«Это интересно! Но в этом нужна техническая помощь и помощь людей, которые знают язык» (респондент № 36).

«Блоги были бы интересны, узнать о жизни и быте» (респонденты № 23–24).

Ряд респондентов отметил, что каналы исключительно на ненецком языке не будут пользоваться популярностью ввиду практического отсутствия носителей языка в округе («Для широкой публики не зайдёт — нет такого количества носителей языка» (респондент № 8); «Видели у ямальцев, но проще принимать контент на русском» (студенты колледжа)).

4. Создание интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на ненецком языке посчитала эффективной мерой примерно половина респондентов. Мы считаем, что это относительно доступная мера, которая позволит привлечь внимание к ненецкому языку и повысить его статус.

Список источников

1. Замятин К., Пасанен А., Саарикив Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. 179 с.
2. Буркова С.И. Ненецкий тундровый язык / Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. Москва, 2016. 322 с.
3. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 7–47. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47
4. Арутюнова Е.М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 50–61. DOI: 10.19181/inab.2019.1.4
5. Pupyina M., Aralova N. Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends // International Journal of Bilingualism. 2021. Vol. 25 (4). Pp. 1081–1101. DOI: 10.1177/13670069211023151
6. Хакназаров С.Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008–2011 годах. Ханты-Мансийск, 2021. 155 с.
7. Иванов В.В. Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ // Социолингвистика. 2021. № 1 (5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163
8. Chambers N.A. Language nests as an emergent global phenomenon: Diverse approaches to program development and delivery // The International Journal of Holistic Early Learning and Development. 2015. Vol. 1. Pp. 25–38.
9. Grenoble L.A., Whaley L.J. Saving languages: An introduction to language revitalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 245 p.
10. The Routledge handbook of language revitalization / Ed. by L. Hinton, L. Huss, G. Roche. New York, NY, Routledge, 2018. 532 p.
11. O'Dowd M. The Sámi people in Scandinavia: Government policies for indigenous language recognition and support in the formal education system // Indigenous education: Language, culture and identity. 2015. Pp. 187–205. DOI:10.1007/978-94-017-9355-1_10
12. Green Book of Language Revitalization in Practice / Ed. by L. Hinton, K. Hale. Boston, Brill, 2013. 468 p.
13. Tarabukina U.P. The Development of Native Languages in Educational Institutions in the Conditions of the Dispersed Indigenous Small-Numbered Peoples in the North, Siberia and the Russian Far East, in the Republic of Sakha (Yakutia) (on the Example of the Even language) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 8. No. 6. Pp. 1111–1120.

References

1. Zamyatin K., Pasanen A., Saarikiv Ya. *Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii?* [How and Why to Preserve the Languages of the Peoples of Russia?]. Helsinki, 2012, 179 p. (In Russ.)

2. Burkova S.I. Nenetskiy tundrovyy yazyk [Nenets Tundra Language]. In: *Yazyk i obshchestvo: Entsiklopediya* [Language and Society: Encyclopedia]. Moscow, 2016, 322 p. (In Russ.)
3. Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M., Evstigneeva A.P., Koryakov Yu.B., Mordashova D.D., Pokrovskaya S.V., Polivanov K.K., Renkovskaya E.A., Khalilova Z.M., Sheifer K.O. Shkaly yazykovoy vital'nosti i ikh primenimost' k materialu konkretnykh yazykovykh situatsiy [Language Vitality Scales and their Applicability to Specific Language Situations]. *Voprosy jazykoznaniya*, 2022, no. 4, pp. 7–47. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47
4. Arutyunova E.M. Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) v kontekste yazykovykh protivorechiy v shkol'nom obrazovanii [Language Situation in the Republic of Sakha (Yakutia) in the Context of Linguistic Contradictions in School Education]. In: *INAB. Mezhnatsional'nye otnosheniya v respublikakh Rossiyskoy Federatsii: primer Tatarstana i Sakha (Yakutii)* [INAB. Interethnic Relations in the Republics of the Russian Federation: The Example of Tatarstan and Sakha (Yakutia)], 2019, no. 1, pp. 50–61. DOI: 10.19181/inab.2019.1.4
5. Pupynina M., Aralova N. Lower Kolyma Multilingualism: Historical Setting and Sociolinguistic Trends. *International Journal of Bilingualism*, 2021, vol. 25 (4), pp. 1081–1101. DOI: 10.1177/13670069211023151
6. Khaknazarov S.Kh. *Sostoyanie rodnykh yazykov korennykh malochislennykh narodov Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry v 2008–2011 godakh* [State of the Native Languages of the Indigenous Peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in 2008–2011]. Khanty-Mansiysk, 2021, 155 p. (In Russ.)
7. Ivanov V.V. Buryatskiy yazyk v yazykovom landshafte i yazykovykh praktikakh v gorode Ulan-Ude [The Buryat Language in the Linguistic Landscape and Language Practices in Ulan-Ude]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], 2021, no. 1 (5), pp. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163
8. Chambers N.A. Language Nests as an Emergent Global Phenomenon: Diverse Approaches to Program Development and Delivery. *The International Journal of Holistic Early Learning and Development*, 2015, vol. 1, pp. 25–38.
9. Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 245 p.
10. Hinton L., Huss L., Roche G., eds. *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. New York, NY, Routledge, 2018, 532 p.
11. O'Dowd M. The Sámi People in Scandinavia: Government Policies for Indigenous Language Recognition and Support in the Formal Education System. *Indigenous Education: Language, Culture and Identity*, 2015, pp. 187–205. DOI:10.1007/978-94-017-9355-1_10
12. Hinton L., Hale K., eds. *Green Book of Language Revitalization in Practice*. Boston, Brill, 2013, 468 p.
13. Tarabukina U.P. The Development of Native Languages in Educational Institutions in the Conditions of the Dispersed Indigenous Small-Numbered Peoples in the North, Siberia and the Russian Far East, in the Republic of Sakha (Yakutia) (on the Example of the Even language). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2015, vol. 8, no. 6, pp. 1111–1120.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 11.02.2023;
принята к публикации 15.02.2023.*

*Вклад авторов: А.А. Сабуров — разработка инструментария исследования, эмпирический и теоретический сбор данных, методология исследования, написание исходного текста, доработка текста, итоговые выводы;
А.С. Никифоров — эмпирический и теоретический сбор данных, методология исследования, написание исходного текста;
О.В. Минчук — разработка инструментария исследования, редактирование текста.*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 211–233.

Научная статья

УДК [330.59:61:316.7:39](470.1/.2)(571.1/.5)(571.6)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.211

Здоровье как индикатор качества жизни и субъективного благополучия детей и молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ *

Трапицын Сергей Юрьевич ^{1✉}, доктор педагогических наук, профессор

Граничина Ольга Александровна ², доктор педагогических наук, доцент

Агапова Елена Николаевна ³, кандидат педагогических наук, доцент

Жарова Марина Владиславовна ⁴, кандидат физико-математических наук, доцент

^{1, 2, 3, 4} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

¹ trapitsin@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-8848>

² olga_granichina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6684>

³ petrovskaya.elen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5995-4285>

⁴ garova-m@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2932-938X>

Аннотация. Внимание исследователей Арктики всё чаще обращается к населяющим её людям. Одним из объектов таких исследований становится качество жизни и субъективное благополучие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, традиционно определяемое степенью удовлетворения потребностей, интересов и ожиданий, уровнем комфортности социальной и природной среды для жизни человека, степенью доверия к социальным институтам, доступностью и качеством социальных услуг, от которых зависит уровень благосостояния, социального, духовного и физического здоровья человека. При этом здоровье выступает одним из ключевых индикаторов качества жизни. Проведённый в работе анализ здоровья молодёжи КМНСС и ДВ создаёт базу для разработки комплексных программ здоровьесбережения, прогнозирования и организации действенных мер по сохранению и укреплению здоровья людей, прибывающих в районы Крайнего Севера в условиях его активного промышленного освоения. Показатели здоровья определяются подходами к его оценке, предполагают учёт разнообразной информации. В России накоплены эмпирические данные о факторах здоровья КМНСС и ДВ, однако наблюдается дефицит знаний о степени их влияния на качество жизни детей и молодёжи. Представлены репрезентативные данные об особенностях здоровья подростков и молодёжи КМНСС и ДВ РФ различных регионов, его влиянии на субъективное благополучие и качество жизни. Проанализированы поведенческие паттерны в отношении различных аспектов здоровья, опыт взаимодействия с официальной и альтернативной медициной и отношение к ней, выявлены средовые факторы, значимые в контексте здоровьесбережения.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, молодёжь, здоровье, благополучие, качество жизни

* © Трапицын С.Ю., Граничина О.А., Агапова Е.Н., Жарова М.В., 2023

Для цитирования: Трапицын С.Ю., Граничина О.А., Агапова Е.Н., Жарова М.В. Здоровье как индикатор качества жизни и субъективного благополучия детей и молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 211–233. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.211

For citation: Trapitsin S.Yu., Granichina O.A., Agapova E.N., Zharova M.V. Health as an Indicator of the Quality of Life and Subjective Well-Being of Children and Youth of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 211–233. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.211

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках гранта Экспертного Института Социальных Исследований на поддержку исследовательских проектов в сфере общественно-политических наук (НИР «Формирование социально-ответственного поведения российской молодёжи в условиях глобальных угроз»).

Health as an Indicator of the Quality of Life and Subjective Well-Being of Children and Youth of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation

Sergey Yu. Trapitsin^{1✉}, Dr. Sci. (Ped.), Professor

Olga A. Granichina², Dr. Sci. (Ped.), Associate Professor

Elena N. Agapova³, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor

Marina V. Zharova⁴, Cand. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor

^{1, 2, 3, 4} Herzen State Pedagogical University of Russia, Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, 191186, Russia

¹ trapitsin@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-8848>

² olga_granichina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6684>

³ petrovskaya.elen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5995-4285>

⁴ garova-m@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2932-938X>

Abstract. The attention of Arctic researchers is increasingly turning to the people who inhabit it. One of the objects of such research is the quality of life and subjective well-being of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, traditionally determined by the degree of satisfaction of needs, interests and expectations, the level of comfort of the social and natural environment for human life, the degree of trust in social institutions, accessibility and quality of social services, which determine the level of well-being, social, spiritual and physical health of people. Health is one of the key indicators of the quality of life. The analysis of health of youth of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East (ISNPNS and FE) creates the basis for the development of comprehensive health-saving programs, forecasting and organizing effective measures to preserve and strengthen the health of people arriving in the Far North in the conditions of its active industrial development. Health indicators are determined by approaches to its assessment, which involve taking into account a variety of information. Empirical data on the health factors of the ISNPNS and FE have been accumulated in Russia, but there is a lack of knowledge about the degree of their influence on the quality of life of children and youth. Representative data on the peculiarities of the health of adolescents and youth of the ISNPNS and FE of the Russian Federation in various regions, its impact on subjective well-being and quality of life are presented. Behavioral patterns in relation to various aspects of health, experiences of interaction with and attitudes towards official and alternative medicine are analyzed; environmental factors significant in the context of health care are identified.

Keywords: *indigenous peoples, youth, health, well-being, quality of life*

Введение

Усложнение внешнеполитической и экономической ситуации, усиливающееся санкционное давление на Российскую Федерацию делают особенно актуальными исследования, направленные на поиск эффективных путей и средств устойчивого развития РФ, адекватного ответа на новые угрозы и вызовы. Развитие циркумполярной зоны РФ уже не первый год входит в число стратегических приоритетов государственной политики. В 2020 г. определены

направления её реализации до 2035 года¹, утверждена Стратегия развития арктической зоны России как основа обеспечения национальной безопасности².

Богатейшие ресурсы северных регионов России всегда имели колоссальное значение для развития страны. Природные богатства Арктики становятся сегодня не только источником инновационного развития этих регионов, но и драйвером модернизации российской экономики. Но только ли природными ресурсами богата российская Арктика?

В своём обращении к гражданам страны Президент РФ В.В. Путин отметил: «Территория России и её минеральные ресурсы являются одними из главных её богатств, однако "главный золотой запас" — это люди»³. По словам Президента, Россия сохранила эту ценность, несмотря на потери, понесённые в ходе распада Союза Советских Социалистических Республик.

В этой ситуации внимание исследователей Арктики всё чаще обращается к людям, населяющим эти территории, их самобытной культуре, традиционным ценностям, уникальной способности жить и работать в сложнейших условиях, преодолевая все трудности и сохраняя необычайную силу духа и высокие моральные качества. Одним из гуманитарных, т. е. обращённых к людям, направлений научного поиска становятся исследования качества жизни и субъективного благополучия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Качество жизни традиционно определяется степенью удовлетворения потребностей, интересов и ожиданий, уровнем комфортности социальной и природной среды для жизни человека на определённой территории, степенью доверия к социальным институтам, доступностью и качеством социальных услуг, определяющих уровень благосостояния, социального, духовного и физического здоровья человека [1, Базарова А.Г., с. 154–156]. Поэтому понимаемое в широком смысле здоровье выступает одним из ключевых индикаторов качества жизни и субъективного благополучия. Здоровье — одна из базовых человеческих ценностей. При этом оно не только бесценный ресурс и характеристика отдельного человека, но и достояние всего общества.

В этом смысле анализ характеристик здоровья КМНСС и ДВ даёт бесценный материал для изучения уникальных адаптационных возможностей человека, является в определённой мере эталонной моделью для разработки комплексных программ здоровьесбережения, в том числе и общественного, для прогнозирования и организации действенных мер по сохранению и укреплению здоровья людей, прибывающих в районы Крайнего Севера в усло-

¹ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. №164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 23.08.2022).

² Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 23.08.2022).

³ Прямая линия с Владимиром Путиным. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 23.08.2022).

виях его активного промышленного освоения [2, Абрютин Л.И., с. 45; 3, Хаснулин В.И., с. 138–145].

В связи с этим исследования здоровья КМНСС и ДВ РФ и влияющих на него факторов как значимого индикатора качества жизни населения северных территорий приобретают сегодня особый смысл и значение [4, Максимова Т.М., Белов В.Б., Лушкина Н.П., с. 100–110].

Вместе с тем количественные данные и показатели, характеризующие состояние и тенденции развития системы здравоохранения в отношении КМНСС и ДВ РФ, в научной литературе представлены явно не достаточно. Зачастую они фрагментарны и представляют ситуацию в отдельных регионах, преимущественно в республике Саха (Якутия), Красноярском крае, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. Крайне мало работ, исследующих вопросы взаимосвязи здоровья и качества жизни КМНСС и ДВ РФ, разработки специальных программ здоровьесбережения для этих регионов.

Материалы и методы

Общая схема проведения исследования включала в себя:

1. *Определение и оценку факторов*, оказывающих значимое влияние на здоровье детей и молодёжи КМНСС и ДВ РФ, на основе мониторинговых исследований, данных статистики здравоохранения, публикаций в СМИ, изучения мнения экспертов в соответствующей области.

Формирование группы экспертов — ключевых информантов происходило путём привлечения представителей целевых групп через личные контакты и договорённости с региональными координаторами исследования. Численность экспертов составила 70 человек (58 женщин и 12 мужчин), представляющих 8 регионов, в том числе 38 человек, проживающих в городе, и 42 — в сёлах и посёлках городского типа.

2. *Проведение социологических опросов* в ряде северных регионов РФ (Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская, Иркутская, Томская область, Камчатский, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ).

Используемые для опросов анкеты включали в себя вопросы о психологических особенностях, состоянии здоровья, характеристиках семьи и пр. детей и молодёжи, проживающей на данных территориях, и базировались на адаптированных стандартизованных шкалах: симптоматики здоровья в последние 6 месяцев HSBC/CINDI (ВОЗ); самооценки психического здоровья и субъективного благополучия HBSC (ВОЗ); аддиктивного поведения ESPAD (Европейский проект обследования школ по проблеме употребления алкоголя и наркотиков).

Выборка исследования включала более 1 300 представителей КМНСС и ДВ в возрасте от 14 до 25 лет.

Обработка данных осуществлялась на основе известных и общепринятых методов математической статистики, обобщённые выводы и интерпретации полученных данных основывались на построении регрессионных и факторных моделей.

Результаты

В научной литературе представлено достаточное разнообразие методик измерения состояния здоровья как значимого показателя качества жизни населения. Важным элементом их создания выступает разработка критериально-оценочной системы и соответствующих измеримых индикаторов, комплексно характеризующих состояние здоровья и отражающих влияние на его отдельные показатели общих и специфических факторов различной природы. Одним из ключевых направлений такой оценки выступает сопоставительный анализ данных статистики и качественных социологических исследований. Проведение компаративного анализа данных по выбранным группам показателей позволяет выявлять как общие закономерности и тенденции, так и специфические факторы (географические, климатические, экономические, этнические, возрастные и пр.), но главное — эффективность мер, принимаемых региональными и местными органами государственного управления в отношении сохранения и укрепления здоровья населения данной территории).

Одним из наиболее популярных и важных источников информации о состоянии здоровья КМНСС и ДВ РФ является ведомственная статистика. Её преимущества заключаются в том, что каждая организация здравоохранения и орган исполнительной власти обязаны представлять сведения о состоянии здоровья населения по установленной форме. Эти сведения позволяют получить данные в различных интересующих исследователей аспектах. Наиболее информативными для анализа данных в интересующем нас разрезе при этом оказываются сведения, в соответствующие формы сбора которых заложены данные об этнической принадлежности. Вместе с тем к данным ведомственной статистики следует относиться с определённой долей скептицизма, поскольку сведения нередко «приглаживаются» и / или учётно-отчётные формы заполняются формально. Кроме того, обобщённые отчёты, как правило, базируются на агрегированных данных, не допускающих возможности их последующей дифференциации по различным основаниям (пол, возраст, тип поселения и пр.).

Как правило, статистика Министерства здравоохранения РФ включает в себя данные о здоровье населения (медико-демографическая информация, дифференцируемая по выделенным классам болезней статистика заболеваемости, данные о здоровье матери и ребёнка, уровень травматизма, доля инвалидов и пр.) и характеристики системы здравоохранения (количество медицинских учреждений, число больничных коек, численность медперсонала, кадровые, показатели результативности деятельности, финансирование и т.д.). При этом существует определённая возможность группировки или дифференциации данных по различным основаниям: городское / сельское население, дети / взрослые / пенсионеры, мужчины / женщины и пр.

Однако анализ ведомственной статистики не позволяет получить однозначных корреляционных зависимостей между данными о здоровье и оценками качества жизни и субъективного благополучия КМНСС и ДВ, а также проанализировать специфику организации здра-

воохранения в отдельных регионах [5, Хаснулин В.И., Хансулин П.В., Артамонова М.В., с. 34–39].

Таким образом, существующая система государственной статистики не обеспечивает необходимого охвата, полноты и достоверности данных о здоровье, качестве жизни и субъективном благополучии детей и молодёжи КМНСС и ДВ РФ, исключительно на её основе невозможно построить полноценные аналитические обзоры и разрабатывать соответствующие долгосрочные программы. Основываясь при принятии решений только на этих данных, органы управления вынужденно используют частично недостоверную и существенно неполную информацию [6, Шляпентох В.Э., с. 27].

Отметим, что это не является характеристикой исключительно российских мониторинговых программ, аналогичная ситуация сложилась и в зарубежной исследовательской практике, которая, в частности, обращает внимание на низкий уровень здоровья населения, опираясь при этом исключительно на обобщённые данные статистики. Очевидно, что решение проблемы улучшения качества жизни коренных народов без серьёзной опоры на специально организованные исследования вряд ли возможно.

Выявлению детерминирующих здоровье КМНСС и ДВ РФ факторов посвящено множество исследований [7, Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Козлова М.А., с. 27; 8, Хакназаров С.Х., с. 183–187; 9, Харамзин Т.Г., Хайрулина Н.Г., с. 138–182; и др.], в которых доказывается необходимость организации системной и целенаправленной работы по улучшению доступности и качества медицинских услуг. Анализируя ситуацию, авторы обращают внимание не только на сложности получения и анализа соответствующих данных по конкретным группам населения, существенный и трудно поддающийся объяснению разброс показателей, несовпадения и противоречия в данных, представленных различными ведомствами, но и на последствия пассивной позиции органов государственной власти и местного самоуправления в этих вопросах: высокий уровень заболеваемости инфекционными болезнями, туберкулёзом, болезнями органов дыхания; угроза роста алкоголизма и психических расстройств; проблема стрессов и её негативного влияния на состояние здоровья; низкое качество медицинского обслуживания и др. [10, Харамзин Т.Г., с. 92–94].

Ещё одним базовым основанием исследований взаимосвязи здоровья, качества жизни и субъективного благополучия КМНСС и ДВ РФ выступает понимание того, что проблемы, существующие в системе здравоохранения КМНСС и ДВ РФ, можно подразделять на общие и специфические, характерные только для определённой этнической группы и / или определённого региона. Выявление общих тенденций, специфики их проявления в том или ином регионе и / или этнической группе, понимание специфических характеристик здоровья позволяет более дифференцированно и тщательно подходить к анализу и интерпретации полученных данных, а значит, делать более обоснованные выводы и принимать наилучшие в данных условиях решения.

К особенностям системы здравоохранения северных территорий традиционно относят: ограниченные возможности коммуникации, удалённость от медицинских центров, неразвитость транспортной инфраструктуры, недоступность источников информации, низкий уровень знаний о здоровьесбережении, существенные различия в условиях проживания и быта, особенности психофизиологического развития, дефицит высококвалифицированных специалистов-медиков и пр.

Таким образом, существующая система государственной статистики не обеспечивает необходимого охвата, полноты и достоверности данных о здоровье КМНСС и ДВ, затруднительно строить полноценные аналитические обзоры о качестве их жизни и разрабатывать соответствующие долгосрочные программы исключительно на её основе.

Тем не менее, вряд ли разумно игнорировать значительный опыт и несомненные достижения системы государственной статистики, поэтому использование её данных для проведения анализа и оценки здоровья детей и молодёжи КМНСС и ДВ РФ на начальном этапе исследования имеет, несомненно, существенное значение.

Одним из базовых показателей качества жизни статистикой рассматривается демографическая ситуация. Её изменение традиционно определяется величиной естественного и механического прироста. Данные, представленные на рис. 1, демонстрируют отрицательную динамику естественного прироста. Эта тенденция начала формироваться в 2015 г., в котором было зафиксировано пиковое значение этого показателя [4, Максимова Т.М., Белов В.Б., Лушкина Н.П., с. 100–110].

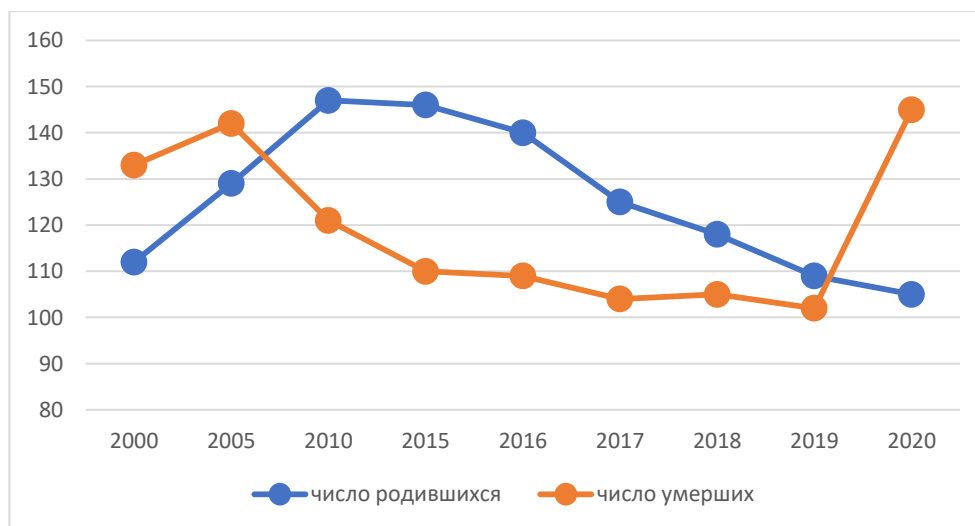

Рис. 1. Динамика показателей рождаемости и смертности, 2000–2020 гг.

Эксперты выделяют климатические и региональные особенности ареалов проживания КМНСС и ДВ, которые влияют на динамику показателей рождаемости и смертности. Так, в частности, эксперты отмечают более высокую закалённость и физическую выносливость молодёжи, которая родилась и выросла в местах, где морозы достигают экстремальных отметок. Также эксперты отмечают зависимость показателей здоровья от уровня экологических проблем в местах традиционного проживания той или иной этнической группы.

Анализ данных статистики обнаруживает высокий уровень смертности от алкоголизма, инфекционных и онкологических заболеваний КМНСС и ДВ, а также более высокий по сравнению с другими регионами РФ уровень самоубийств (рис. 2–3) [11, Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Козлова М.А., с. 127]. При проведении сопоставительного анализа важно также учитывать характер структуры и форм потребления алкоголя: преобладание крепких спиртных напитков, обычные «нормы» и частоту потребления, качество алкогольной продукции, питание и т. д. [12, Хакназаров С.Х., с. 121–123].

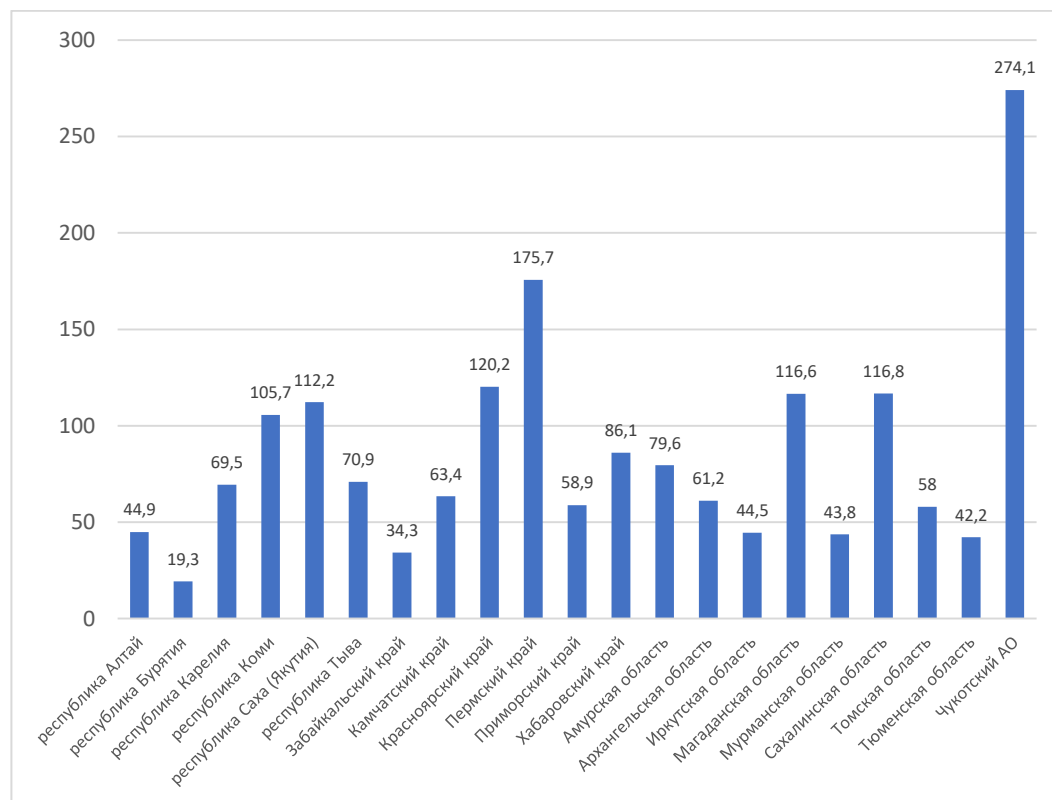

Рис. 2. Количество заболеваний алкоголизмом и алкогольными психозами по регионам, 2020 г.

Большинством специалистов отмечается, что проведение объективного, надёжного, достоверного, валидного анализа проблемы алкоголизма в районах Крайнего Севера весьма затруднительно. Нередко данные, полученные различными исследователями и в различные годы, могут существенно разниться даже по одной и той же территории [13, Кершенгольц Б.М., Ильина Л.П., с. 100–127]. Ещё большие расхождения обнаруживаются при сравнении этих данных с данными официальной статистики.

Исследование употребления алкоголя путём проведения опросов населения также часто не даёт достоверной картины [14, Ulijaszek S.J., Strickland S.S., с. 108–139]. Это обусловлено наличием тенденции к искажению самооценки показателей, связанных с употреблением алкоголя в силу специфики алкогольного поведения отдельных социальных и / или этнических групп и характерного для их культур отношения к употреблению спиртных напитков [4, Максимова Т.М., Белов В.Б., Лушкина Н.П., с. 100–110]. Это же отмечается зарубежными авторами, например, исследователями алкогольного поведения американских индейцев, склонных завышать количество потребляемого алкоголя [15, Gomberg E.S., с. 313–333; 16,

Lemert E., с. 49–71]. Очевидно, что подобная специфика может проявляться и в этнических группах КМНСС и ДВ Российской Федерации.

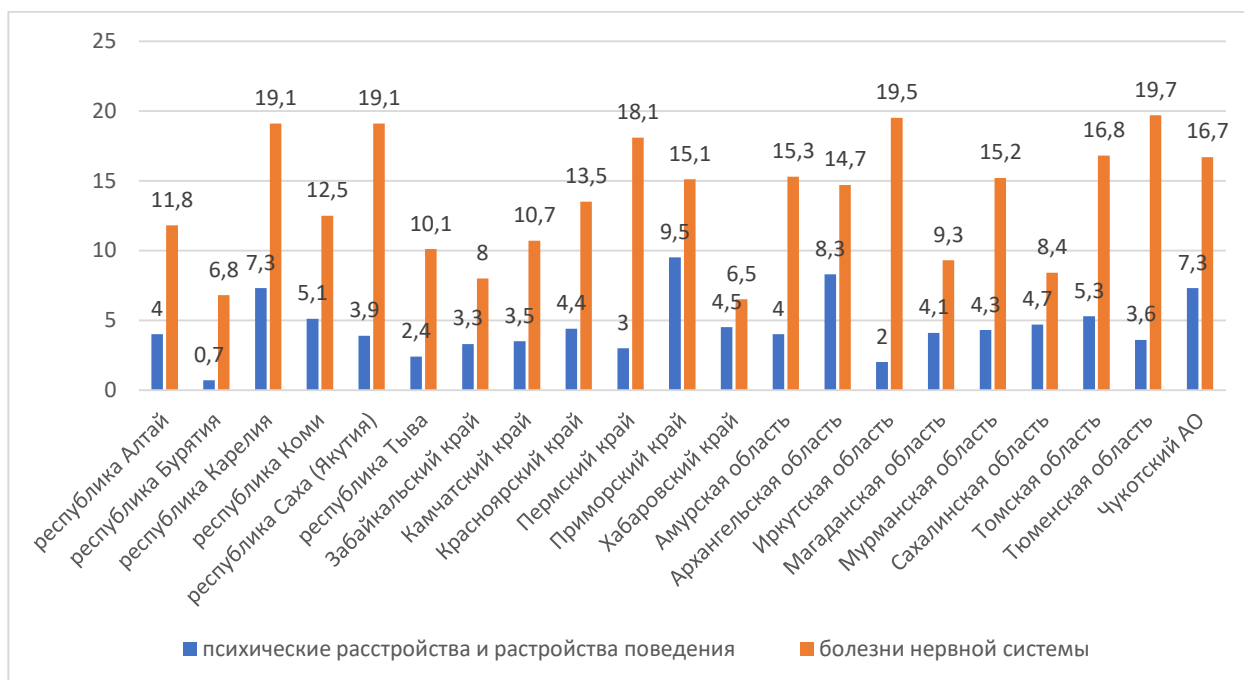

Рис. 3. Психические заболевания и болезни нервной системы по территориям, 2020 г.

Для КМНСС и ДВ характерен более высокий (иногда в несколько раз), чем у населения других регионов РФ, уровень заболеваемости инфекционными болезнями, туберкулёзом, злокачественными новообразованиями и пр., что подтверждается, в частности, исследованиями В.И. Хаснулина [3, с. 138–145].

По мнению экспертов, основным фактором, негативно влияющим на здоровье КМНСС и ДВ, является ограниченная доступность качественных медицинских услуг в местах их компактного проживания, что является характерным для всех жителей этих территорий. Это же подтверждают данные наших опросов: большинство респондентов в списке наиболее острых проблем, связанных со здоровьем, на первое место поставили низкий уровень медицинского обслуживания.

Очевидно, что для лучшего понимания ситуации, данные о заболеваемости населения следует соотносить с показателями обеспеченности медицинским персоналом на территориях его проживания (рис. 4).

Рис. 4. Численность медицинского персонала, 2015–2020 гг.

Обеспеченность медицинским персоналом населения в северных регионах РФ не ниже (а в ряде случаев даже выше, например, в сравнении с Канадой), чем в других приарктических странах. Более того, по таким показателям потенциала медицинских учреждений, как, например, количество больничных коек на 10 000 населения, система здравоохранения арктической зоны превышает общероссийские показатели.

Тем не менее, в районах компактного проживания КМНСС и ДВ ощущается нехватка медицинского персонала, количества стационаров и амбулаторий, фельдшерско-акушерских пунктов, консультаций (рис. 5). Ситуация с вводом в эксплуатацию мощностей больничных организаций также неблагоприятна — количество введённых в эксплуатацию коек стремительно сокращается.

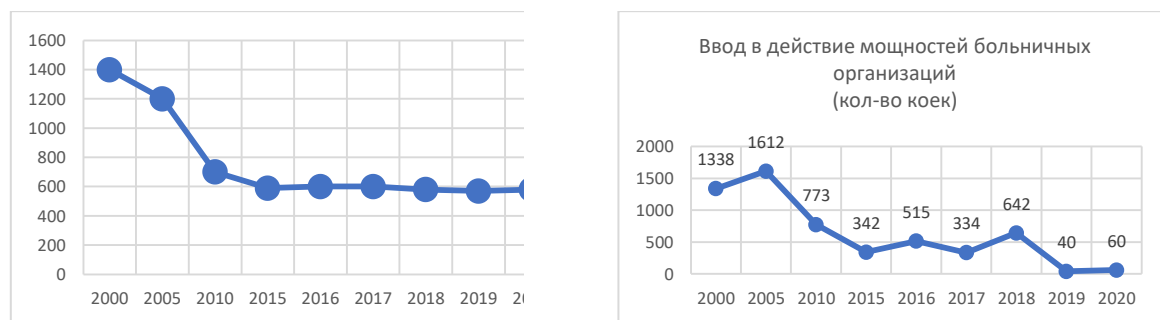

Рис. 5. Количество больничных организаций, 2000–2020 гг.

Наше исследование подтвердило гипотезу ряда других исследователей [11, Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Козлова М.А., с. 27] о наличии значимой корреляции между уровнем заболеваемости представителей КМНСС и ДВ и численностью врачей и среднего медицинского персонала, но в то же время выявило очевидные диспропорции и неравномерность их распределения по территориям.

Неравномерная по регионам обеспеченность медицинским персоналом усугубляется весьма низкой оценкой респондентами качества медицинских услуг, что подтверждается результатами исследования Т.Г. Харамзина [10, с. 92–94]. Как правило, респонденты обращают внимание на такие недостатки медицинского обслуживания, как: низкую квалификацию медперсонала (20,1%), недоступность ряда необходимых медикаментов (38,3%), плохое оснащение медицинских учреждений (35,2%).

Кроме того, как свидетельствует мировой опыт, наращивание такого показателя, как «число врачей на 10 000 человек населения», влияет на состояние здоровья населения лишь до определённого момента. После достижения им некоторого оптимума это влияние перестаёт быть значимым, более того, часто фиксируется даже ухудшение ситуации. Поэтому мы полагаем, что сам по себе рост численности медперсонала не решает и не может решить проблему без коренного изменения отношения к своему здоровью со стороны самого населения. В первую очередь это относится к детям и молодёжи: позитивно следует отметить, что по данным, Т.М. Максимовой [4, Максимова Т.М., Белов В.Б., Лушкина Н.П., с. 100–110], в молодёжной среде КМНСС и ДВ начинают складываться самосохранительные паттерны поведения, больше выражено стремление к поддержанию здорового образа жизни.

Отметим, однако, что исследования установки на здоровый образ жизни КМНСС и ДВ в целом и молодёжи в частности весьма немногочисленны [17, Лебедева Н.М., Чирков В.И., Татарко А.Н., с. 100–186], а их данные часто фрагментарны. Очевидно, что их явно недостаточно, чтобы оценить мотивацию детей и молодёжи КМНСС и ДВ к сохранению своего здоровья.

Поэтому следующая часть нашего исследования была связана с самооценкой респондентами уровня своего здоровья и пониманием им значимости его укрепления.

Важным преимуществом социологического измерения показателей здоровья выступает возможность зафиксировать сходимость и / или разброс соответствующих показателей по регионам, этническим группам, полу, возрасту и пр., т. е. обнаружить статистически значимые различия в качестве жизни, обусловленные факторами различной природы, в том числе — культурными нормами, коллективными представлениями и ценностными ориентациями, доминирующими в том или ином этносообществе. В связи с этим в нашем исследовании данные опросов выступали необходимым дополнением к анализу данных медицинской статистики.

Общая выборка исследования составила 1 343 молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет, в том числе 671 представителей КМНСС и ДВ РФ, две третьих из которых составляли девушки. Рис. 6 отражает их этническую принадлежность.

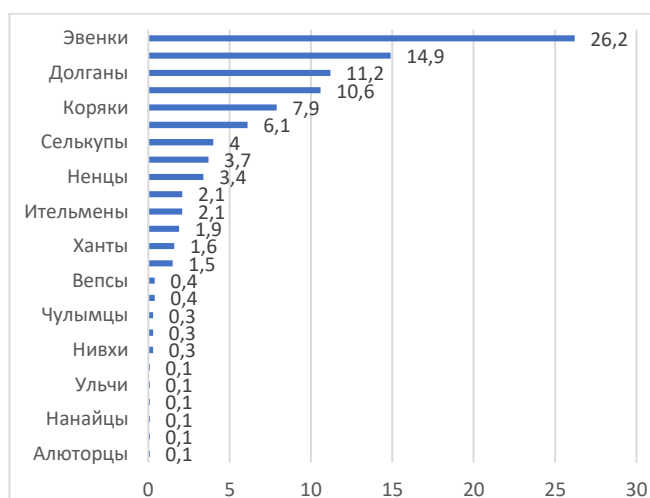

Рис. 6. Этническая принадлежность респондентов, %.

13,6% респондентов являлись учащимися средних школ, 15,5% — ссузов, 66,2% обучаются или уже закончили вузы, 4,7% — нигде не учатся.

Родились в городе 11,9% респондентов, в селе или деревне — 58,7%, 27,5% — в небольшом городе или посёлке городского типа, 1,9% — в местах кочевья. На момент проведения опроса в крупных городах и региональных центрах проживало 30,8% респондентов, в небольших городах и посёлках городского типа — 28,6%, в селе и деревне — 40,6%.

Своё физическое здоровье молодёжь КМНСС и ДВ оценивает в основном позитивно (табл. 1). Исследование обнаружило гендерную специфику: юноши склонны оценивать своё здоровье более позитивно по сравнению с девушками ($\chi^2=22.026$; $p \leq 0.001$).

Полученные нами данные существенно расходятся с результатами исследований А.Г. Базаровой [1, с. 154–156], в котором участвовали представители КМНСС и ДВ более старших возрастов и согласно которому состояние здоровья считают хорошим лишь 10% респондентов, 60% находят его удовлетворительным, около 17% плохим. При этом респонденты обосновывают низкую оценку своего здоровья неблагоприятными средовыми факторами, а в качестве причин его ухудшения называют низкое качество питания (27%), отсутствие возможности полноценно отдыхать (25%), плохие жилищные условия (17,5%), дурную наследственность (15%). Значимое место в ряду причин, обуславливающих наличие проблем со здоровьем, занимает ограниченная возможность получать квалифицированную медицинскую помощь и приобретать необходимые лекарства и медицинские препараты по доступным ценам. Мы объясняем такое различие результатов исследований более высокой мотивацией молодёжи к сохранению и укреплению своего здоровья по сравнению с представителями старших поколений, а также сформированностью у них паттернов здоровьесохраняющего поведения, обусловленной более высоким уровнем полученного ими образования.

В табл. 2, 4, 6, 8 представлены результаты регрессионного анализа (метод обратного шага — backstep model), направленного на проверку моделей, предсказывающих уровень различных характеристик здоровья молодёжи КМНСС и ДВ. Модель позволяет предсказать 28% дисперсии зависимой переменной.

Таблица 1

Самооценка физического здоровья

	Этническая принадлежность (самоидентификация)				Всего	
	КМНСС и ДВ		другая этническая принадлежность			
	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%	Абс. зн.	%
Считаете ли Вы, что ваше здоровье в целом						
Плохое	25	3.7	24	4.1	49	3.9
Удовлетворительное	267	39.8	212	36.1	479	38.1
Хорошее	321	47.8	274	46.7	595	47.3
Превосходное	58	8.6	77	13.1	135	10.7
Всего	671	100.0	587	100.0	1258	100.0
Критерий χ^2	7.145					
$p \leq$	н/з					
Физическое здоровье						
Среднее	9.3		9.9		9.6	
Медиана	9		10		9	
Ст. отклонение	5.77		5.79		5.79	
Минимум	0		0		0	
Максимум	24		24		24	
Критерий Манна-Уитни	186100.5					
$p \leq$	н/з					

Таблица 2

Линейная регрессионная модель негативной симптоматики в сфере физического здоровья молодёжи КМНСС и ДВ

	Негативная симптоматика в сфере физического здоровья		
	Регрессионный коэффициент В	95% доверительный интервал В	Значимость (Sig.)
Пол: Женский	1.72	0.89/2.54	0.000
Район, в котором Вы постоянно проживаете: Иркутская область	-2.02	-3.13/-0.92	0.000
Какой язык (языки) Вы преимущественно используете при общении с друзьями и знакомыми — В равной степени использую несколько языков	1.65	0.67/2.64	0.001
Бывает ли, что вас оскорбляют, обижают в связи с вашей национальной принадлежностью, или что вы подвергаетесь дискриминации, притеснениям из-за национальности — Да, бывает	1.30	0.45/2.14	0.003
Как вы считаете, В ЦЕЛОМ В РОССИИ у представителей вашей национальности возможностей устроиться на хорошую работу — Больше	1.48	0.22/2.74	0.022
Эти трудности были связаны настроением	2.79	1.91/3.68	0.000
Эти трудности были связаны с романтическими отношениями	1.03	-0.01/2.07	0.052
Эти трудности были связаны с отношениями с учителями (преподавателями)	1.80	0.63/2.97	0.003
Шкала социальной поддержки	-0.28	-0.42/-0.14	0.000
Коэффициент детерминации (R^2)	0.279		

Самооценка доступности рекреационной активности для молодёжи КМНСС и ДВ оказалась сопоставимой с молодёжью другой этнической принадлежности ($p \leq n/3$). Каждый пятый респондент ответил, что не выезжал на отдых ни разу в своей жизни (21.5%), а каждый шестой (15.1%) — лишь единожды. Большинство представителей молодёжи КМНСС и ДВ (47.5%) имели возможность выезжать на отдых от 3 до 9 раз в течение жизни, и только каждый шестой — более 10 раз.

Аналогично самооценке физического здоровья девушки более критично оценивают состояние своего психического здоровья (табл. 3).

Таблица 3

Самооценка психического здоровья

	Этническая принадлежность (самоидентификация)				Всего	
	КМНСС и ДВ		другая этническая принадлежность			
	Абс.зн.	%	Абс.зн.	%	Абс.зн.	%

Вы считаете, что Ваше психическое здоровье						
Плохое	33	4.9	32	5.5	65	5.2
Удовлетворительное	251	37.4	209	35.6	460	36.6
Хорошее	293	43.7	256	43.6	549	43.6
Превосходное	94	14.0	90	15.3	184	14.6
Всего	671	100.0	587	100.0	1258	100.0
Критерий χ^2	0.826					
$p \leq$	н/з					

Таблица 4

Порядковая регрессионная модель уровня самооценки психического здоровья молодёжи КМНСС и ДВ

		Регрессион- ный коэффи- циент В	95% довери- тельный ин- тервал В	Значи- мость (Sig.)
Уровень психическо- го здоровья	удовлетворитель- ное	-2.18	-2.68/-1.67	0.000
	хорошее	-0.34	-0.82/0.13	0.160
	превосходное	1.20	0.71/1.68	0.000
Пол: Женский		-0.44	-0.63/-0.25	0.000
К какой группе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Вы себя причисляете — Смешанной национальности / не могу однозначно отнести себя к одной национальности		-0.41	-0.69/-0.13	0.005
Какое образование было у Вашей матери (приёмной матери, мачехи) — Она не закончила школу		-0.76	-1.32/-0.2	0.008
Представьте себе лестницу, на первой ступени которой находятся люди, занимающие самое низкое положение в обществе, а на верхней (девятой) — люди с самым высоким общественным положением. На какой ступени этой лестницы находитесь Вы? Ваша семья?		0.05	0/0.11	0.058
Бывает ли, что Вас оскорбляют, обижают в связи с Вашей национальной принадлежностью, или что Вы подвергаетесь дискриминации, притеснениям из-за национальности		-0.25	-0.44/-0.06	0.012
Шкала социальной поддержки		0.05	0.02/0.08	0.002
Эти трудности были связаны с романтическими отношениями		-0.32	-0.56/-0.08	0.009
Эти трудности были связаны с отношениями с учителями (преподавателями)		-0.33	-0.6/-0.06	0.015
Эти трудности были связаны со здоровьем		-0.31	-0.54/-0.08	0.008
Эти трудности были связаны настроением		-0.50	-0.72/-0.27	0.000
Сколько раз за последние 30 дней Вы употребляли алкогольные напитки (3 и более)		-0.42	-0.67/-0.16	0.001
Коэффициент детерминации (R^2 Nagelkerke)		0.315		

Выше, чем у юношей, у девушек оказались также показатели уровня депрессии (табл. 5, Patient Health Questionnaire — PHQ-9), что требует принятия действенных мер по её профилактике, не дожидаясь достижения данным показателем критических значений.

Таблица 5

Результаты оценивания по шкале «Депрессия»

ДЕПРЕССИЯ			
Среднее	9.1	9.4	9.3
Медиана	9	9	9
Ст. отклонение	6.24	6.36	6.29
Минимум	0	0	0
Максимум	27	27	27
Критерий Манна-Уитни	193641.5		
$p \leq$	н/з		

Таблица 6

Линейная регрессионная модель уровня депрессии молодёжи КМНСС и ДВ

	ДЕПРЕССИЯ		
	Регрессионный коэффициент В	95% доверительный интервал В	Значимость (Sig.)
Пол: Женский	1.78	0.91/2.65	0.000
Район, в котором Вы постоянно проживаете: Иркутская область	-2.22	-3.42/-1.02	0.000
Санкт-Петербург	2.37	1.09/3.65	0.000
Другое (отличный от Иркутской области, Камчатского края, Санкт-Петербурга и Якутии)	-2.03	-3.1/-0.95	0.000
К какой группе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Вы себя причисляете — Смешанной национальности / не могу однозначно отнести себя к одной национальности	1.60	0.29/2.91	0.017
Какое образование было у Вашей матери (приемной матери, мачехи) — Она не закончила школу	4.08	1.56/6.6	0.002
Эти трудности были связаны с отношениями с учителями (преподавателями)	2.29	1.11/3.48	0.000
Эти трудности были связаны с настроением	3.57	2.7/4.44	0.000
Сколько раз за последние 30 дней Вы употребляли алкогольные напитки (3 и более)	1.91	0.73/3.08	0.002
Шкала социальной поддержки	-0.43	-0.57/-0.28	0.000
Коэффициент детерминации (R^2)	0.317		

Аналогичное замечание можно высказать и исходя из анализа уровня тревожности (табл. 7).

Таблица 7

Результаты оценивания по шкале «Тревога»

ТРЕВОГА				
Среднее		6.1	6.4	6.2
Медиана		5	6	5.5
Ст. отклонение		5.39	5.48	5.43
Минимум		0	0	0
Максимум		21	21	21
Критерий Манна-Уитни		190664.5		
p ≤		н/з		

Таблица 8

Линейная регрессионная модель уровня тревоги молодежи КМНСС и ДВ

	ТРЕВОГА		
	Регрессионный коэффициент В	95% доверительный интервал В	Значимость (Sig)
Пол: Женский	1.54	0.79/2.28	0.000
Район, в котором Вы постоянно проживаете: Иркутская область	-1.30	-2.31/-0.29	0.012
Санкт-Петербург	2.08	0.97/3.2	0.000
Какое образование было у Вашей матери (приемной матери, мачехи) — Окончила училище или колледж	-1.09	-1.77/-0.4	0.002
Укажите место Вашего рождения — Село /деревня	-0.86	-1.56/-0.15	0.017
Какой язык (языки) Вы преимущественно используете при общении с друзьями и знакомыми — Язык другого народа России (языки не КМНСС и ДВ в том числе русский)	-1.02	-1.77/-0.26	0.008
Эти трудности были связаны с семейными отношениями	0.97	0.08/1.85	0.033
Эти трудности были связаны настроением	3.04	2.24/3.84	0.000
Эти трудности были связаны вашей национальностью	2.95	1.5/4.4	0.000
Шкала социальной поддержки	-0.33	-0.45/-0.21	0.000
Коэффициент детерминации (R ²)	0.327		

В целом по выборке зафиксированы средне выраженные психосоматические жалобы по шкале HSBC / CINDI: среднее составило 9,3 балла (где max=24). Отметим, что жалобы или проблемы психического характера (плохое настроение, тревога, раздражительность) фиксируются чаще по сравнению с жалобами на физические симптомы (боли различной локализации, головокружения).

Общеизвестно, что существенный вред здоровью наносят злоупотребление алкоголем, табакокурение, употребление наркотиков и пр. В связи с этим, в исследовании выяснялось отношение к этому молодежи КМНСС и ДВ и их подверженность вредным привычкам.

И у юношей, и у девушек КМНСС и ДВ годовой преваленс употребления алкоголя, т. е. его употребление в течение года, предшествующего опросу, составил 50%, курения сигарет

— 48,1%, что значимо выше по сравнению с аналогичным показателем молодёжи другой этнической принадлежности, наркопотребления — 3,1%, что соответствует среднему показателю. Специфики в связи с этнической общностью и полом не обнаружено.

С проблемами своего здоровья молодёжь КМНСС и ДВ преимущественно обращается к медицинским специалистам по ОМС: такой опыт есть у 60,6% респондентов, что превышает значение аналогичного показателя у молодёжи других этнических групп.

Опыт обращения к медицинским специалистам в коммерческой клинике имеется более, чем у трети молодёжи КМНСС и ДВ, причём у 15,5% — в течение последних 12-ти месяцев.

Опыт обращения за помощью к служителям культа составляет 7,7% опрошенных, шаманам — 7,5%, травникам и целителя — 6,4%, людям с «экстрасенсорными» способностями (гадалкам, астрологам и пр.) — 3,1%, гомеопатам — 1,6%. К профессиональному психологу когда-либо в жизни обращались 12,5% респондентов, к врачу-психиатру — 5,8%, специалистам телефона доверия — 4,3%, к участникам групп в Интернете, где общаются люди со схожими проблемами, — 7,9%, что значимо реже по сравнению с молодёжью не КМНСС и ДВ. Различий по полу в опыте обращения молодёжи КМНСС и ДВ за помощью не обнаружено.

Такая картина в целом соответствует базовым представлениям молодёжи КМНСС и ДВ о ценности здоровья и здорового образа жизни.

Исследование показало, что в структуре базовых ценностей молодёжи КМНСС и ДВ здоровье занимает значимое второе место (78%), при этом ценность здоровья как наиболее важная выделяется девушками чаще, чем юношами. Статистически значимых различий между оценками значимости ценности здоровья и этнической принадлежностью не выявлено.

Это вполне согласуется с концепцией Р. Инглхарта, постулирующего приоритет «ценностей выживания» для наиболее уязвимых социальных групп [18, Инглхарт Р., Вельцель К., с. 74–96].

Обсуждение и выводы

Исследования состояния здоровья молодёжи КМНСС и ДВ РФ и влияющих на него факторов как значимого индикатора качества жизни и субъективного благополучия населения приобретают особую актуальность в условиях интенсивного промышленного освоения арктической зоны и усиления её значения для социально-экономического развития страны.

Показатели здоровья определяются подходами к его оценке, предполагающими комплексный учёт данных статистики, мониторинговой информации, результатов исследований уровня удовлетворённости доступностью и качеством медицинских услуг, особенностей поведенческих моделей, специфических характеристик факторов среды и пр., а также анализ результативности специально планируемых государством и осуществляемых в направлении улучшения ситуации мер.

Значительный массив информации о показателях здоровья молодёжи КМНСС и ДВ представляют данные официальной статистики здравоохранения, однако для проведения полноценного анализа и выработки долгосрочных политик их оказывается недостаточно. Опора исключительно на количественные подходы и методы оценки состояния здоровья не позволяет устанавливать причинно-следственные связи, выявлять факторы, имеющие субъективный характер, прогнозировать изменение паттернов поведения молодёжи как результата реализуемой государственной молодёжной политики и политики в сфере охраны здоровья, фокусировать усилия в зависимости от конкретной ситуации, конкретной территории и конкретного этноса.

Это требует, с одной стороны, внесения существенных изменений в традиционно сложившиеся модели статистического учёта, а с другой стороны — дополнения полученных на его основе данных результатами специально планируемых и целенаправленно организуемых комплексных качественных исследований непосредственно в местах компактного проживания КМНСС и ДВ.

Оценка состояния здоровья коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, выполненная по результатам анализа данных статистики, информационных источников и сайтов администраций регионов и муниципальных районов, а также данные опроса и интервью с экспертами, позволили обозначить общие, не зависящие от региона проживания КМНСС и ДВ проблемы, основные из которых связаны с доступностью и качеством медицинских услуг. При этом масштаб и острота этих проблем различаются не только в межрегиональном аспекте, но и нередко внутри одного региона, что говорит о разной способности и возможности местных администраций эти проблемы решать.

Отсутствие целенаправленной работы по формированию у молодёжи КМНСС и ДВ паттернов здоровьесберегающего поведения, установки и мотивации к здоровому образу жизни может приводить к негативным последствиям: хроническим заболеваниям, злоупотреблению алкоголем, психоактивными веществами, асоциальному поведению, рискам суицида.

Помимо общероссийских, для системы здравоохранения районов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока характерен ряд специфических проблем, которые можно классифицировать по различным основаниям:

- источникам происхождения (кадровые, инфраструктурные, экономические, правовые, ценностно-мотивационные и пр.);
- масштабам (глобальные и локальные);
- времени возникновения (исторически сложившиеся и новые);
- последствиям (угрозы, риски, вызовы);
- объектам воздействия (территория, этническая группа);
- возможностям прогнозирования, предотвращения и разрешения (прогнозируемые / непрогнозируемые, управляемые / неуправляемые) и др.

Исследование показало, что демографическая ситуация (показатели рождаемости и смертности) напрямую коррелирует с состоянием здоровья КМНСС и ДВ. Особенно очевидно проявилась корреляция между уровнем психического здоровья и статистикой самоубийств, уровень которых значительно выше по сравнению с другими регионами РФ.

Данные исследования подтвердили распространённое мнение о высоком уровне алкоголизма среди представителей коренных народов: годовой и месячный преваленс употребления алкоголя у молодёжи КМНСС и ДВ значительно превышает аналогичные показатели молодёжи других этнических групп, однако в исследовании осталось не выясненным, соответствует ли это объективной картине или связано со стремлением молодёжи КМНСС и ДВ поддерживать сложившийся стереотип.

Подтвердив в определённой мере зависимость состояния здоровья от численности медицинского персонала и доступности медицинской помощи в местах компактного проживания КМНСС и ДВ, исследование показало, что гораздо более значимое влияние на состояние здоровья населения этих территорий оказывает не обеспеченность специалистами, учреждениями или лекарственными средствами, а качество оказания медицинских услуг, которое во многих исследуемых регионах оказалось не слишком высоким, что отмечалось многими респондентами в ходе опросов.

Самооценка физического и психического здоровья молодёжи КМНСС и ДВ устойчиво негативно связана с полом: девушки имеют более выраженный уровень негативной симптоматики (депрессия, тревога), а также более низкую самооценку своего здоровья. Этническая принадлежность к конкретной группе КМНСС и ДВ не показала какой-либо значимой связи с характеристиками физического или психического здоровья, однако принадлежность к смешанной национальности и / или трудность самоидентификации с конкретной национальностью повышает вероятность более негативных характеристик (депрессии и низкой самооценки показателей здоровья). Социализация среди преимущественно русскоязычного населения или другой языковой культуры, не относящейся к КМНСС и ДВ, связана с более низкими показателями тревоги среди молодёжи, однако не связана с иными показателями здоровья.

Опыт переживания стигматизации и дискриминации в связи с этнической принадлежностью негативно связан с самооценкой здоровья, однако не обнаруживает связи с наличием конкретной симптоматики.

Самооценочные характеристики социально-статусной позиции оказались крайне мало связаны с показателями здоровья, в то время как объективный критерий (стандартный прокси-показатель социального капитала семьи — образовательный статус матери) имеет большую предиктивную способность. Наличие у матери какого-либо профессионального образования является протективным фактором сохранения здоровья у данной группы, тогда как отсутствие полного школьного образования — напротив — фактором риска.

Воспринимаемая социальная поддержка является устойчивым протективным фактором здоровья молодёжи КМНСС и ДВ, проявившим свою значимость во всех моделях.

На показатели здоровья влияют актуальные переживаемые жизненные события: с тревожно-депрессивной симптоматикой сильнее других связаны негативные события в области семейных отношений, отношений с преподавателями, межэтнических отношений (связанных с национальной принадлежностью) и эмоциональными переживаниями. Самооценка здоровья также связана с актуальными эмоциональными переживаниями.

Для молодёжи с более негативными показателями здоровья более характерно регулярное употребление алкоголя.

Итоговый набор вошедших в модель переменных физического здоровья хорошо соотносится с известными моделями здоровья: более благоприятные характеристики здоровья молодёжи КМНСС и ДВ характерны для лиц с высоким уровнем социальной поддержки, негативные показатели здоровья связаны с воспринимаемым социальным неравенством этнических групп и переживанием стигматизации.

Это подтверждает существенную эволюцию концепции здоровья в последние годы: от его узкого рассмотрения как отсутствия болезней к расширенному пониманию здоровья как особого состояния, субъективного воспринимаемого уровня благополучия и социальной защищённости, важнейшего показателя качества жизни. Именно такое понимание здоровья должно выступать исходным основанием для его измерения и анализа.

Ещё одним важным аспектом, который практически не упоминается в специальной литературе, является экономика здравоохранения КМНСС и ДВ. Очевидно, что к анализу как затрат на здравоохранение с учётом специфики регионов и этнических групп, так и экономических последствий «усреднённого» финансирования нельзя подходить традиционными методами. Понимание специфики финансово-экономического обоснования и обеспечения соответствующих здоровьесберегающих программ, ориентированных на представителей КМНСС и ДВ, требует разработки специальной методологии и методов экономического анализа системы здравоохранения северных территорий на макро-, мезо- и микроуровнях.

Список источников

1. Базарова А.Г. Состояние здоровья как интегральный показатель уровня и качество жизни эвенкийского населения республики Бурятия // В сб.: Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. Новосибирск: СО РАН, 2000. С. 154–156.
2. Абрютин Л.И. Народы Севера России: право на здоровье // Здоровье и доступное здравоохранение коренных малочисленных народ Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации как элемент права, стратегия решения проблем физического, психического и социального возрождения. Москва: 1999. С. 45.
3. Хаснулин В.И. Медико-демографические аспекты сохранения северных народов // Материалы международной научной конференции «Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития». Москва, 2004. С. 138–145.
4. Максимова Т.М., Белов В.Б., Лушкина Н.П. Состояние здоровья и качество жизни населения России // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 6. С. 100–110.

5. Хаснулин В.И., Хансулин П.В., Артамонова М.В. Недостатки статистического учёта показателей здоровья для организации эффективного здравоохранения в северных регионах страны // сборник докладов I Открытого российского статистического конгресса. Российская ассоциация статистиков; Федеральная служба государственной статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». Издательство: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2016. С. 34–39.
6. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. Москва: ЦСП, 2006. 664 с.
7. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health // International journal of circumpolar health. 2007. Vol. 66. Pp. 1–184. DOI: 10.1080/22423982.2007.11864603
8. Хакназаров С.Х. Проблемы экологии и здоровье местного населения на территории Нефтеюганского района Югры: общественный взгляд // Материалы международной научно-практической конференции «Здоровье как ресурс: в. 2.0». Издательство: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», Нижний Новгород, 2019. С. 183–187.
9. Харамзин Т.Г., Хайрулина Н.Г. Экологическое здоровье обских угров: монография. Ханты-Мансийск: Издательство Югорского государственного университета, 2010. 269 с.
10. Харамзин Т.Г. Здоровье обских угров в зеркале общественного мнения // Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера»; 29–30 сентября 2005, г. Ханты-Мансийск, 2005. С. 92–94.
11. Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур: монография. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 205 с.
12. Хакназаров С.Х. Факторы, влияющие на здоровье КМНС: социологический аспект. Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации // Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. Ханты-Мансийск, 2009. С. 121–123.
13. Кершенгольц Б.М., Ильина Л.П. Биологические аспекты алкогольных патологий и наркоманий: учебное пособие. Издательство ЯГУ, 1998. 156 с.
14. Ulijaszek S.J., Strickland S.S. Nutritional studies in biological anthropology // Research strategies in human biology: field and survey studies / Eds. G.W. Lasker, C.G.N. Mascie-Taylor. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 108–139.
15. Gomberg E.S. Treatment for alcohol-related problems: special populations: research opportunities // Recent developments in alcoholism. 2003. No. 16. Pp. 313–333. DOI: 10.1007/0-306-47939-7_22
16. Lemert E. Alcohol in the life of Northwest Coast Indians // Alcohol and native peoples of the North / Eds. J. Hamer, J. Steinberg. Washington: Univ. Press of America, 1980. Pp. 49–71.
17. Лебедева Н.М., Чирков В.И., Татарко А.Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. Москва: РУДН, 2007. 314 с.
18. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство, 2011. 464 с.

References

1. Bazarova A.G. Sostoyanie zdorov'ya kak integral'nyy pokazatel' urovnya i kachestvo zhizni evenkiyskogo naseleniya respubliky Buryatii [The State of Health as an Integral Indicator of the Level and Quality of Life of the Evenki Population of the Republic of Buryatia]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Vyp. 3* [Ethnosocial Processes in Siberia. Issue 3]. Novosibirsk, SD RAS Publ., 2000, pp. 154–156. (In Russ.)
2. Abryutina L.I. Narody Severa Rossii: pravo na zdorovye [Peoples of the North of Russia: The Right to Health]. In: *Zdorovye i dostupnoe zdravookhranenie korennyykh malochislennykh narod Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii kak element prava, strategiya resheniya problem fizicheskogo, psikhicheskogo i sotsial'nogo vozrozhdeniya* [Health and Affordable Healthcare of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation as an Element of Law, a Strategy for Solving the Problems of Physical, Mental and Social Revival]. Moscow, 1999, p. 45. (In Russ.)

3. Khasnulin V.I. Mediko-demograficheskie aspekty sokhraneniya severnykh narodov [Medico-Demographic Aspects of the Preservation of the Northern Peoples]. In: *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Sokhranenie traditsionnoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa i problema ustoychivogo razvitiya»* [Proc. Intern. Sci. Conf. "Preservation of the Traditional Culture of the Indigenous Peoples of the North and the Problem of Sustainable Development"]. Moscow, 2004, pp. 138–145. (In Russ.)
4. Maximova T.M., Belov V.B., Lushkina N.P. Sostoyanie zdorov'ya i kachestvo zhizni naseleniya Rossii [Russia Population Health and Quality of Life]. *Byulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko* [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health], 2015, no. 6, pp. 100–110.
5. Khasnulin V.I., Khansulin P.V., Artamonova M.V. Nedostatki statisticheskogo ucheta pokazateley zdorov'ya dlya organizatsii effektivnogo zdravookhraneniya v severnykh regionakh strany [Shortcomings of Statistical Accounting of Indicators of Health for Organization of Effective Healthcare in Northern Regions of Country]. In: *Sbornik dokladov I Otkrytogo rossiyskogo statisticheskogo kongressa. Rossiyskaya assotsiatsiya statistikov; Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya «NINKh»* [Collection of Reports of the 1st Open Russian Statistical Congress. Russian Association of Statisticians; Federal State Statistics Service, Novosibirsk State University of Economics and Management]. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., 2016, pp. 34–39. (In Russ.)
6. Shlapentokh V.E. *Problemy kachestva sotsiologicheskoy informatsii: dostovernost', reprezentativnost', prognosticheskiy potentsial* [Problems of the Quality of Sociological Information: Reliability, Representativeness, Predictive Potential]. Moscow, 2006, 664 p. (In Russ.)
7. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous Peoples of Northern Russia: Anthropology and Health. *International Journal of Circumpolar Health*, 2007, vol. 66, pp. 1–184. DOI: 10.1080/22423982.2007.11864603
8. Khaknazarov S.Kh. Problemy ekologii i zdorov'e mestnogo naseleniya na territorii Nefteyuganskogo rayona Yugry: obshchestvennyy vzglyad [Problems of Ecology and Health of the Local Population on the Territory of the Nefteyuganskiy District of Ugra: A Public View]. In: *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Zdorovye kak resurs: v. 2.0»* [Proc. Intern. Sci.-Pract. Conf. "Health as a Resource: v. 2.0"]. Nizhniy Novgorod, Nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiiy tsentr Publ., 2019, pp. 183–187. (In Russ.)
9. Kharamzin T.G., Khayrulina N.G. *Ekologicheskoe zdorovye obskikh ugrov: monografiya* [Ecological Health of the Ob Ugrians]. Khanty-Mansiysk, Yugra State University Publishing House, 2010, 269 p. (In Russ.)
10. Kharamzin T.G. Zdorov'ye obskikh ugrov v zerkale obshchestvennogo mneniya [The Health of the Ob Ugrians in the Mirror of Public Opinion]. In: *Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Mediko-sotsial'nye problemy korennykh malochislennykh narodov Severa»* [Abstracts of the Reports of the Intern. Sci.-Pract. Conf. "Medical and Social Problems of the Indigenous Peoples of the North"]. Khanty-Mansiysk, 2005, pp. 92–94. (In Russ.)
11. Kozlov A.I., Kozlova M.A., Vershubskaya G.G., Shilov A.B. *Zdorovye korennoy naseleniya Severa RF: na grani vekov i kul'tur: monografiya* [Health of the Indigenous Population of the North of the Russian Federation: On the Verge of Centuries and Cultures]. Perm, OT i DO Publ., 2013, 205 p. (In Russ.)
12. Khaknazarov S.Kh. Faktory, vliyayushchie na zdorov'ye KMNS: sotsiologicheskiiy aspekt. Yazyki i kul'tura finno-ugorskikh narodov v usloviyakh globalizatsii [Factors Affecting the Health of Indigenous Peoples: A Sociological Aspect. Languages and Culture of the Finno-Ugric Peoples in the Context of Globalization]. In: *Materialy IV Vserossiyskoy konferentsii finno-ugrovedov* [Proc. 4th All-Russ. Conf. of Finno-Ugric Studies]. Khanty-Mansiysk, 2009, pp. 121–123. (In Russ.)
13. Kershengolts B.M., Ilyina L.P. *Biologicheskie aspekty alkogol'nykh patologiy i narkomaniy: uchebnoe posobie* [Biological Aspects of Alcohol Pathologies and Drug Addictions]. YaSU Publ., 1998, 156 p. (In Russ.)
14. Ulijaszek S.J., Strickland S.S. Nutritional Studies in Biological Anthropology. *Research Strategies in Human Biology: Field and Survey Studies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 108–139.

15. Gomberg E.S. Treatment for Alcohol-Related Problems: Special Populations: Research Opportunities. *Recent Developments in Alcoholism*, 2003, no. 16, pp. 313–333. DOI: 10.1007/0-306-47939-7_22
16. Lemert E. Alcohol in the Life of Northwest Coast Indians. In: *Alcohol and Native Peoples of the North*. Ed. by J. Hamer, J. Steinberg. Washington, Univ. Press of America, 1980, pp. 49–71.
17. Lebedeva N.M., Chirkov V.I., Tatarko A.N. *Kul'tura i otnoshenie k zdorov'yu: Rossiya, Kanada, Kitay* [Culture and Attitude to Health: Russia, Canada, China]. Moscow, RUDN Publ., 2007, 314 p. (In Russ.)
18. Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' che-lovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: Consistency of Human Development]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, 464 p. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022;
принята к публикации 29.08.2022.*

Вклад авторов:

*Трапицын С.Ю. — разработка концепции и обоснование методологии исследования,
редактирование статьи;
Граничина О.В. — получение, анализ, интерпретация данных, оформление таблиц и графиков;
Агапова Е.Н. — разработка дизайна исследования, подготовка начального варианта статьи;
Жарова М.В. — компаративный анализ результатов аналогичных исследований, подготовка ли-
тературного обзора, интерпретация данных, формулировка основных выводов.*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 234–248.

Обзорная статья

УДК 94"1918/1922"(470)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.234

Север на страницах энциклопедических изданий о Гражданской войне в России: проблемы интерпретации и репрезентации

Голдин Владислав Иванович^{1✉}, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ v.i.goldin@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. В статье характеризуется изучение истории Гражданской войны в России на современном этапе в связи со столетием этой эпохи. Автор указывает важнейшие исследовательские проекты, реализуемые в России и за рубежом. Подводятся итоги исследований, и рассматривается современное состояние историографии Гражданской войны и интервенции на Севере России, охарактеризованы обобщающие работы исследователей. Представлен обзор рассмотрения проблем и событий этой эпохи в Северной России в энциклопедиях о Гражданской войне, изданных в России. Автор даёт подробный критический анализ освещения ключевых проблем Гражданской войны на Севере России и жизни этого региона, его населения на страницах трёхтомной энциклопедии «Россия в Гражданской войне», вышедшей в свет в Москве в 2021 г. В противовес упрощённым представлениям и искажениям фактов автор раскрывает реальные процессы, происходившие на северных территориях России в драматическую эпоху Гражданской войны, размышляет о перспективах дальнейших исследований.

Ключевые слова: история, историография, Гражданская война, интервенция, Север России, Русский Север, Северная область, Россия, Антанты

The North on the Pages of Encyclopedic Editions on the Civil War in Russia: Problems of Interpretation and Representation

Vladislav I. Goldin^{1✉}, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ v.i.goldin@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article characterizes the study of the Civil War in Russia at the present stage in connection with the centenary of this epoch. The author points out the most important research projects implemented in Russia and abroad. The article summarizes the research results and reviews the current state of historiography of the Civil War and intervention in the Russian North. The author presents an overview of the

* © Голдин В.И., 2023

Для цитирования: Голдин В.И. Север на страницах энциклопедических изданий о Гражданской войне в России: проблемы интерпретации и репрезентации // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 234–248. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.234

For citation: Goldin V.I. The North on the Pages of Encyclopedic Editions on the Civil War in Russia: Problems of Interpretation and Representation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 234–248. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.234

consideration of problems and events of this epoch in Northern Russia in the Russian encyclopedias about the Civil War. The article gives a detailed critical analysis of the key problems of the Civil War in the North of Russia and the life of this region, its population on the pages of 3-volumes encyclopedia "Russia in the Civil War", issued in Moscow in 2021. In contrast to simplistic representations and distortions of facts, the author reveals the real processes that took place on the northern territories of Russia during the dramatic era of Civil War, reflects on the prospects of further research.

Keywords: *history, historiography, Civil War, intervention, North of Russia, Russian North, Northern Region, Russia, Entente*

Введение

Драматические события Гражданской войны в России, глубокий раскол общества, широкое иностранное вмешательство как в виде вооружённой интервенции, так и в других формах, всегда вызывали большой общественный интерес и внимание историков. Столетие Гражданской войны актуализировало эту тематику, вызвало новый раунд дискуссий в обществе, большой интерес и комментарии СМИ, которые, к сожалению, далеко не всегда корректно освещали эту сложную проблематику. Было проведено порядка двадцати научных конференций в разных уголках страны — от Архангельска и Санкт-Петербурга до Ялты, Благовещенска и Владивостока — с изданием их материалов, опубликованы тысячи статей и сотни книг.

На повестке дня и в центре дискуссий оказались проблемы исторической памяти о Гражданской войне, что вылилось даже в своеобразные «войны памяти».

Столетие событий Гражданской войны и интервенции характеризовалось реализацией трёх крупных исследовательских проектов: энциклопедия «Россия в Гражданской войне. 1918–1922», XII том «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» и международный проект 11-томного издания «Великая война и Революция в России», раскрывающий «континуум кризиса» в России 1914–1922 гг.¹ Автор участвует в двух последних названных проектах: в одном в качестве руководителя, а в последнем в качестве автора. В 2022 г. опубликована его большая статья с характеристикой современной отечественной и зарубежной историографии Гражданской войны и интервенции в России [1, Голдин В.И.].

Целью настоящей статьи является подведение итогов развития и современного состояния историографии Гражданской войны и интервенции на Русском Севере, а также критический анализ рассмотрения этой темы в рамках энциклопедических проектов, прежде всего, на страницах энциклопедии «Россия в Гражданской войне. 1918–1922».

Итоги развития и современное состояние историографии Гражданской войны на Русском Севере

За сто лет изучения опубликовано около 200 книг по этой теме, что в общем-то немало по сравнению с более чем 30 тысячами изданий книжного формата по проблемам ис-

¹ Russia's Great War & Revolution Series. URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Seriesabout.shtml (дата обращения: 02.12.2022).

тории российской Гражданской войны и жизни страны в эту эпоху. Тем не менее, процесс исследования характеризовался и острыми дискуссиями, и разночтением мнений, например, по проблемам событий на Мурмане в 1918 г., и стремлением историков создать итоговую и обобщающую картину сложной и противоречивой эпохи интервенции и Гражданской войны как в Северной России в целом, так и в отдельных её регионах.

Продуктивным было сотрудничество исследователей в разработке этой тематики в рамках северной, а затем северо-западной секции научных советов АН СССР и РАН на протяжении их деятельности с 1989 по 2019 г. После прекращения деятельности в 2019 г. последнего из них — Научного совета по истории социальных реформ, движений и революций РАН — координация деятельности историков, занимающихся проблемами Гражданской войны, осуществляется созданной в 2012 г. Ассоциацией исследователей Гражданской войны в России. Её центром является Архангельск, а президентом — автор этой статьи. Издаётся Альманах Ассоциации, в котором освещается научная жизнь, публикуются материалы дискуссий и статьи по актуальным проблемам, характеризуются выходящие в свет новейшие издания ².

Столетие Гражданской войны в России и на Русском Севере характеризовалось изданием в Череповце спецвыпуска журнала «*Historia Provinciae*» по этой теме ³, а также проведением серии научных конференций, три из которых прошли в Архангельской области. Наиболее значимой из них была международная научная конференция в Архангельске в сентябре 2020 г., проведённая указанной Ассоциацией совместно с Российским военно-историческим обществом с публикацией её материалов [2, Международная интервенция].

К числу обобщающих изданий последних лет по истории Гражданской войны на Севере России в целом следует отнести коллективную монографию архангельских историков [3, Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.], книгу Е.И. Овсянкина [4, Овсянкин Е.И.], а также реализуемый автором этой статьи проект под названием «Русский Север в эпоху великих потрясений. 1900–1920», в рамках которого вышли уже два первых тома [5, Голдин В.И., с. 220–623; 6, Голдин В.И.]. Монографии карельских исследователей [7, с. 381–440; 8, Витухновская-Кауппала М.А., Осипов А.Ю.] раскрывают карельский вопрос и взаимоотношения с Финляндией, особенности протекания военных действий на Мурманско-олонецком направлении, социальные процессы, жизнь населения и особенно крестьянства. Аграрно-крестьянская тематика плодотворно исследуется представителями вологодской аграрной школы [9; 10, Саблин В.А.]. Исследования, осуществлённые в Республике Коми, освещают особенности противоборства на северо-восточных территориях Европейской части России, социально-политические процессы здесь [11, Таскаев М.В., с. 251–490; 12, с. 236–273].

² Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2014–2021. 5 выпусков, последний из которых опубликован в электронном ресурсе.

³ *Historia Provinciae*. Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. Спецвыпуск: Гражданская война в России: региональное измерение. К 100-летию начала Гражданской войны.

Подводя итоги, следует признать, что исследователями, и в первую очередь северными историками, проделана большая работа по воссозданию сложной, противоречивой и глубоко драматической истории эпохи Гражданской войны и интервенции на Севере России. Вместе с тем следует отметить, что в публикуемой литературе, главным образом коллег, не связанных с Русским Севером и слабо знающих его историю, допускаются серьёзные искажения в освещении рассматриваемой эпохи, что находит отражение в материалах «круглых столов» и публикуемых критических отзывах [13, с. 107–128; 14, Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е., с. 265–272].

Идеализировать степень изученности проблем Гражданской войны на Севере России не следует. Так, явного продолжения исследований требует изучение социально-экономических процессов, сравнение действий и эффективности политик противоборствующих сторон в этой сфере, исследование культурных процессов военного времени и др.

Север России в энциклопедических изданиях о Гражданской войне

Первая из энциклопедий под названием «Гражданская война и военная интервенция в СССР» [15] была издана в 1983 г., а вторым изданием вышла в свет в 1987 г. Готовил её солидный коллектив историков, о чём можно судить по редколлегии и опубликованному списку авторов. В этой энциклопедии было несколько десятков статей, связанных с Севером России: о советском Северном фронте, армиях, дивизиях, флотилиях, военных операциях, о военных и некоторых иных деятелях советского лагеря. Их противники были представлены большой статьей об интервенции Антанты на Севере России и немногочисленными материалами о контрреволюционных правительствах и организациях, армиях и их руководителях, о мятежах, а также о некоторых военных операциях.

Следующая энциклопедия, хотя и была издана в 2008 г. в четырёх томах (включая и тему революции) [16], не оправдала ожиданий специалистов и читателей, ибо включала в себя много практически не изменённых статей из предыдущего издания и лишь несколько расширила представление об антисоветском лагере. Из этого издания трудно понять, что за авторский коллектив его готовил, а имя главного редактора не известно специалистам по этой теме.

Последняя и уже упоминавшаяся энциклопедия, которая и будет предметом анализа в этой статье, вышла в свет в 2021 г. Редакционная коллегия по известности и авторитету её членов уступает редколлегии издания 80-х гг., но сама энциклопедия вышла в 3 томах [17].

Гражданская война и интервенция на Русском Севере в новом энциклопедическом проекте

Оценивать каждую новую энциклопедию принято с её достоинств. Отметим, прежде всего, большой объём нового издания — 319,5 усл. п.л., 2 548 стр., более 2 900 статей. Листая его страницы, видишь среди авторов немало имён известных специалистов по теме. Знакомясь с Введением энциклопедии, можно предположить, что в ней отражены все аспек-

ты истории Гражданской войны и жизни страны в эту эпоху. На первый взгляд кажется, что хорошо представлены регионы. В издании много биографических материалов, особенно представителей антибольшевистского лагеря и оппозиции.

Впрочем, с первого взгляда становятся очевидны и недостатки, точнее, неудобства пользования энциклопедией и поиска в ней необходимых материалов. Она построена по традиционному для подобных изданий алфавитному принципу. Но её огромный объём при отсутствии каких-либо указателей об облегчении поиска требуемых тематических, проблемных, территориальных и иных материалов делает знакомство с изданием и составление общего представления о нём крайне затруднительным. Целесообразно было бы, например, поместить в конце издания, а ещё лучше в конце каждого из томов словник, чтобы было легче вести поиск.

Сообразно цели статьи, автора интересовала широта представления и глубина осмысления в энциклопедии процессов протекания Гражданской войны и интервенции на Севере России и освещения проблем жизни населения этого макрорегиона в исследуемый период. Отсутствие в конце издания списка авторов (как это было сделано в энциклопедии 80-х гг.) не позволяет оценить в полной мере уровень квалификации авторского коллектива, найти в нём специалистов по Северу, ибо автор статьи, как историограф, прекрасно знает всех их, да и в целом тех историков, которые профессионально занимаются проблемами Гражданской войны в стране.

Начинаем поиск со слов и словосочетаний, которые характеризуют регион: «Север», «Русский Север», «Северная область», «Европейский Север России» и далее с известными производными от них («северный», «северная», «северное»). Но здесь ждёт первое крупное разочарование. Представление о том, что в издании рассмотрены все регионы, как должно быть, чтобы анализировать Россию в Гражданской войне в целом, оказывается ложным. Севера как огромного российского региона в энциклопедии просто нет, как практически нет (за исключением двух статей об антибольшевистском движении), например, Северо-Запада, а также Юга. Но последнее может быть ещё и объяснимо тем, что он разбит (учитывая плотность и пестроту региона, многонациональное население, обилие самых разнообразных процессов и событий, здесь протекавших, существование различных государств и государственных образований) на отдельные крупные регионы. Но отсутствие самостоятельной обобщающей статьи о Северной России в энциклопедии совершенно непонятно.

Учитывая, что в энциклопедии оказалось всего два словосочетания, производных от слова «Север», — «Северный фронт» и «Северный морской путь», начинаем с первого, хорошо понимая его специфику, о чём ранее много приходилось писать, характеризуя его во всех составляющих с момента становления и в дальнейшем. Автор статьи в энциклопедии А.В. Олейников трактует Северный фронт как название для оперативно-стратегических объединений войск Белого движения и РККА в годы войны на Северном стратегическом направлении, что уже само по себе чрезвычайно узкое его понимание. В результате отсут-

ствуется характеристика театра военных действий на Севере, его обширная протяжённость от границ с Норвегией и Финляндией до Урала (с тремя главными направлениями и почти десятком отдельными участками, отделёнными друг от друга десятками километров, с особым течением войны на Печоре), не характеризуются природно-климатические, топографо-географические, военно-политические, социальные условия Северного фронта, не раскрываются особенности стратегии и тактики действий противоборствующих сторон, основные военные операции.

Пытаясь представить далее характеристику Северного фронта белых, автор делает это непрофессионально и фрагментарно, не раскрывает системы формирования войск и их состояния, изменение их наименований и структуры, динамики численности с августа 1918 г. по февраль 1920 г., планы и реалии военных операций и т. д. Представленные десять строчек текста не дают никакого представления об этом фронте. К последующей мифологизации указанным автором вооружённых сил белых в Северной области ещё обратимся далее применительно к другой его статье, так же как и к упомянутым им одной строчкой войскам интервентов на Севере.

Северный фронт Красной армии рассматривается тем же автором применительно к периоду его существования с сентября по февраль 1919 г., но данное описание даже хуже и короче, нежели в энциклопедии 80-х гг. Что касается непосредственно формирований РККА, которые создавались и воевали на Севере России, т. е. Северо-восточный участок отрядов завесы, 6-я армия, а после расформирования Северного фронта — 6-я отдельная армия, то о них речь в энциклопедии не идёт вообще.

А сейчас коснёмся уже упомянутой мифологизации всё тем же автором — А.В. Олейниковым — структуры белых войск на Севере России, которая даётся в его статье под странным названием «Белая гвардия», ибо специалисты всегда ведут речь о Белой армии или белых / белогвардейских армиях. Он представляет её эволюцию следующим образом: Северная армия — Войска Северной области — Северный фронт. Но в действительности формирования под названием «Северная армия» никогда в Северной области не было. В августе 1918 г. для формируемых войск пытались ввести термин «Народная армия» или «Российская Народная армия», но он не прижился, и с того же времени их официальное наименование звучало как «Вооружённые силы Северной области». Выдумкой упомянутого автора этой же статьи является то, что в мае 1919 г. адмирал А.В. Колчак назначил генерал-лейтенанта Е.К. Миллера командующим всеми войсками Северной области, включая Северную армию. На самом деле Верховный правитель Колчак назначил Миллера своим указом от 10 июня 1919 г. главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков на Северном фронте. С этого назначения появилось формальное основание для употребления понятия «Северный фронт», но оно не получило широкого распространения.

Ещё одна мифологема, которую изложил в той же своей статье А.В. Олейников, касается войск белых на Мурманско-олонецком направлении. Она звучит так: «Мурманская Добровольческая армия — Войска Мурманского р-на (находилась в оперативном подчинении Северной армии; в июне 1919 г. Мурманская Добрармия была переименована в Войска Мурманского р-на и вскоре была объединена с войсками Олонецкой Добровольческой армии под общим командованием генерал-лейтенанта В.С. Скобельцына); Олонецкая Добрармия (после разгрома частями РККА в Карелии в июле 1919 Олонецкая армия объединена с Мурманской Добрармией)» [17, с. 199–200].

В действительности не было не только Северной армии, но и Мурманской Добровольческой армии, изобретённой Олейниковым, а также его сподвижником О.В. Чистяковым, написавшим полностью не соответствующую истине статью под названием «Мурманская добровольческая армия», которая якобы была сформирована 1 июня 1918 г. и подчинялась Северной армии (несуществующей) и командующему английским Экспедиционным корпусом в Архангельске. Далее О.В. Чистяковым приводятся фантастические данные о её численности и структуре летом 1918 г. [17, с. 526].

Продолжая фантазировать, Олейников утверждает, что командующий Мурманской Добровольческой армии Н.И. Звегинцов во время боевых действий против советских войск в июле 1918 г. «освободил» Сороку, Кемь, Онегу и ряд других городов и селений [17, с. 811]. О.В. Чистяков излагает эти события чуть иначе, утверждая, что эта армия вместе с интервентами взяла в июле Сороку, Соловецкие острова и Онегу [17, с. 526]. В действительности подобной армии под командованием Звегинцова тогда не было. Указанные населённые пункты были захвачены интервентами. В распоряжении Звегинцова, назначенного 7 июля (после разрыва с Москвой 30 июня) командующим вооружёнными силами Мурманского края, реально было лишь несколько десятков человек, находившихся в Мурманске. После неудачного покушения 12 июля на Веселаго, сподвижника Звегинцева по перевороту в Мурманске, оба были взяты под охрану интервентов. 14 июля здесь была осуществлена военная операция, в результате которой интервентами был захвачен флагман Флотилии Северного Ледовитого океана крейсер «Аскольд», экипаж которого считался просоветским. Матросы были разоружены и арестованы. Интервентами был обезоружен и арестован в Мурманске отряд железнодорожной охраны. Лица, считавшиеся наиболее опасными, были брошены в тюрьмы и концлагеря интервентов, часть из которых погибла, а остальные были высланы за линию фронта [5, Голдин В.И., с. 439–442].

Приказ врио командующего вооружёнными силами Мурманского края штабс-капитана Гапонова № 8 о формировании на добровольческой основе Мурманской армии появился лишь 1 августа 1918 г. Но этот замысел провалился. Побывавший в Мурманске в начале ноября того же года по пути в Архангельск генерал В.В. Марушевский, получивший там назначение на должность командующего вооружёнными силами Северной области, указывал в отношении этой «армии», что она едва ли превышала две роты пехоты и «едва

успели набрать кадры, которые представляли собой отдельные взводы» [18, Марушевский В.В., с. 187]. Поэтому приказом от 7 ноября 1918 г. солдаты этой несостоявшейся армии сводились во 2-й Мурманский пехотный полк, преобразованный в 1919 г. в создаваемый 2-й Северный стрелковый полк. Сам Звегинцов был отстранён в ноябре 1918 г. от командования и привлечён к белогвардейскому следствию по обвинению в сотрудничестве с советской властью, и находился в последующие почти полтора года под угрозой ареста. Накануне падения Мурманска ему удалось бежать за границу.

Упомянутая Олонецкая добровольческая армия никакого отношения к русским войскам не имела. Она была создана в Финляндии весной 1919 г. из так называемых «добровольцев» и развернула наступление в Карелию / Олонецкую губернию в апреле 1919 г. — Олонецкий поход. Её финское командование, мечтавшее, как и руководство Финляндии, о реализации планов создания «великой Финляндии от моря до моря» с включением в её состав российской Карелии, Кольского полуострова, а при удачном стечении обстоятельств и Петрограда, категорически отказывалось сотрудничать с русскими белогвардейцами. Наладить же взаимопонимание с командующим войсками интервентов Антанты на Мурмане британскими генералом Ч. Мейнардом ради совместного наступления на Петрозаводск белофиннам не удалось. Поэтому после поражения в Карелии остатки войск Олонецкой добровольческой армии бежали в Финляндию. Заметим, что об этом воинском формировании в энциклопедии есть неплохая статья историка из Санкт-Петербурга В.И. Мусаева, хотя в ней и не использована литература последних лет.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос о том, зачем Олейникову и Чистякову понадобилось так грубо фальсифицировать историю событий Гражданской войны на Мурмане и в Карелии, которая хорошо изучена и описана в литературе. Это совершенно непонятно.

Продолжая тему интервенции на Севере, заметим, что, в электронной версии рецензируемой энциклопедии от 2021 г. не было материалов по истории интервенции. В конце октября 2022 г. на пленарном заседании Всероссийской конференции по Гражданской войне во Владивостоке прозвучал доклад московского историка, профессора А.А. Чернобаева с характеристикой этой энциклопедии. Оценивая не только её достоинства, но и недостатки, он обратил внимание на отсутствие в ней материалов по этой теме.

Это позволило окончательно убедиться в том, что эта исключительно важная тема по каким-то причинам проигнорирована в энциклопедии. Статья под названием «Антанта», помещённая в ней, не выдерживает серьёзной критики, ибо интервенция этой коалиции в России по существу не раскрыта, как и колоссальный ущерб, нанесённый стране и Русскому Северу. Между тем, Архангельская губерния, по оценкам, произведённым в 20-е гг., оказалась на третьем месте в стране по понесённым потерям.

Закономерно возникает вопрос, почему такая важная тема, как история международной интервенции в России (стран Четверного союза, Антанты и ряда других государств) не

рассматривается в энциклопедии. Ведь как для российских, так и для зарубежных историков, занимавшихся российской Гражданской войной, она всегда была неотделима от иностранной интервенции, не только вооружённой, но в многообразии и других её форм и видов (политической, экономической, идеологической и др., а также торговой блокады). Начало, продолжительность и завершение Гражданской войны в России теснейшим образом связаны с историей иностранной интервенции.

Следует особо подчеркнуть, что в истории России никогда не было подобного широкомасштабного вмешательства (военного, политического, экономического и др.) иностранных держав. Ведь на её территории находились войска примерно двадцати стран (Четверного Союза, Антанты и др.) общей численностью более полутора миллиона солдат. Не все из них находились на передовой, но выполнение ими охранных и карательных функций в тылу, подавление восстаний и партизанского движения, — всё это сохранилось в памяти россиян и сегодня. Памятники жертвам интервенции во многих городах страны и сегодня напоминают об этом.

Более того, западные страны пытались в эти годы сделать Россию изгоем формирующейся системы международных отношений, стремились решить её судьбу без неё, разделить её на части.

С течением времени, особенно в эмиграции, даже многие представители Белого движения, в том числе находившиеся в Северной области, вдруг прозрели, признавая, что иностранные войска направлялись в Россию не столько для того, чтобы помогать им, но для реализации собственных целей. Так, уже упоминавшийся бывший командующий вооружёнными силами и член правительства антибольшевистской Северной области генерал В.В. Марушевский откровенно писал: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его «оккупацией». Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми» [18, Марушевский, с. 340].

История международной интервенции в российской Гражданской войне — это и первый подобный масштабный пример борьбы граждан нашей страны против «коллективного Запада», с чем вновь столкнулась Россия в последние годы. Поэтому отсутствие в рецензируемой энциклопедии статей об интервенции в России того времени и её исторических уроках — это не просто ошибка редколлегии, но порок этого издания, который сводит на нет его ценность.

Что касается непосредственно Севера, то белое пятно вместо интервенции в этой энциклопедии означает, что она и здесь уступает энциклопедии 80-х гг., где, как уже отмечалось, эта тема получила освещение в виде большой статьи. Следует особо подчеркнуть, что, по мнению большинства российских и зарубежных историков, изучавших интервенцию стран Антанты на Севере, она была важнейшим фактором разжигания Гражданской войны в этом регионе. Отметим, что в энциклопедии масштабы интервенции Антанты в Северной России преуменьшены, и максимальная цифра иностранного военного присутствия оцени-

вается в 10–12 тыс. американских, итальянских, сербских и английских военнослужащих [17, с. 199–200]. В действительности, по официальным данным британского генштаба, из Северной России было эвакуировано с 3 июня по 12 октября 1919 г. 42 440 воинских чинов. По крайней мере, более 500 солдат и сотрудников военных миссий были эвакуированы раньше. К этому надо добавить несколько тысяч военных моряков и морских пехотинцев, которые находились на кораблях эскадры Антанты на Севере России и в составе военных флотилий на Северной Двине и Онежском озере, участвуя в военных операциях. Около полутора тысяч солдат интервентов погибло на Севере. В составе экспедиционного корпуса Антанты, воевавшего на Севере, были граждане более 10 стран и национальностей [19, с. 460–465; 20, Голдин В.И., с. 314; 21, с. 44–45].

Подчеркнём, что именно интервенты в 1918–1919 гг. вели основные боевые действия на Севере России, учитывая, что процесс формирования белогвардейских частей затянулся, и они стали представлять собой нечто реальное лишь весной 1919 г. Вместе с тем, по мнению главнокомандования интервентов, они были ненадёжны, о чём свидетельствовали и происходившие в них восстания, что и ускорило, в конечном итоге, эвакуацию. Следует добавить, что интервенты, будучи убеждёнными в неспособности белогвардейских войск воевать с Красной армией в одиночку, предлагали эвакуировать их за границу. От руководства Северной области последовал отказ. Но интервенты оказались правы, ибо через 4 месяца после их ухода Северный фронт белых рухнул в результате солдатских восстаний.

Следует отметить и другое. С весны 1918 г., когда начались военные рейды белофиннов на северные российские территории, и на протяжении всей Гражданской войны, включая уже упомянутый Олонецкий военный поход против Карелии, над Советской Россией всё время висела угроза большой войны с Финляндией. Эта страна поддерживала и сепаратистские движения на карельских территориях. Данная тема получила освещение в ряде статей энциклопедии, но раскрыта явно не достаточно по отношению к северным территориям, безуспешным попыткам властей антибольшевистской Северной области создать военный союз с Финляндией. В энциклопедии нет статьи о Карельском восстании (конец 1921 — начало 1922 г.), которое произошло не без участия Финляндии и финских «добровольцев». Вместе с тем такие статьи всегда были в предыдущих энциклопедиях, и к этой теме следовало обратиться, учитывая значительный прогресс в её изучении в последние годы.

Рассмотрим освещение иных вопросов Севера России в Гражданской войне на страницах энциклопедии. При отсутствии в ней специальной статьи о Северной (антибольшевистской) области в ней содержатся небольшие статьи об её органах управления — Верховном управлении Северной области (ВУСО) и Временном правительстве Северной области.

Но, знакомясь со статьей о ВУСО, приходишь к печальному заключению, что лучше бы её вообще не было. Автор сообщает, например, что одним из первых актов ВУСО было приглашение союзников вступить в Архангельск. Видимо, он не знает, что подобное «приглашение» было не более чем демонстрацией и заранее согласованной акцией для прикрытия во-

оружённого вторжения войск Антанты. Ведь именно интервенция в Архангельск, захват союзной эскадрой 1 августа 1918 г. после боя острова Мудьюг и вынужденная эвакуация советских учреждений и войск из города, когда интервенты стояли на его пороге, стали сигналом для антисоветского восстания. Сами же руководители антисоветского заговора и их иностранные кураторы откровенно признавали, что в случае восстания без поддержки интервентов заговорщики смогли бы удержать город не более 1–2 суток.

Далее автор статьи кратко пересказывает содержание первых десяти постановлений ВУСО от 2 августа 1918 года и сообщает сначала об аресте его членов в результате правого заговора в начале сентября и высылке на Соловецкие острова, а затем, после возвращения оттуда в результате вмешательства иностранных дипломатов, о сложении его членами своих полномочий в конце сентября того же года. Никакой попытки хотя бы краткого анализа этих драматических перипетий и причин скоротечного финала ВУСО в статье не делается.

Не отличается новизной, глубиной изложения и статья о Временном правительстве Северной области. И это неудивительно, ибо автор статей о ВУСО и ВПСО — кандидат исторических наук С.В. Куликов из Санкт-Петербурга — никогда этой темой ранее не занимался и не знает современной литературы по теме.

Деятельность органов советской власти на Севере в энциклопедии не раскрывается. Лишь в статье под названием «Северная коммуна (Союз коммун Северной области)» упоминается, что в её состав с апреля 1918 по февраль 1919 гг. входили и советские северные губернии (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, а также возникшие летом 1918 г. Северодвинская и Череповецкая губернии). Но что происходило в ней, как северные губернии боролись за свою самостоятельность и выход из-под власти Петрограда, апеллируя при этом к Москве, что и завершилось в результате роспуском этого объединения, автору статьи, А. Рабиновичу, вероятно, неизвестно. Не находим в энциклопедии и биографических материалов о руководителях советской власти в северных губерниях, за исключением той небольшой группы людей, которая и ранее фигурировала в энциклопедиях.

Зато явный акцент в рецензируемом издании делается на биографиях видных деятелях антибольшевистского движения в России и, в частности, Северной области, хотя подбор персоналий далеко не всегда понятен. Например, опубликованы не отличающиеся оригинальностью и новизной источниковой базы статьи о руководителях Мурманского переворота в июне 1918 г. А.М. Юрьеве и Н.И. Звезгинцеве, но нет статьи о третьем ключевом участнике этих событий Г.М. Веселаго. Есть статьи о ряде членов правительства Северной области, но далеко не обо всех.

Тщетно будет заинтересованный читатель искать материалы об аграрно-крестьянском вопросе в России в Гражданской войне в разрезе регионов, в том числе для того, что понять его специфику на Севере, что определяло и поведение крестьянства. Зато энциклопедия изобилует описаниями различных крестьянских восстаний, но в основном антибольшевистского характера. Касательно Севера, помещена статья о Вельском восстании, являющаяся, по

существо, пересказом статьи Т.И. Трошиной. Вместе с тем более известное и связанное с началом Гражданской войны на Севере Шенкурское восстание не нашло отражения в издании.

В энциклопедии игнорируются восстания, которые происходили в Северной области и в её вооружённых силах, что отражало и настроения крестьян Севера. Заслуживало бы, например, описания Онежское восстание (в июле 1919 г.), когда рухнул Онежский фронт белых и 5-й Северный стрелковый полк, арестовав своё командование, перешёл на сторону красных. В результате почти на два месяца Северная область была разорвана пополам, прервано сухопутное сообщение архангельской и мурманской группировок интервентов и белогвардейцев. В ходе неудачного летнего штурма артиллерийским огнём с кораблей интервентов была уничтожена половина города Онеги, что онежане хорошо помнят и сегодня. Лишь в сентябре, в связи с общим положением на фронте, красные покинули Онегу.

Ранее упоминалось о статье о Северном морском пути. Её автор — красноярский историк А.Е. Гончаров. Она является, пожалуй, единственной достойной и оригинальной статьёй о Севере в энциклопедии. И это не случайно, ибо автор является членом международного авторского коллектива, опубликовавшего в 2022 г. (с участием и автора этих строк) объёмную коллективную монографию, посвящённую истории Северного морского пути (СМП), доведенную до современности и с размышлениями о его будущем⁴.

В энциклопедии содержится множество фактических ошибок. Укажем на некоторые из них. Белый Архангельск пал не 21, а 19 февраля 1920 г., а бежавшее отсюда на ледоколе «Козьма Минин» руководство Северной области проследовало не во Францию, а в Норвегию. Восстание в Мурманске произошло не 7 марта, а 21 февраля 1920 г. Перечень подобных ошибок и недостоверных сведений можно продолжать.

Заключение

Энциклопедии считаются завершённым и тщательно выверенным продуктом научного творчества лучших специалистов по данной теме. Именно так их по традиции воспринимают читатели и сегодня, полагая, что подобным изданиям можно верить. К сожалению, рецензируемая энциклопедия, как показал критический анализ её статей о Севере России, представляет собой обратное. Остаётся лишь обращать читателей к чтению той научной литературы, которая издана ранее северными историками и указана в статье.

Принимая участие в 11-томном международном научном издании, указанном во Введении к этой статье, автор опубликовал в нём большую главу, посвящённую Гражданской войне на Севере России, объективно раскрывающую протекавшие в тот период события [22, Goldin V.]. Кроме того, автор, будучи ответственным редактором XII тома 20-томной академической «Истории России», написал в нём и все главы, связанные с Северной Россией.

⁴ From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden 2021: Brill publishing house, 2022.

Остаётся указать в них на ошибки и недостоверные сведения в рецензируемой энциклопедии и рассматривать указанный том и как своего рода работу над ошибками, допущенными в ней.

Подводя общий итог, отметим, что, учитывая всё вышеизложенное, трудно назвать рецензируемое издание в отношении Северной России действительно энциклопедией. Скорее, это некий свод поверхностных, фрагментарных, во многом недостоверных сведений, легковесных и часто ошибочных суждений. Остаётся лишь адресовать лиц, интересующихся этой темой, к той современной научной литературе о Гражданской войне и интервенции на Севере, которая уже издана и продолжает издаваться.

Список источников

1. Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121. DOI: 10.31857/S0869568722030086
2. Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории / Сост. В.И. Голдин, Г.С. Рагозин. Москва: Пятый Рим, 2020. 368 с.
3. Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: СОЛТИ, 2005. 350 с.
4. Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск: Архконсалт, 2007. 560 с.
5. Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне. Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
6. Голдин В.И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август — декабрь 1918 г. Архангельск: Дапринт, 2021. 660 с.
7. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н.А. Кораблев и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
8. Витухновская-Кауппала М.А., Осипов А.Ю. В пучине Гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 352 с.
9. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (социальные и экономические результаты). Вологда, 2008. 344 с.
10. Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917–1920). Москва: Academia, 2009. 432 с.
11. Таскаев М.В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 — первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 610 с.
12. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. А.Н. Турубанов. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 704 с.
13. Гражданская война и интервенция на Севере России: итоги и перспективы осмысления // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1 (13). С. 107–128.
14. Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е. Гражданская война и международная интервенция на Русском Севере: критическое суждение о книге израильского историка // Вопросы истории. 2020. № 10–4. С. 265–272.
15. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. Издание второе / Глав. ред. С.С. Хромов. Москва: Советская Энциклопедия, 1987. 720 с.
16. Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг.: Энциклопедия. В 4 т. Глав. ред. С.А. Кондратов. Москва: Терра, 2008.
17. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. Москва: Политическая энциклопедия, 2021.
18. Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. Вып. 1. / Под ред. В.И. Голдина. Архангельск: Правда Севера, 1993. С. 170–341.

19. Зброшенныя в небытие. Интервенция на Севере России (1918–1919) глазами её участников / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. 505 с.
20. Голдин В.И. Навязанная извне. Гражданская война и интервенция на Русском Севере: к диалектике процессов // Русский Сборник. Исследования по истории России. XXVIII: Гражданская война и интервенция в России / Редакторы-составители О.Р. Айрапетов и др. Москва: Модест Колеров, 2020. С. 285–344.
21. Army. The Evacuation of North Russia, 1919. London, 1920. 54 p.
22. Goldin V. The Northern Front // Russia's Great War and Revolution. Vol. 5: Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Russian Civil War: Campaigns and Operations. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2021. Pp. 63–96.

References

1. Goldin V.I. Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy sovremennoy istoriografii [Modern Historiography of the Russian Civil War]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2022, no. 3, pp. 109–121. DOI: 10.31857/S0869568722030086
2. Goldin V.I., Ragozin G.S., eds. *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki istorii* [International Intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: Key Issues, Historical Memory and the Lessons of History]. Moscow, Pyatyy Rim Publ., 2020, 368 p. (In Russ.)
3. Goldin V.I., Zhuravlev P.S., Sokolova F.Kh. *Russkiy Sever v istoricheskom prostranstve rossiyskoy grazhdanskoy voyny* [Russian North in the Historical Space of the Russian Civil War]. Arkhangelsk, SOLTI Publ., 2005, 350 p. (In Russ.)
4. Ovsyankin E.I. *Na izlome istorii. Sobytiya na Severe v 1917–1920 gg. Mify i real'nost'* [At the Break of History. Events in the North in 1917–1920. Myths and Reality]. Arkhangelsk, Arkhkonsalt Publ., 2007, 560 p. (In Russ.)
5. Goldin V.I. *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoy voyne. Popytki reform. Revolyutsii. Mezhdunarodnaya interventsia. 1900 — leto 1918* [North of Russia on the Way to the Civil War. Reform Attempts. Revolutions. International Intervention. 1900 — Summer 1918]. Arkhangelsk, NARFU Publ., 2018, 623 p. (In Russ.)
6. Goldin V.I. *Sever Rossii v ogne Grazhdanskoy voyny. Inostrannaya interventsia i ee posledstviya. Avgust — dekabr' 1918 g* [North of Russia in the Fire of the Civil War. Foreign Intervention and its Consequences. August — December 1918]. Arkhangelsk, Daprint Publ., 2021, 660 p. (In Russ.)
7. Korablev N.A., ed. *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [History of Karelia from Ancient Times to the Present Day]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001, 944 p. (In Russ.)
8. Vitukhnovskaya-Kaupala M.A., Osipov A.Yu. *V puchine Grazhdanskoy voyny: Karely v poiskakh strategiy vyzhivaniya. 1917–1922* [In the Abyss of the Civil War: Karelians in Search of Survival Strategies. 1917–1922]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, 352 p. (In Russ.)
9. Sablin V.A. *Agrarnaya revolyutsia na Evropeyskom Severe Rossii. 1917–1921 (sotsial'nye i ekonomicheskie rezul'taty)* [Agrarian Revolution in the European North of Russia. 1917–1921 (Social and Economic Results)]. Vologda, 2008, 344 p. (In Russ.)
10. Sablin V.A. *Krest'yanskoe khozyaystvo na Evropeyskom Severe Rossii (1917–1920)* [Peasant Economy in the European North of Russia (1917–1920)]. Moscow, Academia Publ., 2009, 432 p. (In Russ.)
11. Taskaev M.V. *Sotsial'no-politicheskie protsessy na Evropeyskom Severe-Vostoke Rossii (1901 — pervaya polovina 1930-kh gg.)* [Socio-Political Processes in the European North-East of Russia (1901 — the First Half of the 1930s)]. Yekaterinburg, Ural Branch of the RAS, 2011, 610 p. (In Russ.)
12. Turubanov A.N., ed. *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka. V 2 t. T. 2* [The History of Komi from Ancient Times to the End of the 20th Century. In 2 Vols. Vol. 2]. Syktyvkar, Komi book publishing house, 2004, 704 p. (In Russ.)
13. *Grazhdanskaya voyna i interventsia na Severe Rossii: itogi i perspektivy osmysleniya* [Civil War and Intervention in the North of Russia: Results and Perspectives of Understanding]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Pomor University. Ser.: Humanitarian and Social Sciences], 2008, no. 1 (13), pp. 107–128.

14. Goldin V.I., Sokolova F.Kh., Shaparov A.E. *Grazhdanskaya voyna i mezhdunarodnaya interventsia na Russkom Severe: kriticheskoe suzhdenie o knige izrail'skogo istorika* [Civil War and International Intervention in the Russian North: A Critical Review of the Book by an Israeli Historian]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 10–4, pp. 265–272.
15. Khromov S.S., ed. *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR: Entsiklopediya. Izdanie vtoroe* [Civil War and Military Intervention in the USSR: Encyclopedia. Second Edition]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987, 720 p. (In Russ.)
16. Kondratov S.A., ed. *Revolutsiia i grazhdanskaya voyna v Rossii: 1917–1923 gg.: Entsiklopediya. V 4 t.* [Revolution and Civil War in Russia: 1917–1923: Encyclopedia. In 4 Vol.]. Moscow, Terra Publ., 2008. (In Russ.)
17. Sorokin A.K., ed. *Rossia v Grazhdanskoy voyne. 1918–1922: Entsiklopediya. V 3 t.* [Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia. In 3 Vol.]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021. (In Russ.)
18. Marushevskiy V.V. God na Severe (avgust 1918 — avgust 1919 g.) [A Year in the North (August 1918 — August 1919)]. In: *Belyy Sever. Vyp. 1* [White North. Issue 1]. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 1993, pp. 170–341.
19. Goldin V.I., ed. *Zabroshennye v nebytie. Interventsia na Severe Rossii (1918–1919) glazami ee uchastnikov* [Abandoned into Oblivion. Intervention in the North of Russia (1918–1919) through the Eyes of its Participants]. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 1997, 505 p. (In Russ.)
20. Goldin V.I. Navyazannaya izвне. *Grazhdanskaya voyna i interventsia na Russkom Severe: k dialektike protsessov* [Imposed from Outside. Civil War and Intervention in the Russian North: to the Dialectic of Processes]. In: *Russkiy Sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. XXVIII: Grazhdanskaya voyna i interventsia v Rossii* [Russian Collection. Studies of the History of Russia. XXVIII: Civil War and Intervention in Russia]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2020, pp. 285–344.
21. *Army. The Evacuation of North Russia, 1919*. London, 1920, 54 p.
22. Goldin V. The Northern Front. In: *Russia's Great War and Revolution. Vol. 5: Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Russian Civil War: Campaigns and Operations*. Bloomington, Indiana, Slavica Publishers, 2021, pp. 63–96.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2022;
принята к публикации 03.12.2022.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 249–271.

Научная статья

УДК [338.47:332.1](985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.249

2022: Российская Арктика во времена перемен

Лукин Юрий Фёдорович^{1✉}, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ lukin.yury@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-4586>

Аннотация. Целью статьи является осмысление проблем российской Арктики на фоне специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 г. Методология исследования основывается на междисциплинарности, общенаучных методах, приоритетном использовании первоисточников. Исследуются актуальные темы определения внешних границ континентального шельфа России в Арктике, участия России в деятельности Арктического Совета, арктические стратегии США 2019, 2022 гг. Анализируются объёмы грузоперевозок в акваториях Северного морского пути и Арктического бассейна за несколько прошедших лет, деятельность вновь созданного в 2022 г. ФГБУ «ГлавСевморпуть», создание единой платформы цифровых сервисов. В связи с происходящим азиатским поворотом России на восток в международных отношениях, увеличением объёма грузоперевозок в Азию, санкциями коллективного Запада возникает потребность приводить существующие нормы, правила плавания в соответствие с существующей реальностью в экономике, политике, для обеспечения безопасности всей российской Арктики. В перспективе становится вполне возможной трансформация акватории СМП в морской транспортный коридор от Мурманска на западе до Владивостока на востоке. В 2022 г. утверждён изменённый порядок выявления существующих наименований географических объектов. Важным аспектом при этом становится появление на карте имён россиян, участвовавших в изучении Арктики. Комплекс внешних и внутренних вызовов в российской Арктике не исчерпывается указанными в статье проблемами и требует продолжения дальнейших исследований.

Ключевые слова: российская Арктика, границы континентального шельфа, Арктический Совет, стратегии, Северный морской путь, Арктический бассейн, наименования географических объектов

2022: The Russian Arctic in Times of Change

Yury F. Lukin^{1✉} Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honoured Worker of Higher Education of Russian Federation

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ lukin.yury@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-4586>

Abstract. The purpose of the article is to comprehend the problems of the Russian Arctic against the background of a special military operation in Ukraine in 2022. The research methodology is based on interdisciplinarity, general scientific methods, priority use of primary sources. The author investigates the current topics of determining the outer limits of the Russian continental shelf in the Arctic, Russia's participation in the Arctic Council, the US Arctic strategy in 2019, 2022 and the US Arctic strategy in 2022. The volume of freight traffic in the Northern Sea Route and the Arctic Basin over the past few years, the activities of the

* © Лукин Ю.Ф., 2023

Для цитирования: Лукин Ю.Ф. 2022: Российская Арктика во времена перемен // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 249–271. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.249

For citation: Lukin Yu.F. 2022: The Russian Arctic in Times of Change. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 249–271. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.249

newly established in 2022 FSBI “Glavsevmorput”, the creation of a single platform of digital services are analyzed. Due to Russia’s ongoing Asian turn in international relations to the east, the increase in the volume of cargo transportation to Asia and the sanctions of the collective West, there is an urgent need to bring existing regulations, navigation rules in line with the current reality in the economy and politics, to ensure the security of the entire Russian Arctic. In perspective, the transformation of the NSR water area into the sea transport corridor from Murmansk in the west to Vladivostok in the east becomes quite possible. In 2022, a modified procedure for identifying existing names of geographical objects was approved. An important aspect is the appearance on the map of the names of the Russians participated in the study of the Arctic. The complex of external and internal challenges in the Russian Arctic is not limited to the problems mentioned in the article and requires further research.

Keywords: *Russian Arctic, continental shelf boundaries, Arctic Council, Arctic Strategy, Northern Sea Route, Arctic Basin, name of geographical object*

Введение

В российской Арктике постоянно что-то изменяется: климат, экономика, жизнедеятельность арктических социумов. Решаются застаревшие проблемы и появляются новые, принимаются обновлённые стратегии развития и законы. Свою лепту в процесс арктических перемен внёс и кризисный 2022 г. Проведение специальной военной операции (СВО) на Украине привело к росту нескончаемого потока санкций Европейского Союза, США против России, что имеет непосредственное отношение к использованию нефтегазовых богатств Арктики, эксплуатации Северного морского пути, жизнедеятельности арктических социумов. Изменения климата, декларируемый переход к зелёной экономике становятся инструментом внутренней и внешней политики Европейского Союза (ЕС), в том числе и в Арктике, даже несмотря на кризис в энергетике, связанный с продолжением СВО на Украине. На фоне продолжающегося пересмотра ценностей в европейском социуме, перманентного неудовлетворения жизненно важных потребностей населения в энергетике в связи с ростом цен, инфляцией, формируется общеевропейская позиция депривации российской Арктики, связанной с отказом от российской нефти и газа. Для России это новый арктический вызов, хотя Россия постепенно и налаживает сбыт углеводородов на новых рынках Азии.

Помимо внешних вызовов для нашей страны в Арктике, обостряется и существующая не один год внутренняя проблематика. Российская Арктика в XXI в. прирастает новыми островами, мысами, проливами, бухтами в Северном Ледовитом океане. Объективно назрела потребность в уточнении перечня всех географических объектов и в упорядочивании использования этого государственного информационного ресурса, его цифровизации. Возрастает значимость океанографических исследований, гидрографической деятельности в морях Северного Ледовитого океана. Кроме того, уже более двадцати с лишним лет в ООН не решается вопрос о границах континентального шельфа России в Арктике.

Внешние границы континентального шельфа России в Арктике

Одним из застарелых вызовов для России был и остаётся вопрос о внешних границах российского континентального шельфа в Северном Ледовитом океане за пределами 200 морских миль. Многоцелевые систематические исследования России в Арктике были начаты

ещё в 1961 г. и продолжались 35 лет. Вся акватория Арктического бассейна покрыта высокоточным систематическим промером глубин при плотности измерений 5–15 км [1, Соболева М.Н., Каврайский А.В., Костенич А.В. и др.].

В 2001 г. Россия впервые направила в Комиссию ООН по границам континентального шельфа представление о расширении своих внешних границ по арктическому шельфу. Однако первая заявка в ООН была отклонена. В 2015 г. Россия подала в Комиссию ООН по границам континентального шельфа новое Представление о расширении границ своего континентального шельфа в Арктике. Обсуждение этой заявки в ООН началось в августе 2016 г. В 2019 г. подкомиссия ООН по границам континентального шельфа признала геологическую принадлежность части территорий Арктики, включённых в расширенные границы площадью 1,2 млн км², к продолжению континентального шельфа России¹.

31 марта 2021 г. Российская Федерация представила два дополнения к частично пересмотренному Представлению 2015 г. в Комиссию ООН по границам континентального шельфа в Северном Ледовитом океане². Дополнения к уточнённой заявке содержали все необходимые научные данные, диаграммы и координаты исследований по хребтам Гаккеля, Альфы, Ломоносова, бассейнах Нансена и Амундсена, поднятию Менделеева, бассейнах Амундсена и Макарова, Канадского бассейна. Речь в заявке 2021 г. шла о дополнительных 700 тысячах квадратных километров к прежней заявке в 1,2 млн км². При этом в уточнённую заявку не вошли акватории к северу от Аляски США.

Правительство РФ своим постановлением от 25 декабря 2021 г. определило правила, цели и порядок предоставления субсидий АО «Росгеология» из федерального бюджета на финансовое обеспечение подготовки дополнительных материалов для обоснования заявки по установлению внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане³.

На арктический континентальный шельф, как известно, претендуют Дания и её автономная территория Гренландия, Канада, Россия, официально подавшие заявки в Комиссию ООН по морскому дну. В начавшийся период только ещё зарождающейся многополярности и трансформации однополярного мира подавляющее господство США и их союзников в ООН в условиях продолжения специальной военной операции на Украине, оставляет ничтожно мало шансов на решение проблем определения границ арктического континентального шельфа в пользу современной России.

¹ Подкомиссия ООН подтвердила принадлежность территорий по заявке России на шельф в Арктике / Е.А. Киселев. 3 апреля 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6290153> (дата обращения: 18.01.2023).

² Россия расширила свою заявку на часть континентального арктического шельфа, 10.04.2021. URL: https://mirovoeobozrenie.mirtesen.ru/blog/43066133877/Rossiia-rasshirila-svoyu-zayavku-na-chast-kontinentalnogo-arktic?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 18.01.2023).

³ Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2021 г. № 2482. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112290030> (дата обращения: 18.01.2023).

**О возникшей в 2022 г. проблеме участия России в деятельности
Арктического совета**

В 2022 г. в условиях санкций против России из-за СВО на Украине возникла острейшая ситуация в деятельности Арктического совета (АС). Россия фактически стала изгоем в этой важнейшей международной организации, да ещё и в год своего председательства в АС. Соединённые Штаты намерены сохранить Арктический совет в качестве основного многостороннего форума, отмечая при этом, что агрессивная война России против Украины сделала сотрудничество с Россией в Арктике практически невозможным.

Семь государств — постоянных членов Арктического совета в марте 2022 г. заявили, что отказываются принимать участие в заседаниях, проходящих под председательством РФ, из-за ситуации вокруг Украины. На официальном сайте Арктического Совета появилось объявление: «*The Arctic Council is pausing all official meetings of the Council and its subsidiary bodies until further notice*» («Арктический совет приостанавливает все официальные заседания Совета и его вспомогательных органов до дальнейшего уведомления») ⁴. В июне 2022 г. семь государств приняли решение возобновить работу Арктического совета, но без российского участия. США, чтобы поддерживать эффективность Арктического совета, намерены работать, прежде всего, со своими союзниками и партнёрами. Вместе с тем США признают, что при определённых условиях возможно возобновление и некоторого сотрудничества с Россией. Работа Арктического Совета формально как бы возобновилась без участия России.

Что остаётся делать России в такой ситуации? Можно рассмотреть несколько вероятных вариантов будущего, связанных с работой Российской Федерации в Арктическом Совете.

Во-первых, Россия остаётся в Арктическом совете фактически в роли наблюдателя без возможности влияния на возникающие ситуации, так как вполне вероятно, что она будет оставаться в меньшинстве при принятии ключевых решений. Очень важно для РФ поддерживать партнёрские отношения со своими союзниками, шаг за шагом продвигая для реализации совместные проекты в экологии, экономике, культуре, образовании, международных отношениях в Арктическом регионе, в которых Россия, Китай, Индия будут заинтересованы.

Во-вторых, возникает вопрос: имеет ли смысл создание параллельной структуры, например, «Северо-Арктического Совета», в который, возможно, войдут Россия, Китай, Индия и другие страны, фактически оставаясь при этом в Арктическом Совете и решая по-прежнему вместе общие проблемы по ряду приемлемых для всех направлений? Что может дать такое раздвоение? В любом варианте уход России как ведущей арктической державы вообще из Арктического совета неприемлем. Это будет означать неизбежную капитуляцию России в Арктике, её изоляцию в решении международных вопросов развития Арктического региона, создавая проблемы для осуществления деятельности РФ в Арктике.

В-третьих, старейшей англоязычной газетой Гонконга «South China Morning Post» 11 мая 2020 г. была опубликована статья «How a new Arctic League can save the post-coronavirus

⁴ Arctic Council. URL: <https://www.arctic-council.org/> (дата обращения: 03.01.2023).

world». Её автором был Irvin Studin, доктор философии, главный редактор и издатель журнала Global Brief, президент Института проблем XXI в. в Торонто. В эту новую Арктическую лигу должны войти Канада, США, Россия, Япония, несколько государств Северной Европы, если не весь ЕС, а из Северо-Восточной Азии — Китай, Япония и две Кореи. Речь шла о предотвращении таким образом перспективы войны между США, Китаем и Россией⁵. Одной из главных проблем при создании «Арктической Лиги» становился вопрос: соответствует ли это национальным интересам как 8-ми арктических стран, так и 13-ти неарктических государств — наблюдателей «Арктического Совета»? Арктический совет вообще прекращает свою деятельность или как-то взаимодействует с новой создаваемой международной структурой по проблемам коренных народов, экологии, сохранения флоры и фауны и изменения климата?

В-четвёртых, Россия использует и будет продолжать накапливать свои внутренние резервы, имеющиеся научно-технические, финансово-экономические ресурсы для выполнения задач, поставленных в «Стратегии развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645⁶. В перечне основных стратегических опасностей, вызовов и угроз, формирующих риски для внутреннего развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности, указывается рост конфликтного потенциала в Арктике, требующий постоянного повышения боевых возможностей группировок войск (сил) Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в Арктической зоне РФ. Многовекторная внешнеполитическая деятельность РФ направлена на реализацию задач в сфере развития инфраструктуры российской Арктики.

Арктические стратегии США 2019 и 2022 гг.

Ещё десять лет тому назад говорилось о том, что Россия и США — конкуренты, но не враги и не антагонисты. В их политико-экономических системах нет принципиальной разницы, хотя они и не идентичны⁷. Заместитель госсекретаря США Дэвид Хейл в 2020 г. заявлял о России как о жёстком, порой изобретательном конкуренте США⁸. Изменения глобальной среды, качественное усложнение характера международных взаимодействий и внутривнутриполитической динамики как в России, так и в странах Азии, позволяют по-новому взглянуть на процесс, обозначенный в российском официальном и научном дискурсе как «поворот на Восток» [2, Азиатский поворот]. В 2018–2022 гг. «поворот на Восток» сопряга-

⁵ Irvin Studin. How a new Arctic League can save the post-coronavirus world. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3083605/how-new-arctic-league-can-save-post-coronavirus-world> (дата обращения: 17.01.2023).

⁶ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 05.01.2023).

⁷ Шаклеина Т.А. Россия — США: оптимизм и пессимизм «перезагрузки». URL: https://www.perspektivy.info/book/rossija_ssha_optimizm_i_pessimizm_perezagruzki_2012-02-03.htm (дата обращения: 11.01.2023).

⁸ «Жёсткий конкурент»: в Госдепе не считают Россию врагом. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/01/11_a_12905744.shtml (дата обращения: 11.01.2023).

ется с изменениями парадигмы отношений между США и Россией в Арктике, что нашло чётко выраженное отражение в стратегических документах США.

США высказывали публичные обвинения России в милитаризации Арктики ещё в мае 2021 г. Госсекретарь США Энтони Блинкен 18 мая 2021 г. в ходе пресс-конференции с главой МИД Исландии Гудлаугуром Тором Тордарсоном в Рейкьявике заявил, что Россия выдвигала незаконные морские претензии. В частности, её регулирование иностранных судов, проходящих Северным морским путём, якобы несовместимо с международным правом. Блинкен также обозначил *«опасения по поводу некоторой активизации военной деятельности в Арктике, которая увеличивает опасность или перспективы несчастных случаев, просчётов и подрывает общую цель мирного и устойчивого будущего региона»*⁹. Министр иностранных дел России С.В. Лавров тогда оперативно ответил, что всё, что делает в Арктике Россия, — законно и легитимно: *«Русские военные отвечают за то, чтобы арктическое побережье России было безопасным. Однако, когда туда пытается влезть НАТО, то это уже совершенно другая ситуация. Это наша земля и наши воды. А вот когда НАТО пытается оправдать своё наступление в Арктику, это уже, наверное, немного другая ситуация»*¹⁰.

«2019 DoD Arctic Strategy» — Арктическая стратегия Министерства обороны на 2019 г. определяла стратегические цели Министерства обороны для арктического региона в свете обновлённой оценки изменяющейся обстановки в сфере безопасности. Главной прагматической целью стратегии Министерства обороны США в 2019 г. являлось получение финансовых ресурсов, необходимых для реализации военных задач в Арктическом регионе, в рамках практически существующего в США общего порядка планирования и составления государственного бюджета. Министерство обороны США стратегически нацеливалось на то, чтобы быстро выявлять угрозы в Арктике, оперативно и эффективно на них реагировать и формировать среду безопасности, смягчить вероятность возникновения этих угроз в будущем. Реализация такого стратегического подхода США в Арктике требовала: а) повышения осведомлённости об Арктике; б) активизации операций в Арктике; в) укрепления основанного на правилах порядка в Арктике¹¹.

Очень важно понять смысл перманентно появляющейся в различных доктринах темы интернационализации арктического пространства, основанного исключительно на правилах США. Так, например, для повышения осведомлённости об Арктике, позитивного формирования общественного мнения, США в 2019 г. идентифицировали себя «арктической нацией»

⁹ Secretary Antony J. Blinken and Icelandic Foreign Minister Gudlaugur Thor Thordarson at a Joint Press Availability. May 18, 2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-icelandic-foreign-minister-gudlaugur-thor-thordarson-at-a-joint-press-availability/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹⁰ «Это наша земля и наши воды»: Лавров задал НАТО неудобный вопрос по Арктике. 18.05.2021. URL: <https://inforuss.info/eto-nasha-zemlya-i-nashi-vody/> (дата обращения: 18.01.2023).

¹¹ Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy. 2019 DoD Arctic Strategy. June 2019. С. 1-2. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTICSTRATEGY.PDF> (дата обращения: 18.01.2023).

— «*The United States is an Arctic nation*». Географически Арктика охватывает северные подступы к Соединённым Штатам и представляет собой, по мнению разработчиков стратегии, как бы потенциальный вектор как для нападений на родину, так и для проецирования мощи США. Подходы к Северному Ледовитому океану как к востоку, так и к западу от Соединённых Штатов образуют стратегические коридоры для морских перевозок. Арктические морские пути проходят через Берингов пролив между Соединёнными Штатами и Россией, в то время как Гренландско–Исландско–Соединённо–норвежский пролив (GIUK-N) является стратегическим коридором для военно-морских операций между Арктикой и Северной Атлантикой¹². Арктика стратегически позиционировалась в 2019 г. ещё и «*The Arctic as the U.S. homeland*», как бы родиной США, не имея для этого веских оснований¹³. Древние цивилизации Америки действительно появились ещё до Колумба. В США об этом напоминают прекрасно оформленные музеи археологических и культурно-бытовых памятников о жизни, быте индейских племён. По одной из теорий древние люди пришли на американский континент из Северо-Восточной Азии через Берингов пролив.

В исторической науке широкую известность получила концепция «*The Frontier in American History*» — фронта-границы в американской истории, автором которой является известный историк *Turner, Frederick Jackson* (Фредерик Джексон Тёрнер, 1861–1932 гг.). В книге «Фронтир в американской истории», изданной в 2009 г. на русском языке, собраны его основные статьи и выступления в 1893–1918 гг., в которых и сформулирована концепция «фронтира» [3]. Эти очерки разных лет концентрировались на одной главной теме — расширении территориальных границ в американской истории. Фронтир определялся как место контакта дикости и цивилизации, наличия свободных земель. В книге анализируются первый официальный фронтир Массачусетского залива, Старый и Средний Запад, долины рек Огайо и Миссисипи в американской истории, доминирующие силы в жизни Запада и его вклад в американскую демократию. По обоснованному мнению Ф.Д. Тёрнера, «*Американская история вплоть до наших дней в значительной мере была историей колонизации Великого Запада. Существование значительной территории свободных земель, её постоянное отступление и продвижение американских поселений на запад, — вот объяснения развития Америки*» [3]. При этом Ф.Д. Тёрнер в указанной выше книге вообще не затрагивал проблем фронта-границ освоения Арктики, русских владений на Аляске в 1781–1867 гг., когда Россия фактически заложила фундамент экономики и культуры Аляски.

Исконно арктической нацией во всемирной истории человечества с полным основанием можно назвать Россию. Процесс становления российской государственности ведёт свою историю с IX в. из Ладоги, Великого Новгорода, Новгородской вечевого республики в 1136–1478 гг. Обживание северных территорий и постепенная трансформация их в ойкумену

¹² 2019 DoD Arctic Strategy. June 2019. С. 3. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTICSTRATEGY.PDF> (дата обращения: 18.01.2023).

¹³ 2019 DoD Arctic Strategy. June 2019. С. 5–6. Там же.

Русского Севера проходило в X–XIII вв., о чём свидетельствуют известные археологические карты 1986, 1993 гг. и научные труды академика РАН Н.А. Макарова [4, Макаров Н.А.] и других отечественных учёных. Новгородцы осваивали географически огромное арктическое пространство Архангельского и Кольского Севера, Карелии, побережья и акватории морей Северного Ледовитого океана, совершали походы даже до реки Обь в Сибири. Исторические сведения об открытии русскими морского пути в Белое море можно найти и в исландских сагах, истории Саксона Грамматика, в летописях Норвегии [5, Лукин Ю.Ф., с. 81–115]. В те далёкие от нас времена фактически не было вообще ещё такого государства, как США, его «правил», не существовало американской цивилизации.

В стратегии Министерства обороны США в 2019 г. Арктика объявлялась общим регионом (*shared region*) и потенциальным коридором для стратегической конкуренции. Стратегическая территория рассматривалась как потенциальный вектор для нападения на США, а Китай и Россия создавали разные вызовы на своих соответствующих театрах военных действий. Ставилась задача достижения военного преимущества Объединённых сил США и их союзников против Китая и России¹⁴. Таким образом, стабильность в Арктическом регионе, по логике, обозначенной в анализируемой арктической стратегии 2019 г., обеспечивается, в первую очередь, национальными интересами США и их союзников.

Новую стратегию США для Арктического региона — «*National Strategy for the Arctic Region*», рассчитанную на 2022–2032 гг., Президент США Джо Байден утвердил 7 октября 2022 г.¹⁵ Контент этого документа включает видение изменяющихся условий Арктики, стратегические основы и руководящие принципы подхода США. Обозначены интересы США в Арктике, включающие четыре основных направления:

- *Безопасность*. Сдерживать угрозы США и союзникам, наращивая возможности, необходимые для защиты своих интересов в Арктике, одновременно координируя общие подходы с союзниками и партнёрами и снижая риски непреднамеренной эскалации.
- *Изменение климата и охрана окружающей среды*. Сотрудничать с общинами и штатом Аляски в целях повышения устойчивости к последствиям изменения климата. Работать над сокращением выбросов в рамках более широких глобальных усилий по смягчению последствий, по улучшению научного понимания и сохранения Арктической экосистемы.
- *Устойчивое экономическое развитие*. Стремиться к улучшению условий жизни на Аляске, инвестируя в инфраструктуру, улучшая доступ к услугам и поддерживая растущие секторы экономики. Работать с союзниками и партнёрами над расшире-

¹⁴ 2019 DoD Arctic Strategy. June 2019. С. 6–7. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTICSTRATEGY.PDF> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁵ National Strategy for the Arctic Region. October 2022. 15 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 16.01.2023).

нием высококачественных инвестиций и устойчивого развития во всём Арктическом регионе.

- *Международное сотрудничество и управление.* Несмотря на вызовы арктическому сотрудничеству, США предполагают работать над поддержанием институтов арктического сотрудничества, включая Арктический совет. США якобы стремятся поддерживать международное право, правила, нормы и стандарты в Арктике¹⁶.

В целом же стратегии США 2019, 2022 гг. чётко направлены на защиту национальных интересов США и их союзников. Военно-геоэкономическое противостояние в Арктике постоянно возрастает. Ещё в 2019 г. ставилась стратегическая задача достижения военного преимущества США против Китая и России. В 2022 г. напряжённость в Арктике ещё более усиливается. Россия, в первую очередь, может рассчитывать только на свои ресурсы и возможности.

Северный морской путь: время перемен

В 2022 г. отмечалось 90-летие Северного морского пути (СМП), одной из основных морских магистралей в России, приобретающей со временем всё возрастающую геополитическую и экономическую значимость. Объём перевозимых грузов по акватории СМП в XX–XXI вв. постоянно увеличивается (рис. 1).

ОБЪЕМ ПЕРЕВОЗОК ПО СЕВЕРНОМУ МОРСКОМУ ПУТИ С УЧЕТОМ ТРАНЗИТНЫХ ГРУЗОВ (ТЫС. ТОНН) ИСТОЧНИК: ФГУ «АДМИНИСТРАЦИЯ СЕВМОРПУТИ», ФГУП «АТОМФЛОТ».

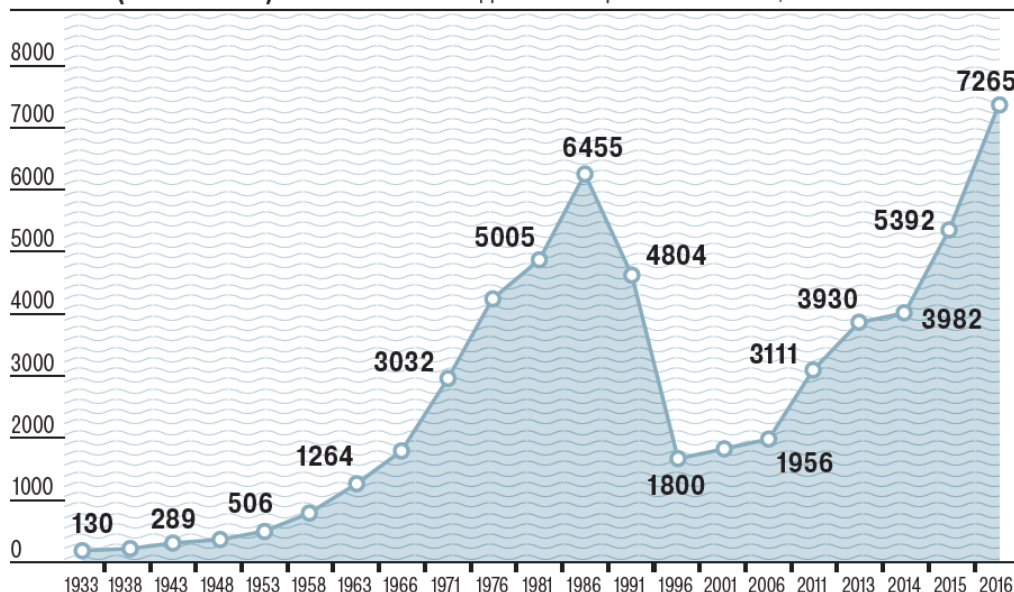

Рис. 1. СМП в 1933–2016¹⁷.

Объёмы грузоперевозок в акватории СМП в 2017–2022 гг. составили:

2017 г.: 10,7 млн т, в том числе морскими судами — 9,7 млн т (90,65%), речными судами — 797,2 тыс. т грузов (7,45%), транзитными судами — 194,4 тыс. т (1,82%)¹⁸.

¹⁶ National Strategy for the Arctic Region. October 2022. p. 3.

¹⁷ Широты высокой важности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3254502> (дата обращения: 17.01.2023).

2018 г.: 20,2 млн т, в том числе транзит — 491,2 тыс. т или 2,43%. «Администрация СМП» выдала 792 разрешения на плавание судов в акватории СМП, из них судам под иностранным флагом 91 разрешение¹⁹, или 11,5 %.

2019 г.: 31,53 млн т, в том числе через порты: Сабетта — 20,5 млн т или 65,1% от общего объёма грузоперевозок по СМП, терминал вблизи мыса Каменный — 7,7 млн т или 24,4 %, Дудинка — 1,5 млн т или 4,8%. Транзит составил 697,2 тыс. т или 2,21%. Стоимость перевезённых российских грузов по СМП впервые в 2019 г. выросла на 25% в сравнении с показателем 2018 г. и превысила один трлн рублей²⁰.

2020 г.: 32,97 млн т, в том числе сжиженный природный газ (СПГ) — 59%, нефть — 24%, генеральные грузы — 11%, газоконденсат — 3%, нефтепродукты — 2%, уголь — 1%. Транзит — 1,281 млн т или 3,9%²¹.

2021 г.: 34,85 млн т, в том числе 7,7 млн т нефти и нефтепродуктов (22,1%), 19,6 млн т СПГ и газоконденсата (56,3%), угля — 221,5 тысяч т, рудоконцентрата — 47,7 тысяч т, других грузов — более 4 млн т. Транзит вырос до 2,041 млн т²², что стало самым высоким показателем за 2017–2021 гг.

2022 г.: 34,034 млн т, в том числе по данным на середину декабря 2022 гг.: нефть и нефтепродукты — 7 224 млн т, СПГ и газоконденсат — 20 489 млн т; уголь — 295 тыс. т, рудоконцентрат — 43,5 тыс. т, генеральные грузы — 4,248 млн т²³. Два каботажных рейса, субсидируемых государством, из европейских в дальневосточные порты, совершил атомный лихтеровоз «Севморпуть»²⁴.

В 2022 г. на фоне специальной военной операции на Украине американская нефтесервисная компания Baker Hughes, британская BP, норвежские Equinor и Statoil, датская Maersk, британско-нидерландская Shell, французская Total Energies SE и другие покинули проекты в России²⁵. Из-за экономических санкций США и Европейского Союза сокращаются

¹⁸ Объём перевозок по Севморпути в 2017 г. вырос на 42,6 %, до 10,7 млн т. 16 января 2018. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/176> (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁹ Объём перевозок грузов по Севморпути в 2018 году вырос вдвое — до 20,2 млн т. 26 марта 2019. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/1240> (дата обращения: 17.01.2023).

²⁰ Стоимость перевезённых грузов в 2019 году по СМП российских грузов превысила 1 трлн рублей — Росатом. 15 октября 2020. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/smi-about-industry/stoimost-perevezyennykh-v-2019-godu-po-smp-rossiyskikh-gruzov-prevysila-1-trln-rublej-rosatom/> (дата обращения: 17.01.2023).

²¹ Северный морской путь: итоги 2020 года. Макеты инфографики. 19.01.2021. URL: <https://arctic.gov.ru/wp-content/uploads/2021/02/2020.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

²² Грузооборот Севморпути в 2021 году: рост сверх ожиданий. Объём перевозок грузов по Севморпути в несколько раз превзошёл рекорды Советского Союза. 16 марта 2022. URL: <https://arctic-russia.ru/article/gruzooborot-sevmorputi-v-2021-godu-rost-search-ophidiid/> (дата обращения: 17.01.2023).

²³ План грузопотока по Севморпути превышен на 2 млн т в 2022 году. 13.01.2023. URL: <https://www.korabel.ru/news/coments/plan-gruzopotoka-po-sevmorputi-prevyshen-na-2-mln-tonn-v-2022-godu.html> (дата обращения: 18.01.2023).

²⁴ Объём перевезённых грузов по СМП в 2022 году составил 34,034 млн т. URL: <https://rosatom.ru/journalist/news/obem-perevezyennykh-gruzov-po-severnomu-morskому-puti-v-2022-godu-sostavil-34-034-mln-tonn/> (дата обращения: 17.01.2023).

²⁵ Глобальный нефтесервис уходит из России: шанс для отечественного бизнеса // Редакция «Федерал Пресс» / Дмитрий Коптев. URL: <https://fedpress.ru/article/2953054>. Какие компании ушли из России: список на 18 янва-

объёмы поставок нефти, газа и других грузов в страны коллективного Запада из российской Арктики и Дальнего Востока.

Потребности в перевозке грузов в Арктике зависят от наличия целого комплекса разных факторов, в том числе не только от складывающейся экономической конъюнктуры, но и от глобальных изменений климата, перехода к зелёной экономике, отказа Запада от использования нефтегазовых ресурсов российской Арктики. Риски изменения климата на Евразийском Севере России связаны с таянием вечной мерзлоты, возникающей при этом угрозой для сооружений, зданий; с лесными пожарами, наводнениями и засухой, прочими природными катаклизмами. Остаётся актуальным рост мощностей судостроительных и судоремонтных предприятий, создание новейших судов ледокольного флота для адекватного использования возможностей Северного морского пути в сложнейшей международной обстановке. В связи азиатским геополитическим и экономическим поворотом России на восток появляются новые возможности и вызовы. Рост объёмов грузоперевозок в 2021–2022 гг. открывает новое окно возможностей как для российского государства, так и для отечественного бизнеса, роста российских инвестиций в российскую Арктику, развития ФГУП «ГлавСевморпуть», большого Северного морского пути от Мурманска до Владивостока, включая каботажные рейсы.

ФГБУ «ГлавСевморпуть» создано в 2022 г. по распоряжению Правительства Российской Федерации от 23 июля 2022 года № 2019-р. Функции и полномочия учредителя и собственника имущества указанного федерального государственного бюджетного учреждения осуществляет Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». В ФГБУ «ГлавСевморпуть» вошли Штаб морских операций ФГУП «Атомфлот», функции и отдельный персонал ФГБУ «Администрации Севморпути» Росморречфлота Минтранса России. Создание ФГБУ «ГлавСевморпути», по мнению В.В. Рукши, заместителя генерального директора Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» — директора Дирекции Северного морского пути: *«Это не распределение полномочий, это вопрос создания «единого окна», чтобы судовладелец не обращался в три-четыре разных места, а имел возможность оперативно обращаться в одно место, а это место могло уже, имея общую информацию, консолидировать её и выдавать судовладельцу»*²⁶. «ГлавСевморпуть» осуществляет ледокольную проводку судов, разработку маршрутов плавания судов, расстановку судов ледокольного флота с учётом гидрометеорологической, ледовой и навигационной обстановки. Важнейшей функцией является выдача, приостановление, возобновление и прекращение действия разрешений на плавание судов в акватории СМП²⁷.

ря 2023 года / Илья Шевченко. URL: <https://grandguide.ru/kakie-kompanii-uhodyat-iz-rossii/> (дата обращения: 18.01.2023).

²⁶ Росатом воссоздаст ФГБУ «Главное управление Северного морского пути». 15 июня 2022. URL: <http://www.morvesti.ru/news/1679/96214/> (дата обращения: 09.01.2023).

²⁷ Устав ФГБУ «Главное управление Северного морского пути» в редакции от 25 июля 2022 года. С. 1–15. URL: <https://nsr.rosatom.ru/upload/iblock/bb9/Ustav.pdf> (дата обращения: 06.01.2023).

Ранее, ещё в январе 2022 г., Правительство РФ решило объединить планы мероприятий по развитию Северного морского пути, которые были прописаны в двух федеральных проектах до 2024 г. и 2030 г. в один федеральный проект (ФП) до 2030 г. — «Круглогодичный Севморпуть»²⁸. Таким образом, ФГБУ «ГлавСевморпуть» госкорпорации «Росатом» с 2022 г. реально становится в действующей акватории Северного морского пути полномочным хозяином от имени российского государства.

В новой электронной глобальной реальности самой высокой оценки заслуживает деятельность Госкорпорации «Росатом», осуществляющей разработку «Единой платформы цифровых сервисов на Севморпути» (сокращённо — ЕПЦС СМП), направленной на цифровизацию СМП, обеспечение безопасности судоходства и диспетчеризацию флота в Арктике. ЕПЦС Севморпути предусматривает обслуживание до 1 500 уникальных пользователей, которым будут предоставлены 27 цифровых сервисов, в том числе:

- спутниковая навигация и связь;
- сбор данных и оценка экологической обстановки в акватории СМП;
- предоставление данных о местоположении спасательных и медицинских служб;
- сбор хронологической статистической информации о проходе судов, включая скоростные параметры движения по районам;
- навигационные карты и навигационно-гидрографическое обеспечение проводки;
- составление подробных прогнозов погоды на конкретных участках акватории СМП;
- выработка и построение оптимальных маршрутов для судов в зависимости от навигационной, гидрометеорологической информации и ледовых условий;
- компьютерное зрение — оперативное распознавание и оценка ледовой обстановки;
- контроль развития ледовой обстановки в акватории СМП;
- искусственный интеллект — модели глубокого анализа данных, моделирования и поддержка принятия решений²⁹.

В работе по созданию ЕПЦС СМП привлечены ведущие проектные организации и научные институты: АО «Гринатом», АО «Ситроникс», АО «ЦНИИМФ», Центр морских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский физико-технический институт. Работа над ЕПЦС СМП будет завершена в 2024 г. Проект обойдётся в сумму порядка 2,9 млрд рублей, включая средства, выделенные из федерального бюджета³⁰.

²⁸ Решено объединить федеральные проекты «Развитие Северного морского пути» и «Северный морской путь — 2030» в один — «Круглогодичный Севморпуть». 10.02.2022. URL: <https://www.arcticway.info/resheno-obedinit-federalnye-proekty-razvitie-severnogo-morskogo-puti-i-severnoy-morskoy-put-2030-v> (дата обращения: 19.01.2023).

²⁹ Дирекция СМП Госкорпорации «Росатом» завершила разработку концепции Единой платформы цифровых сервисов, предоставляемых в акватории Северного морского пути (ЕПЦС СМП). URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/12/15/120297> (дата обращения: 18.01.2023).

³⁰ О ходе разработки Единой платформы цифровых сервисов на Севморпути. URL: <https://seanews.ru/2022/06/16/ru-o-hode-razrabotki-edinoj-platformy-cifrovyyh-servisov-na-sevmorputi/> (дата обращения: 19.01.2023).

В январе 2023 г. Правительство РФ приняло дополнительные решения для обеспечения круглогодичной навигации в Арктике. Были утверждены правила предоставления субсидии на создание цифровой экосистемы Севморпути. Для этого в федеральном бюджете на 2023–2024 гг. предусмотрено 3,8 млрд рублей³¹. Для обеспечения эффективной работы Севморпути в XXI в. важно использовать самые современные технологии, цифровые сервисы, имеющиеся возможности российского государства, научных центров, САФУ имени М.В. Ломоносова и других вузов АЗРФ, активность и инициативу молодёжи, студентов.

Правительство РФ распоряжением от 1 августа 2022 г. утвердило *«План развития Северного морского пути на период до 2035 года»*³². Его главные цели — обеспечить надёжную и безопасную перевозку грузов и товаров для людей, живущих в районах Крайнего Севера, а также создать условия для реализации инвестпроектов в Арктической зоне РФ. В перечень 150 мероприятий этого плана включено строительство терминалов, береговых и гидротехнических сооружений, баз бункеровки и техобслуживания; создание морских перегрузочных комплексов сжиженного природного газа, порта-хаба для организации транзитных перевозок во Владивостоке, транспортно-логистического узла в морском порту Корсаков на Сахалине; развитие Мурманского и Архангельского транспортных узлов. Обновляется ледокольный флот, в том числе атомными ледоколами проекта «Лидер». Намечено строительство аварийно-спасательного флота из 46 судов и оснащение арктических комплексных аварийно-спасательных центров МЧС вертолётами. Создаётся арктическая спутниковая группировка, обеспечивающая гидрометеорологическое и навигационное сопровождение судоходства и оценку изменения климата³³. Осуществляемые и планируемые Правительством РФ меры позитивно сказываются на развитии СМП в 2022–2023 гг.

Границы акватории СМП официально определяют *«Правила плавания в акватории Северного морского пути»*, утверждённые Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1487 с изменениями и дополнениями от 19 сентября 2022 г.:

«При следовании судна в акваторию Северного морского пути с запада за 48 часов до подхода к западной границе проливов Карские Ворота, Маточкин Шар или Югорский Шар либо до подхода к меридиану 68 градусов 35 минут восточной долготы (далее — западная граница), а при следовании судна в акваторию Северного морского пути с востока за 48 часов до подхода к параллели 66 градусов 05 минут северной широты и (или) к меридиану 168 градусов 58 минут 37 секунд западной долготы (далее — во-

³¹ Михаил Мишустин: Правительство профинансирует инфраструктурные проекты для развития СМП. URL: <https://ru.arctic.ru/infrastructure/20230116/1014181.html> (дата обращения: 16.01.2023).

³² Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 года». 9 августа 2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/> (дата обращения: 16.01.2023).

³³ Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 года». 9 августа 2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/> (дата обращения: 16.01.2023).

сточная граница) или сразу после отхода из морского порта, расположенного вне акватории Северного морского пути (если время плавания судна после отхода из морского порта до западной или восточной границы составляет менее 48 часов)»³⁴.

Капитан любого судна обязан сообщить уполномоченному органу о планируемом времени (московском) прибытия судна соответственно к западной или восточной границе, а также конкретную информацию по 14-ти пунктам, включая порт и место назначения, таж перевозимого груза, запасы топлива, пресной воды и продовольствия, количество членов экипажа и пассажиров на судне, предполагаемые дату и время (московское) входа судна в акваторию СМП с указанием географических координат планируемого места пересечения границы СМП и планируемую дату окончания плавания в акватории СМП.

В связи со сказанным выше, возникает вполне естественное предположение о том, что в план развития Северного морского пути включены географически морские порты Корсаков на Сахалине и Владивостоке; Архангельский и Мурманский транспортные узлы; Камчатский край и Мурманская область, официально не входящие в акваторию СМП. Эти и другие объекты по смыслу относятся не к малой акватории СМП, а к большой акватории «Северного морского транспортного коридора» от Мурманска до Владивостока или так называемого «Большого Северного морского пути».

Рис. 2³⁵.

Акватория Севморпути, в которой действует ФГБУ «ГлавСевморпуть», легитимно включает только четыре моря: Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское. Баренцево и Берингово моря входят в перечень портов Арктического бассейна. Официальный сайт Росатома информирует: «Северный морской путь (СМП) — судоходный маршрут, главная морская коммуникация в российской Арктике. Проходит вдоль северных берегов России по морям Северного Ледовитого океана (Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское,

³⁴ Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. N 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути». С изменениями и дополнениями от 19 сентября 2022 г. URL: <https://base.garant.ru/74664152/> (дата обращения: 05.01.2023).

³⁵ Росатом воссоздаст ФГБУ «Главное управление Северного морского пути». 15.06.2022. URL: <http://www.morvesti.ru/news/1679/96214/> (дата обращения: 16.01.2023).

Чукотское и Берингово). СМП соединяет европейские и дальневосточные порты России, а также устья судоходных сибирских рек в единую транспортную систему»³⁶.

То есть речь идёт фактически о создании единой транспортной системы, обеспечении безопасности в акваториях морей всего Арктического бассейна и Дальнего Востока. В условиях западных санкций, азиатского вектора России на восток такой подход крайне необходим, вполне логичен и оправдан. Дело, видимо, остаётся за тем, чтобы официально на государственном уровне, практически создать *единую морскую северо-восточную транспортную систему России*, возможно, уже в 2023 г. Время уплотняется с каждым днём.

Акватория Арктического бассейна

В Арктический бассейн, где осуществляет деятельность ФГУП «Росморпорт», официально входят 16 морских портов³⁷ Мурманского, Архангельского и Анадырского филиалов: Варандей, Витино, Диксон, Дудинка, Кандалакша, Мурманск; Архангельск, Мезень, Нарьян-Мар, Онега, Сабетта; Анадырь, Беринговский, Певек, Провидения, Эгвекинот. Свою постоянную нишу в объёмах грузопотоков по морским портам занимает ежегодный северный завоз угля, топлива, продуктов, лесных и генеральных грузов, контейнеров в труднодоступные районы Крайнего Севера, в том числе сопряжённые с морскими и речными перевозками.

Общий грузооборот морских портов Арктического бассейна в 2020–2022 гг. составлял: 2020 г.: 96 млн т, на 8,4 % меньше, чем в 2019 г. Из них: объём сухих грузов — 30,1 млн т, наливных грузов — 65,9 млн т. Грузооборот портов Мурманск — 56,1 млн т, Сабетта 27,8 млн т, Варандей 4,9 млн т, Архангельск 3,3 млн т³⁸.

2021 г.: 94,3 млн т, уменьшился на 1,7 млн т или на 1,9% к уровню 2020 года. Из них: объём сухих грузов — 29,0 млн т, наливных грузов — 65,3 млн т. Грузооборот портов: Мурманск — 54,5 млн т, Сабетта 27,9 млн т, Варандей 4,6 млн т, Архангельск 3,2 млн т³⁹.

2022 г.: 98,5 млн т, больше, чем в 2021 г., на 4,4 %. Объём перевалки наливных грузов вырос на 5,7% до 69,1 млн т, а сухих грузов — на 1,5% до 29,4 млн т⁴⁰. Всего за три года в Арктическом бассейне было перевезено почти 289 млн т грузов.

На государственном уровне в Российской Федерации используется двойная статистика по объёмам перевозимых грузов: *во-первых*, объёмы грузоперевозок только по акватории СМП; *во-вторых*, грузооборот морских портов российского Арктического бассейна. При

³⁶ Развитие Северного морского пути. URL: <https://www.rosatom.ru/production/fleet/> (дата обращения: 08.01.2023).

³⁷ Росморпорт. Услуги предприятия. URL: <https://www.rosmorport.ru/services/seaports> (дата обращения: 08.01.2023).

³⁸ Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2020 года. URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2020-goda> (дата обращения: 17.01.2023).

³⁹ Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2021 г. URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2021-g> (дата обращения: 18.01.2023).

⁴⁰ Грузооборот морских портов Арктического бассейна в 2022 году вырос на 4,4%. URL: <https://b-port.com/index.php/news/276010> (дата обращения: 18.01.2023).

этом в данных грузоперевозок по акватории Северного морского пути отсутствуют морские порты Баренцева, Белого, Печорского морей, как будто их и вообще не существует в АЗРФ. А морские порты Дальневосточного бассейна ФГУП «Росморпорт» — Владивосток, Магадан, Охотск, Петропавловск-Камчатский и другие — официально не входят в Арктический бассейн. То есть в Российской Федерации функционирует система двойного управления в морях единой российской Арктики.

В связи с происходящим азиатским поворотом России на восток в международных отношениях, увеличением объёма грузоперевозок в Азию (Китай, Индию и в другие страны), санкциями нет смысла бояться инноваций в тех или иных принимаемых решениях. Возникает потребность приводить управление, существующие нормы, правила плавания в северных морях нашей страны в соответствие с существующей реальностью в экономике, политике, для обеспечения безопасности всей российской Арктики.

Предложения автора, касающиеся российской Арктики и Дальнего Востока

- *Во-первых*, обеспечение безопасности в российской Арктике и на Дальнем Востоке, включая всю большую акваторию от Мурманска до Владивостока, становится одним из актуальных приоритетов Российской Федерации в новых исторических условиях. Министерство обороны РФ предложило, например, в 2022 г. внести поправки в федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», изменить правила прохода по Севморпути. В итоге Президент РФ В.В. Путин подписал закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ в редакции от 05.12.2022, устанавливающий правила прохода судов, в том числе и иностранных военных кораблей, через внутренние морские воды⁴¹. Обращает внимание, что всякого рода запреты и разрешения, по-существу (не формально), касаются не только и не столько малой акватории Севморпути, но именно всей в целом Российской Арктики и Дальнего Востока, всех внутренних морских вод, территориальных морей, а также военных и туристических судов, использования природных ресурсов. В связи с этим действующий федеральный закон в редакции от 5 декабря 2022 г. охватывает многие вопросы морской деятельности, обеспечения безопасности в российской Арктике и становится в какой-то степени эталонной предтечей последующих изменений.

- *Во-вторых*, российская Арктика и Дальний Восток становятся ближе и понятнее друг к другу во всех смыслах. Восточный экономический форум (ВЭФ-2022), проходящий во Владивостоке по теме «*На пути к многополярному миру*», например, собрал более семи тысяч участников из 68-ми стран. В первые три дня ВЭФ-2022 было подписано 260 соглашений на общую сумму 3 трлн 255 млрд рублей⁴². Активно продолжается развитие инвестицион-

⁴¹ Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» от 31.07.1998 № 155-ФЗ в редакции от 05.12.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12742> (дата обращения: 12.01.2023).

⁴² Итоги VII Восточного экономического форума. 9 сентября 2022. URL: <http://www.dfo.gov.ru/trutnev/5937/> (дата обращения: 16.01.2023).

ных проектов Дальнего Востока, где в 2022 г. с государственной поддержкой выполнялось 2 760 новых инвестиционных проектов, было осуществлено инвестиций в объёме 2 трлн 880 млрд рублей и создано 107,5 тысяч рабочих мест, введено в эксплуатацию 554 предприятия. Развивается инфраструктура территорий опережающего социально-экономического развития⁴³. Имеет смысл создать *единую морскую северо-восточную транспортную систему России*. Цифровые сервисы «Единой платформы цифровых сервисов на Севморпути» могут и должны использоваться как в морской акватории Арктического бассейна, так и в морях Дальнего Востока.

- *В-третьих*, в принятые ранее «Правила плавания в акватории Северного морского пути» имеет смысл внести необходимую правку и дополнения, чётко определив акваторию деятельности ФГБУ «ГлавСевморпуть» от Мурманска до Владивостока, однозначно прописав все необходимые для этого положения. Здесь возможны два варианта. *Первый вариант*: «Правила по прохождению судов в акватории Северного морского пути» применяются только в малой акватории СМП, как секторальной части акватории большого Северного морского пути от Мурманска до Владивостока. *Второй вариант*: действие указанных правил для обеспечения безопасности распространяется не только на малую акваторию Северного морского пути, но и на всю большую акваторию Северного морского транспортного коридора без всяких исключений с добавлением морских портов Дальневосточного бассейна ФГУП «Росморпорт» — Владивостока, Петропавловска-Камчатского и других.

- *В-четвёртых*, пришло время объединить действующие морские административные структуры и морские порты ФГУП «ГлавСевморпуть» и ФГУП «Росморпорт» в единую структуру. Процесс объединения ведомств в одной структуре управления практически уже начался с июля 2022 г. в связи с передачей функций и отдельного персонала ФГБУ «Администрации Севморпути» из Росморречфлота Минтранса России в ФГБУ «ГлавСевморпуть». Методологически, с целью повышения качества государственного управления в Арктике и на Дальнем Востоке, взаимодействия разных структур и достижения наилучших результатов в их деятельности, такое объединение федеральных органов власти и управления вполне созрело, и его возможно осуществить без больших затрат и сокращений персонала.

- *В-пятых*, в любом из вариантов реорганизации управления большой акваторией северных морей российской Арктики и Дальнего Востока важно сохранить историческое название «Главное управление Северного морского пути».

«Trans-Arctic Sea route» — международная трасса морского пути в Арктике

С эксплуатацией арктических трасс судоходства в недалёком будущем возникает ещё одна сложнейшая проблема, во многом зависящая уже не от воли людей и государств, а более всего от изменений климата, таяния арктических льдов. Речь идёт о транспортном око-

⁴³ Юрий Трутнев: Инвестпроекты на Дальнем Востоке будут и дальше получать поддержку. 9 ноября 2022. URL: <http://www.dfo.gov.ru/trutnev/6031/> (дата обращения: 08.01.2023).

лополюсном коридоре «Trans-Arctic Sea route» (TSR)⁴⁴. Этот маршрут протяжённостью около 3 900 км проходит через Северный полюс и примерно на 1,5 тыс. км короче СМП. Не только Запад, но и Китай делают ставку именно на использование TSR в будущем.

Арктика нагревается быстрее, чем где-либо ещё на Земле, считает PhD *Nathanael Melia* из университета Виктории (Великобритания). Спутниковые наблюдения показывают, что Арктический регион теряет морской лёд с огромной скоростью. Потери морского льда создают возможности для более коротких глобальных торговых связей между Восточной Азией и Великобританией через Арктику. Арктический судоходный сезон может увеличиться в три раза к середине XXI в. Происходящие изменения климата, таяние арктических льдов открывают для эксплуатации США, Китаем, другими странами международный транспортный околополюсный коридор «Trans-Arctic Sea route» (TSR), фактически уменьшая значимость российского Северного морского пути. Трансарктические рейсы в настоящее время сосредоточены на двух основных маршрутах: 1) Северный морской путь (СМП) — вдоль северного побережья России для грузопотоков и путешествий между Европой и Азией; 2) Северо-Западный проход (СЗП) через Канадский архипелаг как маршрут от Восточного побережья США до Азии. Самым быстрым и прямым маршрутом в будущем становится именно околополюсный «Trans-Arctic Sea route» (TSR). Статистические данные о транзите по СМП и СЗП на основе данных «Arctic Logistics Information Office 2015» и «Canadian Coast Guard 2015» показывали общий рост трансарктических рейсов. Эксперты по судоходству сходятся во мнении, что эти немногочисленные рейсы пока ещё носят исследовательский характер, «пробуя воду», чтобы понять, являются ли арктические маршруты экономически жизнеспособными [6].

Морские пути в Арктике последовательно осваивает Китай, изучая возможности трансполярного морского пути (TSR). Китай позиционирует себя арктическим государством, входит в Арктический Совет. В 33-й главе «Активное расширение пространства для развития морской экономики» 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития КНР и набросков долгосрочных целей на 2035 г. прямо записано: «Участствовать в практическом сотрудничестве в Арктике и строить Ледяной шёлковый путь»⁴⁵.

Исследованию направлений и инструментов реализации практических программ освоения Китаем Арктики посвящён известный научный труд Д.А. Медведева, Р.А. Полпончика и Л.А. Шашок «Арктическая политика Китая в первой четверти XXI века» под редакцией доктора технических наук С.Н. Гриняева, опубликованный в 2020 г. Оптимальным для России, по мнению авторов книги, представляется сбалансированный и компромиссный

⁴⁴ См., например, карту TSR / Czesław Dyrz, польский контр-адмирал, доктор технических наук в области геодезии и картографии, магистр географии, ректор Польской военно-морской академии в 2007-2015 гг. URL: <https://t.me/sevmorput/2956> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴⁵ Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и Наброски долгосрочных целей на 2035 год. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 06.01.2023).

подход к сотрудничеству с Китаем в Арктике. Не исключено, что Китай может потребовать предоставления Северному морскому пути статуса нейтральных вод. Несмотря на активный переговорный процесс, текущее состояние можно охарактеризовать китайской поговоркой «Горячо в политике, холодно в экономике» [7, Медведев Д.А., Полончук Р.А., Шашок Л.А., с. 62–73, 75].

Об открытиях и наименованиях географических объектов в российской Арктике

Глобальные изменения климата уже не первый год влияют на арктическую «кухню погоды», сказываются на проявляющихся всё зримее изменениях арктического ландшафта. Происходящее на фоне повышения температуры воздуха и воды в Арктике с момента последнего картографирования архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа в начале 50-х гг. XX в. показало усилившееся сокращение площади их оледенения, существенно повлияло на природный ландшафт и привело к образованию новых географических объектов. Характерны для окраинных частей материковых ледников одиночные скалы или скалистые вершины, поднимающиеся над поверхностью ледника и обтекаемые им, так называемые «нунатаки» (на языке эскимосов: «нуна» — одинокий, «так» — вершина) превратились в мысы и острова, а долины и фьорды — в бухты. Эти и другие климатические вызовы потребовали систематических океанографических исследований, направленных на обеспечение безопасности общего мореплавания и морской деятельности в морях Северного Ледовитого океана [8].

Только в течение 2015–2017 гг. были выделены как новые географические объекты и картографированы: 12 островов, 14 мысов, один пролив, шесть бухт. Картографированы обнаруженные ранее объекты, не нанесенные на карты: остров Рожкова в заливе Кривошеина; пролив, разделивший остров Нортбрука, с условным наименованием «пролив Гайдовского»; мыс в губе Глазова с условным наименованием «Кругосветка» (новое предлагаемое название — «мыс адмирала Владимирского»). Выделены как новые географические объекты: пролив Беспокойный; два острова с условными наименованиями Западный Нортбрука и Восточный Нортбрука. Зафиксировано исчезновение острова Перламутровый в архипелаге Земля Франца-Иосифа [8, Корнис А.В., Шаромов А.В. и др., с. 106]

Совместные экспедиции Северного флота и Русского географического общества в процессе реализации единого историко-культурного проекта «Главный фасад России. История, события, люди» исследовали в 2018 г. Новую Землю, в 2019 г. — острова Земли Франца-Иосифа, в 2020 г. — Северную Землю, Таймыр, Новосибирские острова и остров Врангеля. Экспедиционный сезон 2021 г. был перенесён на 2022 г. из-за затяжного ремонта ледокола «Илья Муромец», но часть запланированных исследований на Новой Земле выполнили военнослужащие. Были реконструированы маршрут Фёдора Розмыслова по Маточкину Шару и

полёт первого арктического лётчика Яна Нагурского вдоль всего побережья Новой Земли⁴⁶. В задачи экспедиции 2022 г. входило изучение маршрутов полярных экспедиций прошлых лет, поиск и мониторинг состояния объектов культурного наследия и научные исследования сейсмичности Арктического региона, локальные проявления сильных землетрясений, активных тектонических движений⁴⁷.

С учётом постоянных изменений, происходящих не только в Арктике, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) предложила изменить подход к ведению «Государственного каталога географических названий», который содержит наименования географических объектов, по каждому субъекту РФ⁴⁸. По мнению О.А. Скуфинского, руководителя Росреестра, создание «Единой информационной системы наименований географических объектов» позволит уточнить, актуализировать и оцифровать данные, сделать доступ к ним максимально удобным, оптимизировать процесс взаимодействия в области присвоения наименований географическим объектам. «Это станет одним из драйверов роста экономики регионов и территориального развития страны в целом»⁴⁹. Приказом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 22 июня 2022 г. № П/0242 был утверждён новый порядок выявления существующих наименований географических объектов, включая Арктический регион⁵⁰.

По состоянию на 1 августа 2022 г. была внесенаправка в действующий федеральный закон 1997 года. Действие Федерального закона РФ «О наименованиях географических объектов» в редакции 2022 г. распространяется на континентальный шельф (морское дно и его недра), исключительную экономическую зону РФ, если иное не предусмотрено международными договорами РФ (статья № 3)⁵¹. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе Арктики в порядке, определяемом не менее чем десятью актами федерального уровня и нормами международного права, в том числе Конвенцией ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года. Географические объекты по этому ФЗ включают материки, океаны, моря, заливы, проливы, острова, горы, реки, озёра, ледники, пустыни и иные природные объекты; республики, края, области, автономные область и округа; города и другие населённые пункты; все административно-

⁴⁶ «Главный фасад России». URL: <https://www.rgo.ru/ru/ekspedicii/glavnyy-fasad-rossii> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴⁷ Землетрясения на Новой Земле: ученые поделились подробностями экспедиции. URL: <https://www.techinsider.ru/science/1555527-zemletryaseniya-na-novoy-zemle-uchenye-podelilis-podrobnostyami-ekspedicii/> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴⁸ Государственный каталог географических названий. URL: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkggn.php> (дата обращения: 18.01.2023).

⁴⁹ Росреестр предложил создать ГИС наименований географических объектов. 3 сентября 2020. URL: <https://d-russia.ru/rosreestr-predlozhit-sozdat-gis-naimenovaniy-geograficheskikh-obektov.html> (дата обращения: 01.01.2023).

⁵⁰ Об утверждении порядка выявления существующих наименований географических объектов / Приказ федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 22 июня 2022 г. № П/0242. URL: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Rosreestra-ot-22.06.2022-N-P_0242/ (дата обращения: 27.12.2022).

⁵¹ Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» (по состоянию на 1 августа 2022 года). URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/152-FZ_na_01.08.2022.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

территориальные образования (единицы); железнодорожные станции, морские порты и речные порты, аэропорты. В статье № 9 ФЗ определяется порядок присвоения и переименования географических объектов. Географическим объектам могут присваиваться имена лиц, непосредственно принимавших участие в открытии, изучении, освоении или основании географических объектов. Имена выдающихся государственных и общественных деятелей, представителей науки и культуры и других имеющих заслуги перед государством лиц посмертно могут присваиваться географическим объектам, которые не имеют наименований. Присвоение одного и того же наименования нескольким однородным географическим объектам в пределах административно-территориального образования (административно-территориальной единицы) не допускается⁵².

Новые имена в российской Арктике получили два безымянных острова, расположенные на территории Архангельской области и входящие в состав архипелага Земля Франца-Иосифа — «Западный Нортбрук» и «Восточный Нортбрук». На архипелаге Новая Земля появились мыс «Буланова» и остров «Кузнецова», мыс «Афанасенкова», мыс «Адмирала Владимирского», мыс «Мамонтова», мыс «Мороза», острова «Бухмейера» и «Осокина». Это делается для увековечения памяти гидрографов и геодезистов, внёсших значительный вклад в исследование и изучение Арктики: Буланова Бориса Васильевича (1945–1998), Кузнецова Валентина Павловича; участников Великой Отечественной войны, капитан-лейтенанта Афанасенкова Федора Прокопьевича (1912–1988) и адмирала Владимирского Льва Анатольевича (1903–1973); Мамонтова Василия Алексеевича (1913–1983)⁵³, Мороза Ивана Даниловича (1914–2005), Бухмейера Всеволода Васильевича (1905–1988), Осокина Игоря Васильевича (1914–1996).

ФГУП «Гидрографическое предприятие» в период с 2020 по 2024 гг. планирует выполнить всего более 320 тысяч километров съёмки рельефа дна в акватории Северного морского пути (СМП). Увеличение грузопотока на восток, в связи с санкциями против России, объективно требует увеличения объёма картографического изучения именно восточного участка Севморпути. Поэтому в 2022 г. гидрографы много работали в Восточно-Сибирском море, проливе Санникова, море Лаптевых и на реке Колыма. В общей сложности на восточном участке СМП было исследовано свыше 30 тысяч линейных километров, что составило примерно 67% от общего объёма работ. «Гидрографическое предприятие» Госкорпорации «Росатом» по итогам летне-осенней навигации 2022 г. провело съёмку 45,2 тысяч линейных км рельефа дна в акватории Северного морского пути. Это максимальный показатель в истории современной России⁵⁴. Эта работа, так необходимая в Арктике, продолжается.

⁵² Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» (по состоянию на 01.08.2022). URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/152-FZ_na_01.08.2022.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

⁵³ Календарь памятных дат Арктики — Арктик-фонд. URL: <https://arctic.narfu.ru/kalendar-pamyatnih-dat> (дата обращения: 18.01.2023).

⁵⁴ «Гидрографическое предприятие» Росатома выполнило рекордный объём исследований акватории Северного морского пути. 28 ноября 2022. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/gidrograficheskoe-predpriyatie-rosatoma-vypolnilo-rekordnyy-obyem-issledovaniy-akvatorii-severnogo-m/> (дата обращения: 30.12.2022).

Заключение

В заключение важно отметить, что Россия постепенно сосредотачивается и адекватно отвечает в Арктике на современные цивилизационные вызовы в условиях перманентной изменчивости всего глобального социума. Согласен с оценкой, высказанной учёными С.Ю. Козьменко и А.С. Козьменко о начале заката глобализации как доминирующего направления современной геополитики и геоэкономики, воздействии специальной военной операции на разрушение «*либеральной экономической модели*» [9, с. 39]. Повышение роли российского государства в развитии Арктического региона и Дальнего Востока становится стратегической целью внутренней и внешней политики РФ.

Сегодня трудно предусмотреть все форс-мажорные обстоятельства в постоянно изменяющемся мире, что очень наглядно показали пандемия коронавируса, выборы президента США, война в Нагорном Карабахе, специальная военная операция (СВО) на Украине. Россия имеет возможности и ресурсы успешно преодолеть возникающие трудности, последовательно совершенствуя свою систему государственного управления, решая острые международные и внутренние проблемы развития российской Арктики, Дальнего Востока, большого Северного морского пути в логике осознания своих национальных интересов, используя самые современные технологии, цифровизацию, весь имеющийся потенциал и накопленный опыт своего развития в XX–XXI вв.

Список источников

1. Соболева М.Н., Каврайский А.В., Костенич А.В., Ставров К.Г., Сувернев В.Е., Шарков А.М., Усольцева Е.А. Задача определения и юридического закрепления внешних границ континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане по результатам исследований в Арктике // Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Д.Г. Панова, 8-11 июня 2009 года. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2009. С. 314–316.
2. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. Аспект Пресс, 2022. 256 с.
3. Тёрнер Фредерик Дж. Фронт в американской истории. Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. 304 с.
4. Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. Москва: ИА РАН, 1993. 192 с.
5. Лукин Ю.Ф. Ойкумена Русского Севера. Архангельск: Кира, 2022. 300 с.
6. Future of the Sea: Implications from Opening Arctic Sea Routes / Ed. by N. Melia, K. Haines, E. Hawkins. London: Government Office for Science, July 2017. 39 с.
7. Медведев Д.А., Полончук Р.А., Шашок Л.А. Арктическая политика Китая в первой четверти XXI века / Под ред. С.Н. Гриняева. Москва: АНО ЦСОиП, 2020. 84 с.
8. Географические открытия, сделанные Гидрографической службой Северного флота в ходе комплексных океанографических исследований в Арктической зоне / Корнис А.В., Шаромов А.В., Старотиторов С.С., Леонов А.О., Прокудин С.А., Антипин А.О. Мурманск — Санкт-Петербург, 2018. 161 с.
9. Козьменко С.Ю., Козьменко А.С. Геоэкономика Арктики: мобильность стратегических ресурсов нефти на закате глобализации // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 38–54. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.38

References

1. Soboleva M.N., Kavrayskiy A.V., Kostenich A.V., Stavrov K.G., Suvernev V.E., Sharkov A.M., Usoltseva E.A. Zadacha opredeleniya i yuridicheskogo zakrepleniya vneshnikh granits kontinental'nogo shel'fa Rossii v Severnom Ledovitom okeane po rezul'tatam issledovaniy v Arktike [The Task of Determining and Legally Fixing the Outer Boundaries of the Russian Continental Shelf in the Arctic Ocean Based on the Results of Research in the Arctic]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya D.G. Panova* [Proc. Intern. Sci. Conf. Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of D.G. Panova]. Rostov-on-Don, 2009, pp. 314–316.
2. Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V., eds. «Aziatskiy povorot» v rossiyskoy vneshney politike: dostizheniya, problemy, perspektivy [“Asian Turn” in Russian Foreign Policy: Achievements, Problems, Prospects]. Moscow, Aspect Press Publ., 2022, 256 p. (In Russ.)
3. Turner F.J. The Frontier in American History. New York, Henry Holt and Company, 1920.
4. Makarov N.A. *Russkiy Sever: tainstvennoe srednevekov'e* [Russian North: The Mysterious Middle Ages]. Moscow, IA RAS Publ., 1993, 192 p. (In Russ.)
5. Lukin Yu.F. *Oykumena Russkogo Severa* [Ecumene of the Russian North]. Arkhangelsk, Kira Publ., 2022, 300 p. (In Russ.)
6. Melia N., Haines K. Hawkins E. *Future of the Sea: Implications from Opening Arctic Sea Routes*. London, Government Office for Science, 2017, 39 p.
7. Medvedev D.A., Polonchuk R.A., Shashok L.A. *Arkticheskaya politika Kitaya v pervoy chetverti XXI veka* [China's Arctic Policy in the First Quarter of the 21st Century]. Moscow, Center for strategic assessment and forecasts Publ., 2020, 84 p. (In Russ.)
8. Kornis A.V., Sharomov A.V., Starotitorov S.S., Leonov A.O., Prokudin S.A., Antipin A.O. *Geograficheskie otkrytiya, sdelannye Gidrograficheskoy sluzhboy Severnogo flota v khode kompleksnykh okeanograficheskikh issledovaniy v Arkticheskoy zone* [Geographical Discoveries Made by the Hydrographic Service of the Northern Fleet in the Course of Complex Oceanographic Research in the Arctic zone]. Murmansk – St. Petersburg, 2018, 161 p. (In Russ.)
9. Kozmenko S.Yu., Kozmenko A.S. The Arctic Geo-Economy: Mobility of Strategic Oil Resources at the End of Globalization. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 49, pp. 38–54. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.38

Статья поступила в редакцию 13.01.2023;
принята к публикации 20.01.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 272–285.

Научная статья

УДК [008+2+94](470.1/.2)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.272

Земская традиция как особо ценное нематериальное культурное наследие Русского Севера (сакральная география и геософия севернорусского мира)

Теребихин Николай Михайлович¹✉, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

¹ Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова РАН, наб. Северной Двины, 23, Архангельск, 163000, Россия

¹ terebihinn@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

Аннотация. В статье представлены научные результаты исследования традиции земского самоуправления на Русском Севере как особо ценного нематериального культурного наследия, образно-символический словарь (тезаурус) которого может быть использован при разработке идеологии и философии региональной стратегии и локальных проектов пространственного развития Северного макрорегиона. В концептосфере геокультурного пространства Русского Севера особое место занимает идея-концепция «земства» или «мира» как идеальной, эталонной формы религиозного и социокультурного землеустройства Поморья, являвшего собой заповедный остров-архипелаг, опутанный сетью автономных, самодержавных миров. Природно-культурный ландшафт севернорусского мира насыщен «соборной» и «софийной» семантикой и символикой освоения, личности, самости, свободы, всеединства, троичности, мерности, изящности, премудрости. Исследованы культурно-семиотические механизмы славяно-русского освоения земель и вод полуночного Края Света, изучения сакральная география и геософия «верховского» и «низовского» потоков колонизации регионов Севера и Арктики. Особое внимание уделено изложению опыта и практик сохранения и адаптации сакрального наследия, связанного с землеустройством и освящением территорий и акваторий Поморья (Кенозерский национальный парк, Нарьян-Марская и Мезенская епархия, проект «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера»).

Ключевые слова: земство, мир, соборность, София Премудрость Божия, троичность, пространственное развитие, Русский Север, Арктика, Поморье

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20502 «Геокультурные константы, концепты и образы Российской Арктики как культурный код и символический ресурс пространственного развития Северного макрорегиона», <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>.

Zemstvo Tradition as a Particularly Valuable Intangible Cultural Heritage of the Russian North

Nikolay N. Terebikhin¹✉, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Chief Researcher

* © Теребихин Н.М., 2023

Для цитирования: Теребихин Н.М. Земская традиция как особо ценное нематериальное культурное наследие Русского Севера (сакральная география и геософия севернорусского мира) // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 272–285. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.272

For citation: Terebikhin N.M. Zemstvo Tradition as a Particularly Valuable Intangible Cultural Heritage of the Russian North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 272–285. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.272

¹ Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 109, Arkhangelsk, 163069, Russia

¹ terebihinn@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

Abstract. The article presents the scientific results obtained during the study of the zemstvo self-government tradition in the Russian North. This tradition is considered as a particularly valuable intangible cultural heritage. Its image-symbolical vocabulary (thesaurus) could be used in development of a regional strategy and local projects for the spatial development of the northern macroregion. The idea-concept of “zemstvo” (“mir”) holds a unique position within the conceptual sphere of the Russian North’ geocultural space. It is an ideal, canonical form of religious and sociocultural land management of Pomorye, which appears as reserved island-archipelago covered by web of autonomous, autocratical communities. The natural and cultural landscape of the Northern Russian mir is replete with “conciliar” and “sophian” semantics and symbolics of development, specialness, selfness, freedom, unitotality, triality, rhythmicity, gracefulness, wisdom. The cultural and semiotic mechanisms of the Slavic-Russian development of the lands and waters of the midnight Edge of the World are studied. Sacred geography and geosophy of “verhovskiy” and “nizovskiy” colonization streams of the North and the Arctic regions are revealed. Special attention is paid to the presentation of the experience and practices of preserving and adapting the sacred heritage associated with land management and consecration of territories and water areas of Pomorye (Kenezerskiy National Park, Naryan-Mar and Mezen Diocese, the project “Common Cause. Revival of Wooden Temples of the North”).

Keywords: *zemstvo, mir, conciliarity, Sophia the Wisdom of God, triality, spatial development, Russian North, Arctic, Pomorye*

В Год культурного наследия народов России представляется крайне востребованным и насущным обращение к тем основоположным идеям, ценностям и символам, которые определили особость, самобытность традиционного лада и уклада Русского Севера, превратившего его в заповедную территорию смыслов и целостный ансамбль-памятник отечественной и мировой культуры, насыщенный мощной прообразовательной, эйдетической энергией, пребывающей ныне «в снятом виде», «под спудом», но могущей при её актуализации (высвобождении) стать идейным источником и образно-символическим ресурсом проектов пространственного развития северных и арктических территорий. По мнению известного российского архитектора, академика А.В. Бокова, стратегия пространственного развития «определяется ценностями и целями, категориями более общими, устойчивыми, фундаментальными и высокими, принадлежащими не столько области повседневного и материального, сколько тому, что принято связывать с духовной культурой и ментальностью общества. <...> Цели и ценности, которым явно или неявно подчиняются и экономическая стратегия, и развитие ВПК, и стратегия пространственного развития возникают и формируются внутри культуры, приобретая очертания “идеологии”» [1, Боков А.В., с. 16–17].

В иерархии идеосферы и концептосферы Русского Севера, в его священном геокультурном тезаурусе особо значимое место занимает идея-концепция «земства» или «мира», восходящая к славяно-русской общинно-вечевой, «соборной» традиции «Земле(Миро)устройства» как особо ценного, уникального нематериального наследия, творческое усвоение и приятие которого имеет первостепенное значение для разработки идеологии и философии современных региональных и локальных «культурных скриптов» (сценариев) пространственного развития Северного макрорегиона.

Ядерной геокультурной константой, структурной парадигмой природно-культурного ландшафта Северной Руси является образ Собора, который в своём природном (геоморфологическом) изводе-облике выступает в качестве первосимвола «Острова-Архипелага» как всеединого и многообразного собрания земель, вод и насельников Русского Мира.

Идея-принцип соборности оформляла и структурировала геокультурное пространство Русского Севера, являлась краеугольным камнем, заложенным в социокультурный фундамент землеустройства Северного края, его религиозных начал, породивших институты, смыслы и ценности традиционного земского «самодержавного» народоправства, которые определили самобытность стиля и образа жизни поморских городов, уездов и волостей, и которые могут служить идеациональной проектной парадигмой современного обустройства местного самоуправления. Эйдос «народного общежития» в Поморье обладал высочайшим порождающим потенциалом и сакральным авторитетом, позволявшим, несмотря на петровские регламентации, регулярности и рестрикции, сохранить самый дух земской традиции, её смысложизненные координаты вплоть до эпохи смутных времён и дворцовых переворотов XX в.

Ещё в начале прошлого столетия исследователи церковного быта Архангельской епархии отмечали, что «идеал древнерусского прихода как учреждения общинного продолжает ещё жить в сознании простого народа, выражаясь часто в фактах, противоречащих существующим церковно-гражданским учреждениям» [2, Сельский священник, с. 19]. Известный русский историограф истории и феноменологии русского права и земской церкви на Севере России С.В. Юшков пришёл к выводу о том, что «автономия мирского прихода отвечала мирскому мировоззрению, воспитанному на земском самоуправлении и была своего рода идеалом церковно-приходской жизни, по мнению северных мирских людей» [3, с. 8]. В современной отечественной историографии, опирающейся на данные широких сравнительно-исторических исследований, установлены типологические схождения между структурами и институтами «общинно-вечевого» строя городов-государств (земель, волостей) Древней Руси и социально-политической организацией древнегреческих полисов [4, Дворниченко А.Ю.]. Подобное сопоставление вечевой (земской) традиции северных и арктических земель и пределов Дома Святой Софии с городской гражданской общиной античной Греции позволяет нам актуализировать статус традиционного земского самоуправления на Русском Севере как идеальной формы религиозного и социокультурного местоустройства и месторазвития. По мнению известного исследователя древнегреческого полиса И.Е. Сурикова, «в полисе нет ничего “недоделанного”. Он напоминает произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения, является системой настолько продуманной и отточенной во всех деталях, что уже ничего “ни прибавить, ни убавить”. Полис — некая великолепная целостность, социальный и духовный “космос”. По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в ми-

ровой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива» [5, с. 42].

Столь высокая оценка социально-политической организации полиса вполне приложима и к соборному строю севернорусских міров (земств), являвших собой созданное по заповедям Меры и Красоты софийное произведение севернорусского социокультурного творчества («художества»). Это творчество зижделось на мощном основании живой северной сакральной традиции, структурная парадигма которой (символ «Всеединства»), порождала всё новые и новые геокультурные тексты (произведения), которые, сообразно с вневременной логикой мифа о вечном возвращении и технологией традиционного изящного искусства, являлись искусными «переводами» (копиями) извечных мер, канонов, образцов («подлинников»). Консервирующие, «подмораживающие» опции земского самоуправления на Русском Севере, сохранявшего и приумножавшего религиозно-культурное наследие метрополии — Господина Великого Новгорода, неоднократно отмечались исследователями церковной старины Поморья: «Не только основные черты приходской жизни, но и вообще все самобытные черты древней церкви и культуры Новгорода и его владений, были закрыты консервативными порядками земского самоуправления от посторонних влияний» [3, Юшков С.В., с. 3].

Длительная сохранность и продуктивность «буквы и духа» земской традиции в Поморье после потрясших устои Древней Руси реформ патриарха Никона и централизации церковно-приходского и административно-территориального устройства России в царствование Петра I была обусловлена её симбиозом с соборным строем староверческих общин: «Развитие и укоренение раскола в Северном крае объяснимо до конца лишь в том случае, если мы примем во внимание существовавшую организацию прихода, именно, “автономию” религиозных общин, граничащую с произволом» [3, Юшков С.В., с. 3]. На все поновления, вызовы и вопрошания «бунташного века» появились «Поморские ответы», позволившие сохранить на Севере уникальный священный космос старой веры как духовной опоры земского собора — міра. Столь длительное сохранение традиционной народной философии всеединства, жизни и смерти «на міру», «общего дела» («всем міром») свидетельствует о том, что концепт міра (земства) принадлежит к числу вечных идей-констант русского мирозерцания, его сакрального ядра. Неслучайно поэтому, что в «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова концепт «Мир», сопряжённый с концептами «Свои-Чужие», «Место (пространство)», «Свой, свой народ», «закон, законность», «Мораль, этика» [6, с. 86–126], занимает первостатейное место в списке словарных статей и в иерархии культурных констант. В исследованиях «новомосковской школы лингвокультурологического (концептуального) анализа» ключевой концепт «мир» ассоциирован с идеями и образами «лада», «покоя», «уют», «строга», «обустройства», «смирения», «примирения» [7, Шмелев А.Д.]. В фундаментальных трудах классика русской историографии М.М. Богословского, посвящённых изучению истории, исторической географии и «анатомии, физиологии и патологии» земского самоуправления на Рус-

ском Севере (Поморье) в XVII в. концепт «мір» рассматривается как «общественный союз, связанный интересами общего блага» [8, с. 192]. Севернорусский мір предстаёт в образе самодостаточного, самостийного, самобытного, самодержавного стройного микрокосм-социума, обладающего в глазах мірян высшим сакральным авторитетом: «На обязанности членов міра надлежало быть в міру смирными, жить с міром «советно» и не совершать никаких действий, затрагивающих общие интересы «без мірского ведома» [8, Богословский М., с. 193].

Безусловно, использование М.М. Богословским идеологием «общего блага» и «общих интересов», которые, по мысли историографа, лежат в аксиологических основаниях міра, является модернизацией и дескрализацией священных начал соборного персонализма северного землеустройства. Мір как духовная целостность, как соборная личность предшествует множеству отдельных своих членов-мірян, собранных воедино, «по Хомякову, отнюдь не общностью интересов, но связью духовной и нравственной, связью общей любви» [9, Хоружий С.С.].

Мір являлся соборным стражем и толкователем-экзегетом священных текстов местного Предания, права и нравственного закона, зеркалом совести, хранителем памяти, блюстителем Меры и Красоты земского Домостроя, созидавшегося в процессе славяно-русской (новгородской) колонизации северных и арктических территорий Поморья по образу и подобию священного землеустройства Господина Великого Новгорода — Дома Святой Софии. Исследуя происхождение и внутренний смысл древнегреческого слова «σοφία», выдающийся русский лингвист В.Н. Топоров отметил, что «это слово и стоящее за ним понятие мифологема» относятся «к числу ключевых и основоположных в европейской и ближневосточной духовной культуре на протяжении последних трёх тысячелетий» [10, с. 148]. Этимологический анализ первоначальной семантической мотивировки слова «софия» позволил В.Н. Топорову выявить её двойственность, которая ориентирует, с одной стороны, «на понятие обособления, выделенности, самости (принцип индивидуализации), а с другой — указывает на включённость в некую общность (процесс генерализации). Оба эти круга значений, как и оба указанных процесса, теснейшим образом связаны с более специальной идеей освоения, превращения не-своего в своё». С первым семантическим кругом ассоциированы слова, обозначающие «особность», «отдельность», «выделенность». Второй круг образован «соборным» словарём («собрание», «сельская община», «дом», «свобода-слобода») [10, Топоров В.Н., с. 160–161].

Выявленная В.Н. Топоровым «семантическая амбивалентность σοφία (или, вернее, упорядоченное чередование друг друга сменяющих смыслов)» [10, с. 167] обусловила, на наш взгляд, двойственность, точнее, двуединство образа св. Софии как знамени и иконы славянорусского колониального (эсхатологического) исхода в полуночные страны мистического Северо-Востока и структурной парадигмы устройства (творения) нового міра, которая порождала, с одной стороны, мужественный пафос героического мифа и ритуала освоения,

обособления, разделения, рассечения водно-лесного хаоса пространства «финской Руси» (А. Блок), а с другой — женственную космогоническую символику собирания миро- и домостроительства. Семантическая «двузначность» лексемы и мифологемы «София» переключается с двумя богословскими и иеротопическими традициями восприятия Церкви в русских землях: «Одна в большей степени ощущала Церковь как Тело Христово и в акте создания храма Премудростью акцентировала образ Премудрости-Христа. Вторая воспринимала Церковь как Богородицу, утробу, вместившую Христа, защиту, ограду; в стихе “Премудрость созда себе дом” эта традиция сосредотачивала внимание на образе Дома-Богородицы. Первая, новгородская, создала глубокий культ храма св. Софии. Вторая, восходившая к древнему Киеву и развивавшаяся в Северо-Восточной и затем Московской Руси, почитала прежде всего богородичные церкви» [11, Плюханова М.Б., с. 503].

Сакральная география софийских и богородичных (успенских) храмов соплагается с колониальной (освоенческой) географией Верхней и Нижней Руси, священные центры которых явились исходными локусами (метрополиями) двух потоков («верховской»-новгородской и «низовской»-ростовской) колонизации Поморья, развёртывавшихся под путеводными иконами-образами Святой Софии Премудрости Божией и Успения Пресвятой Богородицы.

Одним из первооткрывателей-первопроходцев сакральной географии святого царства Северной Фиваиды явился известный русский этнограф и бытописатель С.В. Максимов, который не только создал иеротопическую карту островных монастырей северной Руси, но и воссоздал символические пути и перепутья русского освоения земноводных просторов Севера и Арктики, начертав эсхатологический путь-исход пространственной иконы храма св. Софии из Царьграда в первую столицу Сибири — Тобольск, где «сохраняется храм Святой Софии в наглядное доказательство прямой связи и зависимости колонизации по отдалённому приему от византийской через киевскую и полоцкую и по ближайшему и родному через Софию вологодскую и соликамскую от Новгорода, который по древней пророческой народной пословице только “там, где Святая София”» [12, Максимов С.В., с. 289]. Софийская символика пронизывала и сакральное пространство столицы Русского Севера — Архангельска, древнейшим храмом которого, по свидетельству С.В. Максимова, являлся Спасо-Преображенский собор: «По обычаю всех новгородских поселенцев, не имеющему нигде исключения, и в противоположность встречной колонизации, шедшей по Оке и её притокам с храмами “Пречистой”, первая русская церковь нового города посвящена Спасу (Преображения), также с неизбежным и обязательным для всего русского севера приделом Николы» [12, с. 304]. Образ новгородской Софии роднит «спасо-преображенский» Архангельск с «успенской» Вологдой, главным храмом которой был Софийский Успенский собор, «её Спас (Спас потому, что храмы, называвшиеся Софийскими, посвящались Ипостасной Премудрости, то есть Второму Лицу Святой Троицы)» [12, с. 286].

В сакральном пространстве Верхней и Нижней Руси софийские и успенские соборы в их женственной (богородичной) ипостаси «дополнялись» храмами во имя Архангела Михаила и вмч. Георгия Победоносца с их мужественной символикой воинского подвига, путеводительства и змееборчества, в которых распознаются типологические схождения с космогоническими (землеустроительными) мотивами и схемами «основного мифа» о борьбе Громовержца с его противником (Змеем), из рассечённого жертвенного тела которого развёртывается (собирается) новый Мир. «Сами храмы, особенно София, будучи воспроизведением византийских образцов, сохраняли сложный богословско-символический смысл идей и образов Премудрости и змееборчества как двух начал, которыми устраивается и оберегается христианский мир» [13, Плюханова М.Б., с. 228].

Если верховская колонизация создала иеротопическую симфонию софийного собора Спасо-Преображения и монастырского храма архангела Михаила в столице северного Поморья — Архангельске, насыщая и просветляя геокультурное пространство Севера и Арктики преображенной символикой Фаворского света и эсхатологического поединка Архистратига небесных сил с мировым змеем-драконом на краю времени и пространства, то низовской освоенческий поток, исходивший из Ростова Великого, был ознаменован возведением символического ансамбля соборной Успенской церкви и Михайло-Архангельского монастыря в Великом Устюге — столице южного Поморья, ставшего уделом Пресвятой Богородицы. «Отсюда традиция посвящать различным областям Руси или православного мира Образы Пречистой Девы Богородицы, которые в русской традиции называются по имени местности — Тихвинская, Казанская, Смоленская, Феодоровская, Иверская, Владимирская и т.д. Пространство мира упорядоченно этими священными образами, создающими из материального пространства нематериальное, из обычного пейзажа — небесную землю. Это не просто проявление женского начала в христианском контексте, это трансформация, пресуществление земного, телесного в горнее и сакральное, в структуру Святой Руси» [14, Дугин А.Г., с. 384].

Метафизика соборного строя земского самоуправления на Русском Севере явлена в образе Троицы как ключевом концепте-термине православной триадологии (тринитарного богословия) и русской религиозно-философской мысли, в умозрениях и созерцаниях которой число «три» и парадигма троичности («триединства») утверждались в качестве «наиболее общей характеристики бытия» [15, Флоренский П., с. 596]. В.Н. Топоров, развивавший традиции отечественной историософии и православной агиологии, раскрыл тринитарную структуру идеационного геософского кода «Русского мира», запечатлённую в основоположных категориях и идеях-концепциях, ставших «своеобразными идеологическими знаками» русской жизни (святость и священство, царство, земство-мир) [16, Топоров В.Н., с. 440]. Рассматривая взаимоотношения трёх фундаментальных идей-концептов русской картины мира, В.Н. Топоров отмечает, что «среди них особо следует выделить: 1) связь святости, царства и земства с трёхфункциональной схемой, исследованной Дюмезилем; 2) доминирующее положение святости в этой схеме; 3) невозможность ограничения священного только святостью

sensu stricto, присутствие его и в царстве и в земстве; 4) «священный» характер всего этого трёхчленного космоса русской жизни — святости, царства, земства» [17, Топоров В.Н., с. 189].

Севернорусское земство как малый мир (микрокосм) подобно большому миру — священному макрокосму русской жизни — воплощало в своей организации соборный первообраз Троицы и устроилось по законам Божественного Домостроительства и мирской софийной эстетики земного Домостроя, основанного на сокровенной геопозитической и иеротопической заповеди «как Мера и Красота скажут». Тернарная структура и символика северного мира, запечатлённая в изящной тринитарной формуле С.В. Юшкова («Мир един, но троичен в своих проявлениях») [3, Юшков С.В., с. 10], манифестированы в трёх его аспектах-ипостасях (церковный приход, волость, община), которые отображены как в архитектурно-ландшафтной композиции трёхчастного храмового ансамбля погоста, так и в триаде concentрических функционально-семантических сфер, различающихся степенью и качеством своей сакральности. В круге первом, очерчивающем силовое поле центра мира, располагаются знаковые места и объекты (погост, церковь, часовня, крест), обладающие наивысшей степенью сакральности. Второй круг образован «околоцерковным» (мирским) пространством, включающим церковную трапезу (место проведения мирских сходов-собраний, пиров-братчин, хранилище мирского архива, казны, пивного котла, палата мер и весов), притвор, паперть-крыльцо (место пребывания нищих, оглашенных и кающихся) и рыночную (ярмарочную) площадь — своеобразную севернорусскую земскую «агору». В круге третьем, составляющем хозяйственно-промысловую периферию священного космоса северного мира, располагаются как сугубо технологические объекты и пространства с низким семиотическим статусом (хозяйственный дворы, амбары, мельницы, поля, промысловые пути и уголья), так и локусы, наделённые мощной негативной («нечистой») семантикой сакрального центра «языческого» антимира, где обитают хромые боги подземного огня — кузнецы архаической мифологии (баня, овины, кузницы), который в геопозитике славянорусского мифа и ритуала противопоставляется топосу православного храма (церкви), что позволяет гипотетически усмотреть типологические схождения между бинарной семантической оппозицией христианского и «языческого» центров северного мира и биполярной организацией сакрального пространства древнегреческого полиса, в генезисе которого важную роль «сыграло основание крупных святилищ на границах полисной хоры, на самой что ни есть “периферии”. Такое святилище <...> служило сакральному “освоению” удалённого пространства, между ним и святынями города устанавливались незримые связи, возникало некое “силовое поле”, сакрализующее в идеале всю территорию полиса» [18, Суриков И.Е., с. 184].

Основание новых миров (земств) на землях иноприродного, инородческого и иноверческого Севера вписывалось в сюжет освоенческого переходного обряда, предполагавшего перенесение средоточных сакральных атрибутов и ценностей (образов, парадигм) метрополии («старого» Новгорода) на новое место, которое превращалось в «новый» («старый»)

Новгород с его вечевым «семисоборным» укладом, что перекликается с доместикационным ритуалом Великой греческой колонизации, в процессе развёртывания сюжета которого священный храмовый огонь метрополии переносился (перевозился) в выводимую колонию и возжигался вновь в святилищных и домашних очагах богини Гестии, в священном имени которой слита воедино «о-своительная» семантика «своего» («хозяйки») и «чужого» («госты»). В славяно-русской традиции переходный обряд освоения «чужого» нового пространства (дом, погост, селище) и превращения его в своё родное пространство «старого» местожительства сопровождался переносом на новое место сакральных образов (икон) и каких-либо атрибутов, связанных с очагом-печью «старой обители».

Сотворение нового мира начинается с космогонического акта воздвижения в его богоизбранном священном центре креста, возведения часовни или храма, который, по представлениям мирян, становится обителью, домом того святого, во имя которого освящена «земская» церковь. В традиционной севернорусской народной религиозности помещаемый в храм святой становится, говоря современным языком, «юридическим лицом», собственником церковного строения и церковной земли, обретает статус своего, мирского, земского бога, с которым миряне вступают в договорные отношения, заключают с ним ряд соглашений: «В глазах людей того времени владельцем имущества, субъектом права на него являлся не приход, а самый храм, в котором с непонятною уже нам теперь живостью воображения олицетворялся и с которым отождествлялся тот святой, чьё имя храм носил» [19, Богословский М., с. 36]. Представления о реальном присутствии Бога в мирской церкви отразились в самом формуляре крестьянских рядных грамот и актов, где в качестве юридического лица указывается не сам храм, а имя святого. Идея пребывания Бога в тех или иных сакральных сооружениях или предметах нашла отражение и в народном именовании икон «богами» [20, Успенский Б.А., с. 118]. Поэтому земцы на Русском Севере не только возводили храмы-дома для своих богов, но имели и своих «иконных богов». Представление о своём земском боге, присутствующем в мире и соучаствующем в его земном соборном делании прекрасно выразил великий русский писатель Н.С. Лесков, который в своём житийно-сказовом повествовании о православном освоении и просвещении земель и народов северного «Края Света», эксплицировал ключевую идею (образ) русского народного («наивного») богословия: «Я более всяких или всех представлений о Божестве люблю этого нашего русского Бога, который творит себе обитель “за пазушкой”» [21, Лесков Н.С., с. 417].

На Руси иноземцы и инородцы «русским богом» именовали святителя Николая — покровителя мореходов и землепроходцев, североморский освоенческий путь которых ознаменован в сакральной лоции Студеного моря-океана путеводной чередой никольских храмов Поморья («От Холмогор до Колы — тридцать три Николы»).

Земские миры имели не только своего «запазушного» бога, но и своих священников-попов, избираемых и приглашаемых мирским сходом на приход для служения Богу и миру. Выдающийся русский писатель, философ, богослов, исследователь народной религиозности

и церковной старины Святой Руси С.Н. Дурылин, предпринявший ряд академических экспедиций и духовных хождений на Русский Север, где, по его «мифомыслительному» слову, «тихий ангел пролетел над землёю и водами — и утихло раз навсегда злое мирское волнение», — живописал в своём полевом дневнике проникновенную соборную всемирность служения местных, своих, земских попов: «И какие здесь попы! Всей бы России таких: он и пахарь, он и косец, он и ловец, он и гребец, он “свой” — свой не только мужику, он и скотинке свой, и озеру свой, ярко цветной северной пошне свой, а уж храму столетнему деревенскому, кондовому, с древними иконами, со скрипучей тяжёлой дверью, с Николой Можайским, всяческим заступником — он из своих-то свой» [22, Агеева Е.А., с. 8].

Свой земский бог, свой земский батюшка и свой земский храм выстраивали незримый духовный оплот мира, выступали священными стражами его соборного порога, оберегавшего земское всеединство в «смутные времена» природных и социальных потрясений и нестроений (эпидемии, эпизоотии, неурожай, голодоморы, пожары, войны и т. д.), для преодоления которых совершался обряд строительства «обыденного» храма (часовни или церкви) с жёстко регламентированной иеротопической программой, устанавливающей временные рамки ритуала (один день); состав участников (всем миром); строжайшее соблюдение всех этапов и деталей технологического строительного цикла [23].

Традиция обыденного храмоздательства укоренена в севернорусском земском иеротопическом творчестве («художестве изящных мастеров» Бориса Шергина) и составляет самобытную отрасль «умозрения в дереве», превратившего Русский Север в заповедный целостный «Спасо-обыденный» деревянный храмовый ансамбль, собирающий и сберегающий всеединство Русского Мира.

В мифопоэтических преданиях о строительном обряде «Спасо-обыденных» храмов изображается соборный «всеградский», «всемирский», «вселенский» характер обетного храмоздательского священнодействия на Русском Севере, социокультурное и религиозное пространство которого устроялось на мощном фундаменте народного самоуправления (земства — мира), способного к мгновенной мобилизации, к предельной концентрации своих духовных, душевных и телесных сил для собирания распавшегося космического всеединства.

Метафизика обыденного храмоздательства занимала важное место в церковно-археологических разысканиях и богословско-философском наследии русского мыслителя-космиста Н.Ф. Фёдорова. Храмовая иеротопия и символика воплощала ключевые идеи и философии его космического видения «Общего Дела», построенного по заповедям преподобного Сергия Радонежского — строителя «храма нераздельной, неслиянной Троице, как образца единоподушия и согласия животворящего» [24, Федоров Н.Ф., с. 17].

Возведение обыденного храма всем миром в течение одного дня знаменовало воскресение (собрание) из небытия смутных времён целостного соборного тела малого и большого Мира, обращало народное («наивное») богословие к постижению премудрости и софийной красоты «Общего Слова» (со-гласия) и «Общего Дела» (со-трудничества), ставшего

ключевым концептом (символом) проекта «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера», инициированного Благотворительным фондом возрождения храмов Отечества и поддержанного Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом. Проект, направленный на сохранение и восстановление деревянных храмов Русского Севера, возрождает не только материальные предметные знаки сакрального зодчества, но и самый дух северной земской традиции, собирающей воедино всех добровольных восстановителей храма, который становится точкой сборки их «поновлённого», преображённого мира-земства, создавшего в Поморье, по словам одного из идейных отцов-основателей движения «Общего дела» — протоиерея Дмитрия Смирнова, «замечательную деревянную цивилизацию»¹.

Неслучайно поэтому идея проекта добровольческого движения «Общего дела» зародилась у его руководителя — настоятеля московского храма преподобного Серафима Саровского, протоиерея Андрея Яковлева в бытность его в поморской деревне Ворзогоры, основанной в XVI в. на красивом «горнем» берегу Онежской губы Белого моря, после его встречи с местным старожилом, который на протяжении многих лет в одиночку поддерживал разрушающийся деревянный храмовый ансамбль-тройник, бывший некогда священным центром Ворзогорской волости. Отсюда, из Онежского Поморья развернулось широкое добровольческое движение «Общего дела», включившего в свои возрожденческие программы храмовое наследие «деревянной цивилизации» Русского Севера. 21 августа 2019 г. Ворзогоры посетил Святейший Патриарх Кирилл, который «высоко оценил работу добровольцев по восстановлению деревянных церквей Русского Севера, отметив, что храм является центром духовной жизни»². Подвижническая деятельность по православному освоению (освящению) арктических территорий и акваторий Северного макрорегиона в рамках патриаршего проекта «Русская Арктика» осуществляется в Нарьян-Марской и Мезенской епархии, возглавляемой Владыкой Иаковом, который по благословению Святейшего Патриарха Кирилла освятил самый северный храм во имя святителя Николая на острове Александры архипелага Земля Франца Иосифа, Северный Полюс Земли и Северный морской путь. На островах архипелага Новая Земля были воздвигнуты Патриаршие восьмиметровые поклонные кресты, и на сакральной карте Арктики появился остров Патриарший.

По словам Владыки Иакова, которого неофициально именуют «Владыкой Арктики», «епископом всея Арктики и Антарктики» (Владыка освящал первый православный храм в Антарктиде), «важно понимать, что в обосновании и реализации государственной стратегии развития Русской Арктики Церковь, наша епархия занимает особое место. Иван III послал в Заполярье “великую рать” не случайно — на фундаменте, основанном учениками и последователями преподобного Сергия, он созидал Северную Фиваиду. И в первосвятительском

¹ 25 марта прошла V научно-практическая конференция по проблемам сохранения и реставрации памятников деревянного зодчества «Возрождение деревянных храмов Русского Севера». URL: <https://bogoslav.ru/event/4880870> (дата обращения: 05.07.2022).

² Святейший Патриарх Кирилл осмотрел деревянные храмы в деревнях Ворзогоры и Подпорожье Архангельской области. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5488611.html> (дата обращения: 05.07.2022).

слове посетившего в этом году нашу епархию Святейшего Патриарха Кирилла слышится отзвук именно той, идущей из глубины веков духовной доминанты русского присутствия здесь, на Севере»³.

Вся идеосфера и концептосфера геокультурного пространства Русского Севера, его священного тезауруса развернуты в соборном природно-культурном ансамбле Кенозерного национального парка, сберегающего и развивающего многовековую мироустроительную традицию северных социумов. Кенозерье — это признанная творческая методологическая школа и заповедная парадигма сохранения и приумножения традиционного опыта местного (земского) самоуправления как ключевой землеустроительной идеологии и аксиологии стратегии пространственного развития малых исторических городов и сельских территорий Северного макрорегиона, с опорой на сакральное нематериальное культурное наследие Русского Севера (Поморья).

Список источников

1. Боков А.В. О стратегии пространственного развития // Теория и история архитектуры. 2018. № 4. С. 13–37.
2. Сельский священник. Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии. Архангельск: Типо-литография наследников Д. Горяйнова, 1916. 20 с.
3. Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1913. 137 с.
4. Дворниченко А.Ю. Земская и государственная традиции в истории дореволюционной России // История. Мир прошлого в современном освещении / Под ред. А.Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 459–474.
5. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 8–54.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2004. 992 с.
7. Шмелев А.Д. В поисках мира и лада // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 110–129.
8. Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере. Т. 1. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1909. 435 с.
9. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. Санкт-Петербург: Алетейя, 1994. 447 с.
10. Топоров В.Н. Ещё раз о др.-греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. Москва: Наука, 1980. С. 148–173.
11. Плюханова М.Б. О традициях софийских и успенских церквей // Лотмановский сборник. Т. 2. Москва: Издательство О.Г.И. РГГУ, 1997. С. 483–510.
12. Максимов С.В. По Русской земле. Москва: Советская Россия, 1989. 526 с.
13. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург: Акрополь, 1995. 336 с.
14. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Геософия: горизонты и цивилизации. Москва: Академический проект, 2017. 476 с.

³ Как на карте Арктики появился Патриарший остров. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5374538.html> (дата обращения: 05.07.2022).

15. Флоренский П. Заметки о троичности // Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Москва, 1914. С. 593–599.
16. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. Москва: «Гнозис» — Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
17. Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *Svet // Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б.А. Успенский. Москва: Наука, 1987. С. 184–252.
18. Суриков И.Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе / Отв. ред. Е.А. Мельникова. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2006. С. 181–186.
19. Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 2. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1912. 385 с.
20. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва: Издательство Московского университета, 1982. 248 с.
21. Лесков Н.С. На краю света // Лесков Н.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Москва: Правда, 1981. С. 404–468.
22. Агеева Е.А. Водлозеро в записях С.Н. Дурылина в июле-августе 1917 года // Рябининские чтения — 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. С. 6–8.
23. Теребихин Н.М. Ритуалы природных и социальных катастроф в традиционной ментальной экологии и этномедицине Русского Севера // Экология человека. 2016. № 8. С. 21–25.
24. Фёдоров Н.Ф. Из посмертных рукописей // Путь. 1929. № 18. С. 3–24.

References

1. Bokov A.V. O strategii prostranstvennogo razvitiya [The Strategy of Spatial Development]. *Teoriya i istoriya arkhitektury* [Architecture and Modern Information Technologies], 2018, no. 4, pp. 13–37.
2. *Sel'skiy svyashchennik. Drevnerusskiy prikhod i ego perezhitki v tserkovno-obshchestvennoy zhizni Arkhangel'skoy eparkhii* [Village Priest. Old Russian Parish and Its Remnants in the Church and Public Life of the Arkhangelsk Diocese]. Arkhangelsk, Tipo-litografiya naslednikov D. Goryaynova Publ., 1916, 20 p. (In Russ.)
3. Yushkov S.V. *Ocherki iz istorii prikhodskoy zhizni na Severe Rossii v XV–XVII vv* [Essays on the History of Parish Life in the North of Russia in the 15th–17th Centuries]. Saint Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1913, 137 p. (In Russ.)
4. Dvornichenko A.Yu., ed. *Zemskaya i gosudarstvennaya traditsii v istorii dorevolyutsionnoy Rossii* [Zemskaya and State Traditions in the History of Pre-Revolutionary Russia]. In: *Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii* [History. The World of the Past in Modern Illumination]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 459–474. (In Russ.)
5. Surikov I.E. Grecheskiy polis arkhaischeskoy i klassicheskoy epokh [Greek Polis of the Archaic and Classical Eras]. In: *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [Antique Polis. Course of Lectures]. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 8–54. (In Russ.)
6. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 992 p. (In Russ.)
7. Shmelev A.D. V poiskakh mira i lada [In Search of Peace and Harmony]. In: *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 110–129. (In Russ.)
8. Bogoslovskiy M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe. T. 1* [Zemstvo Self-Government in the Russian North. Vol. 1]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1909, 435 p. (In Russ.)
9. Khoruzhiy S.S. *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After the Break. Ways of Russian Philosophy]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1994, 447 p. (In Russ.)

10. Toporov V.N. *Eshche raz o dr.-grech. ΣΟΦΙΑ: proiskhozhdenie slova i ego vnutrenniy smysl* [Once Again about Ancient Greek ΣΟΦΙΑ: The Origin of the Word and Its Inner Meaning]. In: *Struktura teksta* [Structure of the Text]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 148–173. (In Russ.)
11. Plyukhanova M.B. O traditsiyakh sofiyskikh i uspenskikh tserkvey [On the Traditions of the Sofia and Uspenie Churches]. In: *Lotmanovskiy sbornik. T. 2* [Lotman Collection. Vol. 2]. Moscow, Russian State University For The Humanities Publ., 1997, pp. 483–510. (In Russ.)
12. Maksimov S.V. *Po Russkoy zemle* [On the Russian Land]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989, 526 p. (In Russ.)
13. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvol'y Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of the Muscovite Kingdom]. Saint Petersburg, Akropol Publ., 1995, 336 p. (In Russ.)
14. Dugin A.G. *Noomakhya: voyny uma. Geosofiya: gorizonty i tsivilizatsii* [Noomachy: Wars of the Mind. Geosophy: Horizons and Civilizations]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017, 476 p. (In Russ.)
15. Florenskiy P. Zametki o troichnosti [Notes on Trinity]. In: *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [Pillar and Affirmation of Truth. Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, 1914, pp. 593–599. (In Russ.)
16. Toporov V.N. *Svyatost' i svyaty v russkoy dukhovnoy kul'ture. T. 1. Pervyy vek khristianstva na Rusi* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Vol. 1. The First Century of Christianity in Rus']. Moscow, "Gnozis" — Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1995, 875 p. (In Russ.)
17. Toporov V.N. Ob odnom arkhaiskom indoevropeyskom elemente v drevnerusskoy dukhovnoy kul'ture — *Svet [About One Archaic Indo-European Element in Ancient Russian Spiritual Culture — *Svet]. In: *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of Culture and Problems of Translatability]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 184–252. (In Russ.)
18. Surikov I.E. Kategoriya sakral'nogo v prostranstvennoy modeli antichnogo grecheskogo polisa [The Category of the Sacred in the Spatial Model of the Ancient Greek Polis]. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: vospriyatie, modelirovanie i opisanie prostranstva v antichnoy i srednevekovoy literature* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: Perception, Modeling and Description of Space in Ancient and Medieval Literature]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAS Publ., 2006, pp. 181–186. (In Russ.)
19. Bogoslovskiy M. *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v XVII v. T. 2* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the 17th Century. Vol. 2]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1912, 385 p. (In Russ.)
20. Uspenskiy B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: (Relikty yazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo)* [Philological Research in the Field of Slavic Antiquities: (Relics of Paganism in the East Slavic Cult of Nicholas Mirlikiyskiy)]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1982, 248 p. (In Russ.)
21. Leskov N.S. Na krayu sveta [On the Edge of the World]. In: *Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 1* [Collection of Works in Five Volumes. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1981, pp. 404–468. (In Russ.)
22. Ageeva E.A. Vodlozero v zapisyakh S.N. Durylina v iyule-avguste 1917 goda [Vodlozero in the Notes of S.N. Durylin in July–August 1917]. In: *Ryabininskie chteniya — 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabininskyye Readings — 2015. Proc. 7th Conf. on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, Maks-Print Publ., 2015, pp. 6–8. (In Russ.)
23. Terebikhin N.M. Ritualy prirodnykh i sotsial'nykh katastrof v traditsionnoy mental'noy ekologii i etnomeditsine Russkogo Severa [Rituals of Natural and Social Disasters in Traditional Mental Ecology and Ethnomedicine of the Russian North]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2016, no. 8, pp. 21–25.
24. Fedorov N.F. Iz posmertnykh rukopisey [From Posthumous Manuscripts]. *Put'*, 1929, no. 18, pp. 3–24.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022;
принята к публикации 03.08.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 286–292.
Обзорная статья
УДК [94+91]:004(985)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.286

Проект «Устная память Арктики» как аудиовизуальный ресурс по истории изучения и освоения Арктики *

Филин Павел Анатольевич^{1, 2✉}, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

¹ Центр арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

² Музейно-выставочный центр технического и технологического освоения Арктики, пер. Гривцова, 1/64, лит А, Санкт-Петербург, 190000, Россия

¹ arcticmuseum@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3965-6694>

Аннотация. Исследовательская группа Арктического музейно-выставочного центра, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН во взаимодействии с Ассоциацией «Морское наследие» и медиагруппой Морского технического колледжа в Санкт-Петербурге реализуют проект «Устная память Арктики», поддержанный Фондом президентских грантов. Проект подразумевает создание открытого Интернет-ресурса <https://arcticmemory.ru/> с видеозаписями устных историй известных российских полярников. Статья посвящена итогам и опыту реализации данного проекта, который находится на стыке журналистики (популяризации), культурной антропологии и истории, представляя самому широкому кругу заинтересованных лиц возможность увидеть и услышать информацию от первого лица — из уст тех, кто лично принимал участие в изучении и освоении Арктики.

Ключевые слова: Арктика, устная память, устная история, память Арктики, наследие Арктики, полярник

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта 21-2-008826 Фонда Президентских грантов «Устная память Арктики».

The Project “Arctic Oral Memory” as an Audiovisual Resource on the History of the Arctic Exploration and Exploitation

Pavel A. Filin^{1, 2✉}, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher

¹ Arctic Research Center, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), ul. Universitetskaya, 3, Saint Petersburg, 199034, Russia

² Museum and Exhibition Center for Technical and Technological Development of the Arctic, ul. Grivtsova, 1/64, lit A, Saint Petersburg, 190000, Russia

¹ arcticmuseum@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3965-6694>

Abstract. The research group of the Arctic Museum and Exhibition Center, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, in cooperation with the Marine Heritage Association and the media group of the Marine Technical College in St. Petersburg are implementing the Arctic Oral Memory project, supported

* © Филин П.А., 2023

Для цитирования: Филин П.А. Проект «Устная память Арктики» как аудиовизуальный ресурс по истории изучения и освоения Арктики // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 286–292. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.286

For citation: Filin P.A. The Project “Arctic Oral Memory” as an Audiovisual Resource on the History of the Arctic Exploration and Exploitation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 286–292. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.286

by the Presidential Grants Fund. The project involves the creation of an open Internet resource <https://arcticmemory.ru/> with video recordings of oral histories of famous Russian polar explorers. The article is devoted to the results and experience of the implementation of this project, which is at the intersection of journalism (popularization), cultural anthropology and history, providing the opportunity to see and hear first-hand information from those who personally participated in the study and development Arctic.

Keywords: *Arctic, oral memory, oral history, Arctic memory, Arctic heritage, polar explorer*

Введение

Устная история (oral history) — это одно из важнейших направлений развития исторических исследований в России и в мире. Проблематика и методология этого направления активно разрабатывалась. Это направление дисциплинарно оформилось во второй половине XX в. и связано с исследованиями таких представителей американской и европейской науки второй половины XX в., как Дж. Эванс, А. Портелли, А. Хейли, Я. Вансина, П. Томпсон, Д. Берто, Л. Нитхаммер, Л. Пассерини и другие [1, Лоскутова М.В.; 2, Ростовцев Е.А.]. В России одним из первых данный концепт стал использовать историк С.О. Шмидт [3]. Начиная с 1990-х гг., в России реализовано значительное число проектов по фиксации и анализу тех или иных аспектов устной истории. Так, большую популярность получили материалы, представленные проектом научной библиотеки МГУ «Устная история», основой которого стал фоноархив филолога и архивиста В.Д. Дувакина (сайт <https://oralhistory.ru/>) [4, Тимофеев Л.И., Пospelов Г.Н.].

В России и в мире существуют проекты, связанные с изучением устной истории народов Арктики. Распространены коллекции устных этнографических источников, например, база данных Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера при Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова (сайт <http://folk.pomorsu.ru/>) или проект «Кочующая память», направленный на изучение устной истории коренных народов Арктики [5, Дудек Ш.]. В Мурманске в середине 2010-х гг. реализовывался проект «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север». На его базе создан Интернет-ресурс <http://cultmemory.ru/> и сформирован ряд коллекций источников, включающих аудиозаписи, мемуары, фотографии. Представленные на сайте материалы являются источником изучения культурного наследия Арктики [6, Терещенко Е.Ю., Федоров П.В.].

Тем не менее, эти проекты посвящены только отдельным спектрам устной истории Арктики. Кроме того, они не предполагают широкой популяризации полученного знания.

Описание проблематики

На наших глазах уходит поколение полярников, которые в советский и постсоветский периоды принимали участие в интенсивном освоении Арктики и Антарктики, они обладают знаниями, компетенциями и жизненным опытом, которые важно зафиксировать и передать будущим поколениям. Это прежде всего участники таких выдающихся и уже не существующих проектов, как дрейфующие станции «Северный Полюс», Высокоширотные воздушные

экспедиции, ледовая авиационная разведка и работа полярной авиации, морские операции, массовое жилищное строительство в Арктике и многое другое. Эпидемия COVID, к несчастью, существенно ускорила этот процесс.

Учитывая, что сейчас развивается новая волна интереса к Арктике, там реализуются масштабные проекты, важно как можно бережнее отнестись к уже накопленному опыту и создать механизмы трансфера знаний и опыта, накопленного поколениями тех, кто исследовал и осваивал Арктику.

Цель проекта — сохранение исторической памяти и информации о полученных компетенциях «от первого лица» — известных российских полярников.

Задачи проекта:

- обеспечение условий для фиксации и трансфера уникальных компетенций и жизненного опыта российских полярников следующим поколениям;
- формирование базы аудиовизуальных источников для дальнейшего историко-антропологического анализа.

Россия обладает уникальным историческим опытом освоения полярных регионов земли. При этом многие явления и эпизоды освоения и изучения остаются «за кадром», не зафиксированы ни в литературе, ни в исследованиях и бытуют лишь в устных рассказах тех, кто принимал участие в этих процессах.

Отметим, что до сих пор не произведена «сборка» послевоенной истории освоения и изучения Арктики, она «расшита» на множество статей и отдельных исследований с многочисленными тематическими лакунами. Кроме того, в отечественной традиции подход к описанию исторических сюжетов сильно деперсонифицирован, как правило действующими лицами в процессе описания становятся лишь лица первого плана. Но даже этим лицам редко даётся право голоса (то, что можно было бы назвать историей от первого лица).

Проект «Устная память Арктики» призван восполнить данный пробел и направлен на формирование ресурса, где были бы представлены жизненные истории полярников, являющиеся составной частью общей истории изучения и освоения Арктики.

Такой подход больше свойствен журналистике и культурной антропологии, где интервьюирование является основным методом получения информации и где мы лично слышим и видим нашего респондента.

Отметим особенность устных историй — зачастую они фиксируют такие аспекты деятельности, которые сложно уловить в письменном тексте. За счёт сплава информации, получаемой как визуально (лицо, мимика, жесты), так и аудиально (собственно словесная информация, а также интонация, тембр и пр.) формируется сложное информационное поле различных смыслов. И такая информация способна формировать глубинное понимание излагаемого материала.

Помимо сохранения исторической памяти, проект направлен на выявление уникальных знаний и компетенций, о которых важно рассказать «от первого лица». Не вызывает со-

мнения, что те, кто непосредственно участвовал в изучении и освоении Арктики и добился в этом успеха, обладают уникальными знаниями и компетенциями, которые важно зафиксировать, изучать и передавать следующим поколениям. Т.е. это проект, который направлен на трансфер знаний и компетенций следующим поколениям.

Методика проекта

Основной метод реализации проекта — это запись видеоинтервью, а в более широком смысле — как этнографический метод. Но не просто как метод «сбора полевого материала», а как деятельность по «созданию источника» [7, Щеглова Т.К.].

В рамках Президентского гранта производится видеозапись 30 известных людей, жизненный путь которых связан с Арктикой.

При отборе полярников мы отталкивались от следующих критериев:

1) Должны быть представлены наиболее важные и крупные группы, выделенные по тематическому признаку. Мы выделили четыре условные группы:

- исследователи (сотрудники различных институтов и учреждений), наблюдатели (на полярных станциях), инженеры и др.;
- хозяйственники (руководители полярных станций, начальники коммунальных служб, управленцы разного уровня);
- участники морских навигаций (судоводители — капитаны, штурманы), моряки, сотрудники портовых служб. Здесь же представители полярной авиации;
- путешественники, популяризаторы полярных регионов.

2) При выборе полярников для видеозаписи принимались во внимание стаж (не менее 20 лет), опыт работы и наличие реальных достижений в сфере своих компетенций.

3) Умение грамотно излагать мысли.

Последний критерий был очень важен, т. к. значительной составляющей проекта является популяризация, которая невозможна без ясной и чётко изложенной мысли. Умение излагать мысль — это также критерий осознанности и качества тех компетенций, которыми обладают наши респонденты.

Отбор полярников для видеоинтервью вёлся в несколько этапов. Инициаторы проекта имеют широкий кругозор и представление о профильных специалистах благодаря тому, что в течение многих лет являются организаторами научно-практической конференции «Полярные чтения» <http://polarconf.ru/>. Эта конференция стала известным в среде специалистов научным проектом. Были привлечены консультанты Полярной комиссии РГО и Ассоциации полярников России, которые также предложили ряд кандидатур.

Далее следовал обзвон предложенных кандидатур с целью выяснения возможности проведения интервью. В условиях пандемии была предложена возможность проведения интервью посредством системы Интернет (в системе Zoom).

После того, как достигалась принципиальная договорённость о проведении интервью, готовилась биографическая справка. На основе базового вопросника и специфики компетенций конкретного респондента составлялся индивидуальный вопросник. При этом базовая последовательность вопросов сохранялась с целью выстраивания некоторой переключки между различными интервью. Так, в интервью мы стремились сохранить временную последовательность изложения (вопросы о становлении личности на жизненном пути, полученном образовании, семье — с переходом к первому знакомству с Арктикой, дальнейшей наработке различных компетенций и жизненного опыта). В завершении просили обозначить главные моменты, о которых хотелось бы сказать более молодым последователям.

Подготовленный вопросник заранее отправлялся респонденту для знакомства и внутренней подготовки к интервью. Запись старались производить в помещениях, которые так или иначе тематически связаны с Арктикой — в Российском государственном музее Арктики и Антарктики, музее Ледокол «Красин», Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте, на действующих ледоколах.

В ходе интервью ведущий, стараясь удерживать общую линию вопросника, тем не менее мог свободно варьировать и придумывать новые или произносить наводящие вопросы с целью поддержания активной беседы. Таким образом, взаимодействие являлось формой полуструктурированного интервью с целью получения глубинной, волнующей респондента информации, которая осмыслялась как важная для передачи потенциальным слушателям в качестве высказанного знания. То есть интервью самим респондентом пропусклось через сито двойной рефлексии: 1) осмысление своего собственного жизненного пути и компетенций на основе вопросника и 2) путём удержания незримой аудитории, на которую направлено интервью: респондента просили выбрать и рассказать то, что, по его мнению, было бы важно передать будущим поколениям.

Продолжительность беседы была индивидуальной и опыт показал, что она практически всегда колеблется от получаса до полутора часов.

Итогом беседы становилась видеозапись (в рамках гранта производилась фирменным оборудованием), которая затем подвергалась незначительной коррекции — удалялись явно выраженные провалы, заминки, которые не влияли на смысловую нагрузку речи. Производился мастеринг записи, ставились титры в начале и в заключении. Помимо длинной записи, по каждому интервью готовился короткий 2–3 минутный ролик с наиболее интересными высказываниями респондента.

Все ролики размещены в сети YouTube на канале Arctic Memory. С помощью функции YouTube под названием «субтитры» интервью были расшифрованы и представлены в виде текстов на сайте и в виде субтитров. При расшифровке мы отталкивались от литературного подхода, удаляя навязчивые слова-паразиты, иногда упрощая высказывания при сохранении смысла высказывания. Наличие субтитров делает потенциально возможным перевод интер-

вью на любые языки, которыми оперирует переводчик Google. Данная функция будет способствовать широкой общемировой популяризации данного контента.

По итогам гранта подготовлен 26-минутный фильм-сборка на основе выборки наиболее интересных высказываний полярников, который представлен в сети Интернет на сайте проекта.

Все базовые материалы — биографии, фото полярников и видеозаписи (видеоссылки на Youtube) размещаются на информационном ресурсе <https://arcticmemory.ru/>. Там же помещаются дополнительные материалы, которые предоставляют по желанию полярники — фотографии, документы, ссылки на статьи и книги.

Выводы и следующие шаги

Разумеется, было бы неверно останавливать проект на записи 30 известных полярников. Очевидно, что проект имеет большой потенциал для развития. Это и расширение географии проекта путём включения специалистов, которые работали не только в Арктике, но и в Антарктике. Перспективным направлением работы является сотрудничество с различными предприятиями, работающими в Арктике, путём организации видеозаписи интервью с их ветеранами.

В условиях ограничений, наложенных пандемией, основной акцент в проекте был сделан на респондентах из Санкт-Петербурга (по месту пребывания инициативной группы проекта). В то же время специалисты, которые работали в Арктике и Антарктике и обладают уникальными компетенциями, есть во всех регионах России, а также за рубежом. Очевидно, что эти группы также постепенно могут быть охвачены проектом. Для расширения географии важно подключать к проекту местные школы и музеи, которые могут организовать взаимодействие с тем или иным полярником и произвести его запись. Важно, что благодаря проекту появился ресурс-агрегатор, на котором можно размещать снятые сюжеты. Существенно облегчает задачу и возможность использования дистанционных методов — проведение интервью с функцией записи через Интернет.

Таким образом, материалы могут быть использованы для целого ряда различных целей: для широкой популяризации и знакомства широкой аудитории с реальными персоналиями, которые внесли вклад в изучение и освоение полярных регионов; для историко-антропологического анализа с целью изучения разнообразных аспектов, таких как повседневность в Арктике, биографии полярников, скрытые и явные причины тех или иных событий и др.; для организации образовательного и воспитательного процесса как путём просмотра роликов, так и путём задействования молодёжи в реализации проекта — участии в видеозаписях, подготовке вопросников и биографий, расшифровке записей.

Полученные материалы являются наглядным, персонифицированным ресурсом, повествующим о вкладе российских полярников в освоение Арктики. Жизненные пути этих людей являются бесценным источником для изучения истории освоения полярных регионов.

Список источников

1. Лоскутова М.В. Введение // Хрестоматия по устной истории / Под ред. М.В. Лоскутовой. Санкт-Петербург. 2003. 396 с.
2. Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 522–545. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.213
3. Шмидт С.О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвящённые памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 1991. С. 262–263.
4. Тимофеев Л.И., Пospelов Г.Н. Устные мемуары. Москва: Издательство Московского университета, 2003. 224 с.
5. Дудек Ш. «Кочующая память» — методологический опыт изучения устной истории коренных сообществ Арктики // Семиотика единства и этнокультурного многообразия исторического пространства Русского Севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 8. Архангельск. 2015. С. 41–53.
6. Терещенко Е.Ю., Фёдоров П.В. Культурное наследие Арктики в новом интернет-ресурсе // Полярные чтения на ледоколе «Красин». Москва, 2016. С. 246–251.
7. Щеглова Т.К. Устная история. Учебное пособие. Барнаул, 2011. 364 с.

References

1. Loskutova M.V. Vvedenie [Introduction]. In: *Khrestomatiya po ustnoy istorii* [Oral History Anthology]. Saint Petersburg, 2003, 396 p. (In Russ.)
2. Rostovtsev E.A. Rossiyskaya nauka ob ustnoy istorii [Oral History in Russian Historiography]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. Saint-Petersburg, 2018, vol. 63, iss. 2, pp. 522–545. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.213
3. Shmidt S.O. Predposylki «ustnoy istorii» v istoriograficheskoy kul'ture Rossii [Prerequisites for “Oral History” in the Historiographic Culture of Russia]. In: *Realizm istoricheskogo myshleniya. Problemy otechestvennoy istorii perioda feodalizma. Chteniya, posvyashchennye pamyati A.L. Stanislavskogo. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Realism of Historical Thinking. Problems of National History of the Period of Feudalism. Readings Dedicated to the Memory of A.L. Stanislavskiy. Abstracts of Reports and Communications]. Moscow, 1991, pp. 262–263. (In Russ.)
4. Timofeev L.I., Pospelov G.N. *Ustnye memuary* [Oral Memoirs]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2003, 224 p. (In Russ.)
5. Dudek Sh. «Kochuyushchaya pamyat'» — metodologicheskiy opyt izucheniya ustnoy istorii korennykh soobshchestv Arktiki [“Wandering Memory” — A Methodological Experience of Studying the Oral History of the Indigenous Communities of the Arctic]. In: *Semiotika edinstva i etnokul'turnogo mnogoobraziya istoricheskogo prostranstva Russkogo Severa. Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury. Vyp. 8* [Semiotics of Unity and Ethno-Cultural Diversity of the Historical Space of the Russian North. Pomor Readings on the Semiotics of Culture. Iss. 8]. Arkhangelsk, 2015, pp. 41–53. (In Russ.)
6. Tereshchenko E.Yu., Fedorov P.V. Kul'turnoe nasledie Arktiki v novom internet-resurse [Cultural Heritage of the Arctic in a New Internet Resource]. In: *Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin»* [Polar Readings on the Krasin Icebreaker]. Moscow, 2016, pp. 246–251. (In Russ.)
7. Shcheglova T.K. *Ustnaya istoriya. Uchebnoe posobie* [Oral History. Tutorial]. Barnaul, 2011, 364 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
принята к публикации 08.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Редакционный совет сетевого издания «Арктика и Север»

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор искусств, научный сотрудник отделения Крайнего Севера, Норвежский институт по изучению культурного наследия
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор социальных наук, заслуженный профессор Лапландского университета (Финляндия), приглашенный профессор САФУ имени М.В. Ломоносова, редактор «Арктического ежегодника»
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор кафедры географии и истории, Университет Восточной Финляндии
7. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), доктор географических наук, доцент кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США
8. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии
9. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США
10. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет
11. Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству и информационной политике, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
12. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт Российской академии наук. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
13. Конышев Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
14. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, научный руководитель Института географии РАН. Почётный президент Русского географического общества. Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001)
15. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала "Арктика и Север", ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
16. Липина Светлана Артировна, доктор экономических наук. Заместитель председателя Совета по изучению производительных сил. Всероссийская академия внешней торговли (СОПС ВАВТ) Минэкономразвития России
17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, советник председателя ФИЦ «Кольский научный центр РАН», научный руководитель Института проблем промышлен-

- ной экологии Севера ФИЦ КНЦ РАН, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
19. Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга». Председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки. Заместитель председателя секции по экономике Совета по Арктике и Антарктике Совета Федерации. Член Президиума Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы
 20. Питухина Мария Александровна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела региональной экономической политики Института экономики КарНЦ РАН, главный научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга ПетрГУ, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений. Петрозаводский государственный университет
 21. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет
 22. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, внешний совместитель кафедры мировой политики МГИМО МИД РФ
 23. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
 24. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России
 25. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России
 26. Фадеев Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор Высшей школы управления и бизнеса, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
 27. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Приказ об утверждении состава редакционного совета
сетевого издания «Арктика и Север» № 266 от 08 апреля 2021 года,
«О внесении изменений в Приказ от 08.04.2022 № 266» от 02 ноября 2022 года

Веб-версия доступна по ссылке: <http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2023. № 50

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна
 Заместитель главного редактора — Зайков Константин Сергеевич
 Ответственный секретарь — Кузнецова Елена Геннадьевна; e-mail: e.g.kuznetsova@narfu.ru
 Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна; e-mail: t.grosheva@narfu.ru
 Художественный редактор (английская версия) — Ковалёва Мария Николаевна;
 e-mail: m.kovaleva@narfu.ru
 Размещение на сайте — Кузнецова Е.Г.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 года
 Учредитель, издатель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
 Адрес учредителя, издателя: Россия, 163002, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17
 Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»
 Электронный адрес редакции: aan@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 21.03.2023

ARCTIC and NORTH, 2023, no. 50

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.
 Deputy Editor-in-chief — Zaikov K.S.
 Executive secretary — Kuznetsova E.G.; e-mail: e.g.kuznetsova@narfu.ru
 Editor — Grosheva T.E.; e-mail: t.grosheva@narfu.ru
 Art editor (English version) — Kovaleva M.N.; e-mail: m.kovaleva@narfu.ru
 Placement on the webpage by E.G. Kuznetsova

Registration certificate Эл No. ФС77-78458 dated June 08, 2020
 Founder, publisher — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
 Address of the founder, publisher: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
 Address for correspondence: “Arctic and North” journal, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
 E-mail address of the editorial office: aan@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on March 21, 2023